ПЕРВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ 100 РУССКИХ ПОЭТОВ XVIII — XX вв.

Мое СТИХОТВОРЕНИЕ...

ПЕРВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ ·100· РУССКИХ ПОЭТОВ XVIII – XX вв.

МОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Приложение к антологии-монографии
«Последнее стихотворение»

Автор-составитель
ЮРИЙ КАЗАРИН

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2011

ББК Ш 6(2-р)–335
П 26

Книга издана при поддержке Министерства культуры и туризма Свердловской области

Научный редактор
доктор филологических наук, профессор Л. Г. Бабенко

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор И. Е. Васильев,
доктор филологических наук, профессор Б. Ю. Норман,
доктор филологических наук, профессор Т. А. Снигирева

П 26 **Первое стихотворение: 100 русских поэтов XVIII–XX вв. Мое стихотворение** : прил. к антологии-монографии «Последнее стихотворение» / авт.-сост. Ю. В. Казарин. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 620 с.

ISBN 978-5-7996-0643-5

Книга включает в себя две поэтические антологии и в целом представляет собой приложение к антологии-монографии «Последнее стихотворение». Антология «Первое стихотворение» содержит в себе ранние стихотворные опыты и ювенильные стихотворения более ста поэтов XVIII–XXI вв., а также краткие биографические сведения об авторах и поэтологическую информацию, касающуюся начального периода творчества каждого из них. Стихи, представленные в антологии «Мое стихотворение», создают поэтологический портрет современного читателя, раскрывают поэтические пристрастия и привязанности человека XX–XXI вв.

Адресована всем, кто любит русскую изящную словесность.

ББК Ш 6(2-р)–335

© Казарин Ю. В., 2011
© Уральский федеральный университет, 2011

ISBN 978-5-7996-0643-5

СОДЕРЖАНИЕ

Первое стихотворение
Предисловие ... 9
Языковая поэтическая способность ... 11
Текстовая способность ... 17
О «поэзии поэзии» ... 29
Описание блока (статьи) антологии ... 35
Источники ... 38

XVIII век
Тредиаковский Василий Кириллович ... 47
Кантемир Антиох Дмитриевич ... 52
Ломоносов Михаил Васильевич ... 55
Сумароков Александр Петрович ... 58
Майков Василий Иванович ... 64
Барков Иван Семенович ... 69
Херасков Михаил Матвеевич ... 75
Державин Гаврила Романович ... 82
Богданович Ипполит Федорович ... 85
Хемницер Иван Иванович ... 88
Радищев Александр Николаевич ... 91
Капнист Василий Васильевич ... 96
Карамзин Николай Михайлович ... 100

XIX век
Пушкин Василий Львович ... 107
Крылов Иван Андреевич ... 111
Козлов Иван Иванович ... 114
Жуковский Василий Андреевич ... 118
Гнедич Николай Иванович ... 123
Давыдов Денис Васильевич ... 127
Глинка Федор Николаевич ... 134

Батюшков Константин Николаевич 138
Вяземский Петр Андреевич 144
Грибоедов Александр Сергеевич 149
Раевский Владимир Федосеевич 159
Рылеев Кондратий Федорович 163
Мятлев Иван Петрович 167
Бестужев Александр Александрович 172
Дельвиг Антон Антонович 176
Пушкин Александр Сергеевич 181
Баратынский Евгений Абрамович 187
Одоевский Александр Иванович 192
Языков Николай Михайлович 198
Тютчев Федор Иванович 205
Хомяков Алексей Степанович 212
Полежаев Александр Иванович 218
Веневитинов Дмитрий Владимирович 223
Павлова Каролина Карловна 226
Бенедиктов Владимир Григорьевич 229
Кольцов Алексей Васильевич 232
Лермонтов Михаил Юрьевич 238
Ершов Петр Павлович 242
Толстой Алексей Константинович 248
Полонский Яков Петрович 252
Фет Афанасий Афанасьевич 255
Некрасов Николай Алексеевич 261
Григорьев Аполлон Александрович 265
Плещеев Алексей Николаевич 270
Курочкин Василий Степанович 274
Случевский Константин Константинович 280
Апухтин Алексей Николаевич 283

Соловьев Владимир Сергеевич 287
Фофанов Константин Михайлович 290

XX век

Анненский Иннокентий Федорович 297
Сологуб Федор 301
Гиппиус Зинаида Николаевна 304
Бунин Иван Алексеевич 306
Кузмин Михаил Алексеевич 310
Волошин Максимилиан 313
Коневской Иван 317
Белый Андрей 321
Блок Александр Александрович 325
Садовской Борис Александрович 329
Комаровский Василий Алексеевич 333
Клюев Николай Алексеевич 336
Парнок София Яковлевна 339
Хлебников Велимир 341
Гумилев Николай Степанович 344
Ходасевич Владислав Фелицианович 347
Северянин Игорь 351
Нарбут Владимир Иванович 354
Ахматова Анна Андреевна 358
Пастернак Борис Леонидович 361
Мандельштам Осип Эмильевич 365
Адамович Георгий Викторович 371
Цветаева Марина Ивановна 375
Маяковский Владимир Владимирович 379
Шенгели Георгий Аркадьевич 382
Иванов Георгий Владимирович 385

Есенин Сергей Александрович 389
Багрицкий Эдуард Георгиевич 393
Антокольский Павел Григорьевич 398
Тихонов Николай Семенович 401
Олейников Николай Макарович 405
Набоков Владимир Владимирович 409
Вагинов Константин 413
Ушаков Николай Николаевич 416
Заболоцкий Николай Алексеевич 420
Введенский Александр Иванович 426
Хармс Даниил 432
Кирсанов Семен Исаакович 435
Тарковский Арсений Александрович 439
Кедрин Дмитрий Борисович 442
Корнилов Борис Петрович 445
Штейнберг Аркадий Акимович 449
Петровых Мария Сергеевна 453
Чиннов Игорь Владимирович 456
Васильев Павел Николаевич 459
Твардовский Александр Трифонович 463
Елагин Иван 467
Глазков Николай Иванович 470
Слуцкий Борис Абрамович 474
Самойлов Давид 478
Рубцов Николай Михайлович 483
Решетов Алексей Леонидович 486
Бродский Иосиф Александрович 490
Рыжий Борис Борисович 498
Мое стихотворение 503

ПЕРВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Только поэзия способна установить
такой порядок вещей, который одинаково
подчиняется и воздействию внешнего мира,
и внутренним законам поэтического естества.

Ш. Хини

Поэзия мыслей более доступна каждому,
нежели поэзия звуков –
или, лучше сказать, поэзия поэзии.

Н. Гоголь

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если последнее стихотворение – это языковой и культурный факт духовного мужества, то первое стихотворение является началом антропологического, лингвокультурного и духовного становления и возмужания.

После выхода в свет антологии-монографии «Последнее стихотворение» один из моих друзей-литераторов спросил меня: «А не сделать ли тебе антологию первого стихотворения?» Логика ретроспективного отношения к материалу очевидна: от последнего – к первому. Однако я должен признаться, что возможность написания антологии первого стихотворения оформилась в замысел еще до начала работы над предшествовавшей антологией. Правда, меня тогда, 15 лет назад, останавливало такое серьезное соображение: последнее стихотворение – это факт не столько биографический, сколько социальный, издательский, культурный, вообще литературный, тогда как первое стихотворение – это явление прежде всего личностное, антрополингвистическое, одновременно и потайное, и случайное (все в детские годы пишут!), и даже – зачастую – необязательное. Если существование последнего стихотворения – факт общедоступный в силу эсхатологического интереса любителей поэзии, то первое стихотворение – это чаще всего или тайна, или текст, прочириканный, пропетый ребенком, как птичкой. Пойди найди его!

Тем не менее академические издания поэзии, поэтологические, литературоведческие и биобиблиографические исследования почти всегда фиксируют и представляют ранние (детские, юношеские и т. п.) опусы поэтов. Естественно, реальное первое стихотворение (как и реальное последнее) остается в памяти и сознании автора как недописанное и ненаписанное произведение. Онтологически первое и последнее стихотворения представляются мне как метатекст: метапредтекст (первое стихотворение) и метапослетекст (последнее стихотворение). Первое живет и функционирует в языковой поэтической

личности имплицитно (скрытно), являясь основой и своеобразным источником многих текстов, в том числе и последнего; а последнее, так и не записанное, ненаписанное, но думаемое и чувствуемое автором, – умирает, не став материальным результатом, уходит вместе с автором (в ноосферу?!), но не исчезает бесследно, так как все-таки проявляется прежде всего в парадигме текстов последнего стихотворения и предчувствуется и ощущается профессиональным читателем в целостной языковой и художественной картине мира и на динамической карте бессмертной (в рамках культуры) поэтической личности, продолжающей существовать в живущем творчестве умершего поэта.

Первое стихотворение – это материальный знак качества и количества таланта, языковой способности и поэтической потенции. Физическое отсутствие первого стихотворения, как правило, восполняется парадигмой ранних текстов того или иного автора. Поэтому первое стихотворение – термин в достаточной степени неопределенный и многозначный: выделяются такие виды первого стихотворения, как:

а) реально, физически и хронологически первое стихотворение;

б) первое письменно зафиксированное стихотворение;

в) первое опубликованное стихотворение;

г) первое стихотворение, открывающее академическое полное собрание текстов того или иного автора;

д) стихотворение, признанное автором в качестве первого;

е) стихотворение, признанное близкими поэта, биографами и т. п. в качестве первого;

ж) первое «настоящее», подлинно талантливое стихотворение.

Перечисленные виды текстов составляют **парадигму первого стихотворения**.

Поэтому в антологии «Первое стихотворение» представляется прежде всего парадигма этого универсального текста. Ювенильный период творчества любого поэта интересен тем, что в нем представлены практически все приметы и признаки поэтолекта (индивидуального языка и поэтики того или иного автора): идиостиль, идиоматика, вообще идиолектика активируется в ранних, ювенильных текстах. И в данном случае крайне актуальным оказывается рассмотрение такого яв-

ления, как языковая (а реально – поэтическая) способность. Поэтому собственно антологию как собрание ювенильных (правда, не всегда ювенильных, точнее – ранних) стихотворений предваряет небольшой очерк, включающий в себя описание антрополингвистической категории языковой способности как ядерного, центрального компонента языковой поэтической личности (система языковой поэтической личности была рассмотрена в теоретической части антологии-монографии «Последнее стихотворение»). Кроме того, данный очерк содержит в себе способы представления текстового материала, или авторские парадигмы первого стихотворения.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ СПОСОБНОСТЬ

Тайна личности, ее единственности, никому не понятна до конца. Личность человеческая более таинственна, чем мир. Она и есть целый мир.

Н. А. Бердяев

Поэтический талант, как и талант любого другого качества, – явление загадочное. И. В. Гете, по словам И. П. Эккермана, «не довольствовался словом “талант” и вместо такового употреблял “природа”, чем, видимо, хотел выразить нечто более всеобъемлющее, пророчески-суровое, шире и глубже охватывающее мир»[1]. Талант – явление объективное, природное, появляющееся и существующее по причинам различного характера: наличие таланта (поэтического, в частности) предопределено факторами внешними (мир, социум, бытие) и внутренними (генетическими, биологическими, физическими, ментальными и т. д.). Одним из ведущих факторов внутренней антропологической природы является то или иное качество языковой поэтической личности и языковой способности. Проявление (или активация) определенного объема и качества языковой поэтической способности (далее – ЯПС) происходит в различные периоды жизни поэта (стихотворца) – и в детстве (А. Пушкин, М. Лермонтов), и в отрочестве (М. Цветаева, А. Ахматова, С. Есенин), и в юности

(Б. Пастернак, В. Маяковский), и в более поздние периоды жизни – в молодости (И. Бродский), в зрелые годы (Л. Лосев).

«Пробуждение» языковой поэтической личности происходит по-разному, чаще всего ребенок испытывает эмоционально-психологическое потрясение слухового, зрительного или какого-либо другого характера. Б. Пастернак вспоминает такой момент как важнейшее событие в своей жизни:

> Занавеска, за которой я лежал и которая разделяла комнату надвое, раздвинулась. Показалась мать, склонилась надо мной и быстро меня успокоила. Наверное, меня вынесли к гостям, или, может быть, сквозь раму открытой двери я увидел гостиную. Она полна была табачного дыма. Мигали ресницами свечи, точно он ел им глаза. Они ярко освещали красное лакированное дерево скрипки и виолончели. Чернел рояль. Чернели сюртуки мужчин. Дамы до плеч высовывались из платьев, как именинные цветы из цветочных корзин. С кольцами дыма сливались седины двух или трех стариков. Одного я потом хорошо знал и часто видел. Это был художник Н. Н. Ге. Образ другого, как у большинства, прошел через всю мою жизнь, в особенности потому, что отец иллюстрировал его, ездил к нему, почитал его и что его духом проникнут был весь наш дом. Это был Лев Николаевич.
>
> Отчего же я плакал так и так памятно мне мое страдание? К звуку фортепиано в доме я привык, на нем артистически играла моя мать. Голос рояля казался мне неотъемлемой принадлежностью самой музыки. Тембры струнных, особенно в камерном соединении, были мне непривычны и встревожили, как действительные, в форточку снаружи донесшиеся зовы на помощь и вести о несчастьи.
>
> То была, кажется, зима двух кончин – смерти Антона Рубинштейна и Чайковского. Вероятно, играли знаменитое трио последнего.
>
> Эта ночь межевою вехой пролегла между беспамятностью младенчества и моим дальнейшим детством. С нее пришла в действие моя память и заработало сознание, отныне без больших перерывов и провалов, как у взрослого[2].

Так начинает работать, функционировать языковая, или в данном случае поэтическая, форма сознания. Хотя хорошо известно, что Б. Пастернаку пришлось сделать выбор между музыкой и поэзией в пользу последней гораздо позже, уже в юности. Следует заметить, что сенсорная основа активации поэтического таланта, а стало быть, и языковой способнос-

ти, – не единственная. Огромное значение в порождении и ускорении этого процесса имеет иная, скрытная, потаенная, глубинная способность сотворения внутреннего, личностного, мира и немедленного соотнесения его с миром внешним – ближним и дальним, – такую способность принято называть духовной (духовная, душевная форма сознания, по И. Канту). «Шестое чувство» (Н. Гумилев), «всеведение поэта» (А. Блок) – вот онтологическая основа поэтического таланта. По словам И. В. Гете, «истинный поэт обладает врожденным знанием жизни и для ее изображения ему не требуется ни большого опыта, ни эмпирической оснастки»[3]. И. В. Гете называет такое генеральное свойство поэтического таланта антиципацией, или предвосхищением. Поэтическое мышление как продукт поэтического языкового сознания ускоряется за счет тотальной образности, и поэтическая метафора – это результат не только визуального, аудиального («кобыльи корабли» С. Есенина, «стекла вечности» О. Мандельштама) или комплексного сопоставления признаков (и перенос) предметов, а скорее нескончаемый итог духовного сведения двух миров – внешнего и внутреннего – в одно целое, т. е. в третье, в творение, в то, что характеризуется прежде всего синтезом гармонии и хаоса, синтезом, способным выделять огромную энергию как ментальной, так и духовной, божественной природы.

Не все стихотворцы «начинают года в два, от мамки рвутся в тьму мелодий», когда какие-то «слова являются о третьем годе» (Б. Пастернак). Так, видимо, было у Пастернака, но не у Есенина, Заболоцкого, Бродского. Нужно ли вообще устанавливать сроки начала активации ЯПС? Наверное, важнее установить общий порядок прохождения данного процесса и по возможности более или менее полный список языковых / поэтических потенций.

Языковая способность (далее – ЯС) – это центральный, базовый, опорный компонент («ядро») системы языковой поэтической личности (далее – ЯПЛ). ЯС – это совокупность системного характера, набор и единство лингвистических потенций, возможностей вербализации, оязыковления мира и его частей, познаваемых и осмысляемых при помощи единиц языка. Человек появляется на свет с готовой «матрицей» ЯС, которая формируется генетически, физиологически, психически, а также при доминирующем участии центральной

нервной системы. ЯС – система возможностей. ЯС при активации своих компонентов (микрокомпонентов) обеспечивает различные функциональные состояния человека, его языкового мышления, процессов познания и номинации: человек думающий; человек замышляющий; человек воображающий; человек желающий; человек мечтающий; человек планирующий; человек отображающий, человек выражающий; человек называющий; человек говорящий; человек пишущий; человек сочиняющий; человек оязыковляющий и, наконец, человек оязыковленный – вот неполный перечень характеристик языкового состояния человека.

ЯС, ее активированные (реализованные) компоненты репрезентируют «языковой паспорт» думающего, говорящего и пишущего человека. ЯС – это система языковых знаков, обеспечивающая поэтическую и текстовую вербализацию результатов мышления, познания и номинации, а также в целом текстотворчества.

Онтолингвистика (предмет – детская речь) и психолингвистика фиксируют и описывают результаты активации («реализации») тех или иных компонентов ЯС. Мы же обращаем внимание на источник процессов активации – на собственно ту или иную языковую («частную») способность, на ее часть, на ее микроструктуру, микрокомпонент. ЯС как система включает в себя целый ряд отдельных способностей – от звуковой способности до текстовой. Данные компоненты ЯС активируются, развиваются и реализуются с момента зачатия до конца жизни носителя данной ЯС, или вплоть до последнего момента существования языковой личности (далее – ЯЛ). Перечислим компоненты ЯС и проиллюстрируем их результатами речевой и текстовой деятельности. На наш взгляд, именно текст (чаще – поэтический) способен проявить результаты активации той или иной степени / ступени языковой способности.

Компоненты языковой способности

Звуковая способность. Активируется во время появления младенца на свет, реализуется впервые в момент начала дыхания. Имеет непроизвольный рефлекторный характер. Наличествует у млекопитающих, птиц и других животных. Знак – акустическая сторона звука.

Фонетическая способность. Активируется на втором месяце жизни. Осознание функционально-смысловой природы звуков. Знак – звук.

Фонологическая способность. Активируется на третьем – четвертом месяце жизни. Осознание смыслоразличительных функций звуков. Осознание функций согласных и гласных звуков. Закрепление в языковом сознании фонетической системы. Знак – фонема.

Слоговая способность. Активируется на третьем – четвертом месяце жизни. Осмысление слогообразующей функции гласных звуков. Осмысление звукокомплекса, слога и т. п. Знак – звукокомплекс, слог.

Грамматическая способность. Активируется на пятом – шестом месяце жизни. Осознание грамматической природы звукокомплексов, персональных неологических частей лексемы. Знак – силлабоид, морфоид.

Морфологическая способность. Активируется на девятом – двенадцатом месяце жизни. Осознание грамматической, морфемной структуры лексемы. Знак – морфоид, морфема, морфемный комплекс.

Словообразовательная способность. Активируется на двенадцатом – пятнадцатом месяце жизни. Осознание морфологической структуры лексемы. Знак – словообразовательная модель.

Лексико-неологическая способность. Активируется на пятнадцатом – восемнадцатом месяце жизни. Осознание плана выражения слова – семемы. Знак – лексоид, неологическая лексема.

Лексическая способность. Активируется на 18–24-м месяце жизни. Осознание связей лексемы и семемы. Знак – слово.

Синтаксическая способность. Активируется на 24-м месяце жизни. Осознание единства грамматики и лексики. Осознание комплексной формы номинатора ситуации. Осознание ситуации как предмета номинации. Знак – структурная модель словосочетания, фразы, высказывания. Последовательная активация следующих единиц синтаксиса: свободное словосочетание → неполное простое предложение → односоставное предложение → двусоставное предложение → простое предложение → простое распространенное предложение →

сложное предложение → бессоюзное сложное предложение → сложносочиненное предложение → сложноподчиненное предложение → сложная синтаксическая конструкция → сложное синтаксическое целое.

Полная речевая способность. Активируется на 6–12-м году жизни. Знак – вербализованная ситуация, строфа. Строфа – цельный, связный, относительно завершенный знак, характеризующийся единством синтаксической формы, смыслового (ситуативного) содержания и музыкально-интонационного наполнения. Данная способность активируется совместно с *музыкально-интонационной («просодической») способностью.* Строфа – это базовый знак языкового мышления. Человек воспринимает и познает мир ситуативно. Единица познания – ситуация. Единица оязыковления ситуации – строфа, т. е. человек «мыслит строфами», или формирует свою картину мира построфно.

Текстовая способность. Активируется, как правило, на 15–20-м году жизни (часто – гораздо позже), что обусловлено прежде всего замещением части книжной культуры культурой виртуального (и иного характера) чтения. Знак – цельный, связный, завершенный текст.

Комплексная текстовая способность. Активируется на 20-м году жизни. Знак – неполная парадигма разножанровых и разностилевых текстов.

Универсальная текстовая способность. Знак – полная парадигма разножанровых, разностилевых и «новых» («неологических») текстов.

В целом текстотворчество как результат активных процессов языкового и текстового мышления основывается на активации и реализации тех или иных или всех (что бывает очень редко) компонентов ЯС. Так, для функционирования речевой личности (далее – РЛ) достаточно активации нескольких (чаще немногих) компонентов ЯС (языковой минимум – лексическая способность и синтаксическая способность в объеме словосочетания; огромное число современных носителей русского языка обладает именно такой ЯС, что объясняется тотальными процессами визуализации (+ аудиолизации) многих сфер культуры, науки и вообще цивилизации). РЛ как система есть основа личности текстовой, однако

в качественном и объемном отношении РЛ и текстовая личность не совпадают: текстовая личность всегда богаче РЛ как по набору активированных компонентов ЯС, так и по качеству их реализации.

В каком порядке происходит активация различных этапов ЯС: последовательно, непоследовательно, радиально, комплексно (активируются одновременно 2–3 и более частей ЯС)? Видимо, решение этого вопроса связано с исследованием (очень растянутым во времени – от одного возраста стихотворца к другому) индивидуальной, конкретной ЯЛ/ЯПЛ. Очевидным оказывается то, что без активации и развития текстовой способности в системе ЯС и ЯЛ станет невозможным окончательное формирование и функционирование текстовой личности (далее – ТЛ).

ТЛ есть основа для активации комплексной и универсальной текстовой способности (далее – ТС). Тысячи носителей языка владеют текстовой способностью, сотни – комплексной текстовой способностью, и лишь единицы (может быть, десятки – в рамках одной этнолингвистической и этнокультурной сферы) обладают универсальной текстовой способностью. (Ср.: М. В. Ломоносов и А. С. Пушкин, обладая универсальной ТС, создали тексты, принадлежащие ко многим, если не ко всем, разностилевым и разножанровым парадигмам: научной, публичной, журналистской, прозаической, поэтической, драматургической, эпистолярной и т. д. Тогда как И. А. Бродский, Н. А. Заболоцкий, О. Э. Мандельштам и другие обладали комплексной ТС.) Данная классификация ТС (собственно ТС, комплексная и универсальная ТС) вполне соответствует нашей градации языковой / поэтической свободы, представленной в антологии-монографии «Последнее стихотворение».

ТЕКСТОВАЯ СПОСОБНОСТЬ

Текстовая способность, ее вершинные реализации в своих вариантах, – комплексная и универсальная – является той сферой языковой способности, которая обусловливает и обеспечивает переход, преображение и реализацию языковой

личности в личность текстовую. ТЛ – это результат особого текстового состояния ЯЛ и ЯС. Текстотворчество – процесс неотвратимый, неизбежный, так как познание, сознание, мышление, память (особенно ее культурная форма), номинация и осознание не только требуют фиксации и немедленной номинации объекта действительности, но и вынуждают отображать мир и переформулировывать его, преображать в картину мира (далее – КМ). Текстотворчество – это процесс одновременно и произвольный, и непроизвольный, приводящий к оптимальным вариантам номинации и в целом текста. Текст, таким образом, есть матрица КМ и сознания (всех его форм), и памяти. Поэтому культура – это не только система разноприродных текстов (визуальных, аудиальных, вербальных, технических и т. п.), но и память мира и человека, память текста и текстотворчества как глубинного и оптимального способа познания.

Текстовая способность – это способность базового, опорного характера в системе ЯС. Тестовая способность (далее – ТС) есть ядро ТЛ как активированной и функционирующей ЯЛ. Функционирующая ЯЛ в момент активации ТС (любого уровня) превращается в личность текстовую, не готовую к сочинительству, а уже сочиняющую.

Способность создать текст, написать любой текст, отображающий ту или иную КМ (научную, публичную, художественную, наивную, религиозную, философскую и т. п.), объем и качество этой способности формируются и проявляются под воздействием факторов антропологического, языкового, культурного, социального и другого характера. Важной в этом отношении является категория возраста ТЛ (активированной ЯЛ). Произвольное текстотворчество (журналистское, деловое, публичное, государственное и т. д.) обусловлено прежде всего прагматикой, средой, профессией. Тогда как непроизвольное текстотворчество определяется главным образом «даром слова», литературным талантом, в целом антрополингвистическими функциями творческого (креативного) и этико-эстетического характера. Поэтому возраст ТЛ – это явление, соотносимое прежде всего с творческими (а не «матричными») видами стихотворчества. Любой текстотворец проживает следующие стадии качественно-объемного соотношения с результатом своей деятельности – текстом (далее – Т):

1. ТЛ > Т;
2. ТЛ ? Т;
3. ТЛ < Т.

ЯЛ, находясь в текстовом (не речевом!) состоянии, так или иначе вступает в определенные отношения с результатом своей деятельности – с текстом. Первый этап (ученический, тренинговый) характеризуется преобладанием ТЛ над Т, когда результат (Т) в целом зависит от потенции, опыта и мастерства ТЛ. ТЛ – «больше» текста, и текст в данной стадии творчества является крайне (если не абсолютно) антропологичным. Как правило, текст на этом этапе имеет признаки и черты экзерсисного характера (подражание, вторичная эвристичность, банальность формы и содержания, повышенная энигматичность, затемненность смыслов и т. п.). Первый этап текстотворчества проистекает в следующих возрастных рамках: от 5–6 лет до 20–22 лет. Известно, что А. Пушкин пишет первые стихи (по-французски) именно в пяти-, шестилетнем возрасте. Поэт В. Ходасевич так вспоминает начальную пору своего сочинительства[4]:

> Мне было лет шесть, когда сочинил я первое двустишие, выражавшее самую сущность тогдашних моих чувств:
>
> Кого я больше всех люблю?
> Ведь всякий знает – Женичку.
>
> Не следует думать, что это двустишие вовсе лишено рифмы. В основу рифмоида «люблю – Женичку» [Женечка – старшая сестра] положено очень верное чувство рифмы и ритма. В книжной поэзии я помню только один случай такой рифмовки дактилического окончания с мужским: «антраша» и «профессорша» у Андрея Белого в «Первом свидании». Она, однако же, часто встречается в народных песнях, от самых старых до современных частушек включительно. Гораздо труднее мне было бы защитить другое стихотворение, сохранившееся в моей памяти. Оно было навеяно вербным торгом, который в то время устраивался на Театральной площади и лишь несколько позже был перенесен на Красную:
>
> Весна! выставляется первая рама –
> И в комнату шум ворвался,
> И благовест ближнего храма,
> И говор народа, и стук колеса.
>
> На площади тесно ужасно,
> И много шаров продают,

И ездиют мимо жандармы,
И вербы домой все несут.

Недостатки второй строфы очевидны. Первую же, как уже заметил читатель, я взял у Майкова – не потому, что хотел украсть, а потому, что мне казалось вполне естественным воспользоваться готовым отрывком, как нельзя лучше выражающим именно мои впечатления. Майковское четверостишие было мною пережито, как мое собственное. В этом нет ничего удивительного. Одна современная поэтесса по той же самой причине первым своим стихотворением считает «Казачью колыбельную песню» Лермонтова. <...>

В столь юном возрасте человек развивается быстро. Вскоре я стал писать стихи гораздо более осмысленные. То были четверостишия или шестистишия нравоучительного содержания, вроде апологов Дмитриева, но, разумеется, чрезвычайно наивные. (Впрочем, и дмитриевские апологи довольно грешат наивностью: недаром, Пушкин с Языковым так потешались над ними.)

Наконец, от апологов перешел я к чистой лирике, в которой пытался передать сердцещипательные и надрывные свои переживания. Романы дали толчок содержанию. Форму пришлось заимствовать из другого источника. Сестра, братья, какая-то молодежь, бывавшая в доме, порой напевали романсы, отчасти цыганские, отчасти салонные. «Очи черные...», «Глядя на луч пурпурного заката...» и тому подобные произведения сделались моими литературными образцами. Романс, начинавшийся словами:

Как прощались,
Расставались,
Слезы так текли рекой,
Но мы вскоре
Забудем горе,
Лишь увидимся с тобой, –

казался мне верхом поэтического совершенства. Я стал сочинять любовные романсы самого что ни на есть унылого содержания и порою при этом пускал слезу. <...> Моя «поэзия» явно носила оттенок салонный и бальный, сам же я казался себе томным, задумчивым и несчастным юношей, готовым умереть от любви и чахотки. <...>

1926, 1933

Поэт и прозаик С. Гандлевский отмечает следующие особенности ученической стадии сочинительства:

Поэт не развивается прямолинейно – из пункта А в пункт Б. Творчество знает топтание на месте, возвращение, кружение, но, в конце концов, внимательный наблюдатель в этой чересполосице различит несколько стадий поступательного движения.

«Начнем ab ovo». Подросток определенного склада испытывает сильные лирические позывы и пользуется для облегчения души первыми попавшимися под руку словами. Из доброжелательности принято говорить о непосредственности детских опусов, но больше из доброжелательности: ничего непосредственного в первых пробах пера, как правило, нет: интонации, обороты – все чужое, видавшее виды. У подавляющей части младопищущих приступ возрастной графомании с молодостью же и проходит. Число претендентов на звание «поэта» заметно убавляется; можно даже сказать, что остаются люди со своеобразным иммунодефицитом: принимающие словесность слишком близко к сердцу. (Помню, много лет назад я шел по берегу Каспийского моря со стороны Мангышлака с приятелем по геологической партии – мы разговаривали о божественном. Он довольно легко согласился с моими доказательствами бытия Божия, но напоследок от души посоветовал «не зацикливаться».)[5]

Второй этап характеризуется «выравниванием» объемов и качеств ТЛ и Т. Это период выбора просодии, поиски своей интонации, тона, своей модальности и своих индивидуальных языковых и дискурсных единиц-средств. Данная стадия текстотворчества характеризуется активным накоплением навыков сочинительства, мастерства. Вот что говорит об этом этапе С. Гандлевский:

Так вот, на следующий этап переваливают именно «зацикленные» – лет шестнадцати и старше – и рано или поздно находят себе подобных, возникают поэтические содружества. Память о юношеском чудесном взаимопонимании способна скрасить не один черный день в будущем. Занятно, что именно период ученичества и эпигонства нередко вспоминается зрелыми поэтами как время, когда им как-то особенно хорошо – не то что в зрелости – «пелось». Есть в поэзии такая дежурная тема. «Пелось» им, скажем прямо, так себе, куда хуже, чем годы спустя, но лирического восторга и впрямь было хоть отбавляй – «растущий звон, волнение, неведомое миру». Это пора хронического застолья, многословных прогулок, взыскательного чтения. Дружа с живыми, молодой поэт выбирает себе загробную компанию по вкусу, образцы для подражания, крепко привязывается к какому-либо славному литературному течению прошлого, незаметно

для себя самого становится литератором. Казалось бы: живи и радуйся. Не тут-то было; осталось, как говорится, начать и кончить.

Литература просторна, и в ней непросто, но можно научиться худо-бедно сводить концы с концами – и в профессиональном, и в житейском смыслах. Получать удовольствие от собственного труда и скрашивать досуг читателю, если повезет – заслужить премии и звания. И при всем при этом не сказать ни одного *живого* слова, никого не задеть за *живое,* когда у самого поэта, а потом и у читателя мороз проходит по коже.

Для массы литераторов ничего, по сути дела, не меняется со времени отроческих поползновений: только тогда желторотый автор слагал неуклюжие вирши, выхватывая слова из словарного запаса наобум, а возмужавший поэт-профессионал набил руку и пишет крепкие стихи, выбирая с чувством, с толком, с расстановкой лексику, интонации, приемы из общего литературного имущества культуры, вроде как берет на прокат. Но его художественные средства все равно общие, то есть чужие. Такой род деятельности сродни бойкому переводу – личных эмоций на язык готовых литературных формулировок. С утруской, усадкой и прочими утратами, подчас присущими этому ремеслу. Вот незадача: жизнь – своя, а слова – не свои! Настоящему поэту такое положение вещей – нож острый. (Неспроста советский режим, чрезвычайно чувствительный к форме собственности, безошибочно распознал в человеке искусства частника и предусмотрел для него обобществленные средства производства – метод социалистического реализма. Последствия этой эстетической коллективизации, как и установления колхозного строя в деревне, широко известны.) Поэт вроде старообрядца в общественной столовой: тому надо утолить голод, но нельзя пользоваться казенной посудой. Создание персонального заумного языка – один из способов выйти из затруднительного положения, но прибегают к этой уловке единицы, обрекающие себя тем самым на своеобразное одиночное заключение.

Остальным стихотворцам, склонным довольствоваться исконной словарной наличностью, предстоит очередной и не менее суровый, чем в отрочестве, отсев. Большинство пишущих так и будет беззаботно гонять туда-сюда из пустого в порожнее то одну, то другую эстетику, когда-то кем-то созданную исключительно для своих нужд, но давным-давно пошедшую по рукам и потерявшую в мытарствах смысл и породу. Десятки поэтических книжек можно издавать, не указывая на обложке фамилий авторов, потому что сочинители книжек, по существу, и не авторы вовсе, а безвольные медиумы моды, школы, тенденции. Неискушенный читатель этих сочинений имеет дело не с опреде-

ленными личностями, а с глашатаями общих мест литературы, обоняет культурные поветрия[6].

Данный этап (у небольшого числа текстотворцев) завершается «обретением собственного голоса». С. Гандлевский:

> Обретение собственного голоса – большое и редкое достижение, на котором, вообще-то говоря, можно и остановиться; многие и останавливаются, довольствуясь «небольшой, но ухватистой силой» (Есенин был несправедлив к себе). Считанные единицы продолжают развитие. До этого, последнего, этапа речь шла о естественном отборе в дарвиновском понимании – биологическом конкурсе врожденных способностей. Отныне необходим не только талант – нужно иметь *что* сказать и верить в *насущность* своего высказывания, то есть обладать недюжинными человеческими качествами: широким духовным кругозором, непраздным умом, восприимчивостью к опыту, честолюбием высокой пробы. Теперь мишенью досады становится не какая-то там «литература», а собственные былые достижения. Дублировать их – значит множить ту же «литературу». Надо думать, это далеко не покойная участь – затяжная тяжба «с самим собой, с самим собой». Личность такого масштаба обречена на эстетические открытия: авторскому стилю придется соответствовать темпу собственно человеческого развития. Иногда кажется, что в данном случае создание шедевра не самоцель творческих усилий, а побочный результат всей жизнедеятельности. Конечно, принимать во внимание подобную идеальную фигуру – очень гамбургский счет, но без него мы имеем дело лишь с тщеславным ребячеством или трудотерапией[7].

В данном периоде сочинительства текстотворец и текст находятся в состоянии качественно-объемного «равновесия». Это счастливое «равновесие» характеризуется также и мучительным состоянием текстотворца, всегда сомневающегося в качестве своего таланта, своего текста и вообще своей деятельности.

Третий этап текстотворчества является наиболее «благополучным» с точки зрения результата (текста) и самооценки. Следует, правда, отметить, что немногие доживают до возраста творческой зрелости. Поэт Ю. Кублановский отмечает, что в возрасте 45 лет поэт, как правило, оказывается в ситуации кризиса (что связано прежде всего с антропологическими факторами). Текстотворец может лишь контролировать, оценивать конечный результат (текст), но не собственно процесс,

так как на этой стадии текстотворчества «**текст пишет себя сам**»: по словам И. Бродского, «предыдущий текст пишет последующий». Понимать это утверждение следует и в широком, и в узком смысле. Во-первых, по свидетельству многих писателей, текст словно диктуется Кем-то или Чем-то, приходит сам. Откуда-то (Сверху?). Во-вторых, появление текста на свет божий неизбежно по неясным и в целом таинственным причинам. Загадочность процессов зрелого периода сочинительства очевидна.

Текстотворчество как процесс – явление, безусловно, полисубъектное, но общность процессов сочинительства, типовая системность и структурность ЯЛ, ЯС, ТС и ТЛ позволяют вести разговор о совокупной языковой и текстовой личности. Ср. стихотворение Б. Заходера:

Поэтов – нет, а есть один поэт.
Различными он пишет письменами
И разными зовется именами,
Но он один – поэт.
Другого нет.

По счастью он не расстается с нами
С тех пор,
Как существует белый свет,
И даже Смерть сама
Его портрет
Лишь дополняет новыми штрихами[8].

Текстотворец (журналист, поэт, прозаик, writer, спичрайтер, законотворец, драматург, рекламщик) пишет еще и потому, что он – графоман, он не может не писать, так как в процессе сочинительства участвуют такие непознаваемые субстанции, как Бог, душа, язык, вдохновение, языковая энергия, время, пространство, жизнь, смерть, любовь... И. Бродский так характеризует природу текстотворчества вообще и поэзии в частности:

> Я, например, занялся изящной словесностью по одной простой причине – она сообщает тебе чрезвычайное ускорение. Когда сочиняешь стишок, в голову приходят такие вещи, которые тебе, в принципе, приходить не должны были. Вот почему и надо заниматься литературой. Почему в идеале все должны заниматься литературой? Это необходимость видовая, биологическая. Долг индивидуума перед самим собой, перед своей ДНК...[9]

Следует отметить, что возраст ТЛ – это понятие относительное, четких возрастных рамок не имеющее. Количество этапов/стадий творческой деятельности также может варьироваться в зависимости от оснований, легших в основу такой классификации.

Одно из главных качеств ЯЛ, ЯС, ТС и ТЛ – самоорганизация; «самосборка» текста, например, по словам Т. Бек, также обеспечивает и оригинальность текста: «Ведь и снежинки все разные, несмотря на самоорганизацию!»[10]

ЯЛ и ТЛ – системы самоорганизующиеся, а значит, существование и функционирование их объективно.

Языковая личность – система, причем система самоорганизующаяся и саморазвивающаяся. Центром/ядром этой системы является языковая способность, которая активируется и функционирует посредством единиц дискурса. Дискурс – как макрокомпонент ЯЛ – есть способы вербализации мысли, образа, представления, смысла, ассоциации, аналогии, сопоставления и т. п. Креативность как результат работы творческой функции материализуется за счет единиц дискурсного макрокомпонента ЯЛ. Существование различных видов дискурса определено историей, культурой, социальностью данного этноса, а также индивидуально-антропологической, языковой персональной спецификой человека.

Различаются национальный, культурный, социальный, профессиональный (например, художественный, поэтический, журналистский, политологический и т. п.) и индивидуальный виды дискурса.

Национальный дискурс обусловлен особенностями данного языка, данного исторического хронотопа, уровнем развития культуры, науки, цивилизации в целом. Так, в национально-этническом сознании русских предмет «береза» ассоциируется с родиной, Россией, страной. Тогда как в сфере культурного дискурса данный предмет соотносится с девушкой (молодой, стройной, красивой и т. п.). В сфере социального дискурса «береза» осознается примитивно в качестве плохого строительного материла и дров, пригодных для топки банной печи и камина. В сфере литературного дискурса этот предмет ассоциируется с творчеством С. Есенина.

Функционирование дискурсного макрокомпонента ЯЛ обусловливается, определяется и корректируется функционированием других макрокомпонентов антропологического, культурологического, психологического и социального характера. На процессы языковой деятельности (мышление, познание, номинация, текстотворчество) влияют и психология общества и психологические/эмоциональные особенности личности носителя языка, и его социально-ментальная эмпирика, и его этико-эстетические эталоны-ориентиры, и уровень его культурности и образованности, и уровень и специфика национальной и мировой культуры в целом, и антропологические особенности данной личности.

Психолого-эмоциональный компонент ЯЛ определяет интенсивность использования языковой (и иной – антропологической, биологической, психической и т. п.) энергии в языковой /текстовой деятельности. Языковой темперамент обусловлен темпераментом личности прежде всего, определенным типом и складом психологической и эмоциональной личности познавателя, номинатора, рече- и текстотворца (ср. различные типы языкового темперамента А. Пушкина, В. Жуковского и Е. Баратынского; Ф. Тютчева и М. Лермонтова; А. Ахматовой и М. Цветаевой; С. Есенина и И. Бродского; Н. Заболоцкого и В. Маяковского).

Психолого-эмоциональное содержание ЯЛ обогащается и корректируется работой социально-эмпирического компонента. Социальная генетика языка семьи, рода, династии, сообщества, коллектива и т. п. конкретизируется персональным опытом лингводеятеля, который формирует, или дооформляет, или обогащает ту или иную лингвотрадицию (+ дискурс, + психоэмоциональность). Языковая память есть центр данного компонента.

Этико-эстетический компонент реализует и регулирует объем и качество содержания результатов языковой деятельности на основе устойчивого оценочно-модального отношения к добру и злу, к прекрасному и безобразному. Следует отметить, что русская ЯЛ реализует в себе синтез и гармонию (любого качества – от тождества до оксюморона) эстетики и нравственности (И. Бродский: «Эстетика – мать этики»; и наоборот: этика – мать эстетики).

Культурологический компонент ЯЛ функционирует на базе культурной памяти и культурной традиции (новации) дан-

ной личности. Дискурсный компонент ЯЛ функционирует на основе работы этико-эстетического и культурологического компонентов, которые определяют формально-содержательные аспекты мысли, речи, текста (метод, направление, школа; просодия, жанр, композиция, сюжет; и т. д.).

Антропологический макрокомпонент ЯЛ является своеобразной «оболочкой», «сосудом», в котором работают и с которым связаны единой системностью и структурностью остальные макрокомпоненты ЯЛ и микрокомпоненты ЯС. Этот компонент включает в себя ряд важнейших характеристик, касающихся личности лингводеятеля и составляющих его специфический персональный «языковой паспорт». Данный ряд наполняется генетическими, физическими, физиологическими, биологическими, интеллектуальными, психологическими, социальными (в широком смысле), бытовыми, биографическими и другими характеристиками конкретной личности: пол, возраст, внешние данные, особенности здоровья, умственные способности, черты характера, привычки, особенности внутреннего (творческого) и внешнего поведения, образование, социальное положение, материальное положение, семейное положение, профессия, одежда, место и время жительства, круг родных, друзей и знакомых, социальные, политические, экономические симпатии, хобби, другие биографические данные и т. д. и т. п. Например, известны факты, касающиеся физических данных, болезней и т. п. поэтов, которые не могли не влиять на процесс и результат текстотворчества (алкоголизм Ап. Григорьева, К. Фофанова, А. Блока, С. Есенина, Н. Рубцова, Б. Рыжего; хромота Б. Пастернака; душевные недомогания, эпилепсия Ф. Достоевского; тяжелое ранение и потеря ноги А. Тарковского; картавость и повышенная нозальность согласных и гласных звуков И. Бродского; слепота И. Козлова и пр.).

Любой антропологический факт имеет определенное значение (и – последствия) в процессах текстотворчества. Так, многие известные и, безусловно, талантливые текстотворцы имели в детстве нянек, бабушек и дядек (А. Пушкин, М. Лермонтов, Б. Пастернак и др.), которые способствовали более эффективной активации ЯС и других макрокомпонентов ЯЛ. Наличие в жизни писателя языкового воспитателя также делало возможным более ранний дебют: дебюты А. Пушкина (5–6 лет), И. Бродского (20–22 года) и Льва Лосева

(37 лет) просто несопоставимы, и возраст литературного дебюта прежде всего зависит от благотворного (или неблаготворного) влияния на ЯЛ объема и качества «семейного языка», или фамилиолекта.

Наблюдаются также «роковые» возрастные рубежи (на примере русской поэзии) в жизни поэта как совокупной ЯЛ и ТЛ: именно в возрасте около 22, 27, 30, 33, 37 лет уходили из жизни по той или иной причине поэты (Д. Веневитинов – ок. 22 лет; М. Лермонтов, П. Васильев, Б. Рыжий – ок. 27 лет; С. Есенин, Б. Корнилов – ок. 30 лет; А. Полежаев, А. Дельвиг – ок. 33 лет; А. Пушкин, А. Одоевский, Д. Хармс – ок. 37 лет и т. д.).

Детство текстотворца остается важнейшим периодом не только активации ЯС, но и развития ЯЛ и ТЛ в целом. Детский взгляд, детская точка зрения, а точнее, поле зрения, остаются базой, основой первородно чистого и свободного отношения к миру и творчеству. О. Седакова, говоря о стихах В. Кривулина, отмечает, что «биографическая – детская – точка зрения удивительно отвечает инфантильности самой эпохи ("советской". – *Ю. К.*):

> ...пустынны улицы, предчувствие Парада
> звук не включен еще... кого-то молча бьют
> возле моей парадной – и не надо
> иных предутренних минут
>
> я знаю, что прошла – пережита блокада
> мы счастливы – меня я чувствую возьмут
> сегодня вечером туда к решетке Сада
> где утоленье голода – Салют»[11].

Текстотворец должен обладать замечательными слухом, зрением, осязанием, обонянием и интуицией. Текстотворец – существо «многоглазое», и эта «многоглазость» обеспечивается прежде всего наличием многих активно функционирующих макрокомпонентов языковой личности и микрокомпонентов языковой способности.

В. фон Гумбольдт одним из первых оценил роль человеческого фактора в языке и заметил, что духовное развитие человека возможно только благодаря языку. Термин «языковая личность» был введен в научный обиход академиком В. В. Виноградовым, а первое серьезное описание структуры

ЯЛ (адекватной структуре языка) произвел Ю. Н. Караулов. ЯЛ как объект изучения может исследоваться по трем (и более) направлениям. Перечислим их: а) от текста к ЯЛ (идентификация личности автора; В. В. Наумов); б) от языка к ЯЛ (Ю. Н. Караулов) и в) от системы, специфики и процессов языкового мышления к ЯЛ и ТЛ. Последний подход имеет свое логическое и объективное продолжение: от ЯЛ и ТЛ к тексту как результату языковой и текстовой деятельности.

Поскольку, по мысли П. Валери[12], человек – явление слишком частное, а душа – слишком общее, то необходимо различать ЯЛ как категорию общего характера (русская ЯЛ, национальная ТЛ) и явление частного порядка (индивидуальная ЯЛ, ТЛ; поэтическая языковая личность, журналистская языковая личность; журналистская языковая личность). Текст – это такая категория и такое явление, в которых соединяется общее, антропологическое, национально-культурное и духовное с частным, психолого-эмоциональным, социальным, биографическим, индивидуальным.

Текст – это единственная объективно существующая реальность, в которой материализуются все макрокомпоненты языковой и текстовой личности, а также микрокомпоненты и элементы языковой способности.

О «ПОЭЗИИ ПОЭЗИИ»

Екатеринбургский поэт Майя Никулина однажды, лет тридцать тому назад, долго не вмешиваясь в застольный кухонный поэтический спор, в котором прояснялся (или затемнялся) извечный вопрос, касающийся первенства того или иного вида искусства (литература, живопись, музыка, поэзия и т. п.), вдруг как-то тихо и спокойно (а для меня – раз и навсегда), не обращаясь ни к кому, проговорила: «Поэзия вообще не литература... И – не искусство».

Взгляд на музыку, поэзию, на живопись и литературу скользит, как правило, по касательной – и к виду искусства, и к миру, пытаясь охватить все сразу: и мир реальный (плюс не менее реальный – метафизический), и мир художественный, без которого реальный и метафизический миры лишены

взгляда со стороны, вернее – взора, взора того, кто в своей деятельности уподобляется (подражает?) Творцу. Мироцентрической прагматике всегда противостоит космоцентрическое зрение художника (философа, мыслителя, ученого, вообще Homo Creans), который, внимая космосу, бездне, бытию, пытается найти в них точку – архимедову точку опоры деятельности, мыслительного поступка, вообще номинации, называния (реноминации, переназывания). Взгляд на оба мира может быть любой, но взгляд души, духовный взгляд – всегда «центроцентричен». Поэзия как деятельность все-таки первенствует среди других, так как всегда предшествует (как первичная языковая деятельность познания, номинации и множественной информации) искусству. Не назвав что-либо (т. е. не представив и не решив для себя: что́ это), т. е. не познав что-либо, невозможно что-либо создать – ни творение (живописи, ваяния, архитектуры, театра, кино, науки и техники и т. д. и т. п.), ни описание этого творения.

Поэтому мироцентричность, космоцентричность, лингвоцентричность, культуроцентричность, психоцентричность, техноцентричность, социоцентричность и т. д. – все это компоненты поэтоцентричной деятельности, которая – вся – формируется вокруг неизменного центра – духа. Поэзия – духоцентрична. Поэзия – биологически, ментально и социально – первичный вид человеческой деятельности, который является скорее не творчеством, а со-творчеством, проистекающим понятно с Кем.

Поэзия и музыка (с античных времен) воспринимаются как сестры. И та и другая не только озвучивают мир, но учат его слушать, видеть, осязать, учат внимать ему, познавая и познаваемое, и непознаваемое, называя неизъяснимое и вновь переназывая прежде поименованное.

Испанский поэт Х. Р. Хименес в своей поэтологической прозе говорит: «Поэзия мне кажется и всегда казалась выражением, подобно музыке, невыразимого, несказанного, т. е. – простите за тавтологию – невозможного. Литература – выражение возможного, того, что можно выразить. И поскольку дух невыразим, как мне кажется, сущностно невыразим, поэзия – естественно, на мой взгляд, – неминуемо духовна, а литература не обязательно, у нее другая судьба»[13]. Далее великий испанец предлагает свое определение поэзии, которое не раз высказывалось и стихотворно и прозой в России – от

В. А. Жуковского («невыразимое») и других поэтов до современной поэтологии, в том числе и в моих работах 1990–2000-х гг. Понимаю, что это не совсем скромно, но меня потрясло наличие испанского вербального зеркала 1941 г., повторившего почти слово в слово и стихи Жуковского, и терминологический лаконизм дефиниций малоизвестного стихотворца-исследователя, живущего в Екатеринбурге, – определение поэзии как неединственного, но первородного (возможно, и неактуального в 2008 г.) и чудесно глубокого, труднейшего и бескорыстного познания: «Итак, поэзия – это внутренняя, глубинная (глубокая и наивысшая) связь, благодаря нашей способности видеть и творить, мира реального, который нам кажется познаваемым, и трансцендентального, который нам кажется непознаваемым»[14]. И еще Хименес: «Литература – перевод, поэзия – оригинал. <...> Поэзия как искусство созидания всегда естественна... Литература, самая совершенная, всегда искусна...»[15] (A propos, это ли не критерий подлинности поэтического выражения, поэтического текста? Поэзия литературы – искусный перевод уже известного, а поэзия поэзии – оригинал. Дифференциал – наличие в тексте онтологической новизны и первородной, природной естественности.)

Поэтоцентризм как отношение ко всему на свете есть «центроцентризм». О. А. Седакова так определяет одну из координат сущности-природы поэзии:

> Пространство поэзии имеет одну реальную координату: соотнесенность с центром, с сердцевиной. В русском языке *сердце* и *середина* – однокоренные слова, и это, между прочим, предостерегает нас от того, чтобы понимать *сердце* и *сердечность* слишком сентиментально. *Сердечное, сердцевинное* – просто центральное; центр жизни, в неменьшей мере смысловой центр, чем эмоциональный. Старые поэты (как Данте в «Новой жизни») хорошо знали топос центра, сердца, сферичность как требуемое качество в лучшем смысле *живого* пространства.
>
> Если иметь это в виду, то отчуждение от поэзии, о котором часто говорят современные поэты (а еще чаще и непосредственнее обнаруживают сами стихотворные сочинения) – это нечто более обширное, чем просто эмоциональное обнищание постмодернистской, постфрейдовской (каким еще пост- ее назвать?) цивилизации. Это отвычка от поэтического строя пространства, неспособность и нежелание переживать центрированность мира (и так

называемого «внутреннего мира», и мира вообще), воля – осознанная или бессознательная – существовать не *ввиду центра*.

Вообще говоря, побег от центра и центрированности небезоснователен, и основания его нетрудно угадать. Реальность живого центра, непредсказуемого ни в своем явлении и исчезновении, ни в том, что за его пульсирующим присутствием последует (а именно о таком, а не о докоперниковском стабильном центре мира и говорит поэзия: вероятно, я имею в виду что-то похожее на то, что Хайдеггер называет Lichtung), как будто угрожает нашему существованию. Во всяком случае, чему-то в нем оно угрожает, и этим *чем-то* мы, видимо, особенно дорожим. Может быть, это *что-то* – безопасность, гарантированность «такого же» продолжения, в психологическом смысле – пресловутое self-esteem. Так что кажется вполне резонным отказаться от такой рискованной отнесенности, заплатив за новую безопасность кое-чем: поэзией, трагедией... Но здесь-то, позволю себе предположить, инстинкт самосохранения делает фатально ошибочный выбор. Выбрав покинутый смыслом и центром мир, мы сохраняем не себя и даже не наличный status quo, а возможность беспрепятственно двигаться вниз и вниз, во все более плоское, фрагментарное и *бессердечное* (в обсуждавшемся смысле) существование.

Цвета и оттенки этого состояния – «унылого гостя на темной земле» по большей части и выражает искусство, которое с первого взгляда опознают как «современное». Привычное, хроническое неблагополучие. И его коррелят – разрушенная форма (которую, мне кажется, только по инерции объясняют эстетическим нонконформизмом, борьбой с «красивостью» или с «комфортом восприятия»).

Но если в самом деле *современно* только такое искусство, значит, мы свидетели конца какой-то большой творческой эпохи – слишком большой, чтобы представить себе, что такое жить вне ее, после нее. Эпохи – говоря школьным языком – авторского творчества. Такой конец можно было бы сопоставить с концом фольклорного времени, которому эта эпоха наследовала и которого в своей глубине не покидала: в той мере, в какой искусство оставалось искусством приобщения к миру и его сердцу. В той мере, в какой голос солиста-автора подхватывал внутренний хор, благодарное согласие его слушателя или читателя, которому то или иное соединение слов открывало просвет – Lichtung – в собственную даль. И слова позднего автора дарят нам взгляд в ту же даль – в ту же центральную, сердцевинную даль, что и древнее заклинание или оракул. Дарят – или уже в прошедшем времени – дарили?[16]

Поэзия – это ведущий вид текстотворчества, центр вообще языковой (познавательной, номинативной, глубоко информативной) деятельности. И если, по мысли О. Седаковой, произойдет (происходит уже?) погашение, деактуализация этого базового типа языковой деятельности, то с утратой духовных смысловых сфер текстотворчество превратится (редуцируясь, обедняясь, примитивизируясь) в процесс сбора и классификации информации, в основном фактологического (не-духовного, не-эстетического, не-этического и т. д.) характера, что приведет к исчезновению Lichtung'a, просвета – к затемнению духа, к ослаблению энергии познания, к расчеловечиванию.

Поэзия как «центроцентрическая» деятельность как бы отказывается от какого-либо эксплицированного целеполагания и декларации сколько-нибудь внятной функции – поэзия просто называет, именует те или иные части мира (и бездны), приближаясь – неуклонно – к заветной, прекрасной и страшной сердцевине. Й. Хейзинга утверждает, что язык – это «первейшее и высшее орудие» познания, «язык, посредством которого человек различает, определяет, устанавливает, короче говоря, именует, то есть возвышает вещи до сферы духа»[17]. И еще выдающийся культуролог говорит (что имеет прямое отношение к нашей проблеме первого стихотворения), что «для понимания поэзии нужно облечь себя душою ребенка, словно волшебной сорочкой, и мудрость ребенка поставить выше мудрости взрослого»[18]. Душа ребенка существует в ситуации томительного познания, т. е. в напряженно длящемся языковом поэтическом (стрессе) состоянии. Телесно ребенок ближе к земле, чем взрослый, но душой он постоянно движется по кромке бездны. Душевная энергия дитя – чиста и бескорыстна, а потому и безмерна, находясь большей своей частью во времени, нежели в пространстве. П. Валери замечает: «Поэт действительно наделен особой духовной энергией, которая выявляется в нем и позволяет ему обрести себя в какие-то неоценимые минуты»[19]. Поэт – дитя (и языком, и взором, и душой). Духовная энергия имеет детскую природу («ангельскую», чистую, бескорыстную и неуправляемую материей). Б. Паскаль утверждает: «Мы познаем истину не только разумом, но и сердцем»[20]. То есть сердцевиной, центром себя и мира. «Вся жизнь зависит от того, смертна или бессмертна душа»[21]. Если дух бессмертен, то и поэзия – вечна,

как наша память о детском / поэтическом / ангельском состоянии души. Паскаль идет дальше : «У сердца свой рассудок, который рассудку недоступен; это видно по множеству вещей»[22].

Однако связь между духовной и рациональной формами сознания существует. Осуществляется такая связь языком, его особым состоянием – поэтическим. «Русский язык стал именно звучащей и говорящей плотью» (О. Мандельштам)[23]. Плоть языка – не только «плуг, взрывающий глубинные слои времени»[24], но и некое чудесное вещество, одинаково плодотворно работающее, разрастающееся (и вширь, и ввысь, и вглубь) и в пространстве, и во времени, и в телесном, и в духовном, и в материальном, и в идеальном, эфемерном.

Язык умирает не со смертью последнего носителя данной речи, а с кончиной человеческого в человеке. Если умирает последний носитель языка, то умирает активная, речевая часть языка, а поэзия, литература, вообще словесность растекаются в переводах по иным, живым лингвоэтническим культурам. Расчеловечивание же приводит к тому, что живой язык перестает быть центром познания и генератором духовной энергии и превращается в телесную приставку с функциями информатора и коммутатора. Боюсь, что цивилизация без языка и поэзии перестанет быть частью не только планеты, природы, но и космоса, бездны.

Поэзия и подделка – явления несовместимые. Разные поэтические тексты имеют различный объем и дифференцированное качество поэзии. Самый жалкий и так называемый «графоманский» текст содержит в себе кванты поэзии: от строфы, фразы, рифмы, отрезка ритма до фрагментов индивидуальной грамматики, словоупотребления, словообразовательной реализации и музыконосных звукосочетаний (ср. фрагмент стихотворения N: «Жизнь такова, какова она есть и больше никакова»). Гибель поэтического происходит в ситуации не творческого, а креативного стихотворчества сервилистского (политизированного, ангажированного, «датского» и проч.) типа. Н. Я. Мандельштам вспоминает (и, видимо, восполняет) классификацию типов стихотворчества (в социальном, в большей степени, аспекте), данную ее гениальным мужем: графоман → имитатор → сочинитель → «Божьей милостью» поэт[25]. В основе такой типологии лежит мандельштамовская оппозиция

стихов «услышанных» и «написанных»; первые – подлинны, вторые – демонстрируют или мастерство, искусность, ремесло, или представляют собой изделия, соответствующие формуле и стандарту власти, социума, того или иного издания.

Детское, вообще ювенальное, стихотворчество – это всегда реализация поэтического состояния языка (души) в виде или протопоэзии, или постпоэзии и, что случается чаще, собственно поэзии – «поэзии поэзии».

ОПИСАНИЕ БЛОКА (СТАТЬИ) АНТОЛОГИИ

Известная формула (и название одной из книг известного поэтолога) Е. Г. Эткинда – «Дети пишут стихи» – неточна. Дети экспромтируют стихи, они их «выпаливают», выбрасывают из себя, выговаривают. Записываются детские стихи взрослыми. Детское стихописание – это по природе своей поэтическая реакция на успешный/результативный акт познания – любого: зрительного, слухового, обонятельного, вкусового, осязательного, интуитивного, эмоционального, психологического, культурного, эстетического, нравственного, социального и, наконец, духовного.

Детские стихи появляются еще и как результат активации различных компонентов языковой способности. Такая активация всегда базируется на первичной (и неотъемлемой, непреложной, обязательной для всех) звуковой, интонационной, просодической способности, которой обладает все живое в природе (и ангелы: дети – ангелы, а интонация – это язык ангелов, птиц и детей).

Детские, отроческие, юношеские стихи – все это не просто начало сознательного, контролируемого и фиксируемого поэтически текстотворчества, это прежде всего продолжение совокупного, общеприродного, общекультурного, генетически обусловленного общепоэтического творчества, которое, безусловно, является частью процессуальной парадигмы, во-первых, конкретной этнокультурной, во-вторых, мировой и, в-третьих, в целом бытийной, онтологической поэтосферы.

Первое стихотворение может быть и «детским», и «отроческим», и «юношеским», и «взрослым» (Лев Лосев, например;

или «первые» стихи многовозрастных стихотворцев-любителей, или «первые поздние» «настоящие» стихи литераторов и так называемых графоманов, некоторые из них социально, официально считались и считаются «поэтами»).

Антология «Первое стихотворение» – явление (с точки зрения фактологии) не столь объективное, нежели антология «Последнее стихотворение». Если последнее стихотворение – факт, как правило, общеизвестный, то первое стихотворение – это факт (прежде всего «биографии» языковой личности и способности) антропологически и социально «сакральный»: его скрывают (в силу его «слабости» и наивности), его уничтожают (по тем же причинам), его переписывают, редактируют (как Б. Пастернак и др.), его маркируют ранними, нереальными датами написания (как Б. Рыжий и др.), его отказываются публиковать – одним словом, первое стихотворение ускользает от внимания читателя и исследователя. Хотя именно первое стихотворение является профетическим знаком, своеобразным в высокой степени точным прогнозом авторской поэтики, авторского дискурса, авторской тематики, авторского идиолекта и идиостиля.

Работа с материалом для антологии (около пяти лет) показала, что существуют различные типы первого стихотворения:

– фактически первое стихотворение (зафиксировано в данном качестве в академических изданиях, в биографических публикациях, а также номинировано таковым в мемуарной, эпистолярной, дневниковой и т. п. беллетристике);

– стихотворения, хронологически близкие первому стихотворению;

– первое опубликованное стихотворение;

– первое стихотворение, определенное в данном статусе составителем, комментатором, интерпретатором;

– стихотворения, примыкающие к опубликованному первому стихотворению (2–3 текста);

– первое стихотворение по утверждению (и убеждению) автора;

– одно из первых стихотворений (первое стихотворение из ранних, детских, юношеских, вообще ювенильных и т. д. текстов).

Перечисленные типы текстов образуют парадигму первого стихотворения, которая в разной степени полноты представлена в данной антологии.

Строение блока антологии
«ПЕРВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ»

1. Имя, отчество и фамилия (псевдоним) поэта. Даты рождения и смерти.

2. Сведения о первых поэтических опытах:

– время написания первых стихотворений;

– первые публикации (время, издание).

3. Парадигма первого стихотворения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Эккерман И. П.* Разговоры с Гете в последние годы его жизни. Ереван, 1988. С. 132.

[2] *Пастернак Б. Л.* Люди и положения. М., 2008. С. 223.

[3] *Эккерман И. П.* Указ. соч. С. 106.

[4] *Ходасевич В.* Стихотворения. М., 2007. С. 188–196.

[5] *Гандлевский С.* Опыты в прозе. М., 2007. С. 278.

[6] Там же. С. 279–280.

[7] Там же. С. 281–282.

[8] Цит. по: Дикое поле : интеллектуально-худож. журн. (Донецк). 2005. Вып. 8. С. 280.

[9] *Волков С.* Диалоги с Иосифом Бродским. М., 2003. С. 172.

[10] *Бек Т.* До свидания, алфавит : Эссе. Мемуары. Беседы. Стихи. М., 2003. С. 449–450.

[11] *Седакова О.* Музыка. Стихи и проза. М., 2006. С. 349–352.

[12] *Валери П.* Об искусстве. М., 1993. С. 163.

[13] *Хименес Х. Р.* Испанцы трех миров : Избранная проза. Стихотворения. СПб., 2008. С. 330.

[14] Там же. С. 330–331.

[15] Там же. С. 331–332.

[16] *Седакова О.* Указ. соч. С. 359–360.

[17] *Хейзинга Й.* Homo Ludens. Человек играющий. СПб., 2007. С. 23.

[18] Там же. С. 168.

[19] *Валери П.* Указ. соч. М., 1993. С. 334.

[20] *Паскаль Б.* Мысли. М., 2001. С. 122.

[21] Там же. С. 168.

[22] Там же. С. 298.

[23] *Мандельштам О.* Слово и культура. О поэзии. Разговор о Данте. Статьи. Рецензии. М., 1987. С. 58.

[24] Там же. С. 40.

[25] *Мандельштам Н. Я.* Третья книга. М., 2006. С. 112–113.

ИСТОЧНИКИ

Адамович Г. Полное собрание стихотворений / Г. Адамович. СПб., 2005.
Адамович Г. Собрание сочинений / Г. Адамович. Т. 1 : Стихи, проза, переводы. СПб., 1999.
Анненский И. Стихотворения и трагедии / И. Анненский. Л., 1990.
Антокольский П. Собрание сочинений : в 4 т. / П. Антокольский. Т. 1 : Стихотворения и поэмы. 1915–1940. М., 1971.
Антокольский П. Стихотворения и поэмы / П. Антокольский. Л., 1982.
Апухтин А. Н. Полное собрание стихотворений / А. Н. Апухтин. Л., 1991.
Апухтин А. Н. Стихотворения / А. Н. Апухтин. Л., 1961.
Ахматова А. Собрание сочинений : в 6 т. / А. Ахматова. М., 1999. Т. 2, кн. 2.
Ахматова А. Стихотворения и поэмы / А. Ахматова. Л., 1976.
Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы / Э. Багрицкий. М. ; Л., 1964.
Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы / Э. Багрицкий. СПб., 2000.
Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений / Е. Баратынский. Л., 1957.
Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений / Е. Баратынский. СПб., 2000.
Барков И. Девичья игрушка / И. Барков. СПб., 1992.
Барков И. С. Полное собрание стихотворений / И. С. Барков. СПб., 2004.
Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений / К. Н. Батюшков. М. ; Л., 1964.
Батюшков К. Н. Сочинения : в 2 т. / К. Н. Батюшков. М., 1989.
Белый А. Сочинения : в 2 т. / А. Белый. М., 1990.
Белый А. Стихотворения и поэмы / А. Белый. М. ; Л., 1966.
Белый А. Стихотворения и поэмы / А. Белый. СПб. ; М., 2006. Т. 2.
Бенедиктов В. Стихотворения / В. Г. Бенедиктов. Л., 1937.
Бенедиктов В. Г. Стихотворения / В. Г. Бенедиктов. Л., 1983.
Бестужев-Марлинский А. Полное собрание стихотворений / А. Бестужев-Марлинский. Л., 1961.
Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения : в 2 т. / А. Бестужев-Марлинский. М., 1958.
Биографический энциклопедический словарь / сост. Н. М. Ланда. М., 2000.

Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. / А. А. Блок. М., 1997–1999. Т. 1–5.
Блок А. Стихотворения / А. Блок. Л., 1955.
Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы / И. Ф. Богданович. Л., 1957.
Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.
Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь (современная версия) / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. М., 2002.
Бунин И. А. Собрание сочинений : в 6 т. / И. А. Бунин. М., 1987. Т. 1.
Бунин И. Стихотворения / И. Бунин. Л., 1956.
Васильев П. Стихотворения и поэмы / П. Васильев. Л., 1968.
Введенский А. Полное собрание произведений : в 2 т. / А. Введенский. М., 1993.
Веневитинов Д. В. Полное собрание стихотворений / Д. В. Веневитинов. Л., 1960.
Веневитинов Д. В. Стихотворения. Проза / Д. В. Веневитинов. М., 1980.
Волошин М. Стихотворения и поэмы / М. Волошин. СПб., 1995.
Вяземский П. А. Сочинения : в 2 т. / П. А. Вяземский. М., 1982.
Вяземский П. А. Стихотворения / П. А. Вяземский. Л., 1986.
Гиппиус З. Собрание сочинений / З. Гиппиус. М., 2001. Т. 2.
Гиппиус З. Н. Стихотворения / З. Н. Гиппиус. СПб., 1999.
Глазков Н. Автопортрет : стихи и поэмы / Н. Глазков. М., 1984.
Глазков Н. Избранные стихи / Н. Глазков. М., 1979.
Глинка Ф. Стихотворения / Ф. Глинка. Л., 1951.
Глинка Ф. Н. Избранные произведения / Ф. Н. Глинка. Л., 1957.
Глинка Ф. Избранное / Ф. Глинка. Петрозаводск, 1949.
Гнедич Н. И. Стихотворения / Н. И. Гнедич. Л., 1956.
Грибоедов А. С. Сочинения : в 2 т. / А. С. Гриобедов. М., 1971.
Грибоедов А. С. Сочинения в стихах / А. С. Гриобедов. Л., 1987.
Григорьев А. Избранные произведения / А. Григорьев. Л., 1959.
Григорьев А. Сочинения : в 2 т. / А. Григорьев. М., 1990.
Григорьев А. Стихотворения. Поэмы. Драмы / А. Григорьев. СПб., 2001.
Гумилев Н. Стихотворения и поэмы / Н. Гумилев. СПб., 2000.
Гумилев Н. Сочинения : в 3 т. / Н. Гумилев. Т. 1 : Стихотворения. М., 1991.
Гумилев Н. Стихотворения и поэмы / Н. Гумилев. М., 1990.
Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / Н. Гумилев. М., 1998–2001. Т. 1–4.
Давыдов Д. Стихотворения / Д. Давыдов. Л., 1984.
Дельвиг А. А. Полное собрание стихотворений / А. А. Дельвиг. Л., 1959.

Державин Г. Р. Сочинения / Г. Р. Державин. СПб., 2002.
Державин Г. Р. Стихотворения / Г. Р. Державин. Л., 1957.
Елагин И. Собрание сочинений : в 2 т. / И. Елагин. М., 1998.
Ершов П. П. Конек-Горбунок. Стихотворения / П. П. Ершов. Л., 1976.
Есенин С. Полное собрание сочинений : в 7 т. / С. Есенин. М., 1996. Т. 4.
Есенин С. Стихотворения и поэмы / С. Есенин. Л., 1986.
Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. / В. А. Жуковский. Т. 1 : Стихотворения 1797–1814 годов. М., 1999.
Жуковский В. А. Собрание сочинений : в 4 т. / В. А. Жуковский. М. ; Л., 1959–1960.
Жуковский В. А. Стихотворения / В. А. Жуковский. Л., 1956.
Заболоцкий Н. Полное собрание стихотворений и поэм / Н. Заболоцкий. СПб., 2002.
Заболоцкий Н. А. Стихотворения и поэмы / Н. А. Заболоцкий. М. ; Л., 1965.
Заболоцкий Н. Жизнь Н. А. Заболоцкого / Н. Заболоцкий. М., 1998.
Иванов Г. Собрание сочинений : в 3 т. / Г. Иванов. Т. 1 : Стихотворения. М., 1994.
Иванов Г. Стихотворения / Г. Иванов. СПб., 2005.
Кантемир А. Собрание стихотворений / А. Кантемир. Л., 1956.
Капнист В. В. Избранные стихотворения / В. В. Капнист. Л., 1973.
Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений / Н. М. Карамзин. М. ; Л., 1966.
Кедрин Д. Вкус, узнавший всего земного... / Д. Кедрин. М., 2001.
Кедрин Д. Избранные произведения / Д. Кедрин. Л., 1974.
Кирсанов С. Стихотворения и поэмы / С. Кирсанов. СПб., 2006.
Клычков С. Собрание сочинений : в 2 т. / С. Клычков. Т. 1 : Стихотворения. Проза. М., 2000.
Клюев Н. Сердце Единорога : стихотворения и поэмы / Н. Клюев. СПб., 1999.
Козлов И. И. Полное собрание стихотворений / И. И. Козлов. Л., 1960.
Козлов И. И. Стихотворения / И. И. Козлов. Л., 1956.
Кольцов А. В. Полное собрание стихотворений / А. В. Кольцов. Л., 1958.
Кольцов А. В. Сочинения : в 2 т. / А. В. Кольцов. М., 1958.
Коневской И. Стихотворения и поэмы / И. Коневской. СПб. ; М., 2008.
Коневской И. (*Ореус*). Мечты и думы : стихотворения и проза / И. Коневской. Томск, 2000.
Корнилов Б. Стихотворения и поэмы / Б. Корнилов. М. ; Л., 1966.
Крейд В. Георгий Иванов / В. Крейд. М., 2007.
Крылов И. А. Полное собрание сочинений : в 3 т. / И. А. Крылов. М., 1946. Т. 3.

Крылов И. А. Стихотворения / И. А. Крылов. Л., 1954.
Кузмин М. Стихотворения / М. Кузмин. СПб., 1996.
Курочкин В. С. Собрание стихотворений / В. С. Курочкин. Л., 1947.
Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений : в 5 т. / сост. и ред. Б. М. Эйхенбаум / М. Ю. Лермонтов. М. ; Л., 1936–1937.
Лермонтов М. Ю. Полное собрание стихотворений : в 2 т. / М. Ю. Лермонтов. Л., 1989.
Ломоносов М. В. Избранные произведения / М. В. Ломоносов. М. ; Л., 1965.
Ломоносов М. В. Избранные произведения / М. В. Ломоносов. Л., 1986.
Ломоносов М. В. Избранные произведения : в 2 т. / М. В. Ломоносов. М., 1986.
Майков В. Избранные произведения / В. Майков. М. ; Л., 1966.
Малый энциклопедический словарь : в 4 т. М., 1997. (Репринт. изд. Ф. А. Брокгауза – И. А. Ефрона).
Мандельштам О. Полное собрание стихотворений / О. Мандельштам. СПб., 1995.
Мандельштам О. Собрание сочинений : в 4 т. / О. Мандельштам. М., 1993–1997.
Мандельштам О. Сочинения : в 2 т. / сост. П. М. Нерлер / О. Мандельштам. М., 1990.
Маяковский В. Полное собрание сочинений : в 13 т. / В. Маяковский. М., 1955–1961.
Маяковский В. В. Избранные произведения / В. В. Маяковский. Л., 1963. Т. 1–2.
Мятлев И. П. Стихотворения. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой / И. П. Мятлев. Л., 1969.
Набоков В. Ангелом задетый : стихи / сост. Я. С. Маркович / В. Набоков. М., 1990. Вып. 1.
Набоков В. Стихотворения и поэмы / В. Набоков. М., 1991.
Нарбут В. Стихотворения / В. Нарбут. М., 1990.
Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем : в 15 т. / Н. А. Некрасов. Л., 1980–1982. Т. 1–3.
Некрасов Н. А. Последние песни / Н. А. Некрасов. М., 1974.
Новая иллюстрированная энциклопедия : в 20 т. / гл. ред. А. П. Горкин. М., 2001–2002.
Огонь, мерцающий в сосуде: Стихотворения и поэмы. Переводы. Письма и статьи. Жизнеописание. Воспоминания современников. Анализ творчества. М., 1995.
Одоевский А. И. Полное собрание стихотворений / А. И. Одоевский. Л., 1958.
Олейников Н. Стихотворения и поэмы / Н. Олейников. СПб., 2000.
Охлопков И. Дебюты русских писателей XIX–XX веков / И. Охлопков. М., 2007.

Павлова К. Полное собрание стихотворений / К. Павлова. М. ; Л., 1964.
Панаева А. Я. Воспоминания / А. Я. Панаева. М., 1948.
Пастернак Б. Полное собрание стихотворений и поэм / Б. Пастернак. СПб., 2003.
Пастернак Б. Собрание сочинений : в 5 т. / Б. Пастернак. М., 1989. Т. 2.
Пастернак Б. Стихотворения и поэмы : в 2 т. / Б. Пастернак. Л., 1990.
Пастернак Б. Стихотворения и поэмы / Б. Пастернак. М. ; Л., 1965.
Петровых М. Избранное. Стихотворения. Переводы. Из письменного стола / М. Петровых. М., 1991.
Петровых М. Серебряный гром / М. Петровых. М., 2008.
Полежаев А. И. Стихотворения и поэмы / А. И. Полежаев. Л., 1987.
Полонский Я. П. Стихотворения / Я. П. Полонский. Л., 1954.
Полонский Я. П. Сочинения : в 2 т. / Я. П. Полонский. М., 1986.
Полухина В. Иосиф Бродский. Жизнь, труды, эпоха / В. Полухина. СПб., 2008.
Поэзия русского футуризма / сост. В. Н. Альфонсов и С. Р. Красицкий. СПб., 1999.
Поэты XVIII века. Т. 1 / сост. Г. П. Макогоненко и И. З. Серман. Л., 1972.
Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. Пушкин. 4-е изд. Л., 1977. Т. 3.
Пушкин В. Стихи. Проза. Письма / В. Пушкин. М., 1989.
Пушкин В. Л. Стихотворения / В. Л. Пушкин. СПб., 2005.
Радищев А. Н. Стихотворения / А. Н. Радищев. Л., 1975.
Раевский В. Ф. Полное собрание стихотворений / В. Ф. Раевский. М.; Л., 1967.
Решетов А. Собрание сочинений : в 3 т. / А. Решетов. Екатеринбург, 2004.
Рубцов Н. Собрание сочинений : в 3 т. / Н. Рубцов. М., 2000.
Русские писатели. XIX век : биобиблиогр. словарь : в 2 ч. / под. ред. П. А. Николаева. М., 1996.
Русские писатели XX века : биобиблиогр. словарь / гл. ред. и сост. П. А. Николаев. М., 2000. Ч. 1–2.
Рыжий Б. И все такое... : стихотворения / Б. Рыжий. СПб., 2000.
Рыжий Б. На холодном ветру : стихотворения / Б. Рыжий. СПб., 2001.
Рылеев К. Ф. Полное собрание стихотворений / К. Ф. Рылеев. Л., 1971.
Садовской Б. Стихотворения. Рассказы в стихах. Пьесы / Б. Садовской. СПб., 2001.
Самойлов Д. Избранные произведения : в 2 т. / Д. Самойлов. М., 1990.

Самойлов Д. «Мне выпало все...» / Д. Самойлов. М., 2000.
Самойлов Д. Стихотворения / Д. Самойлов. СПб., 2006.
Северянин И. Поэзы и прозы / И. Северянин. Екатеринбург, 2005.
Северянин И. Стихотворения и поэмы / И. Северянин. М., 1990.
Слуцкий Б. Собрание сочинений : в 3 т. / Б. Слуцкий. М., 1991.
Случевский К. К. Стихотворения и поэмы / К. К. Случевский. М. ; Л., 1962.
Случевский К. К. Стихотворения, поэмы, проза / К. К. Случевский. М., 1988.
Случевский К. Сочинения в стихах / К. Случевский. М. ; СПб., 2001.
Соловьев В. Стихотворения и шуточные пьесы / В. Соловьев. Л., 1974.
Сологуб Ф. Собрание сочинений / Ф. Сологуб. М., 2003. Т. 7.
Сологуб Ф. Стихотворения / Ф. Сологуб. СПб., 2000.
Сопровский А. Правота поэта. Стихотворения. Статьи / А. Сопровский. М., 1997.
Сочинения Иосифа Бродского. СПб., 1997–1998. Т. 1–4.
Сочинения Иосифа Бродского. М., 1992. Т. 1.
Сумароков А. П. Избранные произведения / А. П. Сумароков. Л., 1957.
Тарковский А. Благословенный свет : избранные стихотворения / А. Тарковский. СПб., 1993.
Тарковский А. Собрание сочинений : в 3 т. / А. Тарковский. М., 1991. Т. 1–2.
Тарковский А. Стихотворения / А. Тарковский. Екатеринбург, 2006.
Твардовский А. Т. Собрание сочинений : в 6 т. / А. Твардовский. М., 1998. Т. 1–2.
Тихонов Н. Стихотворения и поэмы / Н. Тихонов. Л., 1981.
Толстой А. К. Полное собрание стихотворений : в 2 т. / А. К. Толстой. Л., 1984.
Тредиаковский В. К. Избранные стихотворения / В. К. Тредиаковский. М. ; Л., 1963.
Тютчев Ф. И. Лирика : в 2 т. / сост. К. В. Пигарев. М., 1965.
Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений / Ф. И. Тютчев. Л., 1987.
Тютчев Ф. И. Сочинения : в 2 т. / Ф. И. Тютчев. М., 1984.
Ушаков Н. Стихотворения и поэмы / Н. Ушаков. Л., 1980.
Фет А. А. Полное собрание стихотворений / А. А. Фет. Л., 1959.
Фет А. А. Сочинения : в 2 т. / А. А. Фет. М., 1982.
Фофанов К. М. Стихотворения и поэмы / К. М. Фофанов. М. ; Л., 1962.
Хармс Д. Полное собрание сочинений / Д. Хармс. Т. 1 : Стихотворения. СПб., 1997.
Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений / И. И. Хемницер. М. ; Л., 1963.
Херасков М. М. Избранные произведения / М. М. Херасков. Л., 1961.

Хлебников В. Собрание сочинений : в 3 т. / В. Хлебников. СПб., 2001.
Хлебников В. Собрание сочинений : в 6 т. / В. Хлебников. М., 2001–2002. Т. 1–2.
Ходасевич В. Собрание сочинений : в 4 т. / В. Хлебников. М., 1996. Т. 1.
Ходасевич В. Стихотворения / В. Ходасевич. Л., 1989.
Ходасевич В. Стихотворения / В. Ходасевич. М., 2007.
Хомяков А. С. Стихотворения и драмы / А. С. Хомяков. Л., 1969.
Цветаева М. Избранные произведения / М. Цветаева. М. ; Л., 1965.
Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. / М. Цветаева. Т. 2 : стихотворения, переводы. М., 1994.
Чиннов И. Собрание сочинений : в 2 т. / И. Чиннов. М., 2000–2002.
Шенгели Г. Иноходец. Собрание стихов. Византийская повесть «Повар Базилевса». Литературные статьи. Воспоминания / Г. Шенгели. М., 1997.
Штейнберг А. К верховьям / А. Штейнберг. М., 1997.
Языков Н. М. Стихотворения и поэмы / Н. М. Языков. Л., 1988.
Sub rosa. Аделаида Герцык. София Парнок. Поликсена Соловьева. Черубина де Габриак. М., 1999.

АНТОЛОГИЯ

XVIII ВЕК

ТРЕДИАКОВСКИЙ Василий Кириллович
КАНТЕМИР Антиох Дмитриевич
ЛОМОНОСОВ Михаил Васильевич
СУМАРОКОВ Александр Петрович
МАЙКОВ Василий Иванович
БАРКОВ Иван Семенович
ХЕРАСКОВ Михаил Матвеевич
ДЕРЖАВИН Гаврила Романович
БОГДАНОВИЧ Ипполит Федорович
ХЕМНИЦЕР Иван Иванович
РАДИЩЕВ Александр Николаевич
КАПНИСТ Василий Васильевич
КАРАМЗИН Николай Михайлович

ТРЕДИАКОВСКИЙ
Василий Кириллович

1. Родился в 1703 г., умер в 1768 г. в возрасте ок. 65 лет.

2. Первые стихотворные опыты, по всей видимости, состоялись на рубеже 1720 г. Автор первых в истории русской поэзии стихотворений, исполненных в рамках жанра оды. Стихи сочинял как по-русски, так и по-французски (франкоязычные опусы переведены в XX в. Михаилом Кузминым). Самые ранние тексты, дошедшие до нас, представляют собой различные варианты жанра песни (песнь, песня, песенка).

3. Из ранних опытов:

ЭЛЕГИЯ О СМЕРТИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

(*фрагмент*)

Что за печаль повсюду слышится ужасно?
Ах! знать Россия плачет в многолюдстве гласно!
Где ж повседневных торжеств, радостей громады?
Слышь, не токмо едина; плачут уж и чады!
Се она то мещется, потом недвижима,
Вопиет, слезит, стенет, в печали всем зрима,
«Что то за причина?» (лишь рекла то Вселенна)
Летит, ах горесть! Слава весьма огорченна,
Вопиет тако всюду, но вопиет право,
Ах! позабыла ль она сказывать не здраво?
О когда хоть бы и в сем была та неверна!
Но вопиет, вопиет в печали безмерна:
«Петр, ах! Алексиевич, вящий человека,
Петр, глаголю, российский отбыл с сего века».
Не внушила Вселенна сие необычно,
Ибо вещала Слава уж сипко, не зычно.
Паки Слава: «Российский император славный,
Всяку граду в мудрости и в храбрости явный.
Того правда, того милость тако украси́ла,
Что всю тебя Вселенну весьма удивила.

Кто когда во искусстве? кто лучший в науке?
Любовь ко отечеству дала ль место скуке?
Что же бодрость? что промысл? православна вера?
Ах! не имам горести ныне я примера!»

Паче грома и молни се Мир устрашило,
И почитай вне себя той весь преложило.
Но по удивлении в незапной причине,
Со стенанием в слезах Вселенная ныне:
«Увы, мой Петре! Петре верх царския славы!
Увы, предрагоценный! о судеб державы!
Увы, вселенныя ты едина добро́та!
Увы, моя надежда! тяжка мне сухота!
Увы, цвете и свете! увы, мой единый!
Почто весьма сиру мя оставил, любимый?
Кто мя, Вселенну, тако иный царь прославит?
Кто толики походы во весь свет уставит?
Всюду тебе не могла сама надивиться.
Но уже Петр во мне днесь, Петр живый,
не зрится!
Ах, увяде! ах, уже и сей помрачися!
Праведно Россия днесь тако огорчися».

1725

ПЕСЕНКА, КОТОРУЮ Я СОЧИНИЛ, ЕЩЕ БУДУЧИ В МОСКОВСКИХ ШКОЛАХ, НА МОЙ ВЫЕЗД В ЧУЖИЕ КРАИ

Весна катит,
Зиму валит,
И уж листик с древом шумит.
Поют птички
Со синички,
Хвостом машут и лисички.

Взрыты брозды,
Цветут грозды,
Кличет щеглик, свищут дрозды,
Льются воды,
И погоды;
Да ведь знатны нам походы.

Канат рвется,
Якорь бьется,
Знать, кораблик понесется.
Ну ж плынь спешно,
Не помешно,
Плыви смело, то успешно.

Ах! широки
И глубоки
Воды морски́, разбьют боки.
Вось заставят,
Не оставят
Добры ветры и приставят.

Плюнь на суку
Морску скуку,
Держись черней, а знай штуку:
Стать отишно
И не пышно;
Так не будет волн и слышно.

весна 1726

ТОСКА ЛЮБОВНИЦЫНА В РАЗЛУЧЕНИИ С ЛЮБОВНИКОМ

Eh! destin cruel,
arraches donc mon ame:
je ne vois plus, ah! mon amant fidel.
Rien n'eteindra ma flamme!
Mais, toi sort,
jusqu'au Port
et sur le bord ne lui fais aucun tort.

1730

Перевод:

ТОСКА ЛЮБОВНИЦЫНА В РАЗЛУЧЕНИИ С ЛЮБОВНИКОМ

О, жестокий рок,
Пусть душу вырывает. –
Из глаз сокрылся верный мой дружок,
Огонь не утихает...

Но судьба
Пусть, любя,
И в гавани да бережет тебя.

(М. Кузмин)

Стихотворение, обычно открывающее собрание сочинений поэта:

ПЕСНЬ
СОЧИНЕНА В ГАМБУРГЕ К ТОРЖЕСТВЕННОМУ ПРАЗДНОВАНИЮ КОРОНАЦИИ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИОАННОВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ, БЫВШЕМУ ТАМО АВГУСТА 10-ГО (ПО НОВОМУ СТИЛЮ) 1730

Да здравствует днесь императрикс Анна
На престол седша увенчанна,
Краснейше солнца и звезд сияюща ныне!
Да здравствует на многа лета,
Порфирою златой одета,
В императорском чине.

Се благодать всем от небес лиется:
Что днесь венцем Анна вязется.
Бегут к нам из всей мочи сатурновы веки!
Мир, обилие, счастье полно
Всегда будет у нас довольно;
Радуйтесь, человеки.

Небо все ныне весело играет,
Солнце на нем лучше катает,
Земля при Анне везде плодовита будет!
Воздух всегда в России здравы,
Переменятся злые нравы,
И всяк нужду избудет.

Речные в брегах станут своих токи,
Выбегут все мерзки пороки.
Правда, Благочестие Анну окружают,
Любовь к подданным, Суд и Милость

Из всех сердец гонят унылость;
Тем Анну прославляют.

Прочь все отсюду враждебные ссоры:
Анна краснейша Ауроры
Всех в любовь себе сердца преклонила вечну!
Всё почитает до́лжно Анну,
Самодержицу Богом данну,
Верность имать сердечну.

Торжествуйте вси российсти народы:
У нас идут златые годы.
Восприимем с радости полные стаканы,
Восплещем громко и руками,
Заскачем весело ногами
Мы, верные гражданы.

Имеем мы днесь радость учреждену,
Повсюду славно разнесенну:
Анна над Россиею воцарилась всею!
То-то есть прямая царица!
То-то бодра императрица!
Признают все душею.

Да здравствует нам императрикс Анна
На престол седша, увенчанна,
Краснейше солнца и звезд сияюща ныне!
Да здравствует на многа лета,
Порфирою златой одета,
В императорском чине.

лето 1730

КАНТЕМИР
Антиох Дмитриевич

1. Родился 10 (22 н. ст.) сентября 1708 г., умер 31 марта (11 апреля н. ст.) 1744 г. в возрасте 35 с половиной лет.

2. В шестнадцатилетнем возрасте Антиох Дмитриевич обращается с прошением к Петру I, в котором перечисляет науки, к коим он «имел немалую охоту» (история, география, юриспруденция, математика и живопись), и просит отпустить его в «окрестные государства». Однако учился он в отечестве, у петербургских академиков. В 1728 г. получает первый офицерский чин. Именно этот период его жизни ознаменован началом литературной деятельности (под наставничеством Ивана Ильинского). Первый опубликованный «трудок» – «Симфония на Псалтырь» (1726; издана в 1727). В 1726–1728 гг. сочиняет стихотворения на любовную тему (тексты до нас не дошли), о которых спустя годы писал не без сожаления во второй редакции IV сатиры. 1729 г. считается годом поэтической зрелости стихотворца.

3. Ранний опыт:

ЧИТАТЕЛЮ

Первы труд мой в французском прими сей, друже,
Хотя неисправно, однако скончанный есть уже.
Вымарай, что недобро, исправь, что <не>ясно,
Да трудец мой погублен не будет напрасно.
Что же в нем содержится, первый лист являет, –
Да обратит и да чтет, кто знати желает.
Перевел се Антиох, званный Кантемиром,
Ты ж, впрочем, многолетно да живеши с миром.

1726

Из эпиграмм (1730):

НА САМОЛЮБЦА

Наставляет всех Клеандр и всех нравы судит:
Тот спесив, тот в суетах мысли свои нудит;

Другой в законе не тверд, и соблазны вводит,
И науки новостью в старый ад нисходит. –
Наведи и на себя, Клеандр, зорки очи,
Не без порока и ты; скажу, нет уж мочи:
Самолюбец ты, Клеандр; все, кроме тя, знают:
Слепец как ведет слепца, в яму упадают.

НА ИКОНУ СВЯТОГО ПЕТРА

«Что с ключом, Петре, стоишь?» – «Хочу
впустить дети
Восточныя церкви в рай». – «А что в папски сети
Впали, будут ли они стоять за дверями?» –
«Есть, есть у них свой ключарь; войдут те и сами».

НА БРУТА

Умен ты, Бруте, порук тому счесть устанешь;
Да и ты же, Бруте, глуп. Как то может статься?
Изрядно, и, как я мню, могу догадаться:
Умен ты молча; а глуп, как говорить станешь.

Стихотворение, обычно открывающее собрание сочинений поэта:

САТИРА I

(*фрагмент*)

НА ХУЛЯЩИХ УЧЕНИЯ
К УМУ СВОЕМУ

Уме недозрелый, плод недолгой науки!
Покойся, не понуждай к перу мои руки:
Не писав летящи дни века проводити
Можно, и славу достать, хоть творцом не слыти.
Ведут к ней нетрудные в наш век пути многи,
На которых смелые не запнутся ноги;
Всех неприятнее тот, что босы проклали
Девять сестр. Многи на нем силу потеряли,
Не дошед; нужно на нем потеть и томиться,
И в тех трудах всяк тебя как мору чужится,
Смеется, гнушается. Кто над столом гнется,
Пяля на книгу глаза, больших не добьется
Палат, ни расцвеченна марморами саду;

Овцу не прибавит он к отцовскому стаду.
Правда, в нашем молодом монархе надежда
Всходит музам немала; со стыдом невежда
Бежит его. Аполлин славы в нем защиту
Своей не слабу почул, чтяща свою свиту
Видел его самого, и во всем обильно
Тщится множить жителей парнасских он сильно.
Но та беда: многие в царе похваляют
За страх то, что в подданном дерзко осуждают.
«Расколы и ереси науки суть дети;
Больше врет, кому далось больше разумети;
Приходит в безбожие, кто над книгой тает, –
Критон с четками в руках ворчит и вздыхает,
И просит, свята душа, с горькими слезами
Смотреть, сколь семя наук вредно между нами:
Дети наши, что пред тем, тихи и покорны,
Праотческим шли следом к божией проворны
Службе, с страхом слушая, что сами не знали,
Теперь, к церкви соблазну, библию честь стали;
Толкуют, всему хотят знать повод, причину,
Мало веры подая священному чину;
Потеряли добрый нрав, забыли пить квасу,
Не прибьешь их палкою к соленому мясу;
Уже свечек не кладут, постных дней не знают;
Мирскую в церковных власть руках лишну чают,
Шепча, что тем, что мирской жизни уж отстали,
Поместья и вотчины весьма не пристали».
Силван другую вину наукам находит.
«Учение, – говорит, – нам голод наводит;
Живали мы преж сего, не зная латыне,
Гораздо обильнее, чем мы живем ныне;
Гораздо в невежестве больше хлеба жали;
Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли.
Буде речь моя слаба, буде нет в ней чину,
Ни связи, – должно ль о том тужить дворянину?
Довод, порядок в словах – подлых то есть дело,
Знатным полно подтверждать иль отрицать смело...»

1729

ЛОМОНОСОВ
Михаил (Михайло) Васильевич

1. Родился 8 (19 н. ст.) ноября 1711 г. (дата приблизительная), умер 4 (15 н. ст.) апреля 1765 г. в возрасте 54 с половиной лет.

2. Еще до своего ухода из дому в Москву М. Ломоносову удалось познакомиться с виршевой поэзией и силлабическим способом стихосложения (по «Псалтири рифмованной» Симеона Полоцкого). Первые стихотворные опыты появились в возрасте девятнадцати лет во время учебы поэта в Московской Славяно-греко-латинской академии. Именно тогда (по свидетельству земляков поэта) создается стихотворение Ломоносова «Стихи на туясок» (ок. 1730–1731). Этот текст был упражнением в стихотворчестве, заданным Ломоносову (в качестве наказания за «учиненный школьный проступок») и отмеченным учителем оценкой «Pulhre» («Прекрасно). Литературное образование было продолжено в классе риторики. Кроме того, М. Ломоносов, учась за границей, активно занимается стихотворными переводами и оригинальным сочинительством.

3. Первое стихотворение:

СТИХИ НА ТУЯСОК

Услышали мухи
Медовые духи,
Прилетевши, сели,
В радости запели;
Егда стали ясти,
Попали в напасти,
Увязли бо ноги,
Ах, плачут убоги:
Меду полизали,
А сами пропали.

ок. 1730–1731

Стихотворение, обычно открывающее собрание сочинений поэта:

ОДА БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ ГОСУДАРЫНЕ
ИМПЕРАТРИЦЕ АННЕ ИОАННОВНЕ
НА ПОБЕДУ НАД ТУРКАМИ И ТАТАРАМИ
И НА ВЗЯТИЕ ХОТИНА 1739 ГОДА

(*фрагмент*)

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верьх горы высокой,
Где ветр в лесах шуметь забыл;
В долине тишина глубокой.
Внимая нечто, ключ молчит,
Которой завсегда журчит
И с шумом вниз с холмов стремится.
Лавровы вьются там венцы,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится.

Не Пинд ли под ногами зрю?
Я слышу чистых сестр музы́ку!
Пермесским жаром я горю,
Теку поспешно к оных лику.
Врачебной дали мне воды:
Испей и все забудь труды;
Умой росой Касталъской очи,
Чрез степь и горы взор простри
И дух свой к тем странам впери,
Где всходит день по темной ночи.

Корабль как ярых волн среди,
Которые хотят покрыти,
Бежит, срывая с них верьхи,
Претит с пути себя склонити;
Седая пена вкруг шумит,
В пучине след его горит,
К российской силе так стремятся,
Кругом объехав, тьмы татар;
Скрывает небо конской пар!
Что ж в том? стремглав без душ валятся.

Крепит отечества любовь
Сынов российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку.
Как сильный лев стада волков,
Что кажут острых яд зубов,
Очей горящих гонит страхом,
От реву лес и брег дрожит,
И хвост песок и пыль мутит,
Разит извившись сильным махом.

Не медь ли в чреве Этны ржет
И, с серою кипя, клокочет?
Не ад ли тяжки узы рвет
И челюсти разинуть хочет?
То род отверженной рабы,
В горах огнем наполнив рвы,
Металл и пламень в дол бросает,
Где в труд избранный наш народ
Среди врагов, среди болот
Чрез быстрой ток на огнь дерзает.

1739

СУМАРОКОВ
Александр Петрович

1. Родился 14 (25 н. ст.) ноября 1717 г., умер 1 (12 н. ст.) октября 1777 г. в возрасте 59 лет и 10,5 месяцев.

2. Получил домашнее образование. Учился в Сухопутном шляхетном корпусе (в «рыцарской академии»), где приобщился к любительскому сочинительству (стихи, театр). Ко времени окончания корпуса напечатал две «Оды» (1740). Литературная деятельность началась во второй половине 1730-х гг.

3. Предположительно первое стихотворение:

Благополучны дни
Нашими временами;
Веселы мы одни,
Хоть нет и женщин с нами:
Честности здесь уставы,
Злобе, вражде конец,
Ищем единой славы
От чистоты сердец.

Гордость, источник бед,
Распрей к нам не приводит,
Споров меж нами нет,
Брань нам и в ум не входит;
Дружба, твои успехи
Увеселяют нас;
Вот наши все утехи,
Благословен сей час.

Мы о делах чужих
Дерзко не рассуждаем
И во словах своих
Света не повреждаем;
Все тако человеки
Должны себя явить,

Мы золотые веки
Тщимся возобновить.

Ты нас, любовь, прости,
Нимфы твои прекрасны
Стрелы свои внести
В наши пиры не властны;
Ты утех не умножишь
В братстве у нас, любовь,
Только лишь востревожишь
Ревностью дружню кровь.

Только не верь тому,
Что мы твои злодеи:
Сродны ли те уму,
Чистым сердцам затеи?
Мы, приобщая мира
Сладости дар себе,
Только пойдем из пира
Подданны все тебе.

1730-е

Две оды, обычно открывающие собрание сочинений поэта:

Е. И. В. ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ АННЕ ИОАННОВНЕ, САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ, ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫЕ ОДЫ В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НОВОГО ГОДА 1740, ОТ КАДЕТСКОГО КОРПУСА СОЧИНЕННЫЕ ЧРЕЗ АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА

(*фрагмент*)

I

1

Как теперь начать Анну поздравляти,
Не могу когда слов таких сыскати,
Из которых ей похвалу сплетати,
Иль неволей мне будет промолчати?
Но смолчать нельзя! Что ж мне взять за средство,
Не умея ж петь, чтоб не впасти в бедство,
Тем, что ей должна похвала толика,
Коль она славна в свете и велика?

2

Хочется начать, трепещу, немея,
Страхом поражен, приступить не смея.
Я боюсь, когда ту начну хвалити,
Песнью чтоб простой ту не прогневити.
О, сберися смысл, сколько ти возможно,
И трудись, трудись, только осторожно,
Чтобы мне не впасть в винность несказанну, –
Поздравлять хочу ведь велику Анну.

3

Что ж, предприиму ону поздравляти.
То меня одно может извиняти,
Что и никому ту хвалить не можно,
Но хвалити так, как хвалити должно,
Тем, что ведь нельзя одному языку
Точно прославлять Анну толь велику.
Так, несмелость прочь, – начинаю пети,
Больше силы нет промолчать умети.

1739

II

1

О Россия, веселись, монархиню видя,
Совершенную в дарах на престоле сидя,
И, играя, возопий: «Анна мной владеет!
Чем против мя устоять никто не умеет,
Храбро имя всех от стран ею получаю.
Так я, льстя ли, сим ее ныне прославляю,
Прославляя ж, мне нельзя громко не вскричати:
Анна, о изволь вовек мною ты владати!

2

Чрез тебя мой меч остер в поле как сверкает,
И по воле им твоей Марс как управляет,
Марс сечется за тебя, войском управляя,
Марс, с тобою и меня храбро защищая.
Бомбы в воздухе летят небо достигати,
Чтоб небесна на врагов грому там достати

И, на землю что падут, ад тем растворяти.
Анна, о изволь вовек мною ты владати.

3

Люди, земли, города ти к ногам валятся,
И под именем моим, поваляся, зрятся,
Расширяешь рубежи к жизни безопасной,
Чрез упадок что тобой злых врагов несчастной,
Мне ж довольно тя нельзя, Анна, величати,
За победы чем ты мя тщишься возвышати.
Молвлю ж громко я опять, – нельзя бо смолчати, –
Анна, о изволь вовек мною ты владати!

1739

Первые новожанровые стихотворения:

СОНЕТ

Когда вступил я в свет, вступив в него, вопил,
Как рос, в младенчестве, влекомый к добру нраву,
Со плачем пременял младенческу забаву.
Растя, быв отроком, наукой мучим был.

Возрос, познал себя, влюблялся и любил
И часто я вкушал любовную отраву.
Я в мужестве хотел имети честь и славу,
Но тщанием тогда я их не получил.

При старости пришли честь, слава и богатство,
Но скорбь мне сделала в довольствии препятство.
Теперь приходит смерть и дух мой гонит вон.

Но как ни горестен был век мой, а стонаю,
Что скончевается сей долгий страшный сон.
Родился, жил в слезах, в слезах и умираю.

1755

БАЛЛАД

Смертельного наполнен яда,
В бедах младой мой век течет.
Рвет сердце всякий день досада

И скорбь за скорбью в грудь влечет,
Подвержен я несчастья власти,
Едва креплюся, чтоб не пасти.

Ты в жизни мне одна отрада,
Одна утеха ты, мой свет!
За горести мне ты награда,
Котору счастье мне дает,
Мне в жизни нет иныя сласти.
Тобой сношу свирепство части.

В крови твоей, драгая, хлада
Ко мне ни на минуту нет.
Бодрюсь одним приятством взгляда,
Как рок все силы прочь берет.
Пускай сберутся все напасти,
Лишь ты тверда пребуди в страсти.

1755

МАДРИГАЛ

Арая изъяснил любовны в драме страсти
И общи с Прокрисой Цефаловы напасти
Так сильно, будто бы язык он русский знал,
Иль, паче, будто сам их горестью стенал.

1756

ЖУКИ И ПЧЕЛЫ

Басня

Прибаску
Сложу
И сказку
Скажу.
Невежи Жу́ки
Вползли в науки
И стали патоку Пчел делать обучать.
Пчелам не век молчать,
Что их дурачат;
Великий шум во улье начат.
Спустился к ним с Парнаса Аполлон

И Жуков он
Всех выгнал вон,
Сказал: «Друзья мои, в навоз отсель подите;
Они работают, а вы их труд ядите,
Да вы же скаредством и патоку вредите!»

1752(?)

СКАЗКА 1

Мужик у мужика украл с двора корову
И, в городе продав, камку себе купил.
Купил и к празднику скроил жене обнову.
С другого он двора быка себе стащил
И, ласку показав хозяюшке сугубу,
Сшил бострок, а теперь купил ей кунью шубу.
Молодка, на себя надев такой наряд,
Уж не работала, прелестна быть старалась
И двум детинушкам угодна показалась.
Они нечаянно нашли как будто клад.
Подпали молодцы, она не покрепилась.
На что же и наряд, когда бы не склонилась?
Один из них был тот, чей бык намнясь пропал,
Другой, – корова чья намнясь с двора пропала.
Молодка таинства в себе не удержала,
Как тот, так и другой про воровство спознал,
Перед судьею тать подробно обличился.
Не знал, как вышло то, однако повинился.
Побит. И велено, как суд определил,
Чтоб тотчас он быка с коровой заплатил.
Как не тужить ему? Он плакал без отрады,
Пришло на рынок несть все женины наряды.
«Не плачь, любезный муж, – речь женина была, –
Тебя мне только жаль, а я свое взяла».

1755

P. S. Вопреки нелестной характеристике, данной А. П. Сумарокову А. С. Пушкиным («Ты ль это, слабое дитя чужих уроков, / Завистливый гордец, холодный Сумароков...»), отметим несомненную заслугу осмеянного поэта в освоении новых поэтических жанров в отечественной изящной словесности.

МАЙКОВ
Василий Иванович

1. Родился в 1728 г. (дата приблизительная), умер 17 (28 н. ст.) июня 1778 г. в возрасте ок. 60 лет.

2. С юности В. Майков был причастен к театру, обладая несомненными способностями драматурга-стихотворца. Какие-либо сведения о первых стихотворных опытах отсутствуют. Ироикомические поэмы создавались в зрелом возрасте (1760-е).

3. Собрание сочинений поэта обычно открывают поэмы «Игрок ломбера» и «Елисей, или Раздраженный Вакх». Этим произведениям, несомненно, предшествовали ученические опыты, не дошедшие до нас. Поэтому в качестве первых опытов предлагаются разножанровые стихотворения.

КОЗЕЛ И ЖЕМЧУЖНАЯ РАКОВИНА

Басня

Козел, шатаяся, увидел мать жемчужну –
Так раковину все жемчужную зовут –
И, почитая ту за вещь для всех ненужну,
Сказал с насмешкою: «Ты, лежа век свой тут,
Какую сделала, скажи ты мне, услугу
Земному кругу?
А я всегда встаю с зарею по утрам,
Хожу пастись в луга и лажу по горам
День целый».
Ответ дала Козлу и Раковина смелый,
Сказавши так:
«Козел, дурак,
Когда ты по горам, тварь глупая, бродила,
В то время перло я жемчужное родила».

между 1763 и 1767

ОДА
ПО ВОСШЕСТВИИ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ, НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕЕ 1762 ГОДА

(*фрагмент*)

Спеши, спеши, о дух мой, смело!
Спеши, взносися на Парнас.
Воспеть великое толь дело
Возвысь, о лира, громкий глас,
Последуй радостному звуку,
Воспой Петрову ныне внуку,
Восшедшую на росский трон,
И повторяй веселы клики,
Колико чудеса велики
Соделал Бог, прервав наш стон.

Ликуй, Россия, ввек отныне,
В тебе нестройства больше нет;
Ты зришь Петра в Екатерине,
И в ней ты зришь Елисавет.
Она суд с милостью спрягает,
Повинных кротко исправляет,
Заслугам мзду она дает;
Рукой науки покрывает,
Другою милость проливает,
Как солнце луч в пространный свет.

Когда Господь хотел избавить
Народ любезный свой от бед
И тем могущество прославить
Свое во весь пространный свет, –
Воззрел к нам кроткими очами
И облеченную лучами
Послал свою премудрость к нам,
Воспосадил ее на троне
Страны сея ко обороне,
В отраду верным, в страх врагам.

О, коль блаженна ты, Россия,
В Екатерине кроткий дух.

Лети во все концы земные
Внушити, слава, громкий слух,
Что здесь премудрость на престоле,
И не страшит Россию боле
Суровость дмящихся врагов.
Ее императрице новы
Сплетаются венцы лавровы
От вернейших ее сынов,

Которых славные победы
В концах вселенныя гремят,
И коих о́крестны соседы
Дела геройски с страхом чтят,
Которых при Елисавете
И при Петре в пространном свете
Всегда гремели имена;
То знают Франкфурт и Полтава.
Но, ах, толика громка слава
Едва была уже слышна!

1762

СТИХИ К ИЗОБРАЖЕНИЮ ГОСПОДИНА ДИМЗДАЛЯ

Россия посреде утех своих страдала,
Когда она вреда от оспы ожидала.
Теперь скончался страх, мы полны все отрад,
Узря, что язвы сей спаслась Екатерина,
Узря спасенного ее любима сына, –
А спас их от нее сей мудрый Гиппократ!

1768

Одно из первых стихотворений:

ЦИТЕМЕЛЬ

Лишь солнце бросило лучи в луга и горы
И птички стали петь пришествие Авроры,
Согнало солнце тьму с земного круга прочь,
Вступал на небо день и исчезала ночь;
Влюбленный Цитемель минут тех не теряет,

Всех ранее в луга он стадо выгоняет;
Все спали пастухи еще по шалашам,
А Цитемель ходил с овцами по горам.
Единственно тому ни день, ни ночь не спится,
Когда кто вольности нечаянно лишится;
Так сей пастух вчерась с пастушками гулял,
И Филоменою он сердце оковал,
Которая ему прекрасней всех казалась;
Тут Цитемелева кровь жарко загоралась,
А ночью возросла неутолима страсть,
И если б ночь длинна, так мог бы он пропасть,
И, счастием его, ночь летня не вели́ка;
Хотя она мала, но скорбь его толика
В часы те возросла, что в горести пастух
Ни на единый миг не мог спокоить дух.
Уж солнце высоко на небесах сияет,
И утрення роса от жару высыхает;
Но в наступающи полдневные часы
Не зрит пастух его пленившие красы;
В недоумении тут Цитемель бывает,
Во все страны́ глядит, отвсюду ожидает,
Нейдет ли из кустов или с высоких гор
Пленивший мысль его пастушкин милый взор;
Но сколько бедный тот пастух ни зрит повсюду,
Не видит он своей любезной ниоткуду;
И так уж наконец, в задумчивости сей,
Кусточки и древа ему казались ей:
То вдруг перед глаза она к нему предстанет,
То в тот же миг его мечта сия обманет.
Не знает, что творить, несчастливый пастух.
Обманывал его и взор его, и слух.
То эхо нанесет тут голос Филомены,
И, ожидающий сей радостной премены,
Бежит он к той стране, где был услышан глас,
Бежит, и голосу не слышит в тот же час.
То вдруг позадь себя он быть ей уповает –
Не зрит ее нигде, куда он ни взирает.
«Уж в тех ли я теперь, – вещает он, – местах?
Иль стадо я мое в других пасу кустах?
Нет, в тех местах, и те кустарники и речки,

В которых был вчерась... паслися здесь овечки».
Уж долго мучился в сем ждании пастух,
Как вдруг вблизи его пронзил глас громко слух,
Которым был пастух безмерно востревожен,
Но страх видением и больше был умножен.
Он зрит любезную, бегущу из кустов,
Где он не чаял быть ни стад, ни пастухов.
За нею зверь гнался: был волк то преужасный,
И уж касается почти одежд прекрасной.
В случа́е таковом пастушке близок страх;
Увидевши пастух несчастье то в глазах,
Бросается чрез ров, который был меж ими,
И волка стал травить собаками своими;
И способом таким минулся общий страх:
Пастушка у него осталася в руках.
Тут краска вся с лица пастушкина сбежала,
Когда она без чувств в руках его лежала;
По бледности грудей разметанны власы
Сугубили еще пастушкины красы.
Пастух от радости и страха сам бледнеет,
В восторге ничего начать он не умеет,
Зря нежную в своем объятьи красоту,
Благополучной чтет себе минуту ту,
Которая его с любезной съединила
И что спасти ее от смерти допустила.
И подлинно, пастух был счастлив в этот час:
Пастушку от беды, себя от муки спас.
К отраде подает он способы сугубы,
Целует руки он, целует нежны губы,
И за труды свои приемлет наконец
От Филомены он и сердце, и венец.

1762

БАРКОВ
Иван Семенович

1. Родился в 1732 г., умер предположительно в 1768 г. в возрасте ок. 36 лет.

2. Первый русский абсолютно «самиздатовский» поэт (за 268 лет вышло всего три издания его стихотворений). Н. Новиков (современник) в «Опыте исторического словаря о Российских писателях» характеризует И. Баркова так: «Сей был человек острый и отважный, искусный совершенно в Латинском и Российском языке». И. Барков – переписчик (по легенде тех лет – «Российской грамматики» М. В. Ломоносова), переводчик и автор оригинальных, остросатирических, иронических и фривольных стихотворений. В 1744 г. поступил в духовную семинарию при Александро-Невском монастыре в Санкт-Петербурге, где обучался в классах богословском, философском, «реторическом», грамматическом и пиитическом. Сочинять (сознательно) И. Барков начал в возрасте 10–12 лет. Первые стихотворные опыты (сатиры) появились в списках в начале 1750-х гг. Поскольку тексты И. Баркова не имеют датировки, а ранние стихи безвозвратно утеряны, то оказывается невозможным отыскать фактически первое стихотворение, а парадигма данного стихотворения может быть представлена лишь приблизительно и фрагментарно.

3. Из ранних стихотворений:

САТИРА НА САМОХВАЛА

В малой философишки мнишь себя великим,
А чем больше мудрствуешь, ставишся диким.
Бегает тебя всяк: думает, что еретик,
Что необычайныи штуки делать ты обык.
Руки на лоб иногда, невзначай закинешь,
Некогда закусишь перст да вдруг же и вынешь.
Но случилось так оной головой качать тебе,
Как что размышлять и дивится сам себе.

Мог всяк подумать тут о тебе, смотритель,
Что великой в свет<е> ты и премудр учитель.
Мнение в народе умножаешь больше тем,
Что молчишь без меры и не говоришь ни с кем.
А когда о чем люди вопрошают,
Дороги твои слова из уст вылетают.
Правда скажешь, только прытка речь твоя весьма,
И то смотря косо, голову же заломя,
Тут то глупая твоя братья, все дивятся,
И в восторг пришедши жестоко ярятся:
«Чтоб когда такую же голову иметь и нам, –
Истинно бы нашим свет тогда предстал очам!»

1752–1753

НЕЧАЯННОЕ ВИДЕНИЕ

Мороз дерет меня по коже
но вдруг задор в сей час берет
в своем я брачном зрю ах! ложе
солдат жену мою ебёт
ебёт о зрение много злобно!
ярюсь тобою злюсь в сей час
ты гнев и страсть возжечь удобно
в каком смущении сей я рас?
поди стащи с жены тирана
задор мне тако вопиёт:
и чем чужим пизда попранна
еби ты сам как он ебёт
нет гнев иное в ум влагает
кричит мне и любовь
жена неверна изменяет
пролей жены неверной кровь
беру уж нож я в чисты руки
увы! боязнь мутит мой дух
какия снесть я должен муки
солдат как скочит с нее вдруг!
пердит жена под ним я слышу
пердит как он ее ебёт
но чуть от страха сам я дышу
ах! что как он в меня вабьёт?

1750-е

ПЕСНЯ

Ай, ай, ай, ау, ау, ау, о! хти-хти
кабы теперь локтя в три
хоть и есть хуёк в локоток,
да и тот стал короток

Ах, куды я не пойду
а в три локтя не найду
не найду, ах! я грущу
толще хуя не сыщу

И я с горести с кручины
с толстохуевой причины
и столь глупой хлопоты
проебаю животы

Хоть всего добра лишусь
толстым хуем наебусь
разъебусь, млада, я в кровь
мне то делает любовь

Моя пизда не ребячья
хочет хуя жеребячья
гранадерских хуя три
хоть теперь в нее вопри.

Уж терпенья больше нет
не мил мне без ебли свет
ай, ай, ау, о! хти-хти
етись хочу в хуя три

Поди милой пастушок
поди милой мой дружок
утешь горесть ты в пизде
я етись хочу везде.

Пастух с радостью предстал
весь мой хуй вострепетал
штаны стал он растегать
хуй претолстой вынимать.

Душа радость мой пастух
забивай ты в меня вдруг
прежде спереди я дам
потом сзади приподдам.

Ай, ай, ау, о! хти-хти
во мне хуй есть локтя в три
хоть пизду с жопой сравняй
и муде туда ж впехай

Пизда с радости играет
секель сладость ощущает
проливает в сладость кровь.
о! приятная любовь.

Ай! вся горесть уж прошла
красна плешь в пизду вошла
подвигай пастух скорей
забивай в меня плотней

До яиц, милой, сажай
и как можно надсажай
ай! прижмись мой свет к пизде
шевели пастух везде

Хоть кишки все разъеби
только ты меня люби
до пупка мой свет достань
а потом уж перестань.

Вот скажу, что наеблась
пизда кровью облилась
и на секеле лоток
не залезет в пизду клок.

Я молодка не девица
с пизды согната площица
веселись теперь пизда
полна соусу манда.

175?

Стихи, открывающие первое научное издание стихотворений И. С. Баркова:

ОДА НА ВСЕРАДОСТНЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА БЛАГОЧЕСТИВЕЙШАГО ГОСУДАРЯ ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА, ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО И ПРОЧ. И ПРОЧ. И ПРОЧ.

(*фрагмент*)

Восстань Россия, оживляйся,
Оставь в сей день печаль твою,
Отерши слезы утешайся,
ПЕТРОВО рождество пою,
Великаго Монарха внука;
Прочь вся сердечна боль и мука,
Дух томный бодро воспряни,
Воздав усердный долг богине,
Которой мы лишившись ныне
В тумане ясны видим дни.

Се зрим сияющаго в славе
Героя храбра и отца,
И крепости Его державе
Желаем вечной от Творца,
Да будет оная толика,
ПЕТРОВА Милость сколь велика,
Сколь к подданным любовь ясна.
ЕЛИСАВЕТЕ в том подобен,
Монарх наш кроток, щедр, незлобен,
О всех печется, как Она.

Великий Петр на то родился,
Чтоб вечно славой восхищен
Весь свет делам Его чудился;
А Ты, Монарх, к тому рожден,
Чтоб Россов тишину с блаженством
Твоим умножив долгоденством,
Врагам был страшен, как и Дед.
Благополучны мы Тобою,
Хоть к вечному прешла покою
Великая ЕЛИСАВЕТ.

Подверженны пременам твари,
Живут и кончат бытие;
Но те безсмертны Государи,
Которых славно житие.
Мы жизнь летящу человека
Не мерим долготою века,
Но славою полезных дел;
Коль паче славны и велики
Те чтутся на земли Владыки,
О коих промысл сам радел.

1762

ХЕРАСКОВ
Михаил Матвеевич

1. Родился 25 октября 1733 г., умер 27 сентября 1807 г. в возрасте ок. 74 лет.

2. Первые стихотворные опыты относятся к 1744–1751 гг. – времени пребывания поэта (начиная с восьмилетнего возраста) в Сухопутном шляхтетном (дворянском) кадетском корпусе (из стен которого вышел не один поэт XVIII в.). В 1751 г. выходит в свет (первая публикация) «Ода на воспоминание победы Петра Великого над шведами» (автору 18 лет). Вторая публикация состоялась в 1753 г. – «Ода императрице Елисавете Петровне на день восшествия ее на престол». В 1755 г. в Академии наук, в журнале «Ежемесячные сочинения» печатаются басни, сонеты и эпиграммы двадцатидвухлетнего поэта. В том же году публикуется «Ода Анакреонтова», в которой преобладает не дидактический, а истинно анакреонтический тон:

Чтоб грозной смерти не страшиться,
Чтоб дух кончиной не крушить,
Я вечно буду веселиться
И вечно буду я любить...

Юный поэт одним из первых сделал предметом оды не историческое событие, а душевное состояние молодого человека.

3. Первые стихотворения не одического жанра:

СОНЕТ И ЭПИТАФИЯ

Я век свой по свету за пищею скитался,
Пристанища себе нигде я не имел,
Везде я странствовал, жил тамо, где хотел,
Чужим я был одет, чужим я и питался.

Убогим сиротой от матери остался,
Но свет, прияв меня, как сына воспитал,
Всяк пищу мне давал, и мною всяк гнушался,
Но я отцами всех на свете почитал.

Всечасно был гоним я в свете роком строгим,
Родился сиротой, живот скончал убогим,
И видел множество различных счастья проб.

Как жизнь та ни гнусна, но я об ней жалею,
Я небом был покрыт, а днесь покрыт землею,
Мой дом был целый свет, а ныне тесный гроб.

1755

СОРОКА В ЧУЖИХ ПЕРЬЯХ

Басня

Сорока в перья птиц прекрасных убралась,
Как будто вновь она в то время родилась.
Но можно ли одной убором любоваться?
Сестрицам надобно в порядке показаться.
Отменной выступью пошла,
И стадо птиц нашла;
Взгордяся перьями чужими,
Ворочалась пред ними;
То подымает нос, то выставляет грудь,
Чтоб лучше тем птиц прочих обмануть.
Но величалась тем Сорока очень мало:
Природной простоты убранство то не скрало,
Могли тотчас обман все птицы угадать.
За то, чтоб наказать,
По перышку из ней все начали щипать.
Вся тайна оказалась,
Сорока бедная сорокою осталась.

1756

СТАНСЫ

***

Только явятся
Солнца красы,
Всем одеваться
Прúдут часы.

Боже мой, боже!
Всякий день то же.

К должности водит
Всякого честь;
Полдень приходит –
Надобно есть.

Боже мой, боже!
Всякий день то же.

Там разговоры
Нас веселят;
Вести и ссоры
Время делят.

Боже мой, боже!
Всякий день то же.

Ложь и обманы
Сеет злодей;
Рвут, как тираны,
Люди людей.

Боже мой, боже!
Всякий день то же.

Строги уставы
Мучат нас век:
Денег и славы
Ждет человек.

Боже мой, боже!
Всякий день то же.

Тот богатится,
Наг тот бредет;
Тот веселится,
Слезы тот льет.

Боже мой, боже!
Всякий день то же.

Счастье находим,
Счастье губи́м.
Чем жизнь проводим?
Ходим да спим.

Боже мой, боже!
То же да то же.

Время, о! время,
Что ты? Мечта.
Век наш есть бремя,
Всё суета.

Боже мой, боже!
Всякий день то же.

Сколько ни видим
В мире сует,
Не ненавидим –
Любим мы свет.
Боже, о! боже,
Любим и то же.

1761

***

Всяк на свете сем хлопочет,
Чтоб фортуну основать.
Мастером кузнец быть хочет,
Не учась коня ковать.

Всякий мысли взводит выше,
Только лучше жить потише.

Вымысля наряд дурацкий,
Плав разумным хочет слыть;
Карт игру продав, посадский
Хочет в море с флотом плыть.

Всякий мысли взводит выше,
Только лучше жить потише.

Живописец, если смыслит
Написати углем нос,
То себя таким уж числит,
Что напишет весь хаос.

Всякий мысли взводит выше,
Только лучше жить потише.

Затмевая рассужденье,
Кто насилу пять сочтет,
Силясь тот в нравоученье,
Что ни придет в разум, врет.

Всякий мысли взводит выше,
Только лучше жить потише.

Кто на гуслях марш умеет,
Как ходили под Дербент,
Тот хвататься не робеет
И за всякий инструмент.

Всякий мысли взводит выше,
Только лучше жить потише.

Сплел стишок другой писатель,
Уж несется высоко;
А несмысленный читатель
Смыслит книги глубоко.

Всякий мысли взводит выше,
Только лучше жить потише.

Всяк на свете беспокоен
Состоянием его,
Уповая, что достоин
Лучшей части для него.

Всякий мысли взводит выше,
Только лучше жить потише.

О! когда б мы получили
Всё, что наши льстит умы,
Все бы мы счастливы были,
Но не знали б счастья мы.

Всякий мысли взводит выше,
Только лучше жить потише.

Кто себя не ограничит
И прославиться спешит,
Тот свой ум как ни величит,
Но лишь только свет смешит.

Чем нестися в мыслях выше,
Лучше всем нам жить потише.

1762

Стихотворение, открывающее наиболее полное современное собрание сочинений:

ОДА
НА ДЕНЬ ВЫСОЧАЙШЕГО РОЖДЕНИЯ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, 1763 ГОДА

(*фрагмент*)

Прекрасно солнце в дни весенны
Приемлет новые красы;
От нас Бореем унесенны,
Приятны отдает часы;
Свои лучи усугубляет
И всю натуру оживляет:
Ключи в брегах с журчаньем бьют,
Леса и нивы зеленеют,
Стада бегут, цветы пестреют, –
Пастушки там весну поют.

О ты, прекрасно солнце наше,
Монархиня, внемли мой глас:
Твое правленье, солнца краше,
Бодрит и утешает нас;
Рожденна ты весной подобно,
Скончать в России время злобно,
Восставить мир и тишину;
От внешних сохранить злодеев,
Прогнать ревущих вкруг Бореев
И вечну возвратить весну.

Блистающа небесным светом,
Под сенью божеских лучей,
И нам, всевышнего обетом,
Земных дарующа царей,
Когда рождаешь ты, судьбина,
Таких, как днесь Екатерина, –
Отменны таковые дни!
Представь ты их передо мною:
Как чисто солнце пред луною,
Горят пред прочими они!

ДЕРЖАВИН
Гаврила Романович

1. Родился 3 (14 н. ст.) июля 1743 г., умер в ночь с 8 на 9 (с 20 на 21 н. ст.) июля 1816 г. в возрасте 73 лет.

2. По преданию, недоношенный и «запеченный в хлеб», едва окрепший младенец, когда его однажды вынесли в ночь, чтобы показать звездное небо, указал перстом на явившуюся в тот год комету и произнес первое свое слово: «Бог!» Г. Державин в возрасте четырех лет выучился читать (Псалтырь), в зрелом состоянии создал оду «Бог», а умирая, недосочинил гениальное «Река времен...». Его первые стихотворные опыты, не дошедшие до нас, предположительно, относятся к гимназическим годам.

3.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ЛЮБВИ

Хоть вся теперь природа дремлет,
Одна моя любовь не спит;
Твои движенья, вздохи внемлет
И только на тебя глядит.

Приметь мои ты разговоры,
Помысль о мне наедине;
Брось на меня приятны взоры,
И нежностью ответствуй мне.

Единым отвечай воззреньем
И мысль свою мне сообщи:
Что с тем сравнится восхищеньем,
Как две сольются в нас души?

Представь в уме сие блаженство
И ускоряй его вкусить:
Любовь лишь с божеством равенство
Нам может в жизни сей дарить.

1770

НИНЕ

Не лобызай меня так страстно,
Так часто, нежный, милый друг!
И не нашептывай всечасно
Любовных ласк своих мне вслух;
Не падай мне на грудь в восторгах,
Обняв меня, не обмирай.

Нежнейшей страсти пламя скромно;
А ежели чрез меру жжет,
И удовольствий чувство полно, –
Погаснет скоро и пройдет.
И, ах! тогда придет вмиг скука,
Остуда, отвращенье к нам.

Желаю ль целовать стократно,
Но ты целуй меня лишь раз,
И то пристойно, так, бесстрастно,
Без всяких сладостных зараз,
Как брат сестру свою целует:
То будет вечен наш союз.

1770

ИДИЛЛИЯ

Не мышлю никогда за Пиндаром гоняться
И бурным вихрем вверьх до солнца подыматься;
Чтоб Фениксом не стать, боюся я того
И в жару б не сгореть в пол века моего,
Не треснуть бы с огня.
Стихи мои слагать,
Довольно для меня
Зефиру подражать;
Он нежно на цветы и розы красны дует
И все он их цалует;
Чего же мне желать? Пишу я и цалую
Анюту дорогую.

начало 1770-х

Стихотворение, обычно открывающее собрание сочинений поэта:

БОГ

(*фрагмент*)

О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах Божества!
Дух, всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: – *Бог*!

Измерить океан глубокий,
Сочесть пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий, –
Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны,
От света Твоего рожденны,
Исследовать судеб Твоих:
Лишь мысль к Тебе взнестись дерзает,
В Твоем величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.

1784

БОГДАНОВИЧ
Ипполит Федорович

1. Родился 23 декабря (3 января н. ст.) 1743 г., умер 6 (17 н. ст.) января 1803 г. в возрасте ок. 60 лет.

2. В 15 лет И. Богданович знакомится с М. М. Херасковым, который был на 10 лет старше юного стихотворца. Следовательно, уже в этом возрасте И. Богданович занимался сочинительством. После 1760 г. в журнале «Полезное увеселение», основанном Херасковым, впервые появились стихи Богдановича.

3. Первые опубликованные стихи:

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПАСТУХА В РЕКУ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ БОЛОТА

Кларису зря с высоких гор,
Алцип близ чистых вод, в долине,
И зря ее несклонный взор,
Пенял за то своей судьбине,
Что каждый день Кларису зрит
И каждый день в тоске страдает;
Что пленный дух она томит,
Приятных дней его лишает.
Клариса каждый день в водах
Приходит мыться обычайно;
И каждый день Алцип в кустах
Прельщается Кларисой тайно.
Не смеет к строгой подступить,
Не смеет ей в любви открыться,
Чтоб гнев любовью не купить
И всей надежды не лишиться.
Любовью робкою смущен,
Богов он просит неотступно,
Чтоб был он в реку превращен,
Надеясь быть с любезной купно,

Когда Клариса к тем водам
Придет нагая обмываться,
Ко всем он будет красотам
Своей любезной прикасаться.
Богов он втуне упросил,
Его надежда обманула:
Когда Алцип рекою был,
Клариса в оной утонула.
Алцип сто раз судьбину клял,
Что ею так наказан грозно;
И втуне смерти он желал:
Сие желанье было поздно,
Водам не можно умирать;
Лишь только, без своей любимой,
В тоске осталось иссыхать
И в горести неутолимой,
Где прежде лил прозрачный ток,
На месте том болото ныне;
Мутится там всегда песок,
И шум ключей умолк в пустыне.
Но если в берег бьет волной,
То кажется, что бьет со вздохом;
Брега, как будто сединой,
Покрылись тамо белым мохом.
Уединяясь от людей,
Места там стали непроходны;
И кажут будто слез ручей,
Где видятся теченья водны.

1760

***

Доколе буду я забвен
В бедах, о Боже мой, тобою?
Доколе будешь отвращен
От жалоб, приносимых мною?
Доколе вопиять, стеня?
Мое всечасно сердце рвется:
Доколе враг мой мне смеется,
Всегда в напасти зря меня?

Я милости ко мне твои
В бедах толиких призываю,
Да не рекут враги мои,
Что я напрасно уповаю.
Спаси в напасти мой живот,
В слезах обрадуй и в печали,
Дабы злодеи то познали,
Что ты Господь и Бог щедрот.

Будь страшен всем моим врагам,
Что в злобе на меня стремятся,
Будь мне от них защитник сам:
Тобой их сети сокрушатся.
Твою я милость воспою
В весь век мой, данный мне тобою,
Что ты всемощною рукою
От рук врагов спас жизнь мою.

1760

***

Хвалите Господа небес,
Хвалите все небесны силы,
Хвалите все его светилы,
Исполненны его чудес.

Да хвалит свет его и день,
Земля и воздух, огнь и воды;
Да хвалят рыб различны роды,
Пучины, бездны, мрак и тень.

Да хвалят холмы и древа,
Да хвалят звери, гады, птицы,
Цари, владыки, сильных лицы
И всяка плоть, что им жива.

Да хвалит своего творца,
Да хвалит всякое дыханье:
Он милует свое созданье,
И нет щедрот его конца.

1760

ХЕМНИЦЕР
Иван Иванович

1. Родился 5 (16 н. ст.) января 1745 г., умер 20 (31 н. ст.) марта 1784 г. в возрасте 39 с небольшим лет.

2. Поэт, обладая многими талантами (военное дело, медицина, минералогия, горное дело), лишь в двадцатилетнем возрасте, попав в литературное общество благодаря Н. А. Львову (близкий друг Г. Р. Державина), начинает свою текстотворческую деятельность. Среди первых его стихотворных опытов – «Стихи на именины М. Ф. Соймонова» (23 мая 1773 г.):

Всяк, кто родством к тебе и дружбой прилеплен,
Всяк торжествует днесь и духом восхищен...

3. Стихи, написанные по-немецки (ок. 1769):

ERZÄHLUNG

Ein Spötter des Apollo Leier
Stritt einst mit einem kühnen Feuer
Der Dichtkunst die Verdienste ab.
Ein Hochzeitscarmen wars und andere Gedichte,
Bloß der Gewinnsucht schlechte Früchte,
Was zur Verachtung Anlaß gab.
Ein Dichter von Verdienst war bei dem Spott zugegen.
Zu diesem sagte er: «Nicht wahr, mein Herr, Sie mögen
Doch auch wohl gerne poesieren?»
– «O ja, mein Herr, ich schreib auf Narren gern Satiren!»

Перевод:

БАСНЯ

Насмешник некий издевался
Над стихотворчеством и клялся,
Что в лире Феба чести нет,
Стихи любые-де одна корысть рождает,

Алчба писать их побуждает,
Вот отчего презрен поэт.
Поэту славному при этом быть случилось.
Ему насмешник сей: «Вам, верно, полюбилось
Позванивать струнами лиры?»
– «Да-с! Сочинять люблю на дураков сатиры».

***

Mich reizt ein dichterischår Trieb,
Voltairens großen Geist im Dichten zu besingen.
O möchte mir doch dieses Lied gelingen!
Wohlan! So will ich ihn besingen:
Er sprach zur Feder: «Schreib!», und seine Feder schrieb.

Перевод:

Мне страсть писать долит нутро,
Велит воспеть стихом Вольтеров дух нетленный.
Когда б то сделать песнею отменной!
Что ж! так пою я дух нетленный:
Он рек перу: «Пиши!» И слушалось перо.

Один из первых опытов (ок. 1770):

ПИСАТЕЛЬ

Писатель что-то сочинил,
Чем сам он недоволен был.
В способности своей писатель сомневался,
А потому
Ему
И труд свой не казался;
И так он не ласкался
Уж похвалу ту получить,
Котору заслужить
Старался.
В сомненьи сем ему невежда предстает.
Писатель тут на рассужденье
Свой труд невежде подает.

«Пожалуй, – говорит, – скажи свое ты мненье
На это сочиненье».
Судьей невежда стал,
Судил, решил, определял:
Ни в чем не сомневался,
Ничем он не прельщался,
И только что кричал:
«Вот это низко здесь! там то неблагородно!
В том месте темен смысл! тут вовсе нет его!
Вот это с правдою не сходно!
Здесь остроты нет ничего!
Тут должно иначе... получше изъясниться!
А эта речь проста... и... не годится!»
И всё невежда вкось и вкриво толковал.
Что он невежда был, о том писатель знал,
И про себя сказал:
«Теперь надежда есть, что труд мой не пропал».

1770-е

РАДИЩЕВ
Александр Николаевич

1. Родился 20 (31 н. ст.) августа 1749 г., умер в ночь с 11 на 12 февраля 1802 г. в возрасте 52 с лишним лет.

2. Не имеется каких-либо достоверных сведений о первых стихотворных опытах А. Н. Радищева. Известно, что, находясь в Пажеском корпусе (который сегодня можно было бы доименовать как литературный) с 1762 г. (с 13 лет), юный Радищев знакомится (в ряду других) с Д. И. Фонвизиным, с братом которого юноша находился в товарищеских отношениях. В те годы (особенно в 1766-м, когда Радищев с друзьями отправляется в Лейпцигский университет), без сомнения, наряду с юридическими, историческими, философскими и иными, поэт начинает и литературные занятия. Радищев изучает труды Вольтера, Монтескье, Руссо, Мабли, Гольбаха, делает своим интеллектуальным наставником Гельвеция («Об уме»). Предположительно в это время будущий писатель пытается создавать философские и сатирические произведения. В 1772 г. в журнале Н. И. Новикова (первого русского вольного журналиста) Радищев анонимно (по свидетельству его сына П. А. Радищева) публикует «Отрывок путешествия в *** И*** Т***», а также примечания (1773) к книге Г. Мабли «Размышления о греческой истории».

А. Н. Радищев, будучи крупным чиновником, вне времени службы активно занимается литературой.

3. Стихотворения, обычно открывающие собрание сочинений:

ПЕСНЯ

Ужасный в сердце ад,
Любовь меня терзает;
Твой взгляд
Для сердца лютый яд,
Веселье исчезает,

Надежда погасает,
Твой взгляд,
Ах, лютый яд.

Несчастный, позабудь...
Ах, если только можно,
Забудь,
Что ты когда-нибудь
Любил ее неложно;
И сердцу коль возможно,
Забудь
Когда-нибудь.

Нет, я ее люблю,
Любить вовеки буду;
Люблю,
Терзанья все стерплю
[Ее не позабуду]
И верен ей пребуду;
Терплю,
А всё люблю.

Ах, может быть, пройдет
Терзанье и мученье;
Пройдет,
Когда любви предмет,
Узнав мое терпенье,
Скончав мое мученье,
Придет,
Любви предмет.

Любви моей венец
Хоть будет лишь презренье,
Венец
Сей жизни будь конец;
Скончаю я терпенье,
Прерву мое мученье;
Конец
Мой будь венец.

Ах, как я счастлив был,
Как счастлив я казался;
Я мнил,
В твоей душе я жил,
Любовью наслаждался,
Я ею величался
И мнил,
Что счастлив был.

Все было как во сне,
Мечта уж миновалась,
Ты мне,
То вижу не во сне,
Жестокая, смеялась,
В любови притворялась
Ко мне,
Как бы во сне.

Моей кончиной злой
Не будешь веселиться,
Рукой
Моей, перед тобой,
Меч остр во грудь вонзится.
Моей кровь претворится
Рукой
Тебе в яд злой.

первая половина
1770-х(?)

ТВОРЕНИЕ МИРА

(*фрагмент*)

ПЕСНОСЛОВИЕ

Хор

Тако предвечная мысль, осеняясь собою
И своего всемогущества во глубине,
Тако вещала, егда все покрытые мглою
Первенственны семена, опочив в тишине,
Действия чужды и жизни восторга лежали,
Времени круга миры когда не измеряли.

Б о г

Един повсюду и предвечен,
Всесилен Бог и бесконечен;
Всегда я буду, есмь и был,
Един везде вся исполняя,
Себя в себе я заключая,
Днесь всё во мне, во всем я жил.
Но неужель всегда пребуду
Всесилен мыслью, мыслью Бог?
И в недрах божества забуду
То, что б начати я возмог?
Или любовь моя блаженна
Во мне пребудет невозжженна,
Безгласна, томна, лишь во мне
Всевечно жар ее пылая,
Ужель, бесплодно истлевая,
Пребудет божества во дне?
Расшири́м себе пределы,
Тьмой умножим божество,
Совершим совета меры,
Да явится вещество.

Х о р

Вострепещи днесь, упругое древле ничто!
Ветхий се деньми грядет во могуществе стройном,
Да сокрушит навсегда смерть во царстве покойном,
Всюду да будет жизнь, радость, утехи.

Б о г

Но что
Начнем? –
Речем:
Возлюбленное слово,
О, первенец меня!
Ты искони готово
Во мне, я ты, ты я.
Тебе я навсегда вручаю
Владычество и власть мою,
В тебе любовь я заключаю,

Тобою мир да сотворю.
Исполнь божественны обеты,
Яви твореньем божество,
Исполнь премудрости советы,
Твори жизнь, силу, вещество.
Тобою я прославлюсь,
Бездействия избавлюсь,
Ты то явишь, что я возмог,
А я в себе почию, Бог.

Хор

Мертвые днесь развевайтеся сени,
Жизни начало зиждитель дает;
В жизни всегдашней не будет премены,
Мрачна пустыня познает, что свет.

Слово

Начнем творить, – что медлю я?
Иль воля вечного бессильна?
Иль мысль его не изобильна?
Иль зрит препону власть моя?

Часть хора

Нежная любовь тревожит
Бесконечные судьбы,
И гаданье скорби множит
Мира будущи беды.

Часть хора

Отверзись, мрачная пучина,
Грядущего пади покров,
Явися, будуща судьбина,
Предел тебе положит Бог!

1783

КАПНИСТ
Василий Васильевич

1. Родился 12 (23 н. ст.) февраля предположительно 1758 г., умер 28 октября (9 ноября н. ст.) 1823 г. в возрасте 65 лет.

2. В 13 лет зачислен в школу при лейб-гвардии Измайловском полку в чине капрала. Здесь завязывается дружба с Николаем Александровичем Львовым (будущим летописцем своих многих литературных дружб). После окончания полковой школы в 1773 г. переведен в лейб-гвардии Преображенский полк, где встречается с Г. Р. Державиным, ставшим позднее его другом. В середине 1770-х гг. знакомится с баснописцем И. И. Хемницером. В период общения с литераторами кружка Н. А. Львова В. Капнист пишет и свои первые стихотворения.

В 1774 г. создает оду (на французском) по случаю победы над Турцией и в 1775 г., выйдя в отставку, публикует ее. В 1780 г. обретает известность как стихотворец после публикации «Сатиры первой».

3. Стихотворение, обычно открывающее собрание сочинений:

САТИРА ПЕРВАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ*
(*фрагмент*)

Кто сколько ни сердись, а я начну браниться:
С бездельством, с глупостью людской мне не ужиться.
Везде продерзостный беспутство кажет вид;
Бесчестие в чести, из моды вышел стыд,
Почти с кем ни сойдусь, с кем речь ни начинаю –

* Она напечатана была в «Вестнике», в июне месяце, под заглавием «Сатира первая». Но как сочинитель приметил, что злословие относило к лицам изображаемые в ней пороки вообще, то перестал писать сатиры и напечатал сию в «Собеседнике любителей российского слова» под нынешним заглавием. Смотри «Соб. люб. рос. слова», часть V.

Или невежество, или порок встречаю.
Куда ни кинь, так клин: тот честен, так глупец;
Другой умен, так плут, ханжа, обманщик, льстец;
И, словом, в свете сем так редки Аристиды,
Как гладкие стихи в творце «Тилемахиды».

В приказе некогда расправы я искал,
В котором Бестолков судьею заседал.
Бесспорно, Бестолков был честен, благороден,
Ни правых обвинить, ни взятки брать не сроден,
Был добрый человек и мне служить хотел,
Но сделать мне добра, к несчастью, не умел.
Жена его умна и мне б помочь умела,
Но я был не по ней, могла, да не хотела.

Что ж делать? искони таков уже сей свет:
Не глупость, так порок в нем первенство берет:
Надутов в знать вошел – так всех пренебрегает,
Завистов чином мал – так знатных презирает,
И хочет, предприяв ничьих заслуг не чтить,
Иль всем равнять себя, иль всех с собой сравнить.
Казну обворовав, обворовав соседов
И вором на суде изобличенный Вредов,
По милости людей, которых обокрал,
Избавился столба и ссылки миновал;
Теперь боярам брат, деревни покупает
И тех каретою своею в грязь толкает,
Которых по миру таскаться он пустил.
А я, чтоб я таких уродов не журил?
Чтоб, видя глупости одних, других пороки,
Я стал молчать? нет, нет; скорей, отсрочá сроки,
Не станет ростовщик на росты росты драть,
Скорей подьячие не станут взятки брать,
Скорей по-лю́дски жить и мыслить Чу́днов станет,
Чем правдой мой язык их уличать устанет.

1779–1780, 1783

НАГРАДА ПРАВЕДНОГО

Псалом 1

Блажен, в совет кто нечестивых
Нейдет, на грешных путь не стал
И на седалище кичливых
Губителей не восседал.

Но всею волей покорится
Закону Бога своего,
И днем и ночью поучится
В заветах праведных его.

Как древо будет насажденно,
Что при истоках вод растет,
Плодом во время отягченно,
И лист его не отпадет.

Во всем, что ни творит, успеет.
Не тако грешные, не так:
Но яко прах, что ветр возвеет
С лица земли в пустых степях.

На суд не встанут нечестивы,
Ни грешны к праведным в совет;
Господь бо весть пути правдивы,
А злых в пути погибель ждет.

1790-е

НЕВЕРНОСТЬ

Ода

Поля, леса густые!
Спокойствия предел!
Где дни мои златые,
Где я Лизету пел?
Судьбы моей премену
Теперь я вам пою:
Лизетину измену
И верность к ней мою.

В глазах ее всечасно
Любви огонь блистал;
Казалось, так же страстно
И дух ее пылал.
Но взор младой Лизеты
Стремился лишь пленять.
Ах! как в такие леты
Уметь уж изменять!

Приятны разговоры,
Улыбка, страстный вид
И самы нежны взоры –
Всё в ней притворно льстит;
Но всё в ней прелесть нова!
Ах! пусть она б была
Или не так сурова,
Или не так мила.

Лесок, где я тоскую,
Где счастье зрел мое,
Напомни мне драгую –
Я всё люблю ее.
Ее неверность знаю,
Тьму горестей терплю,
Всечасно ей пеняю,
А все ее люблю.

1781

ЭПИГРАММА

Недавно вздумалось *Героду*
В две стро́фы сделать оду,
И только лишь о том
Герод наш суетится,
Чтобы своим ее наполнить всю умом;
Посетуйте о нем:
Бедняжка разорится.

1780

КАРАМЗИН
Николай Михайлович

1. Родился 1 (12 н. ст.) декабря 1766 г., умер 22 мая (3 июня н. ст.) 1826 г. в возрасте 59 с половиной лет.

2. В Московском пансионе Шадена Н. Карамзин, по всей видимости, создает свои первые стихотворные опыты (в возрасте 10–12 лет). Затем служит в гвардии, где знакомится с уже писавшим стихи будущим знаменитым баснописцем И. И. Дмитриевым. В 1784 г. (в возрасте 18 лет) выходит в отставку и четыре года проводит в обществе масонов (1785–1789). В эти годы впервые публикует свои стихотворные (в духе предромантизма) опыты, а в 1794 г. издает первую книгу стихотворений «Мои безделки».

3. Из ранних стихотворений:

ПОЭЗИЯ

(*фрагмент*)

Die Lieder der göttlichen Harfenspieler schallen mit Macht, wie beseelend.

Klopstok*

Едва был создан мир огромный, велелепный,
Явился человек, прекраснейшая тварь,
Предмет любви Творца, любовию рожденный;
Явился – весь сей мир приветствует его,
В восторге и любви, единою улыбкой.
Узрев собор красот и *чувствуя себя*,
Сей гордый мира царь почувствовал и Бога,
Причину бытия – толь живо ощутил,
Величие Творца, его премудрость, благость,

[2] *Песни божественных арфистов звучат как одухотворенные.* Клопшток (нем.).

Что сердце у него в гимн нежный излилось,
Стремясь лететь к отцу... Поэзия святая!
Се ты в устах его, в источнике своем,
В высокой простоте! Поэзия святая!
Благословляю я рождение твое!

Когда ты, человек, в невинности сердечной,
Как роза цвел в раю, Поэзия тебе
Утехою была. Ты пел свое блаженство,
Ты пел Творца его. Сам Бог тебе внимал,
Внимал, благословлял твои святые гимны:
Гармония была душою гимнов сих –
И часто ангелы в небесных мелоди́ях,
На лирах золотых, хвалили песнь твою.

Ты пал, о человек! Поэзия упала;
Но дщерь небес еще сияла лепотой,
Когда несчастный, вдруг раскаяся в грехе,
Молитвы воспевал – сидя на бережку
Журчащего ручья и слезы проливая,
В унынии, в тоске тебя воспоминал,
Тебя, эдемский сад! Почасту мудрый старец,
Среди сынов своих, внимающих ему,
Согласно, важно пел таинственные песни
И юных научал преданиям отцов.
Бывало иногда, что ангел ниспускался
На землю, как эфир, и смертных наставлял
В Поэзии святой, небесною рукою
Настроив лиры им –

Живее чувства выражались,
Звучнее песни раздавались,
Быстрее мчалися к Творцу.

1787

***

Часто здесь в юдоли мрачной
Слезы льются из очей;
Часто страждет и томится,
Терпит много человек.

Часто здесь ужасны бури
Жизни океан мятут;
Ладия наша крушится
Часто среди ярых волн.

Наслаждаясь, унываем;
Веселяся, слезы льем.
Что забава, то причина
Новая крушить себя.

На кусту здесь Филомела
Нежны песенки поет;
Ей внимая, воздыхаешь,
Вспомня, сколько беден ты.

Чем во внешности утехи
Чаще будешь ты искать,
Тем ты более постраждешь,
В жизни горечи найдешь.

Что в том нужды, что страдаешь
Ты почасту от себя?
Ты, страдая, смело можешь
Звать несчастливым тебя.

Но ты должен постараться
Скорби уменьшать свои,
Сколь возможешь утешаться,
Меньше мучить сам себя.

Впредь не думай, что случиться
Может страшного тебе;
Коль случилось, ободряйся;
Что прошло, позабывай.

Не ликуй ты при забавах,
Чтоб не плакать после их;
Чем кто более смеется,
Тем вздыхает чаще тот.

Ни к чему не прилепляйся
Слишком сильно на земле;
Ты здесь странник, не хозяин:
Всё оставить должен ты.

Будь уверен, что здесь счастье
Не живет между людей;
Что́ здесь счастьем называют,
То едина счастья тень.

1787

ИЗ ПИСЬМА К И. И. ДМИТРИЕВУ

Но что же скажем мы о времени прошедшем?
Какими радостьми, мой друг, питались в нем?
Мы *жили*, *жили* мы – и более не скажем,
И более сказать не можем ничего.
Уже наш шар земной едва не четверть века
Свершает круглый путь, вкруг солнца обходя,
Как я пришел в сей мир, иль, попросту, родился;
Но всё, мой друг, мне всё казалось время сном –
Бывали страшны сны, бывали и приятны;
Но значат ли что сны? Не суть ли только дым?

1787

< ИЗ ПИСЬМА К И. И. ДМИТРИЕВУ >

Любовник Флоры не играет,
Не резвится у нас в лугах;
Борей шумит, древа качает –
А мы сидим в своих домах.

18 мая 1788

XIX век

ПУШКИН Василий Львович
КРЫЛОВ Иван Андреевич
КОЗЛОВ Иван Иванович
ЖУКОВСКИЙ Василий Андреевич
ГНЕДИЧ Николай Иванович
ДАВЫДОВ Денис Васильевич
ГЛИНКА Федор Николаевич
БАТЮШКОВ Константин Николаевич
ВЯЗЕМСКИЙ Петр Андреевич
ГРИБОЕДОВ Александр Сергеевич
РАЕВСКИЙ Владимир Федосеевич
РЫЛЕЕВ Кондратий Федорович
МЯТЛЕВ Иван Петрович
БЕСТУЖЕВ Александр Александрович
ДЕЛЬВИГ Антон Антонович
ПУШКИН Александр Сергеевич
БАРАТЫНСКИЙ Евгений Абрамович
ОДОЕВСКИЙ Александр Иванович
ЯЗЫКОВ Николай Михайлович
ТЮТЧЕВ Федор Иванович

ХОМЯКОВ Алексей Степанович
ПОЛЕЖАЕВ Александр Иванович
ВЕНЕВИТИНОВ Дмитрий Владимирович
ПАВЛОВА Каролина Карловна
БЕНЕДИКТОВ Владимир Григорьевич
КОЛЬЦОВ Алексей Васильевич
ЛЕРМОНТОВ Михаил Юрьевич
ЕРШОВ Петр Павлович
ТОЛСТОЙ Алексей Константинович
ПОЛОНСКИЙ Яков Петрович
ФЕТ Афанасий Афанасьевич
НЕКРАСОВ Николай Алексеевич
ГРИГОРЬЕВ Аполлон Александрович
ПЛЕЩЕЕВ Алексей Николаевич
КУРОЧКИН Василий Степанович
СЛУЧЕВСКИЙ Константин Константинович
АПУХТИН Алексей Николаевич
СОЛОВЬЕВ Владимир Сергеевич
ФОФАНОВ Константин Михайлович

ПУШКИН
Василий Львович

1. Родился 27 апреля (8 мая н. ст.) 1766 г., умер 20 августа (1 сентября н. ст.) 1830 г. в возрасте 64 лет.

2. В. Л. Пушкин вместе с братом С. Л. Пушкиным (отцом Александра Сергеевича) получил отличное домашнее образование, развившее в ребенке любовь к поэзии и чтению. Поэт так оценивал это время:

Благодарю судьбу: я с самых юных лет
Любил изящное и часто от сует,
От шума светского я в тишине скрывался,
Учился и читал, и сердцем наслаждался...

Будущий поэт читал античных, русских и французских авторов (французский был семейным языком, и все Пушкины владели им в совершенстве). Братья Пушкины с младых ногтей версифицировали:

Поэзия святая!
Мы с самых юных лет
Тобою занимались;
Ты услаждала нас!

Позднее в лейб-гвардии Измайловском полку В. Пушкин участвует в обществе «Галера» (прообраз «Зеленой лампы» племянника). Его сослуживцем был И. И. Дмитриев.

Среди первых публикаций – сатирические стихотворения «К камину» и «Вечер», созвучные сатирам И. И. Дмитриева 1790-х (первая сатира даже приписывалась знаменитому баснописцу):

Любить моих друзей, любить уединенье –
Вот сердца моего прямое утешенье!

(«К камину»)

При жизни поэт издал одну книгу – «Стихотворения Василия Пушкина» (СПб., 1822).

3. Первое опубликованное стихотворение:

К КАМИНУ

Любезный мой камин! – товарищ дорогой,
Как счастлив, весел я, сидя перед тобой.
Я мира суету и гордость забываю,
Когда, мой милый друг, с тобою рассуждаю,
Что в сердце я храню, я знаю то один,
Мне нужды нет, что я не знатный господин,
Мне нужды нет, что я на балах не бываю
И говорить бон-мо на счет других не знаю,
Бо-монда правила не чту я за закон,
И лишь по имени известен мне бостон.
Обедов не ищу, незнаем я, но волен,
О милый мой камин, как я живу доволен.
Читаю ли я что, иль греюсь, иль пишу,
Свободой, тишиной, спокойствием дышу.
Пусть Глупомотов всем именье расточает
И рослых дураков в гусары наряжает,
Какая нужда мне, что он развратный мот?
Безмозглов пусть спесив. Но что он? Глупый скот!
Который, свой язык природный презирая,
В атласных шлафроках блаженство почитая,
Как кукла рядится, любуется собой,
Мня в плен ловить сердца французской головой.
Он, бюстов накупив и чайных два сервиза,
Желает роль играть парижского маркиза,
А господин маркиз, того коль не забыл,
Шесть месяцев назад здесь вахтмистром служил.
Пусть он дурачится! Нет нужды в том ни мало;
Здесь много дураков и будет, и бывало.
Прыгушкин, например, всё счастье ставит в том,
Что он в больших домах вдруг сделался знаком,
Что прыгать лекосез, в бостон играть он знает,
Что Адриан его по моде убирает,
Что фраки на него шьет славный здесь Луи,
И что с графинями проводит дни свои,
Что все оне его *кузином* называют,
И знатные к нему с визитом приезжают.
Но что я говорю? Один ли он таков?

Бедней его сто раз сосед мой Пустяков,
Другим дурачеством Прыгушкину подобен:
Он вздумал, что послом он точно быть способен,
И чтоб яснее то и лучше доказать,
Изволил кошелек он сзади привязать,
И мнит, что тем он стал политик и придворный,
А Пустяков, увы! советник лишь надворный;
Вот как ослеплены бываем часто мы!
И к суете пустой стремятся все умы.
Рассудка здравого и пользы убегаем,
Блаженство ищем там, где гибель мы встречаем.
Гордиться, ползать, льстить, все в свете продавать –
Вот в чем стараемся мы время провождать!
Неправдою Змеяд достав себе именье,
Желает, чтоб к нему имели все почтенье,
И заставляет тех в своей передней ждать,
Которых может он, к несчастью, угнетать.
Низкопоклонов тут, с седою головою,
С наморщенным челом, но с подлою душою,
Увидев Катеньку, сердечно рад тому,
Что ручку целовать она дает ему,
И, низко кланяясь, о том не помышляет,
Что Катенькин отец паркеты натирает.
О чем ни вздумаю, на что ни посмотрю,
Иль подлость, иль порок, иль предрассудки зрю!
Бедняк хотя умен, но презрен, угнетаем.
Скотинин сущий пень, но всеми уважаем,
И, несмотря на все, на Лизе сговорил,
Он женится на ней, хотя ей и не мил,
Но нужды нет ему: она собой прелестна,
А скупость матушки ее давно известна;
За ним же, знают все, двенадцать тысяч душ,
Так может ли он быть *не бесподобный* муж?
Он молод, говорят, и света мало знает,
Но добр, чувствителен и Лизу обожает;
Она с ним счастливо, конечно, проживет.
Несчастна Лизанька, вздыхая, слезы льет
И в женихе своем находит лишь урода.
Ума нам не дают ни знатная порода,
Ни пышность, ни чины, ни каменны дома,

И миллионами нельзя купить ума!
Но злато, может быть, пороки позлащает,
И милой Лизы мать так точно рассуждает.
«Постой, – кричит Плутов, – тебе ль о том судить,
Как в свете должно нам себя вести и жить?
Ты молод, так молчи. Мораль давно я знаю:
Ты с нею гол, как мышь – я селы покупаю.
Поверь мне, не набьешь стихами кошелька,
И гроша не дадут тебе за Комелька.
Я вздора не пишу, а мой карман исправен,
Незнаем ты никем, я в Петербурге славен.
Ласкают все меня и графы, и князья».
Плутов! ты всем знаком, о том не спорю я,
Но также нет и в том сомненья никакова,
Что редко льзя найти бездельника такова;
Что все имение, деревни, славный дом
Пронырством ты достал, Плутов, и воровством.

Довольно – не хочу писать теперь я боле,
И, не завидуя ничьей счастливой доле,
Стараться буду я лишь только честным быть,
Законы почитать, отечеству служить,
Любить моих друзей, любить уединенье,
Вот сердца моего прямое утешенье!

1793

ЭПИГРАММА

Какой-то Стихотвор (довольно их у нас!)
Послал две оды на Парнас.
Он в них описывал красу природы, неба,
Цвет *розо-желтый* облаков,
Шум листьев, вой зверей, ночное пенье сов
И милости просил у Феба.
Читая, Феб зевал и наконец спросил:
«Каких лет стихотворец был
И оды громкие давно ли сочиняет?»
«Ему пятнадцать лет», – Эрата отвечает.
«Пятнадцать только лет?» – «Не более того!» –
«Так розгами его!»

1798

КРЫЛОВ
Иван Андреевич

1. Родился 2 (13 н. ст.) февраля 1768 г. (или 1769), умер 9 (21 н. ст.) ноября 1844 г. в возрасте ок. 76 лет.

2. Мать будущего баснописца Мария Алексеевна приучила сына к постоянному чтению и саморазвитию. В отрочестве И. Крылов изучает французский и итальянский языки. В 1782 г. он едет в Санкт-Петербург искать место службы (семья поэта бедствовала после смерти отца в 1778 г.) и одновременно начинает литературную деятельность (в возрасте 14 лет). С 1786 г. печатается в еженедельнике Д. О. Туманского «Лекарство от скуки и забот».

3. Стихотворение, обычно открывающее собрание сочинений поэта:

ВОРОНА И ЛИСИЦА

Басня

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

———

Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да призадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит,
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит,
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!

Рассказывать – так, право, сказки!
Какие перушки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красоте такой, и петь ты мастерица,
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещуньина с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло,
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло, –
Сыр выпал – с ним была плутовка такова.

Из ранних стихотворений:

СТИХИ Г<ОСПО>Ж<Е> К...
НА ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

Приятности весны прохладной вобразя
И сколь она сердца к любви склонять способна,
Не вспомнить мне тебя, прекрасная, нельзя;
А вспомня, не сказать, что ты весне подобна.

Влекущий нас под тень несносный летний зной
Нередко в тяжкое томление приводит,
Но взор пленяющий Темиры дорогой
И лето самое в сей силе превосходит.

Плодами богатя, подобя нивы раю,
Нам осень подает веселые часы;
Мне ж мнится, что тогда я нежный плод сбираю,
Коль взором числю я когда твои красы.

Когда же зимние воображу морозы,
Тогда, чтоб мысли толь холодные согреть
И видеть в феврале цветущи нежны розы,
Мне стоит на тебя лишь только посмотреть.

1786

ЭПИГРАММА

Желаешь ты того, чтоб быть тебе богатым
И ищешь способов?.. Будь только тароватым
И превзойди своим коварством сатану –
Возьми ты за себя прекрасную жену.

1786

ЭПИГРАММА

Напрасно человек
В науках тратит век:
Сколь в них премудрости сыскати ни желает,
Родится глупым он и глупым умирает.

1786

ЭПИГРАММА 2

ЧАСТО ВОПРОШАЮЩЕМУ

Когда один вопрос в беседе сей наскучит,
Разбор других по сем тебя подобно мучит.
Желаешь ли себе спокойствие снискать?
Так больше делать тщись ты, нежель вопрошать.

1786

КОЗЛОВ
Иван Иванович

1. Родился 11 (22 н. ст.) апреля 1779 г.; в 1821 г. слепнет; умер 30 января (11 февраля н. ст.) 1840 г. в возрасте 60 с небольшим лет.

2. Литературный дебют И. Козлова состоялся в 1821 г.: в журнале «Сын отечества» появилось его стихотворение «К Светлане» – автору в то время было 42 года! Однако, думается, что И. И. Козлов занимался сочинительством еще в конце 1700-х – начале 1800-х гг., так как В. А. Жуковский (в 1808), переехав в Москву, замечает молодого человека и ценит в нем горячий интерес к литературе. И. Козлов, объявив себя байронистом, сближается с А. С. Пушкиным, П. В. Вяземским и братьями Александром, Николаем и Сергеем Тургеневыми, и можно предположить, что эти литераторы в первую очередь ценили в И. И. Козлове поэта-«профессионала», имевшего не только житейский, но и богатый литературный опыт.

3. Стихотворение, относящееся предположительно к раннему периоду творчества:

СТАНСЫ
Вольное подражание сонету Петрарки

*Quel rosignuol**

Тоскуя о подруге милой
Иль, может быть, лишен детей,
Осиротелый и унылый,
Поет и стонет соловей.

И песнию своей кручины
В воздушной тме он сладость льет,
Пленяет тихие долины
И будто для меня поет.

---

* Какой соловей (итал.).

И всю он ночь как бы со мною
Горюет вместе, и своей
Напоминает мне тоскою
О бедной участи моей.

Но мне за мой удел несчастный
Себя лишь должно обвинять;
Я думал: смерти не подвластны...
Нельзя прекрасным умирать.

И я узнал, тоской сердечной
Когда вся жизнь отравлена, –
Как всё, что мило, скоротечно,
Что радость – молния одна.

17??

К СВЕТЛАНЕ

Как вводишь радость ты с собой,
То сердце будто рассмеется;
В нем на приветный голос твой
Родное что-то отзовется;
Подвластна грусть моя тебе,
Ее ты услаждать умеешь;
Но ты, Светлана, обо мне
Ты слишком много сожалеешь.
То правда, жизнь отравлена́,
Мое напрасно сердце билось,
Мне рано отцвела весна,
И солнце в полдень закатилось;
Хотя неумолимый рок
Обременил меня тоскою
И мой беспарусный челнок
Разбит свирепою волною;
Хотя мне мрачность суждена
И мне поля не зеленеют,
Не серебрит поток луна
И розы боле не алеют, –
Но что же делать? В жизни сей
Я не совсем всего лишился,
И в пламенной груди моей

Еще жар чувства сохранился.
Пускай печаль крушит меня
И слезы часто проливаю –
Но, ах! не вовсе отжил я,
Еще люблю, еще мечтаю.
Моей жены, моих детей
Душа умеет дознаваться,
И мне не надобно очей,
Чтоб ими сердцем любоваться.
Когда ж мысль черная найдет
И в будущем меня стращает, –
Увы! что сердцу милых ждет?
И что им рок приготовляет?
Как вспомню, что моих детей
Судьба жестокая пустила
По грозной прихоти морей
Без кормчего и без ветрила, –
Как за корабль бесценный мой
Невольно чувства замирают!
Туда я возношусь душой,
Откуда звезды нам сияют:
Да милосердый наш отец
Вонмет несчастного моленье
И за терновый мой венец
Невинным даст благословенье! –
И скоро исчезает страх,
Молитва сердце согревает,
И вдруг на радужных лучах
Надежда с верою слетает.
И ты, и ты, ночная тень,
Рассеешься, пройдут туманы, –
И расцветет мой ясный день,
День светлый, как душа Светланы.
И в оный час, как у него
Прощенья книга разогнется, –
Быть может, благостью его,
В ней имя и мое найдется, –
И я соединю в одно
Всё то, что столько сердцу мило,
Все чувства вместе, чем оно

Страдало, радовалось, жило.
С какою сладостью тогда
Мы насладимся счастьем вечным!
И ты, Светлана, навсегда
Там будешь другом мне сердечным!

1821

P. S. Датировка этого стихотворения, возможно, скорректирована автором после более поздней его редакции, обработки, переписывания.

ЖУКОВСКИЙ
Василий Андреевич

1. Родился 29 января (9 февраля н. ст.) 1783 г., умер 12 (24 н. ст.) апреля 1852 г. в возрасте 67 с небольшим лет.

2. Воспитывался и учился в Московском университетском пансионе (1797–1800), где получил отличное гуманитарное образование. В пансионе сочиняет (в возрасте 14 лет) первые оды и послания. Активация поэтической способности происходит в 1797–1808 гг. В 1808 г. публикует первую балладу «Людмила».

3. Первые стихотворения:

МАЙСКОЕ УТРО

Белорумяна
Всходит заря
И разгоняет
Блеском своим
Мрачную тьму
Черныя нощи.

Феб златозарный,
Лик свой явивши,
Все оживил.
Вся уж природа
Светом оделась,
И процвела.

Сон встрепенулся,
И отлетает
В царство свое.
Грезы, мечтанья,
Рой как пчелиный,
Мчатся за ним.

Смертны, вспряните!
С благоговеньем,
С чистой душой,
Пад пред Всевышним,
Пламень сердечный
Мы излием.

Радужны крылья
Распростирая,
Бабочка пестра
Вьется, кружится,
И лобызает
Нежно цветки.

Трудолюбива
Пчелка златая
Мчится, жужжит.
Все, что бесплодно,
То оставляет –
К розе спешит.

Горлица нежна
Лес наполняет
Стоном своим.
Ах! знать, любезна,
Сердцу драгова
С ней уже нет!

Верна подружка!
Для чего тщетно
В грусти, тоске
Время проводишь?
Рвешь и терзаешь
Сердце свое?

Можно ль о благе
Плакать другого?..
Он ведь заснул
И не страшится
Лука и злобы
Хитра стрелка.

Жизнь, мой друг, бездна
Слез и страданий...
Счастлив стократ
Тот, кто, достигнув
Мирного брега,
Вечным спит сном.

1797

ОДА. БЛАГОДЕНСТВИЕ РОССИИ, УСТРОЯЕМОЕ ВЕЛИКИМ ЕЯ САМОДЕРЖЦЕМ ПАВЛОМ ПЕРВЫМ

(*фрагмент*)

Peuple! à vos intérêts je soumettrai les miens,
Et les besoins du trône à ceux des citoyens.
Si mes soins vigilants vous font des jours propices,
Je serai trop payé des tous mes sacrifices.

Откуда тишина златая
В блаженной Северной стране?
Чьей мощною рукой покрыта,
Ликует в радости она?
В ней воздух светел, небо ясно;
Не видно туч, не слышно бурь.
Как реки в долах тихо льются,
Так счастья льются в ней струи.

Умолкла брань, престали сечи;
Росс на трофеях опочил;
Там щит, и меч, и шлем пернатый,
И булава его лежит...
С улыбкой ангельской, прелестной,
В венце, сплетенном из олив,
Нисшел от горних стран эфира
Сын неба, животворный мир.

Нисшел – Россия восплескала,
Пресветлый зря его приход;
И миллионы погрузились
В восторг, в забвенье, в тишину.
Спокоились моря пространны;

С весельем реки потекли;
Зиять престали жерла медны;
Молчит все, тихо. Гром заснул.

И кто же сей – вещай, Россия! –
Кто сей, творящий чудеса?
Кто долу мир с небес низводит,
И нову жизнь тебе дает?
«То *Павел*, Ангел мой хранитель;
Пример, краса венчанных глав; –
Покров мой, щит мой и отрада,
Владыка, Пастырь, Иерарх».

Первое опубликованное стихотворение:

ЛЮДМИЛА

Баллада

(*фрагмент*)

«Где ты, милый? Что с тобою?
С чужеземною красою,
Знать, в далекой стороне
Изменил, неверный, мне;
Иль безвременно могила
Светлый взор твой угасила».
Так Людмила, приуныв,
К персям очи преклонив,
На распутии вздыхала.
«Возвратится ль он, – мечтала, –
Из далеких, чуждых стран
С грозной ратию славян?»

Пыль туманит отдаленье;
Светит ратных ополченье;
Топот, ржание коней;
Трубный треск и стук мечей;
Прахом панцыри покрыты;
Шлемы лаврами обвиты;
Близко, близко ратных строй;
Мчатся шумною толпой
Жены, чада, обрученны...
«Возвратились незабвенны!..»

А Людмила?.. Ждет-пождет...
«Там дружину он ведет;

Сладкий час – соединенье!..»
Вот проходит ополченье;
Миновался ратных строй...
Где ж, Людмила, твой герой?
Где твоя, Людмила, радость?
Ах! прости, надежда-сладость!
Все погибло; друга нет.
Тихо в терем свой идет,
Томну голову склонила:
«Расступись, моя могила;
Гроб, откройся; полно жить;
Дважды сердцу не любить». –

«Что с тобой, моя Людмила? –
Мать со страхом возопила. –
О, спокой тебя творец!» –
«Милый друг, всему конец;
Что прошло – невозвратимо;
Небо к нам неумолимо;
Царь небесный нас забыл...
Мне ль он счастья не сулил?
Где ж обетов исполненье?
Где святое провиденье?
Нет, немилостив творец;
Все прости; всему конец». –

«О Людмила, грех роптанье;
Скорбь – создателя посланье;
Зла создатель не творит;
Мертвых стон не воскресит». –
«Ах! родная, миновалось!
Сердце верить отказалось!
Я ль, с надеждой и мольбой,
Пред иконою святой
Не точила слез ручьями?
Нет, бесплодными мольбами
Не призвать минувших дней;
Не цвести душе моей...»

1808

ГНЕДИЧ
Николай Иванович

1. Родился 2 (13 н. ст.) февраля 1784 г., умер 3 (15 н. ст.) февраля 1833 г. в возрасте 49 лет.

2. Обучаясь в Полтаве (Малороссия) в «Словенской семинарии», Н. Гнедич проявил особые способности к древним языкам и был направлен в Харьковский коллегиум, который окончил в 1800 г. К этому времени относятся его первые стихотворные опыты с социально-протестными мотивами (автору 14–16 лет). Первый публичный литературный опыт – перевод трагедии Ф. Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе», в 1803 г. появляется роман Гнедича «Дон Коррадо де Герера». В это же время создаются два стихотворения – «Общежитие» (1804) и «Перуанец к испанцу» (1805), которые приносят известность молодому литератору.

3. Первые стихотворения.

ОБЩЕЖИТИЕ

Элегия

Reveiile-toi, mortele, deviens utile au monde,
Sors de l'indifference, ou languissent tes jours.

Thomas*

Неу́жли в этот мир родится человек,
С зверями дикими в лесах чтобы скитаться?
Или в бездействии, во сне провесть свой век,
Не знать подобных – и ничем не наслаждаться;
Как будто в пустоте ужасной – в мире жить,
И прежде смерти мертвым быть?
Посмотрим вкруг себя, – мы взглянем на вселенну,
Какая связь в вещах! На что ни кину взор – и оку
изумленну

[2] *Проснися, отложи губительну беспечность,*
О смертный! и потщись полезным свету быть.
Тома (пер. Нелединского-Мелецкого).

Громада вся один чудесный кажет хор!
И то, что там, вверху, и там, под нижним кругом,
И что во всех морях,
В лесах и на горах –
Всё в цепь одну плетет, всё вяжет друга с другом
Тот *разум*, что сей шар и небо утвердил,
Атома с существом премудро съединил.

***

Итак, людей пороки,
О мудрый человек!
От общества тебя женут в леса глубоки?
От злых и с добрыми ты связь совсем пресек?
Но радостей отца, но удовольствий друга
Не хочешь чувствовать и с добрыми делить?
Лапландца хладного в лачуге ждет супруга,
Желает бедный *фин* любить, любиму быть;
Взгляни, как *камчадал*, убеленный летами,
Лелеет внука – и сжимает у персей,
Любуется, как внук шалит его косами, –
Взгляни, и сердце ты холодно разогрей!
Скажи мне, что б было с невинными овцами,
Когда бы пастухи, лишь волк глаза явил,
Оставили овец и скрылись за кустами?
Ах! всех овец тогда тот волк бы задавил.
И ты, когда закон ногами попирают,
Болванам золотым курят все фимиам,
Достойных же венцов – всех пылью засыпают,
Ты должен ли тогда скитаться по лесам?
Ах, нет! но о добре всеобщем лишь радея,
Всем другом истинным себя ты окажи,
Гнетущу руку ты останови злодея,
И что гнетомый прав – ты свету покажи,
Неблагодарных обяжи!
Добро твори для всех глупцов, льстецов коварных,
А злость их каменных сердец
И плата низкая их душ неблагодарных –
Ярчее золотят лишь для тебя венец.
И, ах! какой еще желать тебе награды?
Невинный и убог

Узрели чрез тебя блестящий луч отрады,
А это – видит Бог.
Священный долг нам есть – для блага всех трудиться:
Как без подпор нельзя и винограду виться,
Так мы без помощи других не проживем;
Тот силу от подпор – мы от людей берем.
Всем вместе должно жить, всем вместе нам трудиться,
Гнушаться злом, добро любить
И радость из одной всем чаши пить –
Вот цель, с какою всяк из нас в сей мир родится.

1804

Одно из первых стихотворений:

К МОИМ СТИХАМ

Пока еще сердце во мне оживляется солнцем,
Пока еще в персях, не вовсе от лет охладевших,
Любовь не угаснула к вам, о стихи мои, дети
Души молодой, но в которых и сам нахожу я
Дары небогатые строго-скупой моей музы,
Которые, может быть, вовсе отвергла б от сердца
Брюзгливая старость, и кажется, что по заслугам
(Но кто на земле не принес самолюбию дани), –
Спешу, о стихи, вас от грозного спасть приговора;
Спешу вас отдать под покров снисходительной
дружбы.
И если она не найдет в вас ни прелестей слова,
Какими нас музы из уст их любимцев пленяют,
Ни пламенных чувствий, ни дум тех могучих, какие
Кипят на устах вдохновенных и души народов
волнуют,
То, нежная в чувствах, найдет хоть меня в моих
песнях,
Души моей слабость, быть может, ее добродетель;
Узнает из них, что в груди моей бьется, быть может,
Не общее сердце; что с юности нежной оно трепетало
При чувстве прекрасном, при помысле важном иль
смелом,
Дрожало при имени славы и гордой свободы;
Что, с юности нежной любовию к музам пылая,

Оно сохраняло, во всех коловратностях жизни,
Сей жар, хоть не пламенный, но постоянный и чистый;
Что не было видов, что не было мзды, для которых
Душой торговал я; что, бывши не раз искушаем
Могуществом гордым, из опытов вышел я чистым;
Что, жертв не курив, возжигаемых идолам мира,
Ни словом одним я бессмертной души не унизил.

Но ежели дружба найдет в моих песнях нестройных
Хоть слово для сердца, хоть стих, согреваемый чувством;
Но ежели в сих безыскусственных звуках досуга
Услышит тот голос, сердечный язык тот всемирный,
Каким говорит к нам бессмертная матерь-природа,
Быть может, стихи мои, вас я сберег не к забвенью.

не позднее 1804 г.

ДАВЫДОВ
Денис Васильевич

1. Родился 16 (27 н. ст.) июля 1784 г., умер 22 апреля (4 мая н. ст.) 1839 г. в возрасте ок. 55 лет.

2. В 15 лет Д. Давыдов был определен эстандарт-юнкером в Кавалергардский полк. Юный поэт сближается с литературным кружком офицеров Преображенского полка (С. Н. Марин, А. В. Аргамаков, а также А. А. Шаховской и др.). Д. Давыдов пишет басни «Голова и Ноги» и «Река и Зеркало» антимонархического содержания и тона, за что молодого кавалергарда переводят в качестве наказания из гвардии в армию (13 сентября 1804 г.). В 1804 г. он создает знаменитые послания Бурцову, любимые А. С. Пушкиным.

3. Одно из первых стихотворений:

СОН

«Кто столько мог тебя, мой друг, развеселить?
От смеха ты почти не можешь говорить.
Какие радости твой разум восхищают,
Иль деньгами тебя без векселя ссужают?
Иль талия тебе счастливая пришла
И двойка трантель-ва на выдержку взяла?
Что сделалось с тобой, что ты не отвечаешь?»
– «Ах! дай мне отдохнуть, ты ничего не знаешь!
Я, право, вне себя, я чуть с ума не сшел:
Я нонче Петербург совсем другим нашел!
Я думал, что весь свет совсем переменился:
Вообрази – с долгом Н<арышкин>н расплатился,
Не видно более педантов, дураков,
И даже поумнел З<агряжский>, С<вистун>ов!
В несчастных рифмачах старинной нет отваги,
И милый наш Марин не пачкает бумаги,
А, в службу углубясь, трудится головой:
Как, заводивши взвод, во время крикнуть: стой!

Но больше я чему с восторгом удивлялся:
Ко<пь>ев, который так Ликургом притворялся,
Для счастья нашего законы нам писал,
Вдруг, *к счастью нашему*, писать их перестал.
Во всем счастливая явилась перемена,
Исчезло воровство, грабительство, измена,
Не видно более ни жалоб, ни обид,
Ну, словом, город взял совсем противный вид.
Природа красоту дала в удел уроду,
И сам Л<ава>ль престал *коситься* на природу,
Б<агратио> на нос вершком короче стал,
И Д<иб>ич красотой людей перепугал,
Да я, который сам, с начала своево века,
Носил с натяжкою названье человека,
Гляжуся, радуюсь, себя не узнаю:
Откуда красота, откуда рост, смотрю;
Что слово – то bon mot*, что взор – то страсть вселяю.
Дивлюся – как менять интриги успеваю!
Как вдруг, о гнев небес! вдруг рок меня сразил:
Среди блаженных дней Андрюшка разбудил.
И всё, что видел я, чем столько веселился, –
Всё видел я во сне, всего со сном лишился».

1802

ГОЛОВА И НОГИ

Уставши бегать ежедневно
По лужам, по грязи, по жесткой мостовой,
Однажды Ноги очень гневно
Разговорились с Головой:
«Как мы несчастны, боже мой,
Что век осуждены тебе повиноваться!
Днем, ночью, осенью, весной,
Лишь вздумалось тебе, изволь бежать, таскаться
Туда, сюда, куда велишь;
И к этому ж еще, опутавши чулками,
Ботфортами да башмаками,
Ты нас, как ссылочных колодников, моришь
И, сидя наверху, лишь хлопаешь глазами;

[3] Острота (фр.).

Еще же если б ты к Ногам
Была почтительней за труд их неизменный;
Так нет! когда тебя, с душою сопряженны,
Несем к торжественным богам,
Тогда лелеешь нас; но лишь домой вступили –
То Ноги, по твоим словам,
Как будто не ходили».
– «Молчать! – тут Голова сказала им, – молчать!
Иль не страшит моя вас сила?
Бродяги! вам ли размышлять,
Когда мне место раз определила
Природа выше вас, то чтоб повелевать!»
– «Ну, очень хорошо! пусть ты б повелевала,
По крайней мере нас повсюду б не совала,
А прихотям твоим несносно угождать!
Да между нами ведь признаться,
Коль нами право ты имеешь управлять,
То мы имеем тож всё право спотыкаться;
И можем иногда, споткнувшись, – как же быть? –
Твое могущество об камень расшибить!»

Смысл этой басни всякий знает...
Но должно – цыц! – молчать: дурак – кто всё болтает.

1803

БЫЛЬ ИЛИ БАСНЯ, КАК КТО ХОЧЕТ НАЗОВИ (РЕКА И ЗЕРКАЛО)

За правду колкую, за истину святую,
За сих врагов царей, – деспот
Любимца осудил: главу его седую
Велел снести на эшафот.
Но сей пред смертию умел добиться
Пред грозного царя предстать –
Не с тем, чтоб плакать иль крушиться,
Но, если правды не боится,
То чтобы басню рассказать.
Царь жаждет слов его – философ не страшится
И твердым гласом говорит:
«Ребенок некогда сердился,
Увидя в зеркале свой безобразный вид;

Ну в зеркало стучать, и в сердце веселился,
Что мог он зеркало разбить.
Назавтра же, гуляя в поле,
В реке свой гнусный вид увидел он опять...
Как реку истребить? – нельзя, и поневоле
Он должен был в душе и стыд и срам питать!
Монарх! стыдись; ах! это сходство
Прилично ль для царя?
Я зеркало – разбей меня,
Река – твое потомство;
Ты в нем еще найдешь себя!»

Монарха речь сия так убедила,
Что он велел ему и жизнь, и волю дать;
Постойте, виноват – велел в Сибирь сослать,
А то бы эта быль на сказку походила.

1803

Из бурцовских посланий:

БУРЦОВУ,
ПРИЗЫВАНИЕ НА ПУНШ

Бурцев, ера, забияка,
Собутыльник дорогой!
Ради Бога и... арака
Посети домишко мой!
В нем нет нищих у порогу,
В нем нет зеркал, ваз, картин,
И хозяин, слава богу,
Не великий господин.
Он гусар – и не пускает
Мишурою пыль в глаза;
У него, брат, заменяет
Все диваны – куль овса.
Нет курильниц, может статься, –
Зато трубка с табаком;
Нет картин – да заменятся
Ташкой с царским вензелем!
Вместо зеркала сияет
Ясной сабли полоса:
Он по ней лишь поправляет

Два любезные уса.
А наместо ваз прекрасных,
Беломраморных, больших,
На столе стоят ужасных
Пять стаканов пуншевых!
Они полны, уверяю,
В них сокрыт небесный жар.
Приезжай, я ожидаю,
Докажи, что ты гусар.

1804

ГУСАРСКИЙ ПИР

Бурцову

В дымном поле, на биваке,
У пылающих огней,
В благодетельном араке
Зрю спасителя людей.
Собирайся вкруговую,
Православный весь причет!
Подавай лохань златую,
Где веселие живет!
Наливай обширны чаши
В шуме радостных речей,
Как пивали предки наши
Среди копий и мечей.
Бурцев, ты – гусар гусаров!
Ты – на ухарском коне –
Жесточайший из угаров
И наездник на войне!
Стукнем чашу с чашей дружно!
Нынче пить еще досужно;
Завтра трубы затрубят,
Завтра громы загремят.
Выпьем же и поклянемся,
Что проклятью предаемся,
Если мы когда-нибудь
Шаг уступим, побледнеем,
Пожалеем нашу грудь
И в несчастье оробеем;

Если мы когда дадим
Левый бок на фланкировке,
Или лошадь осадим,
Или миленькой плутовке
Даром сердце подарим!
Пусть не сабельным ударом
Пресечется жизнь моя!
Пусть я буду генералом,
Каких много видел я!
Пусть среди кровавых боев
Буду бледен, боязлив,
А в собрании героев
Остр, отважен, говорлив!
Пусть мой ус, краса природы,
Черно-бурый, в завитках,
Иссечется в юны годы
И исчезнет, яко прах!
Пусть фортуна для досады,
К умножению всех бед,
Даст мне чин за вахтпарады
И Георгья за совет!
Пусть... Но чу! гулять не время!
К коням, брат, и ногу в стремя,
Саблю вон – и в сечу! Вот
Пир иной нам Бог дает,
Пир задорней, удалее,
И шумней, и веселее...
Ну-тка, кивер набекрень,
И – ура! Счастливый день!

1804

Одно из первых в русской поэзии XIX в. интонационно, тематически и лирически свободное стихотворение.

МУДРОСТЬ

Анакреонтическая ода

Мы недавно от печали,
Лиза, я да Купидон,

По бокалу осушали
И просили Мудрость вон.

«Детушки, поберегитесь! –
Говорила Мудрость нам. –
Пить не должно; воздержитесь:
Этот сок опасен вам».

«Бабушка! – сказал плутишка. –
Твой совет законом мне.
Я послушливый мальчишка,
Но вот капелька тебе, –

Выпей!» – Бабушка напрасно
Отговаривалась пить.
Как откажешь? Бог прекрасный
Так искусен говорить.

Выпила и нам твердила
О воздержности в вине;
Еще выпив, попросила,
Что осталося на дне.

И старушка зашаталась,
Не нашедши больше слов;
Зашатавшись, спотыкалась,
Опираясь на Любовь.

1807

ГЛИНКА
Федор Николаевич

1. Родился 8 (19 н. ст.) июня 1786 г. (по другим данным – 1785 г.), умер 11 (23 н. ст.) февраля 1880 г. в возрасте 95 с половиною лет.

2. Воспитывался в 1-м кадетском корпусе, где, по всей видимости, появились стихотворные опыты будущего автора «Писем русского офицера» и прекрасных стихотворений. Первое стихотворение «Глас патриота» опубликовано в Смоленске в 1807 г. Патриотическая тема – главная в стихах Ф. Глинки. В раннем стихотворении «Строфы из оды на победы под Пульгуском и Прейсиш-Эйлау» юный (и весьма неопытный) поэт выражает свое художественное кредо:

И мне ль, певцу безвестну в мире,
Сынов бессмертья воспевать?
На слабой и нестройной лире –
Не мне хвалы им соплетать.
Их имена для всех священны,
В сердцах потомков впечатлены,
Столетья могут пережить...

3. Стихотворение, обычно открывающее собрание сочинений:

ВОЕННАЯ ПЕСНЬ, НАПИСАННАЯ ВО ВРЕМЯ ПРИБЛИЖЕНИЯ НЕПРИЯТЕЛЯ К СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Раздался звук трубы военной,
Гремит сквозь бури бранный гром:
Народ, развратом воспоенный,
Грозит нам рабством и ярмом!
Текут толпы, корыстью гладны,
Ревут, как звери плотоядны,
Алкая пить в России кровь.

Идут, сердца их – жесткий камень,
В руках вращают меч и пламень
На гибель весей и градов!

В крови омоченны знамена
Багреют в трепетных полях,
Враги нам вьют вериги плена,
Насилье грозно в их полках.
Идут, влекомы жаждой дани, –
О страх! срывают дерзки длани
Со храмов Божьих лепоту!
Идут – и след их пепл и степи!
На старцев возлагают цепи,
Влекут на муки красоту!

Теперь ли нам дремать в покое,
России верные сыны?!
Пойдем, сомкнемся в ратном строе,
Пойдем – и в ужасах войны
Друзьям, отечеству, народу
Отыщем славу и свободу,
Иль все падем в родных полях!
Что лучше: жизнь – где узы плена,
Иль смерть – где росские знамена?
В героях быть или в рабах?

Исчезли мира дни счастливы,
Пылает зарево войны:
Простите, веси, паствы, нивы!
К оружью, дети тишины!
Теперь, сей час же мы, о други!
Скуем в мечи серпы и плуги:
На бой теперь – иль никогда!
Замедлим час – и будет поздно!
Уж близко, близко время грозно:
Для всех равно близка беда!

И всех, мне мнится, клятву внемлю:
Забав и радостей не знать,
Доколе враг святую землю

Престанет кровью обагрять!
Там друг зовет на битву друга,
Жена, рыдая, шлет супруга,
И матерь в бой – своих сынов!
Жених не мыслит о невесте,
И громче труб на поле чести
Зовет к отечеству любовь!

июль 1812

Из ранних стихотворений:

МЕЧТАНИЯ НА БЕРЕГАХ ВОЛГИ (В 1810 ГОДУ)

(*фрагмент*)

Воспоминанием живет душа моя!
Я. Княжнин

И я, в мой краткий век,
Я видел много славных рек
В отчизне и в странах далеких;
Но Волгу светлую, в брегах ее высоких,
Всегда с веселием новым зрю.
Как часто, вспомянув протекших лет зарю,
Я вижу, как теперь, Дуная бурны волны,
Его брега – убийств и крови полны:
На них пылала грозна брань
И рати бурные кипели,
Над ними небеса горели,
И было всё – войне и смерти дань!..
Там призрак гибели над юношей носился,
И гаснул мой безоблачный рассвет,
И с жизнью молодой, на утре ранних лет,
Едва я в бурях не простился!..
Но память мне мила о *жизни боевой*,
Когда я пел, для храбрых лиру строя,
Не сладость вялого покоя,
Но прелесть битвы роковой...
Как вы любезны мне, о братские беседы
У светлых полевых огней!..

Забуду ль я и праздники победы
И славу грозных дней...
Я видел *Ваг* надменный и свирепый,
Я зрел, как он, чрез дебри и вертепы,
Пробив широкий путь меж гор,
Как грозный дух времен, кипит и рвет преграды,
Шатая древних скал громады,
И, с шумом поглотив и брег и дикий бор,
Дивит и восхищает взор.
Дела времен, протекши годы,
О *Ваг*! твои кипящи воды
Напоминают мне... и вижу я народ,
С оружьем ищущий и славы и свободы...
Так здесь, на сих полях и на брегах сих вод,
Дружины конные скакали
На пир кровавыя войны,
И сабли с свистом рассекали
Врагов свободной стороны...
Здесь храбрых вождь, герой сраженья
И враг оков и униженья,
Текелли молнией летал;
И, в бедствах чуждый укоризны,
Огонь и мужество вливал
В боях за святость прав отчизны...

БАТЮШКОВ
Константин Николаевич

1. Родился 18 (29 н. ст.) мая 1787 г., умер 7 (19 н. ст.) июля 1855 г. в возрасте 68 лет.

2. Воспитывался в петербургских частных пансионах Жакино и Триполи (с 10 лет), где выучился французскому и итальянскому языкам (что позволило поэту стать прекрасным переводчиком). Огромную роль в активации поэтической способности К. Батюшкова сыграл его двоюродный дядя писатель М. Н. Муравьев, о котором сам поэт говорил, что «обязан ему всем». После окончания учебы в 1803 г. юный поэт сближается с Н. И. Гнедичем; в 1805 г. вступает в Вольное общество, где общается с последователями А. Н. Радищева. Первая публикация («Послание к стихам моим») состоялась в январе 1805 г. (в возрасте ок. 18 лет) в журнале «Новости русской литературы».

3. Первые стихотворения:

МЕЧТА*

О, сладостна мечта, дщерь ночи молчаливой,
Сойди ко мне с небес в туманных облаках
Иль в милом образе супруги боязливой,
С слезой блестящею во пламенных очах!
Ты, в душу нежную поэта
Лучом проникнув света,
Горишь, как огнь зари, и красишь песнь его,
Любимца чистых сестр, любимца твоего,
И горесть сладостна бывает:
Он в горести мечтает.
То вдруг он пренесен во Сельмские леса,
Где ветр шумит, ревет гроза,
Где тень Оскарова, одетая туманом,
По небу стелется над пенным океаном;

* Первая редакция стихотворения.

То с чашей радости в руках
Он с бардом песнь поет – и месяц в облаках,
И Кромлы шумный лес безмолвствуя внимает,
И эхо вдалеке песнь звучну повторяет.
О, сладостна мечта, ты красишь зимний день,
Цветами и зиму печальную венчаешь,
Зефиром по цветам летаешь
И между светлых льдин являешь миртов тень!

Богиня ты, мечта! Дары твои бесценны
Самим невольникам в слезах.
Цепями руки отягченны,
Замки чугунны на дверях

Украшены мечтой... Какое утешенье
Украсить заключенье,
Оковы променять на цепь веселых роз!..
Подругу ль потерял, источник вечных слез,
Ступай ты в рощицу унылу,
Сядь на плачевную могилу,
Задумайся, вздохни – и друг души твоей,
Одетый ризою прозрачной, как туманом,
С прелестным взором, стройным станом,
Как нимфа легкая полей,
Прижмется с трепетом сердечным,
Прижмется ко груди пылающей твоей.
Стократ мы счастливы мечтаньем скоротечным!

Мечтанье есть душа поэтов и стихов.
И едкость сильная веков
Не может прелестей сокрыть Анакреона,
Любовь еще горит во Сафиных мечтах.
А ты, любимец Аполлона,
Лежащий на цветах
В забвеньи сладостном, меж нимф и нежных граций,
Певец веселия, Гораций,
Ты в песнях сладостно мечтал,
Мечтал среди пиршеств и шумных, и веселых
И смерть угрюмую цветами увенчал!
Найдем ли в истинах мы голых
Печальных стоиков и твердых мудрецов

Всю жизни бренной сладость?
От них эфирна радость
Летит, как бабочка от терновых кустов.
Для них прохлады нет и в роскоши природы;
Им девы не поют, сплетяся в хороводы;
Для них, как для слепцов,
Весна без прелестей и лето без цветов.
Увы, но с юностью исчезнут и мечтанья,
Исчезнут граций лобызанья!
Как светлые лучи на темных облаках,
Веселья на крылах
Дни юности стремятся:
Не долго на цветах
В беспечности валяться.
Весеннею порой
Лишь бабочка летает,
Амуров нежный рой
Морщин не лобызает.
Крылатые мечты
Не сыплют там цветы,
Где тусклый опытность светильник зажигает.

Счастливая мечта, живи, живи со мной!
Ни свет, ни славы блеск пустой
Даров твоих мне не заменят.
Глупцы пусть дорого сует блистанье ценят,
Лобзая прах златой у мраморных крыльцов!
Но счастию певцов
Удел есть скромна сень, мир, вольность и спокойство.
Души поэтов свойство:
Идя забвения тропой,
Блаженство находить мечтой.
Их сердцу малость драгоценна:
Как бабочка влюбленна
Летает с травки на цветок,
Считая морем ручеек,
Так хижину свою поэт дворцом считает
И счастлив!.. Он мечтает.

1802 или 1803

ПОСЛАНИЕ К СТИХАМ МОИМ

Sifflez-moi librement, je vous le rends, mes frures.
Voltaire*

Стихи мои! опять за вас я принимаюсь!
С тех пор как с музами, к несчастью, обращаюсь,
Покою ни на час... О, мой враждебный рок!
Во сне и наяву Кастальский льется ток!
Но с страстию писать не я один родился:
Чуть стопы размерять кто только научился,
За славою бежит – и бедный рифмотвор
В награду обретет не славу, но позор.
Куда ни погляжу, везде стихи марают,
Под кровлей песенки и оды сочиняют.
И бедный Стукодей, что прежде был капрал,
Не знаю для чего, теперь поэтом стал:
Нет хлеба ни куска, а роскошь выхваляет
И грациям стихи голодный сочиняет;
Пьет воду, а вино в стихах льет через край;
Филису нам твердит: «Филиса, ты мой рай!»
Потом, возвысив тон, героев воспевает:
В стихах его и сам Суворов умирает!
Бедняга! удержись... брось, брось писать совсем!
Не лучше ли тебе маршировать с ружьем!
Плаксивин на слезах с ума у нас сошел:
Всё пишет, что друзей на свете не нашел!
Поверю: ведь с людьми нельзя ему ужиться,
И так не мудрено, что с ними он бранится.
Безрифмин говорит о милых... о сердцах...
Чувствительность души твердит в своих стихах;
Но книг его – увы! – никто не покупает,
Хотя и Глазунов в газетах выхваляет.
Глупон за деньги рад нам всякого бранить,
И даже он готов поэмой уморить.
Иному в ум придет, что вкус восстановляет:
Мы верим все ему – кругами утверждает!
Другой уже спешит нам драму написать,

---

* *Освистывайте меня без стеснения, собратья мои, я отвечу вам тем же.* Вольтер (фр.).

За коей будем мы не плакать, а зевать.
А третий, наконец... Но можно ли помыслить –
Все глупости людей в подробности исчислить?..
Напрасный будет труд, но в нем и пользы нет:
Сатирою нельзя переменить нам свет.
Зачем с Глупоном мне, зачем всегда браниться?
Он также на меня готов вооружиться.
Зачем Безрифмину бумагу не марать?
Всяк пишет для себя: зачем же не писать?
Дым славы, хоть пустой, любезен нам, приятен;
Глас разума – увы! – к несчастию, не внятен.
Поэты есть у нас, есть скучные врали;
Они не вверх летят, не к небу, но к земли.

Давно я сам в себе, давно уже признался,
Что в мире, в тишине мой век бы провождался,
Когда б проклятый Феб мне не вскружил весь ум;
Я презрел бы тогда и славы тщетный шум
И жил бы так, как хан во славном Кашемире,
Не мысля о стихах, о музах и о лире.
Но нет... Стихи мои, без вас нельзя мне жить,
И дня без рифм, без стоп не можно проводить!
К несчастью моему, мне надобно признаться,
Стихи, как женщины: нам с ними ли расстаться?..
Когда не любят нас, хотим их презирать,
Но всё не престаем прекрасных обожать!

1804 или 1805

ЭЛЕГИЯ

Как счастье медленно приходит,
Как скоро прочь от нас летит!
Блажен, за ним кто не бежит,
Но сам в себе его находит!
В печальной юности моей
Я был счастли́в – одну минуту,
Зато, увы! и горесть люту
Терпел от рока и людей!
Обман надежды нам приятен,
Приятен нам хоть и на час!

Блажен, кому надежды глас
В самом несчастьи сердцу внятен!
Но прочь уже теперь бежит
Мечта, что прежде сердцу льстила;
Надежда сердцу изменила,
И вздох за нею вслед летит!
Хочу я часто заблуждаться,
Забыть неверную... но нет!
Несносной правды вижу свет,
И должно мне с мечтой расстаться!
На свете всё я потерял,
Цвет юности моей увял:
Любовь, что счастьем мне мечталась,
Любовь одна во мне осталась!

1804 или 1805

ВЯЗЕМСКИЙ
Петр Андреевич

1. Родился 12 (23 н. ст.) июля 1792 г., умер 10 (22 н. ст.) ноября 1878 г. в возрасте 86 лет.

2. Учился и воспитывался в петербургском иезуитском пансионе, в пансионе при педагогическом институте, брал частные уроки у профессоров Московского университета. После смерти отца (1807) ведет рассеянную жизнь, но именно в это время заводит прочные литературные связи. Участвовал как ополченец в Бородинском сражении.

Литературные вкусы П. Вяземского определялись под влиянием Н. М. Карамзина. На рубеже 1810-х гг. сближается с В. А. Жуковским, К. Н. Батюшковым, Д. В. Давыдовым, В. Л. Пушкиным и др. – с теми, кто впоследствии составит основу литературного общества «Арзамас». Первые поэтические опыты появились в возрасте ок. 10 лет. В юношеские и молодые годы был ориентирован на поэтику «легкой» французской поэзии:

Настал любви условный час,
Час упоений, час желаний;
Спи, Аргус, под крылом мечтаний!
Не открывай, ревнивец, глаз!..

(«Весеннее утро», 1815)

Единственный прижизненный сборник стихотворений П. А. Вяземского вышел в 1862 г. в Москве (В дороге и дома: Собрание стихотворений князя П. А. Вяземского. М., 1862).

3. Из ранних стихотворений:

ПОСЛАНИЕ К <ЖУКОВСКОМУ> В ДЕРЕВНЮ

Итак, мой милый друг, оставя скучный свет
И в поле уклонясь от шума и сует,
В деревне ты живешь, спокойный друг природы,
Среди кудрявых рощ, под сению свободы!

И жизнь твоя течет, как светлый ручеек,
Бегущий по лугам, как легкий ветерок,
Играющий в полях с душистыми цветами
Или в тени древес пастушки с волосами.
Беспечность твой удел! Стократ она милей
И пышности владык и блеску богачей!
Не тот, по мне, счастлив, кто многим обладает,
Воспитан в роскоши, в звездах златых сияет
(Ни злато, ни чины ко счастью не ведут);
Но тот, чьи ясны дни в невинности текут,
Кто сердцем не смущен, кто, славы не желая,
Но искренно, в душе, свой рок благословляя,
Доволен тем, что есть, и лучшего не ждет –
И небо на него луч благости лиет!
Гром брани до него в пустыне не доходит;
Ни алчность почестей, ни зависть не тревожит
Его, сидящего при светлом ручейке
Под сению древес с Горацием в руке
Или в объятиях своей супруги нежной.
О друг мой! Так и ты, оставя град мятежный,
В уединении, в безмолвной тишине
Вкушаешь всякий день лишь радости одне!
То бродишь по лугам, то по́ лесу гуляешь,
То лирою своей Климену восхищаешь,
То быстро на коне несешься по полям,
Как шумный ветр пустынь; то ходишь по утрам
С собакой и ружьем – и с птицами воюешь;
То, сидя на холме, прелестный вид рисуешь!
А вечером, когда зефиров резвых рой
На листьях алых роз, осыпанных росой,
Утихнет и заснет, как пахарь возвратится
С полей, чтобы в семье покоем насладиться,
Как вечера туман обымет мрачный лес,
Когда усеется звездами свод небес,
Тогда ты, вышедши из хижины смиренной,
Покрытой мягким мхом, древами осененной,
С своею милою приближишься к реке
И станешь рассекать с ней волны в челноке,
И будет вам луна сопутницей приятной!
Взор бросив на тебя, взор только сердцу внятный,
Промолвит милая, вздохнув: «Друг нежный мой!

Какое счастье быть любимою тобой!
Но, ах! всегда ль судьбы к нам будут так преклонны?
Быть может, разлучат с тобой нас люди злобны
Иль смерть... печальна мысль!» – «На что себя
смущать, –
Ты скажешь ей, – на что покой свой нарушать?
Любезны мы богам, чего же нам страшиться?
Мы чистою душой привыкли им молиться!
Когда от нас в слезах убогий уходил?
Когда гонимый в нас друзей не находил?
Утешься, милая! Мы добры – и, конечно,
Нас боги наградят здесь жизнью долговечной!»
Потом, обнявшися, в безмолвии, домой
Пойдете медленно вкушать ночной покой.
Вы не услышите ни птичек щебетанья,
Ни звука от рогов, ни эха грохотанья, –
Сны благотворные с лазоревых небес
Слетят на ложе к вам с толпой приятных грез,
А утренний зефир, прохладу разливая,
Разбудит вас опять... Живи в полях, вкушая
Прямые радости чувствительных сердец!
Когда же нимф собор оставит мрачный лес,
Когда туманами одетая Аврора
В лесу поющих птиц не будет слышать хора
И вместо ярких роз лишь иней по утрам
С осенней будет мглой на землю сыпать к нам, –
Тогда, мой милый друг, в столицу возвратися,
Таков, как был всегда, к друзьям своим явися!
Поверь! И в городе возможно с счастьем жить:
Оно везде – умей его лишь находить!

1808

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Разыгрывать на днях новейшу драму станут.
Сумбур, творец ее, ручается собой,
Что слезы зрители польют река рекой,
Что волосы у них от страха дыбом станут!
Акт первый: трубный глас, гром пушек, барабаны,
Кровавая война, сраженье, вопли, раны...
Вдали кладбище, гошпита́ль...

Второй акт: дождь, гроза, растрепанна Печаль
По сцене бегает и водит за собою
Свояка Голода с сестрицею Чумою;
И с ревом рыскают медведи, львы в лесах.
Акт третий: ужас! страх!
Землетрясение и преставленье света...
Смерть одинокая, во вдовий креп одета,
Хоронит человечий род!
Финал: балет чертей и фурий хоровод.

1810

БЫЛЬ В ПРЕИСПОДНЕЙ

«Кто там стучится в дверь? –
Воскликнул Сатана. – Мне недосуг теперь!»
– «Се я, певец ночей, шахматно-пегий гений,
Бибрис! Меня занес к вам в полночь ветр осенний,
Погреться дайте мне, слезит дождь в уши мне!»
– «Что врешь ты за сумбур? Кто ты? Тебя не знают!»
– «Ага! Здесь, видно, так, как и на той стране, –
Покойник говорит, – меня не понимают!»

1810

К ПОРТРЕТУ ВЫСПРЕННЕГО ПОЭТА

Нет спора, что Бибрис богов языком пел:
Из смертных бо никто его не разумел.

1810

СРАВНЕНИЕ ПЕТЕРБУРГА С МОСКВОЙ

У вас Нева,
У нас Москва.
У вас Княжнин,
У нас Ильин.
У вас Хвостов,
У нас Шатров.
У вас плутам,
У вас глупцам,
Больным .....
Дурным стихам
И счету нет.

Боюсь, и здесь
Не лучше смесь:
Здесь вор в звезде,
Монах в .....
Осел в суде,
Дурак везде.
У вас Совет,
Его здесь нет –
Согласен в том,
Но желтый дом
У нас здесь есть.
В чахотке честь,
А с брюхом лесть –
Как на Неве,
Так и в Москве.
Мужей в рогах,
Девиц в родах,
Мужчин в чепцах,
А баб в портках
Найдешь у вас,
Как и у нас,
Не пяля глаз.
У вас «авось»
России ось
Крути́т, вертит,
А кучер спит.

1811

* * *

Ага, плутовка мышь, попалась, нет спасенья!
Умри! Ты грызть пришла здесь Дмитриева том,
Тогда как у меня валялись под столом
Графова сочиненья!

1811

ЭПИТАФИЯ

Российский Диоген лежит под сею кочкой:
Тот в бочке прожил век, а наш свой прожил с бочкой.

1811

ГРИБОЕДОВ
Александр Сергеевич

1. Родился 4 (15 н. ст.) января 1795 г. (по другим данным – 1790, 1794; в последних списках поэта – в 1790 г.), умер 30 января (11 февраля н. ст.) 1829 г.

2. Стихотворные опыты появляются, по всей видимости, в 1805–1807 гг. (А. Грибоедову 10–12 или 15–17 лет – первое предпочтительнее, так как реальнее и вполне соответствует среднему возрасту начала сочинительства в XIX в.). Первая публикация состоялась в 1815 г.: Молодые супруги : комедия в одном действии, в стихах А. Грибоедова. СПб., 1815 (Ц. Р. 18 июня 1815). Современник поэта С. Н. Бегичев отмечает: «19-ти лет написал он в одном действии, в стихах, комедию...»

3. Письмо 1814 г. со стихами:

ПИСЬМО ИЗ БРЕСТА ЛИТОВСКА К ИЗДАТЕЛЮ <«ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ»>

Июня 26-го дня 1814 г. Брест

Позвольте доставить вам некоторое сведение о празднике, который давали командующему кавалерийскими резервами, генералу Кологривову, его офицеры. Издатель «Вестника Европы» должен в нем принять участие; ибо ручаюсь, что в Европе немного начальников, которых столько любят, сколько здешние кавалеристы своего.

Поводом к празднеству было награждение, полученное генералом Кологривовым: ему пожалован орден Святого Владимира I степени. Неподражаемый государь наш на высочайшей степени славы, среди торжества своего в Париже, среди восторгов удивленного света, среди бесчисленных и беспримерных трофеев, помнит о ревностных, достойных чиновниках и щедро их награждает. При первом объявлении о монаршей милости любимому начальнику, приближенные генерала условились торжествовать радостное происшествие

и назначили на то день 22 июня. День был прекрасный, утро, смею сказать, пиитическое.

Так день желанный воссиял,
И к генералу строй предстал
Пиитов всякого сословья;
Один стихи ему кладет
В карман, другой под изголовье;
А он – о доброта! какой примеров нет –
Все оды принимает,
Читает их, и не зевает. –

Нет; он был тронут до глубины сердца, и подобно всем дивился, сколько стихотворцев образовала искренняя радость. Вот приглашение, которое он получил ото всего дежурства:

Вождь, избранный царем
К трудам, Отечеству полезным!
Се новым грудь твою лучом
Монарх наш озаряет звездным,
Державный сей герой,
Смирив крамолу
И меч склоняя долу.
Являет благость над тобой,
Воспомянув твои заслуги неиссчетны:
Тогда, как разрушал он замыслы наветны,
И ты перуны закалял,
От коих мир весь трепетал;
Тобою внушены кентавры,
Что ныне пожинали лавры,
И в вихре смерть несли врагам.
Царь помнит то – и радость нам!
Скорее осушим, друзья, заздравны чаши!
А ты приди, узри, вкуси веселья наши
Меж окружающих сподвижников твоих.
Не подчиненных зри – друзей, сынов родных.
В кругу приверженцев, в кругу необозримом.
Ты радость обретешь в сердцах,
Во взорах, на устах.
Блаженно славным быть, блаженней быть любимым!

Все это происходило в версте от Бреста, на даче, где генерал имеет обыкновенное пребывание. Множество офицерства явилось с поздравлениями; потом поехали на место, где давали праздник, – одни, чтобы посмотреть, другие, чтоб докончить нужные приуготовления.

Есть в Буге остров одинокой;
Его восточный мыс
Горою над рекой навис,
Заглох в траве высокой
(Преданья глас такой,
Что взрыты нашими отцами
Окопы, видные там нынешней порой;
Преданье кажется мне сказкой, между нами,
Хоть верю набожно я древности седой;
Нет, для окопов сих отцы не знали места,
Сражались, били, шли вперед,
А впрочем, летописи Бреста
Пусть <Каченовский> разберет);
Усадьбы, города и селы
И возвышенности и долы
С горы рисуются округ,
И стелется внизу меж вод прекрасный луг.
На сем избранном месте,
При первой ликованья вести,
Подъялись сотни рук;
Секир и заступов везде был слышен стук.
Едва ль румянила два раза свод небесный
Аврора утренней порой –
Все восприяло вид иной,
Вид новый, вид прелестный,
Творенье феиной руки.
Где были насыпи – пестрелись цветники,
А где темнелись кущи –
Явились просеки, к веселию ведущи,
К красивым убранным шатрам,
Раскинутым небрежно по холмам.
В средине их, на возвышенье,
Стояли светлые чертоги угощенья;

Из окон виден их
В лугу разбитый стан для воинов простых.
На теме острова был к небу флаг возвышен,
Чтоб знак веселия узреть со всех сторон,
И жерлов ряд постановлён,
Чтоб радости отзы́в везде был слышен.
На скате ж, где приступен вал,
Один лишь вход удобный,
И город где являл
Картине вид подобный,
Воздвигнули врата искусною рукой
Из копий, связанных цветами,
И укрепили их в полкруге над столпами,
Унизанными осоко́й.
Любовь врата соорудила;
Сама природа убрала;
Подзорами оружие снабдило;
Потом веселость в них вошла.

В три часа пополудни все приглашенные на праздник офицеры съехались; все с нетерпением ожидали прибытия генерала. Наконец вздернутый кверху флаг и пушечные залпы возвестили приближение его. Он ехал верхом, сопровождаемый более 50 офицеров. Мне, было, весьма хотелось описать вам в стихах блеск сего шествия, блеск воинских нарядов; к несчастью никак не мог прибрать рифмы для лядунок и киверов, и так пусть будет это в прозе. Но то, чего не в силах выразить никакая поэзия, была встреча генерала на мосту, нарочно для сего дня наведенном, где он, при громе пушек и нескольких оркестров, при радостных восклицаниях, с восторгом был принят военными хозяевами и гостями. Слезы душевного удовольствия полились из глаз его и всех предстоящих. Он несколько времени стоял безмолвен, удивлен, обрадован, растроган, потом взошел, или, лучше сказать, внесен был окружающею толпою в триумфальные врата.

Сей вход отличиям условным был рубёж;
Но случай подшутил, и что ж? –
Кто чином высшим украшался,
И доблестями тот отличней всех являлся. –

Взошед в галерею, он был еще приветствуем стихами; но я их здесь не помещу оттого, что не спросился у кавалериста-сочинителя. Потом генерал пошел на возвышение и несколько времени восхищался редкими живописными видами. – На валу шатры, кои белелись между березками; у подошвы горы луг, где разбит был лагерь; река Буг, обтекающая все место празднества; местечко Тересполь и другие селения в отдаленности; толпа народа на мостах и на берегу, взирающего с удивлением на пышный, невиданный им праздник: все пленяло взор наблюдателя, все приводило в изумление. Вдруг запели на сей случай сочиненную солдатскую песнь, и разгласилось по лугу троекратно ура! После чего все были созваны к обеду: столы в галерее и в палатках были накрыты на 300 кувертов.

Уж запахом к себе манили яства,
Литавры грянули! – и новые приятства,
Обед сближает всех,
С ним водворяется в собранье сто утех,
Веселость, откровенность,
Любезность, острота, приязнь, непринужденность
И, словом вам сказать,
Все радости сошлись нас угощать.
Когда ж при трубах, барабанах
Заискрилось шампанское в стаканах.
Венгерское густое полилось,
Бургонское зарделось, –
У всякого лицо от нектара краснелось;
Но стихотворец тут перо свое хоть брось.

Признаться, моя логика велит лучше пить вино, чем описывать, как пьют, и кажется, что она хоть гусарская, но справедливая. Не буду также вам говорить о различных сластях и пышностях стола, который, само собою разумеется, был весьма великолепен; 300 человек генералов, штаб- и обер-офицеров были угощены нельзя лучше, нельзя роскошнее, нельзя веселее.

И гости все едва ли
Из-за обеда встали,
Взялись за песни, остроты́;

Тут излияния сердечны
Рекою полились: все в радости беспечны!
Болтливость пьяного есть признак доброты;
Пииты же, как искони доселе,
Всех более шумели,
Не от вина, нет; – на беду
Всегда они в чаду:
Им голову кружит другое упоенье –
Сестер Парнасских вдохновенье.

Не думайте, однако ж, чтоб забвение всего овладело шумным обществом; нет, забывали важные дела, скуку, горести, неприятности, но не забывали добродетель; она сопутница чистой радости; и в сии часы, когда сердце всякого было на языке и душа отверзта для добрых впечатлений, открылась подписка в пользу гошпиталя и бедных всякого звания. На сей предмет собрано 6.500 рублей.

Так посвящали мы – честь нашему собранью! –
Забавам час, другой же состраданью.

Время было тихое, благоприятное для прогулки. Серая мгла, нависшая на небе, предохранила от летнего жара; все рассыпались по валу. Между тем пушечная пальба, хоры музыкантов и песельников не умолкали ни на пять минут. Малопомалу стало смеркаться, и под вечер пригласили всех на противоположную сторону острова; зрители были чрезвычайно удивлены, когда, проходя не весьма большое расстояние, всё в глазах их переменилось: исчезли за кустами и пригорками шатры, галерея и всё место празднества; явилась природа в дикости: грозные утесы, глубокие рвы, по ту сторону реки – сельская картина, луга и рощи возбуждали приятное удивление, прежние сцены казались призраком. К общей радости нашли там множество дам, которых присутствие, конечно, есть первое украшение всякого праздника.

Их взоры нежные шумливость укрощают
И грустные сердца к веселью возбуждают.

Несколько ракет возвестили начало фейерверка. Он был прекрасный и продолжительный. Между многими разнообразностями искусственного огня горело вензелевое имя гене-

рала и владимирская звезда. Амфитеатр, где сидели зрители, сделан был из уступов горы. При выходе оттуда весь остров был уже иллюминован. Дамы и офицеры смешались вместе; в галерее начались танцы; в полночь был ужин. Генерал до рассвета принимал участие в празднике; потом возвратился домой, сопровождаемый теми же чувствами, теми же отголосками любви и приверженности, с какими был встречен. Он в сей день являл любезного начальника, приятного гостя и чувствительного человека. Есть праздники, которые на другой же день забывают оттого, что даются без цели, или цель их пустая. В столицах виден блеск, в городах *полубоярские* затеи; но праздник, в коем участвует сердце, который украшали приязнь, благотворительность и другие душевные наслаждения, – такой праздник оставляет по себе надолго неизгладимые воспоминания.

Философы в ученом заточеньи,
Защитники уединенья,
Наш посетите стан, когда вам есть досуг.
Здесь у́зрите вы дружный, братский круг,
Начальника, отца обширного семейства.
Коль надобно – на смерть идут;
Не нужно – праздники дают.
У вас как будто чародейство:
От книг нейдете вы на час,
Минута дорога для вас;
А мы на дней не ропщем скоротечность;
Они не истекут, доколе мы живем;
А там настанет вечность,
Так дней не перечтем.

Моя одна забота, чтобы праздники чаще давались. Нам стоит 10.000 рублей кроме фейерверка. Кончая мою реляцию, желаю вам так же веселиться, как я веселился 22-го июня.

С истинным почтением честь имею и проч.

Александр Грибоедов.

P. S. Посылаю вам 1.000 рублей для бедных, которых так много после пожара Москвы. В отдаленности от любезного

отечественного края нам неизвестно, какие частные лица наиболее терпят от бедности. Полагаемся на вас. Конечно заступник неимущих лучше всех знает, кому нужна помощь.

ОТ АПОЛЛОНА

На замечанье Феб дает,
Что от каких-то вод
Парнасский весь народ
Шумит, кричит и дело забывает,
И потому он объявляет,
Что толки все о «Липецких вода́х»
(В укору, в похвалу, и в прозе, и в стихах)
Написаны и преданы тисненью
Не по его внушенью!

ноябрь 1815

ЛУБОЧНЫЙ ТЕАТР

Comptable de l'ennui, dont sa muse m'assomme,
Pourquoi s'est-il nommй, s'il ne veut qu'on le nomme?

Gilbert*

Эй! Господа!
Сюда, сюда!
Для деловых людей и праздных
Есть тьма у нас оказий разных:
Есть дикий человек, безрукая мадам!
Взойдите к нам!
Добро пожаловать, кто барин тороватый,
Извольте видеть – вот
Рогатый – нерогатый
И всякий скот:
Вот вам Михайло Моськин,
Вот весь его причет:
Княгини и
Княжны,

---

* *Беря в расчет скуку, которою меня убивает его муза, спрашивается, зачем он назвал себя, если не хочет быть названным?* Жильбер (фр.).

Князь Фо́льгин и
Князь Блёсткин;
Они хоть не смешны, да сам зато уж он
Куда смешон! –
Водиться с ним, ей-богу! *праздник*.
Вот вам его *Проказник*;
Спроказил он неловко: раз упал
Да и не встал.
Но автор таковым примером
Не научён – грешит перед партером,
Проказит до сих пор.
Что видит и что слышит,
Он обо всем исправно вздор
И говорит, и пишет.
Вот *Богатонов* вам: особенно он мил,
Богат чужим добром – всё кра́дет, что находит,
С *Транжирина* кафтан стащил
Да в нем и ходит.
А светский тон
Не только он –
И вся его беседа
Переняли у *Буйного Соседа*.
Что ж вы?.. Неужто по домам?
Уж надоело вам?
И кстати ль?
Вот Моськин-*Наблюдатель*;
А вот другой чудак, с ним вечный состязатель;
Один напишет вздор,
Другой на то разбор;
А разобрать труднее,
Кто из двоих глупее.
Что вы смеетесь, господа?
Писцу насмешка не беда.
Он знает многое смешное за собою.
Да уж давно махнул рукою.
Махнул пером – отдал сыграть,
А вы, пожалуй, рассуждайте!
Махнул пером – отдал в печать,
А вы читайте!

16 октября 1817

<ЭПИТАФИИ ДОКТОРУ КАСТАЛЬДИ>

1

Из стран Италии-отчизны
Рок недоведомый сюда его привел.
Скиталец, здесь искал он лучшей жизни...
Далеко от своих смерть близкую обрел!

2

Брыкнула лошадь вдруг, скользнула и упала –
И доктора Кастальдия не стало!..

апрель или май 1820

РАЕВСКИЙ
Владимир Федосеевич

1. Родился 28 марта (8 апреля н. ст.) 1795 г., умер 8 (20 н. ст.) июля 1872 г. в возрасте 77 лет.

2. Учился и воспитывался в кадетском корпусе Дворянского полка. Участвовал в Отечественной войне 1812 года, где сочинил свои первые стихотворения. Первые публикации (несколько текстов) появились на страницах «Украинского вестника», «Духа журналов» и «Украинского журнала» в 1810-х гг.

3. Ранние стихотворения:

ПЕСНЬ ВОИНОВ ПЕРЕД СРАЖЕНЬЕМ

Заутра грозный час отмщенья,
Заутра, други, станем в строй,
Не страшно битвы приближенье
Тому, кто дышит лишь войной!..
Сыны полуночи суровой,
Мы знаем смело смерть встречать,
Нам бури, вихрь и хлад знакомы.
Пускай с полсветом хищный тать
Нахлынул, злобой ополченный,
В пределы наши лавр стяжать;
Их сонмы буйные несчетны,
Но нам не нужно их считать.
Пусть старец вождь простpет рукою
И скажет: «Там упорный враг!»
Рассеем громы пред собою –
И исполин стоглавый – в прах!..

Сей новый Ксеркс стопою силы,
Как огнь всежгучий, к нам притек
Узреть Батыевы могилы,
Сарматов плен и шведов рок,

Узреть поля опустошенны,
Прах мирных сел и городов,
И небо, заревом возжженно,
И вкруг – изрытый ряд гробов,
А пред собой – перуны мести
И твердокаменную грудь
С хоругвью: «Смерть на поле чести
Или свершим опасный труд».
Ужель страшиться нам могилы?
И лучше ль смерти плен отцов,
Ярем и стыд отчизны милой
И власть надменных пришлецов?

Нет, нет, судьба нам меч вручила,
Чтобы покой отцов хранить.
Мила за родину могила,
Без родины поносно жить!
Пусть дети неги и порока
С увялой, рабскою душой
Трепещут гибельного рока,
Не разлучимого с войной,
И спят на ложе пресыщенья,
Когда их братья кровь лиют.
Постыдной доле их – презренье!
Во тьме дни слабых протекут!
А нам отчизны взор – награда
И милых по́ сердцу привет,
Низвергнем сонмы супостата,
И с славой нам восплещет свет!..
Краса певцов, наш бард любимый,
Жуковский в струны загремит,
И глас его непобедимых
Венком бессмертья отличит.
И юный росс, приникший слухом
К его цевнице золотой,
Геройским вспыхивает духом
И, как с гнезда орел младой,
Взлетит искать добычи бранной
Вослед испытанным вождям...
О други! близок час желанный

И близок грозный час врагам, –
Певцы передадут потомству
Наш подвиг, славу, торжество.
Устроим гибель вероломству,
Дух мести – наше божество!

Но, други, луч блеснул денницы,
Туман редеет по полям,
И вестник утра, гром, сторицей
Зовет дружины к знаменам.
И мощный вождь перед полками
И с ним вождей бесстрашных сонм
Грядут!.. с победными громами
И взором ищут стан врагов...
К мечам!.. Там ждет нас подвиг славы,
Пред нами смерть, и огнь, и гром,
За нами горы тел кровавых,
И враг с растерзанным челом
В плену ждет низкого спасенья!..
Труба, сопутник наш, гремит!..
Друзья! В пылу огней сраженья
Обет наш: «Пасть иль победить!»

1812 или 1813

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ ЮНОШИ

Давно ль сей юноша счастливый
Любовь со славой разделял?
Друг Лиды, Лене друг любимый
За чашей светлой ликовал.

Давно ль на брани невредимый
Булатный меч в руке сверкал?
Давно ли конь неутомимый,
Как вихрь, из строя в строй летал?

Давно ль его бесстрашные дружины,
Не изнуренные борьбой,
Сквозь огнь, сквозь бурные пучины
Как к пиршеству стремились в бой!

Изломан меч окровавленный,
И спутник конь осиротел,
И ратных голос отдаленный
От хладной скорби онемел.

Ужасно над его главою
Враг лютый стрелы рассыпал!
Мечом и грудию стальною
Он путь к победе пролагал.

Там туча тмит восход денницы,
Здесь жребий гибельный смежил
Предвременно его зеницы
И пламень груди погасил!

И скоро, скоро весть молвою
К его любезной долетит,
И скорбь унылая слезою
В чужбине гроб не оросит.

Друзья! а наш обет герою –
Как жены, слез не проливать...
Но с первой бранною трубою
В рядах врагов – наш долг отдать!

между 1812 и 1816

РЫЛЕЕВ
Кондратий Федорович

1. Родился 18 (29 н. ст.) сентября 1795 г., казнен 13 (25 н. ст.) июля 1826 г.

2. С 1801 г. 12 лет обучался и воспитывался в Первом кадетском корпусе. Стихотворные опыты появились в 1812 г. («На погибель врагов», «Любовь к отчизне»). С 1820 г. печатается в журнале А. Е. Измайлова «Благонамеренный». Прославился публикацией сатиры «К временщику» в 10-й книжке «Невского зрителя» (осень 1820).

3. Из ранних (возможно, первых) стихотворений:

КУЛАКИЯДА

Поэма
(*фрагмент*)

ПЕСНЬ 1

Шуми, греми, незвучна лира
Еще неопытна певца,
Да возглашу в пределы мира
Кончину *пирогов* творца.
Да возвещу я плач ужасный
Трех *тафелей*, всех *поваров*.
Друзья! Уж Кулаков несчастный
Не суетится средь *котлов*.
Уж глас его не раздается
В обоих кухнях здесь,
От оного уж не мятется
Собор его команды весь.

Уже в горохе пременился
Доселе вкус приятный нам,
Картофель густоты лишился
И льется с мисок по столам.

И ах! Наперсника лишенный,
Восплакал, возрыдал *Бобров*,
Такой потерей огорченный,
Он перебил всех *поваров*.

Но Аполлон велеречивый
И Клио с громкою трубой,
Поведайте: масло-любивый
Так кончил дни герой:
Среди котлов на очаге
Возвышен, восседал *Бобров*,
Внизу с чумичкою в руке
Стоял смиренно *Кулаков*.

1813

ЛЮБОВЬ К ОТЧИЗНЕ

Ода

Где алтарей не соружают
Святой к отечеству любви?
<*нрзб*> где не почитают
Питать святой сей жар в крови?
Друзья! меня вы уличите
И тот народ мне укажите,
Который бы ее не знал,
Оставивши страну родную
И удалясь во всем в чужую,
Тоски в себе не ощущал?

Нет, нет, везде равно пылает
В сердцах святой любви сей жар:
Ее хотя не понимает,
Но равно чувствует дикарь –
Необразованный индеец,
Как и ученый европеец.
Всегда и всюду ей был храм:
И в отдаленнейшие веки
От чиста сердца человеки
Несли ей жертву, как богам.

Хвалится Греция сынами,
Пылавшими любовью к ней,
А Рим такими же мужами
Встарь славен к чести был своей.
Нас уверяют: Термопиллы,
Осада Рима, – что любили
Отчизну всей тогда душой.
Там храбрый Леонид спартанин,
Здесь изгнанный Камилл римлянин –
Отчизне жертвуют собой.

Но римских, греческих героев
В любви к отечеству прямой
Средь мира русские, средь боев,
Затмили давнею порой.
Владимир, Минин и Пожарской,
Великий Петр и Задунайской
И нынешних герои лет,
Великие умом, очами,
Между великими мужами,
Каких производил сей свет.

Суворов чистою любовью
К своей отчизне век пылал,
И, жертвуя именьем, кровью,
Ее врагов он поражал:
Его поляки трепетали,
Французы с турками дрожали.
Повсюду завсегда с тобой
Любовь к Отчизне, россиянин!
А с не<ю>, с ней велик гражда́нин,
Ужасный для врагов герой.

Гордынею вновь полн, решился
Галл росса покорить себе, –
Но вдруг Кутузов появился –
И галлов замысел – не бе!
Так русские всегда любили
И так Отечество хранили
От всяких бед и от врага.

Тот здравого ума лишился,
Кто росса покорить решился,
Он ломит гордому рога!..

Народ, отчизну обожающ,
К царю, к религии святой
Всем сердцем, всей душой пылающ,
Средь бурь всегда стоит горой,
Никем, ничем не раз<разимой>
Покойною и горделивой.
Тому являет днесь пример
Держава славная Россия, –
Ее врага попранна выя,
Погибнет, гибнет изувер.

Хвала, отечества спаситель!
Хвала, хвала, отчизны сын!
Злодейских замыслов рушитель,
России верный гражданин,
И бич и ужас всех французов! –
Скончался телом ты, Кутузов,
Но будешь вечно жив, герой,
И в будущие веки славен,
И не дерзнет уж враг злонравен
России нарушать покой!..

4 июня 1813

МЯТЛЕВ
Иван Петрович

1. Родился 29 января (6 февраля н. ст.) 1796 г., умер 13 (25 н. ст.) февраля 1844 г. в возрасте 48 лет.

2. Получил домашнее воспитание. Пяти лет от роду зачислен на службу в Коллегию иностранных дел. В 1813 г. был принят на службу в Белорусский гусарский полк корнетом.

С детства легко версифицировал, сочинял стихи на случай, был замечательным остроумцем и шутником: даже деловые письма он часто писал стихами. Вот образец такого письма князю П. А. Вяземскому: «По общем совещании, / при общем желании / вас в Знаменском видеть / и никого лишением этого удовольствия не обидеть, / мы сделали выбор, почтеннейший князь, / для сего воскресного дня-с, / ибо Тимирязева служение повело / ехать в пятницу в Красное Село, / и такова его служебная забота, / что там его удержит и суббота; / но я ручаюсь вам за этого брава́ма [«порядочный человек». – *Ю. К.*], / что в воскресенье он точно будет дома, / и могу на том ручаться и тем паче, / что дом его теперь у нас, на даче...» (чем не образец или прообраз поэтического нарратива и даже такого направления в современной музыке, как рэп!).

И. Мятлев пользовался любовью и читающей публики, и поэтов-профессионалов, таких как П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, Е. А. Баратынский. Первые сборники вышли в свет в 1834 и 1835 гг. (всего 14 стихотворений) с подписью без имени: «Уговорили выпустить».

3. Стихотворение, обычно открывающее собрание сочинений:

ПРИЗЫВ

Отчего, мой ангел милый,
Так мне скучно без тебя?
Свет сей сделался могилой,
Всё постыло для меня!

Отчего других мне радость
Уж веселья не дает?
Лишь в очах твоих вся сладость –
В них душа моя живет!

Ты как солнце, что лучами
Всю вселенную живит;
Как весна, что нас цветами
К удовольствию манит;

Как луна, что освещает
Странника в тиши ночной;
Как надежда, что вселяет
В душу к бедному покой.

Так приди ж, мой друг бесценный!
Приди, рай всех чувств моих!
И забуду о вселенной
Я в объятиях твоих.

июль 1824

Всенародно известное стихотворение:

РОЗЫ

Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодною рукой!

Как я берег, как я лелеял младость
Моих цветов заветных, дорогих;
Казалось мне, в них расцветала радость;
Казалось мне, любовь дышала в них.

Но в мире мне явилась дева рая,
Прелестная, как ангел красоты;
Венка из роз искала молодая –
И я сорвал заветные цветы.

И мне в венке цветы еще казались
На радостном челе красивее, свежей;
Как хорошо, как мило соплетались
С душистою волной каштановых кудрей!

И заодно они цвели с девицей!
Среди подруг, средь плясок и пиров,
В венке из роз она была царицей,
Вокруг ее вилась и радость и любовь!

В ее очах – веселье, жизни пламень,
Ей счастье долгое сулил, казалось, рок, –
И где ж она?.. В погосте белый камень,
На камне – роз моих завянувший венок.

1834

Из первых юмористических стихотворений:

АРТАМОНЫЧ

Не ходите вы, девицы,
Поздно в Нижний сад гулять!
Там такие небылицы,
Что и слухом не слыхать!
В роще меж двумя прудами
Виден домик, вы туда
Не ходите; право, с вами
Может встретиться беда!

Артамоныч в час полночи
Часто ходит в тех местах:
Как огонь сверкают очи,
Бледность смерти на щеках;
Грозно машет он руками,
В белом саване обвит;
Страшно щелкает зубами,
Зорко, пристально глядит.

Стон невнятный произносит,
Будто ветра дикий вой,

И чего-то точно просит
Этот голос гробовой.
Грешный дух его терзает,
Несносимая тоска,
И с собою он таскает
Два зеленые бруска.

Артамоныча могила
Под горой в погосте там;
Буря крест с нее сломила –
Крест разбился по кускам;
Долго на земле лежали
Все обломки; но зимой
Их мальчишки растаскали,
Кто играть, а кто домой.

Но вокруг могилы срыты
Кучи мокрого песка,
И на них лежат забыты
Два зеленые бруска.
Их-то, верно, всё и носит
Посетитель этих мест,
И людей он добрых просит
Починить могильный крест.

сентябрь 1831

ЭПИГРАММА

Канкрин наш, право, молодец!
Он не министр – родной отец:
Сабурова он держит в банке,
*Ich danke**, батушка, *ich danke*!

1833

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ВЫСКАЗКА

Таракан
Как в стакан
Попадет –
Пропадет,

* Благодарю (нем.).

На стекло
Тяжело
Не всползет.

Так и я:
Жизнь моя
Отцвела,
Отбыла;
Я пленен,
Я влюблен,
Но в кого?
Ничего
Не скажу;
Протужу,
Пока сил
Не лишил
Меня Бог;
Но чтоб мог
Разлюбить,
Позабыть –
Никогда.
Навсегда
Я с тоской,
Грусти злой
Не бегу:
Не могу
Убежать,
Перестать
Я любить –
Буду жить
И тужить.

Таракан
Как в стакан
Попадет –
Пропадет,
На стекло
Тяжело
Не всползет.

апрель 1833

БЕСТУЖЕВ (БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ)
Александр Александрович

1. Родился 23 октября (3 ноября н. ст.) 1797 г., погиб в бою на мысе Адлер 7 (19 н. ст.) июня 1837 г. в возрасте ок. 40 лет.

2. Родился в семье писателя-радикала, философа-материалиста. Сочинять принялся рано – в возрасте ок. 10 лет. Литературно-общественной деятельностью начал заниматься в 1818 г. (с 20 лет), когда служил в лейб-гвардии Драгунском полку прапорщиком. Первая серьезная публикация – стихотворный перевод «Дух бури (Из Лагарпа)». Активно работал в сфере критики и литературно-общественной мысли.

3. Из первых стихотворений:

***

Близ стана юноша прекрасный
Стоял, склонившись над рекой,
На воды взор вперивши ясный,
На лук опершися стальной.

Его волнистыми власами
Вечерний ветерок играл,
Свет солнца с запада лучами
В щите багряном погасал.

Он пел: «Вы, ветерки, летите
К странам отцов, к драгой моей,
Что верен был всегда, скажите,
Отчизне, славе, чести, ей.

Отечество и образ милой
В боях меня воспламенят,
Они своей чудесной силой
Мне в грудь геройства дух вселят.

Когда ж венец побед лавровый
Повергну я к стопам драгим,
Любовь мне будет славой новой,
Блаженство, коль еще любим.

Но, может, завтра ж роковая
Меня в сраженьи ждет стрела,
Паду и сам, других сражая,
Во прах на мертвые тела.

Тогда вы, ветерки, летите
К любезной сердцу с вестью сей,
Что за отчизну пал, скажите,
Для славы, для драгой моей».

Умолк! Лишь лука тетивою
Вечерний ветерок звучал,
И уж над станом и рекою
Луны печальный свет блистал.

до 1818 (?)

Первое (предположительно) стихотворение:

ИЗ ПИСЬМА К С. В. САВИЦКОЙ

...Что ж до меня, то я бы желал прихода лета – тогда, Софья Васильевна, я бондировал бы всю Ладогу балладами и идиллиями, – но теперь

Как жаль, что веют здесь Бореи – не Зефиры,
Что не цветут цветы,
И словом: вешних дней не видно красоты!
А то бы, волю дав струнам пернатой лиры
(В простонаречии: гусиное перо),
На крыльях юныя мечты,
Я б мог представить вас среди полей, кусточков,
Гуляющу в тени лесов,
Задумавшуюся при шуме ручейков,
При говоре листочков,
При пеньи птиц лесных;

И даже, вспомнивши тираду из Моины,
Вздыхающею (для картины);
Или в душе с мечтой, с мадам Жанлис в руке,
Спешите к Волхову-реке,
То с песнями по ней катаясь в челноке,
То на уде, и гибкой, и дрожащей,
Прельстившись чешуей блестящей,
Влечете бьющихся невинных рыб из волн,
То к старой Ладоге стремите утлый челн
И там, с высот уже осиротелых башен,
Раздробленных веков стопой,
На все окрестности бросаете взор свой.
Воспоминаете, сколь Игорь в них был страшен,
Как славою сей град гремел!..
А ныне? Там, где меч о камнь точил воитель,
Где щит войну звучал, звенели тулы стрел,
Смиренная стоит отшельников обитель;
Плющом каменья поросли,
Упали стены и бойницы,
И кролики живут героев средь столицы.
Вы мыслите: «Так всё проходит на земле!..»
И в гости на кадриль спешите.
Потом я мог представить вас
На берегу крутом, где Волхов волны рьяны
Катит через порог, через бугры песчаны,
Стрелой летя от глаз.
Я вижу мысленно: на сопке вы сидите,
На запад пламенный глядите,
Любуетесь, когда среди пурпурных туч
Играет, отразясь, последний солнца луч;
Как с тверди мраки льются,
Как по холмам туманы вьются.
...Вы погрузились в море дум;
Вот слышится плеск волн, дубравы тихой шум
И ветров хладных завыванье,
И под курганами подземное стенанье.
По чувствам трепет пробежал,
Цепями призрак зазвучал.
О ужас! близко... Не пугайтесь...
Не бойтесь мертвецов, – с живыми забавляйтесь

В кругу своих
Знакомых и родных.
Об ужасах лишь в снах видайте,
Лишь в жмурках в мрачности блуждайте.
И, стихотворному поверя не всему,
Благодарите вновь зиму́,
Котора, в теплые вас комнаты загнавши,
Вкруг игр и радости собравши,
С сестрами, братьями заставила весть дни
В священной отческой сени!
А то бы силою обильна рифм теченья
И летнего воображенья
Я, может быть, заставил вас
Парить из Ладоги – по ветру на Кавказ!

...Но еще все ли я высказал? Посещения, приемы, игры, танцы, катанья, гулянья и проч. и проч. занимают вас, я думаю, не менее приятно во всё время праздников.

Лишь к удовольствиям желания стремя,
Смеетесь, резвитесь, танцуете, а я?

А я скучаю по обыкновению, сижу дома по привычке, занимаюсь по охоте. Много читаю, мало пишу, и еще менее сочиняю. По общему уделу людей думаю и раздумываю, в неудачах приговариваю, всё к лучшему! О смертной косе думаю редко; ибо люблю жить, хоть и не боюсь смерти, веселюсь, когда можно (это не часто бывает), радоваться здесь нечему –

Я не живу почти, – дышу,
Скучаю сам, других смешу
И, хладность дружбы
Мечтами золотя,
Играю цепью службы,
Как милое дитя.

1816 или 1817

ДЕЛЬВИГ
Антон Антонович

1. Родился 6 (17 н. ст.) августа 1798 г., умер 14 (26 н. ст.) января 1831 г. в возрасте 32 с небольшим лет.

2. Окончил Лицей в Царском Селе (вступительный экзамен держал 12 августа 1811 г., в один день с А. С. Пушкиным). А. С. Пушкин так характеризует своего близкого друга: «Способности его развивались медленно. Память у него была тупа; понятия ленивы. <...> Будучи еще пяти лет от роду, вздумал он рассказывать о каком-то чудесном видении и смутил им всю семью. В детях, одаренных игривостью ума, склонность ко лжи не мешает искренности и прямодушию...»

В Лицее имел репутацию ленивца. Однако был замечательным книгочеем, читал своих любимых поэтов и писал стихи, тщательно их отделывая. В лицейском шутливом гимне есть такая строфа:

Полно, Дельвиг, не мори
Ты людей стихами;
Ждут нас кофе, сухари,
Феб теперь не с нами...

Один из лицеистов вспоминал, что А. Дельвиг, «познакомясь рано с музами, музам пожертвовал он большую часть досугов. Быстрые способности (если не гений), советы сведущего друга отверзли ему дорогу, которой держались в свое время Анакреоны, Горации, а в новейшие годы Шиллеры...» (А. Илличевский). Сам А. Дельвиг в Лицее, обращаясь к В. Кюхельбекеру, подчеркивал особую сложность выбранного им пути таким образом:

Мой друг, вожатый мой в страну, где, ослепленный,
Могу, как Фаэтон, я посрамить себя...

Первая публикация стихотворений состоялась в 1814 г. в «Вестнике Европы».

3. Из первых стихотворений:

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Как разнесся слух по Петрополю,
Слух прискорбнейший россиянину,
Что во матушку Москву каменну
Взошли варвары иноземныи.
То услы́хавши, отставной сержант
Подозвал к себе сына милого,
Отдавал ему свой булатный меч
И, обняв его, говорил тогда:
«Вот, любезный сын, сабля острая,
Неприятелей разил коей я,
Бывал часто с ней во сражениях,
Умирать хотел за отечество
И за батюшку царя белого.
Но тогда уже перестал служить,
Как при Требио калено́ ядро
Оторвало мне руку правую.
Вот еще тебе копье меткое,
С коим часто я в поле ратовал.
Оседлай, мой друг, коня доброго,
Поезжай разить силы вражески
Под знаменами Витгенштеина,
Вождя славного войска русского.
Не пускай врага разорити Русь
Иль пусти его через труп ты свой».

7 сентября 1812

***

От вод холмистых средиземных
Дождливый ветер полетел,
Помчался в дол, и тучи темны
На небо синее навел.
Столетние ду́бы ломает и гнет
И гонит со треском по озеру лед.

На Альпах снег звездчатый, тая,
По ребрам гор гремя летит,

Река, пределы расширяя,
Как море по лугу бежит.
Высокие волны с громадами льда
Одна за другою несутся шумя.

На каменных столбах широкий
Чрез быстру реку мост лежит,
И на средине – одинокий
Дом бедного пловца стоит.
Живет он с детями и с верной женой,
Страшися, пловец, быть так близко с волной.

Волна волну предупреждая
Кругом уж хижины шумит,
И, руки кверху поднимая,
Семья, рыдая, вдаль глядит:
О небо! ужели назначено нам
Быть лютою жертвой свирепым волнам.

Ревели волны, завывали,
И по обоим берегам
Столбы и своды отрывали
И с шумом ластились к стенам,
Волны заглушая и бурь грозных вой,
Рыдает пловец и с детьми, и с женой.

1812 или 1813

***

Настанет час ужасной брани,
И заструится кровь рекой,
Когда порок среди стенаний
Восторжествует над землей.
Брат кровью брата обагрится,
Исчезнет с дружеством любовь,
И жизни огнь в отце затмится
Рукой неистовой сынов.

Вослед, метелями повита,
Зима с бореями придет

Из мрачных пропастей Коцита
И на вселенную падет.
Три лета не увидит смертный
В полях ни роз, ни васильков,
И тихий ветерок вечерний
Не будет колебать кустов.

Чудовища с цепей сорвутся
И полетят на мир толпой.
Моря драконом потрясутся,
Земля покроется водой.
Дуб твердый и ветвисты ивы
Со треском на луга падут.
Утесы мшисты, горделивы
Друг друга в океан сотрут.

Свои разрушит Фе́нрис цепи
И до небес разверзнет пасть,
И вой поднимется свирепый,
И огнь посыпется из глаз.
Светильник дня животворящий,
Который обтекает свет,
Во всем величии горящий,
В его ужасный зев падет.

1812 или 1813

ПИИТ И ЭХО

П. О лира милая, воспой мне, ах, воспой!
Иль оду, иль ронда́, иль маленький сонет!
Э. . . . . . нет.
П. Почто несчастного не слушаешь, почто?
Ужель не воспоешь ты, лира, никогда?
Э. . . . . . да.
П. Так я ин рассержусь и лиру изломаю.
И ты не тужишь?
Э. . . . . . шутишь.

27 февраля 1813
Лицей

К ГОЛУБКУ

Здесь тихо всё, здесь всё живет в печали:
И рощица, голубчик, где ты жил,
И ручеек, где чисту воду пил, –
Печальны все, что радость нам являли.
И там, где счастие мне пел,
Сидя на дереве ветвистом,
Сшиб ветр его вчера со свистом.
Лети отсель!

Лети отсель, пусть буду я томиться,
Пусть я один здесь слезы буду лить,
Нет счастья мне, могу ль на свете жить,
Беги меня, приятно ли крушиться.
Я счастие с тобой имел,
Но нет, оно меня кидает.
Ужель печаль не устрашает?
Лети отсель!

Лети отсель, и, может быть, весною
Услышишь ты страдальца тихий стон,
То буду я, скажи: печален он,
Не тронься мной, пусть счастие с тобою.
Я жить сперва с тобой хотел,
Но я печаль лишь умножаю,
Ужель тебя не убеждаю?
Лети отсель!

1813

ПУШКИН
Александр Сергеевич

1. Родился 26 мая (6 июня н. ст.) 1799 г., умер 29 января (10 февраля н. ст.) 1837 г.

2. Воспитывался дома (гувернанткой, няней), а затем в Лицее в Царском Селе. Сочинять начал рано – в пяти-, шестилетнем возрасте. Первые стихи (из зафиксированных в письменной форме) написаны по-французски. В детстве много читает и сочиняет, разыгрывает перед сестрою Ольгой импровизированные маленькие трагедии. Пишет пьесы, поэмы, ироикомическую поэму в шести песнях «Toliade», сочиняет стихи, басни, эпиграммы (до и после 10 лет). Брат А. Пушкина Лев свидетельствует: «Страсть к поэзии проявилась в нем с первыми понятиями: на восьмом году возраста...»

Первая публикация состоялась в 1814 г.: Другу стихотворцу // Вестн. Европы. 1814. № 13.

3. Из первых стихотворений, сочиненных до поступления в Лицей:

***

Dis-moi, pourquoi «L'Escamoteur»
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas! c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière.

Перевод с французского:

Скажи мне, почему «Похититель»
Освистан партером?
Увы, потому, что бедный автор
Похитил его у Мольера.

***

Je chante ce combat, que Toly remporta,
Où maint querrier périt, où Paul se signala,
Nicolas Maturin et la belle Nitouche,
Dont la main fut le prix d'une horrible escarmouche.

Перевод с французского:

Пою сей бой, в котором Толи одержал победу,
Где погиб не один воин, где Поль отличился,
Николя Матюрена и прекрасную Нитуш,
Рука которой была трофеем ужасной стычки.

Из лицейских стихотворений:

К НАТАЛЬЕ

Так и мне узнать случилось,
Что за птица Купидон;
Сердце страстное пленилось;
Признаюсь – и я влюблен!
Пролетело счастья время,
Как, любви не зная бремя,
Я живал да попевал,
Как в театре и на балах,
На гуляньях иль в воксалах
Легким зефиром летал;
Как, смеясь во зло Амуру,
Я писал карикатуру
На любезный женский пол;
Но напрасно я смеялся,
Наконец и сам попался,
Сам, увы! с ума сошел.
Смехи, вольность – всё под лавку,
Из Катонов я в отставку,
И теперь я – Селадон!
Миловидной жрицы Тальи,
Видел прелести Натальи,
И уж в сердце – Купидон!

Так, Наталья! признаюся,
Я тобою полонен,
В первый раз еще, стыжуся,
В женски прелести влюблен.
Целый день, как ни верчуся,
Лишь тобою занят я;
Ночь придет, и лишь тебя
Вижу я в пустом мечтаньи,
Вижу, в легком одеяньи
Будто милая со мной;
Робко, сладостно дыханье,
Белой груди колебанье,
Снег затмившей белизной,
И полуотверсты очи,
Скромный мрак безмолвной ночи –
Дух в восторг приводят мой!..
Я один в беседке с нею,
Вижу... девственну лилею,
Трепещу, томлюсь, немею...
И проснулся... вижу мрак
Вкруг постели одинокой!
Испускаю вздох глубокий,
Сон ленивый, томноокий
Отлетает на крылах,
Страсть сильнее становится,
И, любовью утомясь,
Я слабею всякий час.
Все к чему-то ум стремится,
А к чему? – никто из нас
Дамам вслух того не скажет,
А уж так и сяк размажет;
Я – по-свойски объяснюсь.
Все любовники желают
И того, чего не знают;
Это свойство их – дивлюсь!
Завернувшись балахоном,
С хватской шапкой на бекрень,
Я желал бы Филимоном
Под вечер, как всюду тень,
Взяв Анюты нежну руку,

Изъяснять любовну муку,
Говорить: она моя!
Я желал бы, чтоб Назорой
Ты старалася меня
Удержать умильным взором.
Иль седым опекуном
Легкой, миленькой Розины,
Старым пасынком судьбины,
В епанче и с париком,
Дерзкой пламенной рукою
Белоснежну, полну грудь...
Я желал бы... да ногою
Моря не перешагнуть.
И хоть по уши влюбленный,
Но с тобою разлученный,
Всей надежды я лишен.

Но, Наталья! ты не знаешь,
Кто твой нежный Селадон,
Ты еще не понимаешь,
Отчего не смеет он
И надеяться? – Наталья!
Выслушай еще меня:
Не владетель я сераля,
Не арап, не турок я.
За учтивого китайца,
Грубого американца
Почитать меня нельзя.
Не представь и немчурою,
С колпаком на волосах,
С кружкой, пивом налитою,
И с цигаркою в зубах.
Не представь кавалергарда,
В каске, с длинным палашом.
Не люблю я бранный гром;
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчат моей руки
За Адамовы грехи.

«Кто же ты, болтун влюбленный?»
– Взглянь на стены возвышенны,

Где безмолвья вечный мрак;
Взглянь на окны загражденны,
На лампады там зажженны...
Знай, Наталья! – я... монах!

1813

МОНАХ

(*фрагмент*)

Песнь первая

СВЯТОЙ МОНАХ, ГРЕХОПАДЕНИЕ, ЮБКА

Хочу воспеть, как дух нечистый ада
Оседлан был брадатым стариком;
Как овладел он черным клобуком,
Как он втолкнул монаха грешных в стадо.

Певец любви, фернейский старичок,
К тебе, Вольтер, я ныне обращаюсь.
Куда, скажи, девался твой смычок,
Которым я в Жан д'Арке восхищаюсь,
Где кисть твоя, скажи, ужели ввек
Их ни один не найдет человек?
Вольтер! Султан французского Парнаса,
Я не хочу седлать коня Пегаса,
Я не хочу из муз наделать дам,
Но дай лишь мне твою златую лиру,
Я буду с ней всему известен миру.
Ты хмуришься и говоришь: не дам.
А ты, поэт, проклятый Аполлоном,
Испачкавший простенки кабаков,
Под Геликон упавший в грязь с Вильоном,
Не можешь ли ты мне помочь, Барков?
С усмешкою даешь ты мне скрыпицу,
Сулишь вино и музу пол-девицу:
«Последуй лишь примеру моему».
Нет, нет, Барков! скрыпицы не возьму,
Я стану петь, что в голову придется,
Пусть как-нибудь стих за стихом польется.

1813

НЕСЧАСТИЕ КЛИТА

Внук Тредьяковского Клит гекзаметром песенки пишет,
Противу ямба, хорея злобой ужасною дышет;
Мера простая сия все портит, по мнению Клита,
Смысл затмевает стихов и жар охлаждает пиита.
Спорить о том я не смею, пусть он безвинных поносит,
Ямб охладил рифмача, гекзаметры ж он заморозит.

1813

БАРАТЫНСКИЙ (БОРАТЫНСКИЙ)
Евгений Абрамович

1. Родился 19 февраля (2 марта н. ст.) 1800 г., умер 29 июня (11 июля н. ст.) 1844 г. в возрасте 44 лет.

2. Получил домашнее воспитание под руководством учителя-итальянца Жьячинто Боргезе, овладел французским языком. В двенадцатилетнем возрасте поступил в частный пансион в Петербурге, а затем (декабрь 1812) в Пажеский корпус. Интересуется литературой, увлекается «Разбойниками» Шиллера, пробует сочинять стихи. После скандала в Пажеском корпусе, вызванного шалостью воспитанников, последовало наказание – служба в армии рядовым. В это время (1818) Е. Баратынский всерьез занимается литературой, сближается с А. Дельвигом, В. Кюхельбекером, А. Пушкиным и др.

Первая публикация состоялась в 1819 г.: Стихотворение // Благонамеренный. 1819. № 14.

3. Из ранних стихотворений:

ХОР, ПЕТЫЙ В ДЕНЬ ИМЕНИН ДЯДЕНЬКИ БОГДАНА АНДРЕЕВИЧА ЕГО МАЛЕНЬКИМИ ПЛЕМЯННИЦАМИ ПАНЧУЛИДЗЕВЫМИ

Родству приязни нежной
Мы глас приносим сей,
В ней к счастью путь надежный,
Вся жизнь и сладость в ней.

Хоть чуждо нам искусство
С приятством говорить,
Но сердца могут чувства
Дар тщетный заменить.

Из благ богатых света
Усердьем лишь одним,

Чем можем в детски лета,
Мы праздник сей почтим.

Весны в возобновленье!
Средь рощей, средь полей
Так птички возвращенье
Поют цветущих дней!

Увы! теперь природы
Уныл, печален вид;
Хлад зимней непогоды
Небесный кров мрачит.

И в вёдро и в ненастье
Гнетут печали злых, –
Но истинное счастье
Нигде, как в нас самих.

Смотрите, как сияет
Во всех усердья дух,
Как дышит всё, блистает
Веселостью вокруг.

Средь грозных бурь смятений,
Хоть гром вдали шумит,
Душевных наслаждений
Ничто не возмутит.

Хоть время невозвратно
Всех благ лишает нас,
Увы! хоть слишком внятно
Судеб сей слышен глас, –

О, пусть всегда меж нами
Жизнь ваша лишь течет,
И дружба под цветами
Следы сокроет лет.

начало 1810-х (?)

К АЛИНЕ

Тебя я некогда любил,
И ты любить не запрещала;
Но я дитя в то время был –
Ты в утро дней едва вступала.
Тогда любим я был тобой,
И в дни невинности беспечной
Алине с детской простотой
Я клятву дал уж в страсти вечной.

Тебя ль, Алина, вижу вновь?
Твой голос стал еще приятней;
Сильнее взор волнует кровь;
Улыбка, ласки сердцу внятней;
Блестящих на груди лилей
Все прелести соединились,
И чувства прежние живей
В душе моей возобновились.

Алина! чрез двенадцать лет
Всё тот же сердцем, ныне снова
Я повторяю свой обет.
Ужель не скажешь ты полслова?
Прелестный друг! чему ни быть,
Обет сей будет свято чтимым.
Ах! я могу еще любить,
Хотя не льщусь уж быть любимым.

1819

ЖЕНЩИНЕ ПОЖИЛОЙ, НО ВСЁ ЕЩЕ ПРЕКРАСНОЙ

Взгляните: свежестью младой
И в осень лет она пленяет,
И у нее летун седой
Ланитных роз не похищает;
Сам побежденный красотой,
Глядит – и путь не продолжает!

1818(?)

СЛУЧАЙ

Вчера ненастливая ночь
Меня застала у Лилеты.
Остаться ль мне, идти ли прочь,
Меж нами долго шли советы.

Но, в чашу светлого вина
Налив с улыбкою лукавой,
«Послушай, – молвила она, –
Вино советник самый здравый».

Я пил; на что ж решился я
Благим внушеньем полной чаши?
Побрел по слякоти, друзья,
И до зари сидел у Паши.

1818 или 1819

ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА

(В альбом)

Любовь и дружбу различают,
Но как же различить хотят?
Их приобресть равно желают,
Лишь нам скрывать одну велят.
Пустая мысль! обман напрасный!
Бывает дружба нежной, страстной,
Стесняет сердце, движет кровь,
И хоть таит свой огнь опасный,
Но с девушкой она прекрасной
Всегда похожа на любовь.

1819

ПОРТРЕТ В...

Как описать тебя? я, право, сам не знаю!
Вчера задумчива, я помню, ты была,
Сегодня ветрена, забавна, весела;
Во всем, что лишь в тебе встречаю,
Непостоянство примечаю, –
Но постоянно ты мила!

1819

ЭПИГРАММА

Дамон! ты начал – продолжай,
Кропай экспромты на досуге;
Возьмись за гений свой: пиши, черти, марай;
У пола нежного в бессменной будь услуге;
Наполни вздохами растерзанную грудь;
Ни вкусу не давай, ни разуму потачки –
И в награждение любимцем куклы будь
Или соперником собачки.

1819

ПРОЩАНИЕ

Простите, милые досуги
Разгульной юности моей,
Любви и радости подруги,
Простите! вяну в утро дней!
Не мне стезею потаенной,
В ночь молчаливую, тишком,
Младую деву под плащом
Вести в альков уединенный.
Бежит изменница-любовь!
Светильник дней моих бледнеет,
Ее дыханье не согреет
Мою хладеющую кровь.
Следы печалей, изнуренья
Приметит в страждущем она.
Не смейтесь, девы наслажденья,
И ваша скроется весна,
И вам пленять недолго взоры
Младою пышной красотой;
За что ж в болезни роковой
Я слышу горькие укоры?
Я прежде бодр и весел был,
Зачем печального бежите?
Подруги милые! вздохните:
Он сколько мог любви служил.

1819

ОДОЕВСКИЙ
Александр Иванович

1. Родился 26 ноября (8 декабря н. ст.) 1802 г., умер 10 (22 н. ст.) октября (по иным сведениям – 15 (27 н. ст.) августа) 1839 г. в возрасте ок. 37 лет.

2. Получил прекрасное воспитание и образование (преимущественно гуманитарное) сначала в домашней обстановке, затем в Петербурге. Сведения о начале литературной деятельности весьма скудны. Известно, что литературные интересы доминировали в жизни поэта уже в юности. Несомненно также то, что А. Одоевский был замечательным знатоком русского языка и отечественной истории. Он сознательно не публиковал свои произведения. «Люблю писать стихи, но не отдавать их в печать, как Хвостов и как пропасть безмысленных, которым кстати было бы и быть бессловесными...» (из письма брату В. Ф. Одоевскому, 19 марта 1824 г.). А. Одоевским, по свидетельствам современников, были написаны многие тысячи стихов. До нас дошло лишь около 3 тысяч строк.

3. Из сохранившихся ранних стихотворений:

И если ты за то сочел безумным брата,
Что сердце ссорится с умом,
То верно бы пришлось и самого Сократа –
Врасплох – отправить в желтый дом.

15 октября 1821
Велиж

***

Иль, сбросив бремя светских уз,
В крылатые часы отдохновенья,
С беспечностью любимца муз
Питаю огнь воображенья
Мечтами лестными, цветами заблужденья.

Мечтаю иногда, что я поэт,
И лавра требую за плод забавы,
И дерзостным орлом лечу, куда зовет
Упрямая богиня славы:
Без заблужденья – счастья нет.
За мотыльком бежит дитя вослед,
А я душой парю за призраком волшебным,
Но вдруг существенность жезлом
враждебным
Разрушила мечты – и я уж не поэт!
Я не поэт! – и тщетные желанья
Дух юный отягчили мой!
Надежда робкая и грустны вспоминанья
Гостьми нежданными явились предо мной.

15 октября 1821
Велиж

ЧАЛМА

Отрывок из повести

Диких взоров красотой,
Кос блестящей чернотой
Я прельстился, как безумный:
Я турчанку полюбил.
Я был молод. С нею шумно,
С нею весело я жил.
По коврам она скакала
И кружилась; на лету
Поцелуй с меня срывала,
То со смехом обнажала
Юных персей красоту;
Жаркой грудью прижималась
Мне ко груди; увивалась
Белой, вкруг меня, рукой,
И, усталая, со мной
Долго, долго целовалась...

Грейтесь в шубах, на снегах,
Под метелию полночной!
Мне теплее на грудях
У красавицы восточной!

Что в друзьях мне? Что в родных?
Пышет холодом от них!
Я во сне же их видаю;
Но проснусь, и наяву
Я Роксану обнимаю;
Я проснусь, я оживу
На устах моей Роксаны,
И забуду и снега,
И родные берега,
И болотные туманы...
.....
.....
«Солнце знойно; ярок свет,
Как очей твоих сиянье;
Как ни сладок твой шербет,
Слаще уст твоих дыханье.
Наклонись ко мне челом,
Уст румяных жги огнем,
Поцелуй меня, Роксана!»

Я рукой ей руку жал,
И лицо и прелесть стана
Страстным взором озирал
Сквозь душистый дым кальяна.
«Наклони свое чело,
Поцелуй меня, Роксана!
Что ты дышишь тяжело?
Мне так весело с тобою!
Что уходишь ты? Постой!
Я шербет не допил твой;
Сядь ко мне, побудь со мною!»
Наклонилась головой
И к устам моим прильнула;
Грустно в очи мне взглянула
(Как и всем, сгрустнулось ей!):
«Ты с Роксаною веселой
Не считаешь шумных дней;
Но нагрянет час тяжелый,
Камнем ляжет он на грудь.
Русский! русский! дай мне руку!

И на нас, когда-нибудь,
Черный дух нашлет разлуку.
Здесь ты век не проживешь.
Бедный русский! Ты умрешь!
Не на радость, а на скуку...
В бане, лежа на софах,
Мне о ваших небесах
Раз армянка говорила...
Все слова я затвердила,
Хоть не очень поняла!
.....
Ты умрешь! Хоть неохотно,
А простишься ты со мной,
И взлетит твой дух бесплотный
На пустые небеса;
Скучной жизни бесконечной
Не утешит девы вечной
Вечно-юная краса!»
И опять взглянув с печалью,
Шаль с груди она сняла
И чело мне мягкой шалью,
Улыбаясь, обвила.
«Русский! Как тебе пристала
Мною свитая чалма,
Я ее бы не снимала;
И твою бы я сама
Гребнем бороду чесала»...
Улыбалась, целовала
И опять, как без ума,
И резвилась, и скакала.
.....
Конь оседлан; раб мой ждет;
У крыльца нетерпеливо
Борзый конь копытом бьет.
Мне Роксана путь счастливый
Пожелала из окна;
Опуская покрывало,
Поклонилася она.

начало 1820-х(?)

ЛУНА

Встал ветер с запада; седыми облаками
Покрыл небес потухший океан.
Сквозь тонкий видишь ли туман,
Как, увлекаемый волнами,
Челнок летает золотой?
Вот он исчез... блеснул... вот скрылся за волной,
Вот снова он и выплыл, и сияет,
И ангел светлых звезд кормилом управляет.

1824
Стрельна

БАЛ

Открылся бал. Кружась, летели
Четы младые за четой;
Одежды роскошью блестели,
А лица – свежей красотой.
Усталый, из толпы я скрылся
И, жаркую склоня главу,
К окну в раздумье прислонился
И загляделся на Неву.
Она покоилась, дремала
В своих гранитных берегах,
И в тихих, сребряных водах
Луна, купаясь, трепетала.
Стоял я долго. Зал гремел...
Вдруг без размера полетел
За звуком звук. Я оглянулся,
Вперил глаза; весь содрогнулся;
Мороз по телу пробежал.
Свет меркнул... Весь огромный зал
Был полон остовов... Четами
Сплетясь, толпясь, друг друга мча,
Обнявшись желтыми костями,
Кружася, по полу стуча,
Они зал быстро облетали.
Лиц прелесть, станов красота –
С костей их – все покровы спали.
Одно осталось: их уста,

Как прежде, всё еще смеялись;
Но одинаков был у всех
Широких уст безгласный смех.
Глаза мои в толпе терялись,
Я никого не видел в ней:
Все были сходны, все смешались...
Плясало сборище костей.

1825

ЯЗЫКОВ
Николай Михайлович

1. Родился 4 (16 н. ст.) марта 1803 г., умер 26 декабря 1846 г. (7 января 1847 г.) в возрасте 43 лет.

2. В 11 лет Н. Языкова привезли в Петербург и, вслед за двумя старшими братьями, определили в Горный кадетский корпус. Первые стихи появились у него в возрасте ок. 10 лет. В Горном институте занялся поэзией всерьез.

Первая публикация состоялась в 1825 г.: Зависть гения // Звездочка на 1826 г. : альманах (СПб.). 1825 (издатели А. А. Бестужев и К. Ф. Рылеев).

3. Из первых стихотворений:

К АЛ. КУЛИБИНУ

Не часто ли поверхность моря
Волнует грозных бурь приход
И с валом вал ужасный споря
Кремнистые брега трясет?
Не часто ль день прелестный, ясный
Скрывает мрак густой;
Не часто ль человек среди весны прекрасной
Смущается тоской,
И радость быстро отлетает?
Страшись печали, милый друг!
Да счастье всюду провождает
Тебя чрез жизни луг!
Люби, но укрощай в душе любви стремленья:
Ее опасен яд,
И часто средь цветов прелестных наслажденья
Змеи́ ужасные шипят;
Будь верен, не страшись обмана,
Страшись, чтобы коварный бог
Не превратился вдруг в тирана
И тщетныя к тебе любови не возжег.

Быть может, там, мой друг любезный,
Где медяной Рифей
Чело к стране возносит звездной
И, крепостью гордясь своей,
Полет Сатурна презирает,
Где хлад свирепый обитает,
Ты, друг мой, в тот ужасный час,
Как ветром мчится прах летучий,
Когда луч солнечный погас,
Покрытый мрачной тучей,
Когда леса дубов скрыпят,
Пред бурей страшной преклоненны,
Когда по челам гор скользят
Перуны разъяренны, –
Быть может, друг любезный мой,
В сей бури час ужасный,
Красу, застигнуту грозой,
Увидишь ты. – И взор прекрасный
В плененном сердце нежну страсть
Воспламенит мгновенно.
И милая твоя любови власть
В душе познает восхищенной
И для тебя лишь будет жить.
Тогда под сенью мирной
Ты станешь радости с подругою делить;
Тогда твой голос лирный
Любовь благую воспоет;
И песнь твоя молвой к друзьям домчится
Тогда во мне, о милый мой поэт,
Воспоминание протекшего родится;
Тогда я полечу душой
К дням резвым юности беспечной,
Когда я, увлечен мечтой,
Почувствовал огонь поэзии сердечной!
Тебе вверять восторги приходил
И слышал суд твой справедливый,
О! сколь тогда приятен был
Мне дружеский совет нельстивый,
С каким весельем я с тобой
Поэтов красотой пленялся;

И, зря в мечтах их тени пред собой,
Восторгам пылким предавался;
Какой огонь тогда блистал
В душе моей обвороженной,
Когда я звучный глас внимал,
Твой глас, о бард священный,
Краса певцов, великий Оссиан!
И мысль моя тогда летала
По хóлмам тех счастливых стран,
Где арфа стройная героев воспевала.
Тогда я пред собою зрел
Тебя, Фингал непобедимый,
В тот час, как небосклон горел,
Зарею утренней златимый,
Как ветерки игривые кругом
Героя тихо пролетали
И солнце блещущим лучом
Сверкало на ужасной стали.
Я зрел его: он, на копье склонясь,
Стоял в очах своих с грозою –
И вдруг, на воинство противных устремясь,
Всё повергал своей рукою.
Я зрел, как, подвиг свой свершив,
Он восходил на холм зеленый,
И, на равнину взор печальный обратив,
Где враг упал, им низложенный,
Стоял с поникшею главой,
В доспехах, кровию омытых.
Я шлемы зрел, его рассечены рукой,
Зрел горы им щитов разбитых!..
Но, друг, позволь мне удержать
Мечты волшебной обольщенья:
Ты наделен талантом песнопенья,
Тебе героев воспевать!
В восторге устреми к превыспреннему миру
Быстротекущий свой полет,
А мне позволь, мой друг поэт,
Теперь на время бросить лиру!

1818 или 1819

Стихотворение, обычно открывающее собрание сочинений:

К БРАТУ

Столицы мирный житель,
Враг лени и сует,
Мой ангел-покровитель,
Мой друг и мой учитель
И в мраке жизни – свет!
От музы небогатой
Ты требуешь стихов;
Но мне, мой филосо́ф,
Твое желанье свято!
И вот тебе от брата
Дар скудный – пук стихов.

С того златого дня,
Как благотворный гений
В родительские сени
Вновь перенес меня –
Я счастлив стал душою.
Здесь радость с тишиною,
Здесь всё, что в жизни сей
Мне дорого и мило:
И прелесть юных дней
С свободой легкокрылой,
И дружеская сень,
И сень уединенья,
И светит наслажденья
Незаходимый день.
Творцу благодаренья! –
Так, мой любезный брат,
Прошедшие мученья
Меня не посетят;
И радость, слава богу,
Дружится вновь со мной!
На ровную дорогу
Я выброшен судьбой
Из той темницы скучной,
Где жил всегда с одной

Подругою докучной,
Ты знаешь, кто она:
И гордая и злая,
Как мертвая бледна,
Как мумия – сухая.
Так я, любезный брат,
Терпел от ней недавно;
А ныне – очень рад –
Прогнал ее – и славно! –
И не придет назад!

С тех пор бегут игриво
Мои младые дни;
И, друг мой, извини:
Я, музой говорливой
Насильно увлечен,
Некстати разболтался;
Но я в грехе признался –
И менее грешон.

Когда лучи рассвета
Покроют небосклон
И твоего поэта
Прервется сладкий сон,
Я, вспомня долг священный
Свой разум просвещать,
Сажусь уединенный
Науки повторять;
На время отгоняю
И муз и лень свою,
Читаю и читаю,
Пока не устаю;
Потом, как утомляться
Начнет рассудок мой
И весело раздастся
Часов полдневный бой,
Оставивши занятья,
Лечу на сельский пир,
Где искренность кумир,
Где все друзья и братья!

И право, милый мой,
Обед семьи простой,
И скромный и радушный,
Мне во сто крат милей,
Чем долгий и бездушный
Пир гордых богачей,
Где не могу свободно,
Что мыслю, говорить,
Смеяться и шутить,
И есть, что мне угодно;
Где модный *этикет*
Гостями управляет,
Где скука обитает,
Где искренности нет.
Но дружеский обед
Мне лучше и вкуснее:
Здесь мысли веселее,
Здесь всякий, как привык,
Всё говорит, что знает,
Здесь скука не бывает
И волен мой язык.
Расставшись со столом,
Я радости вкушаю,
Каких не обретаю
В Петрополе ни в чем.
Прочь купленного счастья
Румянец накладной
И розы сладострастья
С порочной красотой!
Семейства в мирной сени –
Жилище наслаждений,
А не в шуму градском.
Так мы, друзья родные,
Веселые, младые,
Садимся все кружком;
Все говорим без смены:
Тут шутки, остроты́,
И смех непринужденный,
И вольные мечты.
Потом, как утомится

Аий* наш удалой
И тихо водворится
В собрании покой, –
В сей сладкий час досуга
Прибегнем к музам мы,
И радость, их подруга,
Вновь оживит умы;
Часы, как легки тени,
Мелькают мимо нас;
Когда ж их звон вечерний
Ударит десять раз –
Опять все гастрономы
На благовест знакомый
Явя́тся за столом
Для жертвоприношенья
Тебе, великий Ком,
Бог мирный объяденья!..
Окончив ужин свой,
С зевотой протяжной
Я отправляюсь важно
К Морфею – на покой;
Весь свет позабываю,
Не мыслю ни о чем –
И богатырским сном
До утра просыпаю.

1822

* Аий Локуций — бог речи у римлян.

ТЮТЧЕВ
Федор Иванович

1. Родился 23 ноября (5 декабря н. ст.) 1803 г., умер 15 (27 н. ст.) июля 1873 г. в возрасте ок. 70 лет.

2. С детских лет интересуется литературой и пишет стихи. Получил прекрасное домашнее воспитание. С 1819 по 1821 г. обучался в Московском университете, на словесном отделении. Первая публикация (еще до пушкинской в «Современнике») состоялась в 1819 г.: Послание Горация к Меценату, в котором приглашает его к сельскому обеду // Тр. О-ва любителей российской словесности. М. : Изд. Моск. ун-та, 1819. Ч. 14, кн. 22.

3. Первые стихотворения:

МАМЕНЬКЕ В ДЕНЬ ЕЕ РОЖДЕНИЯ

Молю я Господа, чтобы в сей день блаженный
Продлил жизнь маменьки нам милой и любезной.
Чтобы была она щастлива в жизни сей,
Утешена всегда от любящих детей.
Вот все, чего в сей день вам, маменька, желаю
И пламенной любви сыновней к вам пылаю.

1813 или 1814

ЛЮБЕЗНОМУ ПАПЕНЬКЕ!

В сей день счастливый нежность сына
Какой бы дар принесть могла!
Букет цветов? – но флора отцвела
И луг поблекнул и долина.
Просить ли мне стихов у муз?
У сердца я спрошусь.
И вот что сердце мне сказало:
В объятьях счастливой семьи
Нежнейший муж, отец благотворитель,
Друг истинный добра и бедных покровитель,

Да в мире протекут драгие дни твои!
Детей и подданных любовью окруженный,
На лицах вкруг себя радость узришь ты.
Так солнце, с горней высоты,
С улыбкой смотрит на цветы,
Его лучами оживленны.

1813 или 1814

***

Всесилен я и вместе слаб,
Властитель я и вместе раб,
Добро иль зло творю – о том не рассуждаю,
Я много отдаю, но мало получаю,
И в имя же свое собой повелеваю,
И если бить хочу кого,
То бью себя я самого.

1814 или 1815

НА НОВЫЙ 1816 ГОД

Уже великое небесное светило,
Лиюще с высоты обилие и свет.
Начертанным путем годичный круг свершило
И в ново поприще в величии грядет! –
И се! Одеянный блистательной Зарею,
Пронзив эфирных стран белеющийся свод,
Слетает с урной роковою
Младый Сын Солнца – Новый Год!..

Предшественник его с лица земли сокрылся,
И по течению вратящихся времен,
Как капля в Океан, он в Вечность погрузился!
Сей Год равно пройдет!.. Устав Небес священ.
О Время! Вечности подвижное зерцало! –
Все рушится, падет под дланию твоей!..
Сокрыт предел твой и начало
От слабых Смертного очей!..

Века рождаются и исчезают снова,
Одно столетие стирается другим;

Что может избежать от гнева Крона злого?
Что может устоять пред Грозным Богом сим?
Пустынный ветр свистит в руинах Вавилона!
Стадятся звери там, где процветал Мемфис!
И вкруг развалин Илиона
Колючи терны обвились!..

А ты, Сын роскоши! о смертный сладострастный,
Беспечна жизнь твоя средь праздности и нег!..
Спокойно катится!.. Но ты забыл, несчастный:
Мы все должны узреть Коцита грозный брег!..
Возвышенный твой Сан, льстецы твои и злато
От смерти не спасут! Ужель ты не видал,
Сколь часто гром огнекрылатый
Разит чело высоких скал?..

И ты еще дерзнул своей рукою жадной
Отъять насущный хлеб у вдов и у сирот;
Изгнать из родины семейство безотрадно!..
Слепец! стезя богатств к погибели ведет!..
Разверзлась пред тобой подземная обитель!
О жертва Тартара! о жертва Евменид,
Блеск пышности твоей, Грабитель!
Богинь сих грозных не пленит!..

Там вечно будешь зреть секиру изощренну,
На тонком волоске висящу над главой;
Покроет плоть твою, всю в язвах изможденну,
Не ткани пурпурны – червей кипящий рой!..
Возложишь не на одр растерзанные члены,
Где б неге льстил твоей приятный мягкий пух,
Но нет – на жупел раскаленный,
И вечный вопль пронзит твой слух!

Но что? сей страшный сонм! сии кровавы тени,
С улыбкой злобною они к тебе спешат!..
Они прияли смерть от варварских гонений!
От них и ожидай за варварство наград! –
Страдай, томись, злодей, ты жертва адской мести! –
Твой гроб забвенный здесь покрыла мурава! –

И навсегда со гласом лести
Умолкла о тебе молва!

1815 или 1816

ДВУМ ДРУЗЬЯМ

В сей день, блаженный день, одна из вас прияла
И добродетели и имя девы той,
Котора споборала
Религии святой;
Другой же бытие Природа даровала.

Она обеих вас на то произвела,
Чтоб ваши чувства и дела
Взаимно счастье составляли
И полу нежному пример бы подавали...

Разлука угнетает вас,
О верные друзья! Настанет вскоре час –
Приятный, сладостный, блаженный час свиданья:
И в излиянии сердец
Вы узрите ее конец
И позабудете минувшие страданья!..

1815 или 1816

***

Пускай от зависти сердца зоилов ноют.
Вольтер! Они тебе вреда не нанесут!..
Питомца своего Пиериды покроют
И *Дивного* во храм бессмертья проведут.

не позднее 1818

Первая публикация:

ПОСЛАНИЕ ГОРАЦИЯ К МЕЦЕНАТУ, В КОТОРОМ ПРИГЛАШАЕТ ЕГО К СЕЛЬСКОМУ ОБЕДУ

Приди, желанный гость, краса моя и радость!
Приди, – тебя здесь ждет и кубок круговой,
И розовый венок, и песней нежных сладость!

Возженны не льстеца рукой,
Душистый анемон и крины
Лиют на брашны аромат,
И полные плодов корзины
Твой вкус и зренье усладят.
Приди, муж правоты, народа покровитель,
Отчизны верный сын и строгий друг царев,
Питомец счастливый кастальских чистых дев,
Приди в мою смиренную обитель!
Пусть велелепные столпы,
Громады храмин позлащенны
Прельщают алчный взор несмысленной толпы;
Оставь на время град, в заботах погруженный,
Склонись под тень дубрав; здесь ждет тебя покой.
Под кровом сельского Пената,
Где все красуется, все дышит простотой,
Где чужд холодный блеск и пурпура и злата, –
Там сладок кубок круговой!
Чело, наморщенное думой,
Теряет здесь свой вид угрюмый;
В обители отцов все льет отраду нам!
Уже небесный лев тяжелою стопою
В пределах зноя стал – и пламенной стезею
Течет по светлым небесам!..
В священной рощице Сильвана,
Где мгла таинственна с прохладою слиянна,
Где брезжит сквозь листов дрожащий, тихий свет,
Игривый ручеек едва-едва течет
И шепчет в сумраке с прибрежною осокою;
Здесь в знойные часы, пред рощею густою,
Спит стадо и пастух под сению прохлад,
И в розовых кустах зефиры легки спят.
А ты, Фемиды жрец, защитник беззащитных,
Проводишь дни свои под бременем забот;
И счастье сограждан – благий, достойный плод
Твоих стараний неусыпных! –
Для них желал бы ты познать судьбы предел;
Но строгий властелин земли, небес и ада
Глубокой, вечной тьмой грядущее одел.
Благоговейте, персти чада! –

Как! прах земной объять небесное посмеет?
Дерзнет ли разорвать таинственный покров?
Быстрейший самый ум, смутясь, оцепенеет,
И буйный сей мудрец посмешище богов! –
Мы можем, странствуя в тернистой сей пустыне,
Сорвать один цветок, ловить летящий миг;
Грядущее не нам – судьбине;
Так предадим его на произвол благих! –
Что время? Быстрый ток, который в долах мирных,
В брегах, украшенных обильной муравой,
Катит кристалл валов сапфирных;
И по сребру зыбей свет солнца золотой
Играет и скользит; но час – и бурный вскоре,
Забыв свои брега, забыв свой мирный ход,
Теряется в обширном море,
В безбрежной пустоте необозримых вод!
Но час – и вдруг нависших бурь громады
Извергли дождь из черных недр;
Поток возвысился, ревет, расторг преграды,
И роет волны ярый ветр!..
Блажен, стократ блажен, кто может в умиленье,
Воззревши на Вождя светил,
Текущего почить в Нептуновы владенья,
Кто может, радостный, сказать себе: *я жил!*
Пусть завтра тучею свинцовой
Всесильный бог громов вкруг ризою багровой
Эфир сгущенный облечет,
Иль снова в небесах рассыплет солнца свет, –
Для смертных всё равно; и что крылаты годы
С печального лица земли
В хранилище времен с собою увлекли,
Не применит того и сам Отец природы.
Сей мир – игралище Фортуны злой.
Она кичливый взор на шар земной бросает
И всей вселенной потрясает
По прихоти слепой!..
Неверная, меня сегодня осенила;
Богатства, почести обильно мне лиет,
Но завтра вдруг простерла крыла,
К другим склоняет свой полет!

Я презрен, – не ропщу, – и, горестный свидетель
И жертва роковой игры,
Ей отдаю ее дары
И облекаюсь в добродетель!..
Пусть бурями увитый Нот
Пучины сланые крутит и воздымает,
И черные холмы морских кипящих вод
С громовой тучею сливает,
И бренных кораблей
Рвет снасти, все крушит в свирепости своей...
Отчизны мирныя покрытый небесами,
Не буду я богов обременять мольбами;
Но дружба и любовь среди житейских волн
Безбедно приведут в пристанище мой челн.

1818 или 1819

ХОМЯКОВ
Алексей Степанович

1. Родился 1 (13 н. ст.) мая 1804 г., умер 23 сентября (5 октября н. ст.) 1860 г. в возрасте 56 лет.

2. Получил строгое религиозное воспитание в домашней обстановке под руководством матери. После московского пожара, уготованного Наполеону, семья жила в деревне, а в 1815 г. переехала в Петербург. Юный стихотворец и его брат Федор обучались русской словесности у известного писателя, друга А. С. Грибоедова – А. А. Жандра. Братья Хомяковы подружились с братьями Веневитиновыми: Алексей соревновался с Дмитрием в стихотворчестве и в переводах из Вергилия и Горация. Пятнадцатилетний поэт переводит «Германию» Тацита, отрывок из которой опубликован в Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете (1821. Ч. 19), – это первая публикация поэта.

3. Ранние стихотворения:

ПОСЛАНИЕ К ВЕНЕВИТИНОВЫМ

Итак, настал сей день победы, славы, мщенья;
Итак, свершилися мечты воображенья,
Предчувствия души, сны юности златой;
Желанья пылкие исполнены судьбой!
От северных морей, покрытых вечно льдами,
До средиземных волн, возлюбленных богами,
Тех мест, где небеса, лазурь морских зыбей,
Скалы, леса, поля – всё мило для очей, –
Во всех уже страна́х давно цвели народы,
Законов под щитом, под сению свободы.
Лишь Греция одна стонала под ярмом.
Столетья протекли: объяты тяжким сном,
В ней слава, мужество, геройский дух молчали,
И, мнилося, они навеки чужды стали
Своей стране родной, стране великих дел, –

Стране, где некогда свободы гимн гремел
В долинах, на холмах, в ущельях гор глубоких
И с кровью в жилах тек источник чувств высоких.

Пришлец с Алтайских гор, сын дебрей и степей,
Обременил ее бесславием цепей.
Тиранства алчного ненасытимый гений
Разрушил чудеса минувших поколений,
И злато, и труды голодной нищеты,
И сила юности, и прелесть красоты –
Всё было до́бычей владык иноплеменных, –
Но небо тронулось мольбами угнетенных,
И Греция, свой сон сотрясши вековой,
Возникла, как гигант, могущею главой.

О други! как мой дух пылает бранной славой,
Я сердцем и душой среди войны кровавой,
Свирепых варваров непримиримый враг,
Я мыслью с греками, сражаюсь в их рядах...
Так! всё великое в Элладу призывает!
Эллада! О друзья, сей звук напоминает
Душе, забывшейся средь суетных страстей,
О добродетели, о славе древних дней,
О всем, что с детских лет наш пылкий дух пленяло
И жар высоких чувств в груди воспламеняло.
Там, там любимец муз, слепец всезрящий, пел,
Там бурный Демосфен, как сам Зевес, гремел;
И Леонида тень, расторгши плен могилы,
Еще средь вас живет, священны Фермопилы!
Где жили сильные, досель их видим след:
В Элладе каждый холм есть памятник побед.
О прежних подвигах в ней тихий лес вздыхает,
И перелетный ветр всечасно повторяет
Героев и певцов бессмертны имена:
В ней славой прежних лет природа вся полна;
Восторг еще живет среди уединенья,
И каждый ручеек – источник вдохновенья.

Так, я пойду, друзья, пойду в кровавый бой
За счастие страны, по сердцу мне родной,

И, новый Леонид Эллады возрожденной,
Я буду жить в веках и памяти вселенной,
Я гряну как Перун! – Прелестный, сладкий сон!
Но никогда, увы, не совершится он!
И вы велите мне, как в светлы дни забавы,
Воспеть свирепу брань, деянья громкой славы, –
Вотще: одной мечтой душа моя полна.
Сошлись на землю ночь и мрак <и> тишина,
И сон, несчастных друг, глаза мои смыкает;
Заря ли ранняя к заботам пробуждает,
Иль полдень пламенный горит на небесах, –
Одно мой внемлет слух, одно в моих очах:
Лишь стоны, смерть и кровь, ужасный вид сраженья
И гибель эллинов средь праведного мщенья.

Нет, нет, лишь тот певец, кто музам в дар несет
Беспечный пылкий дух, свободный от забот.
О дщери юные суровой Мнемозины!
Дубравы мирные и мирные долины,
Спокойствие полей, ручья пустынный глас
И сердце без страстей – одни пленяют вас.

И мне ли петь, друзья, с душою угнетенной.
Но ты с младенчества от Феба вдохновенный,
Ты верный жрец его, весны певец младой,
Стремись к бессмертию; пой, юный Томсон, пой!
Пой, Дмитрий! твой венец – зеленый лавр с оливой;
Любимец сельских муз и друг мечты игривой,
С душой безоблачной, беспечен как дитя,
Дни юности златой проходишь ты шутя;
Воспой же времена, круговращенье года,
Тебя зовет Парнас, тебя внушит природа!
Но друга твоего оставил прежний жар,
Исчез, как легкий сон, высоких песней дар;
И ах! навек унес могущий грусти гений
И чашу радостей, и чашу вдохновений.
О, если б глас царя призвал нас в грозный бой!
О, если б он велел, чтоб русский меч стальной,
Спаситель слабых царств, надежда, страх
вселенной,

Отмстил за горести Эллады угнетенной!
Тогда бы грудью став средь доблестных бойцов,
За греков мщенье, честь и веру праотцов,
Я ожил бы еще расцветшею душою
И, снова подружась с каменою благою,
На лире сладостной, в объятиях друзей
Я пел бы старину и битвы древних дней.

1821

Из незавершенного:

ВАДИМ

(фрагмент)

ПЕСНЬ 1

День тухнет; хладен ветр над Ладогой седою,
И черной пеленой подернут неба свод.
Лишь там, где он вдали встречает бездну вод,
Дрожащий слабый свет сражается со тьмою,
И тихо, тихо в мгле ночной
Он меркнет так, как луч надежды, луч последний
В душе, оставленной судьбой.
Но он исчез, и месяц бледный
С востока медленно плывет;
То кроется средь тучи мрачной,
То сквозь покров ее прозрачный
Сребристый, тихий свет лиет,
В ущелиях глубоких, черных
Утесов, спящих над волной,
Ужасны стоны ветров горних,
Ужасен беспрерывный вой.
Колеблем бурей разъяренной,
Необозримый бор ревет;
Холодный мелкий дождь осенний
На землю, как туман, падет.
И облака за облаками
Бегут туманными грядами.
Но вот широкими шагами
Из бора вышед, по полям,

По черным и крутым скалам
Кто вдалеке, как тень, ступает,
Звуча копьем в огромный щит?
Но он запел. Пусть бор шумит,
Пусть ветр уныло завывает,
Пусть волны брег колеблют свой,
Пусть... Громче, чем их страшный вой,
Чем стон дубрав, рев скал ужасный,
Ловца младого голос ясный:
«О Стрибога дети, шумите, шумите!
Играйте, Полканы, с седою волной!
И песнею дикой мой дух веселится;
Вадиму приятны и буря, и бой.
Меня здесь угрюмая степь воспитала,
Родителя щит колыбелию был,
И буря младенцу ко сну припевала,
И первый луч утра к сраженьям будил.
Младенец с младыми боролся волками,
У дикой лисицы птенцов похищал,
И Ладоги шумные волны руками
Средь бури и грома, смеясь, рассекал.
Любил я и ветер холодный осенний,
Любил я плесканье ревущих валов,
И зимние хлады, и бури весенни,
Но сердце желало лишь битв и врагов.
Прощай же, о Ладоги берег пустынный,
Свидетель счастливых младенческих лет.
К победе, ко славе! Их голос призывный
В далекие страны Вадима зовет.
И вскоре пришелец надменный узнает,
Как сын Ратибора оружьем играет».
И булаву с спины широкой
Сорвал он мощною рукой
И в камень, часть скалы высокой,
Ударил тяжкой булавой.
Ударил – яркий брызнул пламень,
Треща раздался черный камень.
Часть пала в пропасть, и кругом
Раздался вдруг ужасный гром.
Казалось, пропасти взревели,

Валы свирепей закипели;
Гул загремел в ущельях гор,
Стеня, завыл огромный бор,
Проснулся ворон в поле диком,
И филин вдаль помчался с криком,
И волк, забыв своих птенцов,
Бежал сокрыться в глубь лесов.
Но с гордостью, как после боя,
Уж в мыслях поразив героя,
Пустыни сын захохотал...

начало 1820-х

ПОЛЕЖАЕВ
Александр Иванович

1. Родился 30 августа (11 сентября н. ст.) 1804 г. (по другим данным – 1805), умер 16 (28 н. ст.) января 1838 г. в возрасте 33 с половиной лет.

2. Незаконнорожденный, А. Полежаев после смерти матери и отчима воспитывался в усадьбе Струйских (Понтий Струйский – отец), в людской, среди дворни. В 1816 г. привезен в Москву и до 1820 г. обучался в пансионах (при гимназии и в частном пансионе Визара). Писать стихи начал предположительно в 1816–1820 гг.

Первая публикация: Непостоянство : [стихотворение] // Вестн. Европы. 1825. № 4.

3. Первая публикация:

НЕПОСТОЯНСТВО

Он удалился, лицемерный,
Священным клятвам изменил,
И эхо вторит: легковерный!
Он Нину разлюбил!
Он удалился!
Могу ли я, в моей ли власти
Злодея милого забыть?
Крушись, терзайся, жертва страсти!
Удел твой – слезы лить:
Он удалился!
В какой пустыне отдаленной,
В какой неведомой стране
Сокрою стыд любви презренной!
Везде всё скажет мне:
Он удалился!
Одна, чужда людей и мира,
При томной песне соловья,
При легком веяньи зефира

Невольно вспомню я:
Он удалился!
Он удалился – всё свершилось!
Минувших дней не возвратить.
Как призрак, счастие сокрылось...
Зачем мне больше жить?
Он удалился!

1825

ВОСПОМИНАНИЕ

Исчезли, исчезли веселые дни,
Как быстрые воды умчались;
Увы! но в душе охладелой они
С прискорбною думой остались.
Как своды лазурного неба мрачит,
Облекшися в бури, ненастье,
Так грусть мое сердце и дух тяготит.
Полина, отдай мое счастье!
Полина! О боги! почто я узрел
Твои красоты несравненны?
Любовь без надежды – мой грозный удел.
Безумец слепой, дерзновенный,
Чтоб видеть улыбку на милых устах,
Я жертвовал каждой минутой
И пил не блаженство в прелестных очах,
Но яд смертоносный и лютый.
Невольно кипела горячая кровь
В мечтаниях нежных и страстных,
Невольно в груди волновалась любовь
И пламя желаний опасных.
Приятное иго почувствовал я,
В душе родилась перемена,
Исчезла свобода, подруга моя;
Не мог избежать я от плена.
Но что, о прекрасная, сталось со мной,
Волшебная прелестей сила!
Когда тебя обнял я пылкой рукой,
Когда ты, мой друг, приклонила
На перси лилейные робко главу

И в страсти взаимной призналась?
И всё совершилось... Почто ж я живу?
Минута любви миновалась!
Далеко, Полина, далеко оно,
Восторгов живых упоенье;
Быть может, навек и навек мне одно
В награду осталось мученье...
Исчезли, исчезли веселые дни,
Как быстрые воды умчались;
Увы! но в душе охладелой они
С прискорбною думой остались.

1825

ЛЮБОВЬ

Свершилось Лилете
Четырнадцать лет;
Милее на свете
Красавицы нет.
Улыбкою радость
И счастье дарит;
Но счастия сладость
Лилеты бежит.
Не лестны унылой
Толпы женихов,
Не радостны милой
Веселья пиров.
В кругу ли бывает
Подруг молодых –
И томность сияет
В очах голубых;
Одна ли в приятном
Забвеньи она –
Везде непонятным
Желаньем полна;
В природе прекрасной
Чего-то ей нет,
Какой-то неясный
Ей мнится предмет:
Невольная скука
Девицу крушит,

И тайная мука
Волнует, томит.
Ах, юные лета!
Ах, пылкая кровь!
Лилета, Лилета!
Ведь это – любовь.

1825

ПОГРЕБЕНИЕ

Я видел смерти лютой пир –
Обряд унылый погребенья:
Младая дева вечный мир
Вкусила в мгле уничтоженья.
Не длинный ряд экипажéй,
Не черный флер и не кадилы
В толпе придворных и пажей
За ней теснились до могилы.
Ах, нет! Простой дощатый гроб
Несли чредой ее подруги,
И без затейливой услуги
Шел впереди приходский поп.
Семейный круг и в день печали
Убитый горестью жених,
Среди ровесниц молодых,
С слезами гроб сопровождали.
И вот уже духовный врач
Отпел последнюю молитву,
И вот сильнее вопль и плач...
И смерть окончила ловитву!
Звучит протяжно звонкий гвоздь,
Сомкнулась смертная гробница –
И предалась, как новый гость,
Земле бесчувственной девица...
Я видел всё; в немой тиши
Стоял у пагубного места
И в глубине моей души
Сказал: «Прости, прости, невеста!»
Невольно мною овладел
Какой-то трепет чудной силой,
И я с таинственной могилой

Расстаться долго не хотел.
Мне приходили в это время
На мысль невинные мечты,
И грусти сладостное бремя
Принес я в память красоты.
Я знал ее – она, играя,
Цветок недавно мне дала,
И вдруг, бледнея, увядая,
Как цвет дареный, отцвела.

1826(?)

ВЕНЕВИТИНОВ
Дмитрий Владимирович

1. Родился 14 (26 н. ст.) сентября 1805 г., умер 15 (27 н. ст.) марта 1827 г., ему было чуть больше 21 года.

2. Д. Веневитинов получил прекрасное домашнее воспитание и образование: отлично владел французским, немецким, английским и итальянским языками; литературу изучал под руководством профессора и поэта А. Ф. Мерзлякова; обучался музыке и живописи. В. Ф. Одоевский отмечал, что молодой поэт органично соединял в себе поэзию, музыку и живопись. В 1824 г. сдает выпускные экзамены (экстернат) в Московском университете, поступает на службу в Московский архив и присоединяется к кружку любомудров (председатель В. Ф. Одоевский; члены: И. В. Киреевский, А. И. Кошелев, С. П. Шевырёв, М. П. Погодин и др.)

Первые публикации:

Разбор статьи о «Евгении Онегине» // Сын отечества. 1825. № 8;

Любимый цвет : [стихотворение] // Северная лира на 1827 год : альманах. № 4.

3. Первые стихотворения:

К ДРУЗЬЯМ

Пусть искатель гордой славы
Жертвует покоем ей!
Пусть летит он в бой кровавый
За толпой богатырей!
Но надменными венцами
Не прельщен певец лесов:
Я счастлив и без венцов
С лирой, с верными друзьями.

Пусть богатства страсть терзает
Алчущих рабов своих!

Пусть их златом осыпает,
Пусть они из стран чужих
С нагруженными судами
Волны ярые дробят:
Я без золота богат
С лирой, с верными друзьями.

Пусть веселий рой шумящий
За собой толпы влечет!
Пусть на их алтарь блестящий
Каждый жертву понесет!
Не стремлюсь за их толпами –
Я без шумных их страстей
Весел участью своей
С лирой, с верными друзьями.

1821

К ДРУЗЬЯМ НА НОВЫЙ ГОД

Друзья! настал и *новый год*!
Забудьте старые печали,
И скорби дни, и дни забот,
И всё, чем радость убивали;
Но не забудьте ясных дней,
Забав, веселий легкокрылых,
Златых часов, для сердца милых,
И старых, искренних друзей.

Живите новым в новый год,
Покиньте старые мечтанья
И всё, что счастья не дает,
А лишь одни родит желанья!
По-прежнему в год новый сей
Любите муз и песен сладость,
Любите шутки, игры, радость
И старых, искренних друзей.

Друзья! встречайте новый год
В кругу родных, среди свободы.
Пусть он для вас, друзья, течет,
Как детства счастливые годы.

Но средь петропольских затей
Не забывайте звуков лирных,
Занятий сладостных и мирных
И старых, искренних друзей.

1823

Из черновых набросков:

***

В чалме, с свинцовкой за спиной,
Шагал султан в степи глухой,
Нахмурив лоб, поджавши руки,
И на лисиц свистал от скуки.
В беспечной памяти, как тень,
Мелькал его вчерашний день...
.....

Бывало, башни здесь стояли,
Бывало, люди не живали,
Как мы, в ущельях да горах...
Вино всегда лилось ручьями,
А нынче бродишь с пистолями,
В ночи не спишь, добычи ждешь,
А без нее домой придешь,
Так без насущного обеда...

182?

ПАВЛОВА
Каролина Карловна
(урожд. ЯНИШ)

1. Родилась 10 (22 н. ст.) июля 1807 г., умерла 2 (14 н. ст.) декабря 1893 г. в возрасте ок. 84 лет.

2. Детство, отрочество и юность К. Яниш остаются малоизученными. Известно, что поэтесса обладала многими талантами. Знаменитый А. фон Гумбольдт, будучи в 1829 г. в Москве, восхищался ее стихотворными опытами на французском и немецком языках. Также известно, что К. Павлова была влюблена в польского поэта А. Мицкевича. (А. Мицкевич предложил Каролине руку и сердце, но богатый и бездетный дядя Каролины помешал осуществлению этого брака.)

Первая публикация состоялась в 1839 г.: Неизвестному поэту : [стихотворение] // Отеч. зап. 1839. № 5 (издатель А. А. Краевский).

3. Из первых стихотворений, написанных по-немецки:

***

Es wurden in dem düstern Erdenleben
Drei Genien aus einer besseren Welt,
Die Trost ein jedem herben Schmerze geben,
Den guten edlen Menschen zugesellt:
Doch denen nur, die ihren Wert empfinden,
Ist es vergönnt, die Himmlischen zu finden.

Den 14. Juni 1827
Moskau

Перевод:

Нам посланы в глухой земной юдоли
Три гения с небесной вышины,
Которые под гнетом тяжкой боли
Всем, чистым сердцем, в спутники даны.

Но только тот, кто понял их значенье,
Увидит их, найдет в них утешенье.

17 июня 1827
Москва

***

Gedenke mein, wenn Hespers Plasenschleier
Am Horizonte ausgebreitet ist
Und deine Seele freundlicher und freier
Des Erdenlebens schweren Druck vergißt,
Wenn, einsam ruhend unter Blütenbäumen,
Du lieblich sinnst im gold'nen Abendschein,
O dann, in deinen stillen Wonneträumen,
Gedenke mein!

Gedenke mein, wenn sie am Himmel waltet
In ernster Schönheit, die geweichte Nacht,
Wenn dann dein Geist die Schwingen kühn entfaltet
Und heil'ge Sehnsucht in der Brust erwacht;
Fühlst du es tief, daß was sich hier gefunden,
Dort leben wird im ewigen Verein,
O dann, in diesen hehren Weihestunden,
Gedenke mein!

Den 27. Juli 1827
Moskau

Перевод:

О вспомни, друг, меня, когда сиянье
Над краем неба Веспер разольет,
Когда твоя душа в очарованьи
И радости – забудет жизни гнет.
В миг одиночества, в цветеньи сада,
В лучах заката, в нежном полусне,
Когда души коснется сна прохлада,
Друг, вспомни обо мне!

О вспомни, друг, меня – лишь без усилья
Раскинет ночь волшебный полог свой
И вольно дух свои расширит крылья,

Наполнив грудь священною тоской.
Ты понял ли сейчас, что всё земное
Там будет жить, в небесной вышине?
В такую ночь, в пленительном покое,
Друг, вспомни обо мне!

27 июля 1827
Москва

Стихотворение, открывающее собрание сочинений:

СФИНКС

Эдипа сфинкс, увы! он пилигрима
И ныне ждет на жизненном пути,
Ему в глаза глядит неумолимо
И никому он не дает пройти.

Как в старину, и нам, потомкам поздним,
Он, пагубный, является теперь,
Сфинкс бытия, с одним вопросом грозным,
Полукрасавица и полузверь.

И кто из нас, в себя напрасно веря,
Не разрешил загадки роковой,
Кто духом пал, того ждут когти зверя
Наместо уст богини молодой.

И путь кругом облит людскою кровью,
Костями вся усеяна страна...
И к сфинксу вновь, с таинственной любовью,
Уже идут другие племена.

22 апреля 1831

БЕНЕДИКТОВ
Владимир Григорьевич

1. Родился 5 (17 н. ст.) ноября 1807 г., умер 14 (26 н. ст.) апреля 1877 г. в возрасте 69 с половиной лет.

2. Родился в Петербурге, отроческие годы провел в Петрозаводске. Учился в Олонецкой губернской гимназии, затем поступил во Второй кадетский корпус в Екатеринбурге.

Страсть к сочинительству к В. Бенедиктову пришла еще в гимназии, благодаря энтузиазму учителя словесности И. Ф. Яконовского. Первые стихи появились в возрасте до 14 лет.

Первая публикация: К сослуживцу : [стихотворение] // Лит. прибавления к «Русскому инвалиду» (СПб.). 1832. № 5 (издатель А. Ф. Воейков).

Феномен В. Г. Бенедиктова заключается в том, что он учился сочинять всю жизнь, однако развитие подобного рода имело статический характер, обусловленный излишней описательностью, которая явно доминировала в содержательной поэтике этого стихотворца.

3. Первые, по мнению В. Бенедиктова, стихотворения:

НОЧЬ БЛИЗ М<ЕСТЕЧКА> ЯКАЦ
(5 МАЯ 1831)

Как сон невинности, как ангелов молитва,
Спокойна ночи тень;
А завтра – грозная воспламенится битва,
Настанет бурный день.

Роскошно озарен бивачными огнями,
Здесь ружей целый лес
Торжественно глядит трехгранными штыками
На звездный свод небес –

И воина очам ко звездам беспредельный
Указывает путь.

Нам нужен только миг – один удар смертельный,
Чтоб чрез него шагнуть.

Усталых ратников рассеянные тучи
На краткий сон легли,
Не ведая, кого с зарей свинец летучий
Сорвет с лица земли.

При мысли о конце душа моя не стонет,
Но рвусь от думы злой,
Что в сумрачных волнах забвения потонет
Туманный жребий мой;

Кипящая душа в немую вечность ляжет
Без отблеска небес;
Лишь дева милая подруге томно скажет:
«Он был, любил, исчез!»

5 мая 1831

ПРАЗДНИК НА БИВАКЕ

Пируя на полях чужбины,
Вы были веселы, друзья, –
И я бивачного житья
Увидел светлые картины.
Хоть шаткий пиршества шалаш
Столичной залы был теснее,
Зато в нем ход отрадных чаш
Был громозвучней и вольнее;
В нем меры не было речам,
Ни сжатых уст, ни хитрых взглядов,
Что некогда бывало там –
В стране докучливых обрядов.
«Ура» гремело. Каждый гость
Здесь был участником веселья,
И добротой блестела злость,
Укрыв свой яд, хоть до похмелья.
Кипуч был праздник средь полей,
Но, признаюсь, печален сердцем,
На пир ликующих друзей

Смотрел я хладным иноверцем –
И, чужд их кликов и речей,
Ждал втайне праздника мечей.

7 июня 1831

БРАННАЯ КРАСАВИЦА

Она чиста, она светла
И убрана сребром и златом;
Она душе моей мила,
Она дружна со мной, как с братом.
Она стыдится наготы,
Пока всё дремлет в сладком мире, –
Тогда царица красоты
В своей скрывается порфире,
Свой острый взор, блестящий вид
И стан свой выгнутый таит.
Но лишь промчится вихорь брани –
Она является нагой,
Объята воина рукой,
И блещет, будто роковой
Огонь в Юпитеровой длани.
Она к сердцам находит путь,
И хоть лобзает без желанья,
Но с болью проникают в грудь
Ее жестокие лобзанья.
Когда нага – она грозит,
Она блестит, она разит;
Но гром военный утихает –
И утомленная рука
Ее покровом облекает,
И вот она – тиха, кротка
И сбоку друга отдыхает.

1831

КОЛЬЦОВ
Алексей Васильевич

1. Родился 3 (15 н. ст.) октября 1809 г., умер 29 октября (10 ноября н. ст.) 1842 г. от чахотки в возрасте 33 лет.

2. Серьезного образования не получил (родился и рос в семье торговца скотом). Был заядлым книгочеем. Сочинять стихи начал в 1825 г. (в возрасте 16 лет), когда прочел книгу стихотворений И. И. Дмитриева. Сам А. Кольцов так описывает предощущение первых стихов: «Я ночевал с гуртом отца в степи, ночь была темная-претемная и такая тишина, что слышался шелест травы <...> ...мне не спалось, я лежал и смотрел на небо. Вдруг у меня стали в голове слагаться стихи; до этого у меня постоянно вертелись обрывочные, без связи рифмы, а тут приняли определенную. Я вскочил на ноги в каком-то лихорадочном состоянии; чтобы удостовериться, что это не сон, я прочел свои стихи вслух. Странное я испытал ощущение, прислушиваясь сам к своим стихам».

Первая публикация: А. Кольцов передал Василию Сухачёву несколько своих стихотворений, который опубликовал их в «Листках из записной книжки В. Сухачёва» (М. : Типография А. Семена, 1830. 23 с.).

3. Из первых стихотворений:

ПЕСНЬ УТРУ

С зарею красною восходит
Солнце яркое с восток,
Из-за леса, гор выходит
И шумит живой поток.
Осветило дол росистый,
Озлатило зыби вод,
Потрясся и бор ветвистый.
Вдруг поднялся хоровод
Нежных пташек, пенье
И свирели пастухов.

Всю радость и веселье
Среди долины и лугов.
Всех пленяло, веселило
Милый взор среди природ!
О, как нежно, о, как мило
Утро встретить и восход!

10 октября 1826

ПЕРВЫЙ ШАГ ЛЮБВИ

Извините, я невольно
Вас увидел, полюбил;
Это сердцу уж прискорбно,
Если б пламень я убил.
Если можно, изъяснитесь...
Вы, я знаю, возгордитесь
Со мной дружбу завести.
Отказ милой я забуду,
Но любить вовеки буду.
Ангел, да иль нет? прости!

6 января 1827

ПЬЯНЮГИНУ

Козьма, говорят, хвор,
Ай, вздор!
Так разве с пуншу заболел;
И вправду, как не околел!

8 января 1827 (?)

ПРОСТОДУШИЕ СОСЕДА

Сосед мой пьет арак;
Так, видно, не дурак.

12 января 1827 (?)

ИРИСЕ

«Не верю, чтоб Ириса
Чужой красой сияла».
Хоть как ты ни божися,
Но всё ж не угадала:

У ней фальшивы волоса,
Всегда поддельная краса.

15 января 1827 (?)

СЕМИНАРИСТУ, ПИСАВШЕМУ ЭПИГРАММУ

Вралев, писавший эпиграмму,
Теперь, признаться, докончал;
Но что ж он ею укорял? –
И не мужчину и не даму.

28 января 1827 (?)

ОТЦВЕТШАЯ КРАСА

Жизнь моя несется,
Как пылиночка весной;
Пламень страстный льется
И уносит мой покой.
Милы где предметы:
Поле, рощи и луга,
И младые лета,
И приютные брега?
Где твоя награда –
Воля страсти молодой?
Где твоя услада,
Незаметная тоской?
Где цветочек лживый –
Светлоокие глаза,
Блеск в лице игривый
И приятная краса?
Рано ты сокрылась,
Милой юности черта,
Мне же бедной мнилась...
Сон, игривая мечта!
Старость не отрада
Для поблекшего лица,
Мне ж одна отрада –
Терпеливо ждать конца.

1 февраля 1827 (?)

СОН

В бурной жизни сновиденья
Я люблю один мечтать,
Посреди ж уединенья
Я готов стихи кропать.
Но когда мой тихий гений
С музой стройной улетит,
Я ношусь между селений,
Там, где милым должно жить.
Если скучный посетитель
Мне явится одному,
То надежда-утешитель
Собеседует ему.
Одинокий, я скучаю
И утех везде ищу,
И томлюся, и вздыхаю,
Сам не знаю, чем грущу.

12 марта 1827 (?)

ПОСЛАНИЕ К Е. Г. О.

(Акростих)

Если, Лизанька милая,
Любишь нежно ты меня,
И, любовию сгорая,
С тобой счастлив вечно я, –
Ах, любезная, жестоко
В немой страсти слезы лить!
Если ж скуке одинокой
Терпеливость положить, –
Есть ли что лютее в свете,
Грустней, тяжче черных бед?
Разлучает страсть в предмете
И велит любя терпеть.
Горячее любовь станет,
Образ милой сохраня,
Раз, ах! тень ее летает
Этой милой вкруг меня.
В верном сердце сохраняю
Непреложную любовь,

От любови согреваю
И сердце, грудь, и кровь.
Ангел милый, я неложно
Горжусь чувством и тобой!
Ах, красавицы, возможно ль
Разлучить меня с драгой?
Колько ж, Лиза дорогая,
Отягченному страдать,
Верно сердце предлагая,
От любови увядать
И в любви надежд искать?

16 марта 1827 (?)

АКРОСТИХ

Красавице любезной
Отдал последний час.
Любовь, твой дар чудесный
Царями ставит нас.
О любовь, твой милый дар
Везде ставит нам алтарь,
К удовольствию надежный,
Тихий, мирный, безмятежный.

16 марта 1827 (?)

ПЕСНЯ

Если встречусь с тобой
Иль увижу тебя, –
Что за трепет, за огнь
Разольется в груди.

Если взглянешь, душа, –
Я горю и дрожу,
И бесчувствен и нем
Пред тобою стою!

Если молвишь мне что,
Я на речи твои,
На приветы твои,
Что сказать, не сыщу.

А лобзаньям твоим,
А восторгам живым
На земле, у людей,
Выражения нет!

Дева-радость души,
Это жизнь – мы живем!
Не хочу я другой
Жизни в жизни моей!

1827

ЛЕРМОНТОВ
Михаил Юрьевич

1. Родился в ночь со 2 (14 н. ст.) на 3 (15 н. ст.) октября 1814 г., убит на дуэли 15 (27 н. ст.) июля 1841 г. в возрасте 26 лет 10,5 месяцев.

2. Получил прекрасное домашнее образование под руководством своей бабушки и опекунши Елизаветы Алексеевны Арсеньевой в Тарханах, в пензенском ее поместье. В отрочестве увлекся поэзией В. Шекспира, А. Пушкина, Ф. Шиллера, Д. Г. Байрона. С детства любил стихи В. Жуковского, И. Козлова и др. Сочинять начал в возрасте 8–10 лет. Обучался в Благородном пансионе и Московском университете.

Первые публикации:

Весна : [стихотворение] // Атеней (М.). 1830. Ч. 4 (издатель М. Г. Павлов);

Хаджи Абрек // Библиотека для чтения (СПб.). 1835. Т. 11 (изд-во А. Ф. Смирдина; литературный дебют);

Герой нашего времени. СПб. : Типография И. Глазунова и К°. Ч. 1–2 (первая книга стихов).

3. Первые стихотворения:

ОСЕНЬ

Листья в поле пожелтели,
И кружатся, и летят;
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят.
Под нависшею скалою
Уж не любит меж цветов
Пахарь отдыхать порою
От полуденных трудов.
Зверь отважный поневоле
Скрыться где-нибудь спешит.
Ночью месяц тускл и поле
Сквозь туман лишь серебрит.

1828

ЗАБЛУЖДЕНИЕ КУПИДОНА

Однажды женщины Эрота отодрали;
Досадой раздражен, упрямое дитя,
Напрягши грозный лук и за обиду мстя,
Не смея к женщинам, к нам ярость острой стали,
Не слушая мольбы усерднейшей, стремит.
«Ваш подлый род один!» – безумный говорит.

С тех пор-то женщина любви не знает!..
И точно как рабов считает нас она...
Так в наказаниях всегда почти бывает:
Которые смирней, на тех падет вина!..

1828

ЦЕВНИЦА

На склоне гор, близ вод, прохожий, зрел ли ты
Беседку тайную, где грустные мечты
Сидят задумавшись? Над ними свод акаций:
Там некогда стоял алтарь и муз и граций
И куст прелестных роз, взлелеянных весной;
Там некогда, кругом черемухи млечно́й
Струя свой аромат, шумя, с прибрежной ивой
Шутил подчас зефир, и резвый и игривый.
Там некогда моя последняя любовь
Питала сердце мне и волновала кровь!..
Сокрылось всё теперь: так поутру туманы
От солнечных лучей редеют средь поляны.
Исчезло всё теперь, но ты осталось мне,
Утеха страждущих, спасенье в тишине,
О милое, души святое вспоминанье!
Тебе ж, о мирный кров, тех дней, когда страданье
Не ведало меня, я сохранил залог,
Который умертвить не может грозный рок,
Мое веселие, уж взятое гробницей,
И ржавый предков меч с задумчивой цевницей!

1828

ПОЭТ

Когда Рафáэль вдохновенный
Пречистой девы лик священный
Живою кистью окончал, –
Своим искусством восхищенный,
Он пред картиною упал!
Но скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его младой,
И, утомленный и немой,
Он забывал огонь небесный.

Таков поэт: чуть мысль блеснет,
Как он пером своим прольет
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет и в тишине
Поет, забывшись в райском сне,
Вас, вас! души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Всё тише, и призрáк бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатленья.

1828

Список народной песни, сделанный М. Лермонтовым:

***

Что в поле за пыль пылит,
Что за пыль пылит, столбом валит?
Злы татаровья полон делят,
То тому, то сему по добру коню.
А как зятю теща доставалася,
Он заставил ее три дела делать:
А первое дело – гусей пасти,
А второе дело – бел кужель прясти,
А третье дело – дитя качать.

И я глазыньками гусей пасу,
И я рученьками бел кужель пряду,

И я ноженьками дитя качаю.
Ты баю-ба́ю, мило дитятко,
Ты по батюшке злой татарчонок,
А по матушке родной внучонок,
У меня ведь есть приметочка –
На белой груди что копеечка.

Как услышала моя доченька,
Закидалася, заметалася:
«Ты родная моя матушка,
Ах, ты что давно не сказалася?
Ты возьми мои золоты ключи,
Отпирай мои кованые ларцы
И бери казны сколько надобно,
Жемчугу да злата-серебра».

Ах ты милое моя дитятко,
Мне не надобно твоей золотой казны,
Отпусти меня на святую Русь, –
Не слыхать здесь пенья церковного,
Не слыхать звону колокольного.

1830 или 1831

ЕРШОВ
Петр Павлович

1. Родился 22 февраля (6 марта н. ст.) 1815 г., умер 18 (30 н. ст.) августа 1869 г. в возрасте 54 лет.

2. Детство и отрочество провел в Петропавловске, Омске, Березове. Учился в Тобольской гимназии, которой руководил отец великого русского химика И. П. Менделеев. Кроме светского воспитания, получил также и «народное образование» в людской купеческого дома (сказки, песни, анекдоты и проч.). Затем П. П. Ершов поступает (1830) в Петербургский университет на философско-юридический факультет, где целиком отдается чтению книг боготворимых им русских писателей.

Первые публикации:

Конек-Горбунок : русская сказка // Библиотека для чтения (СПб.). 1834. Т. 3 (издатель А. Ф. Смирдин);

Конек-Горбунок : русская сказка. СПб. : Типография Х. Гинце, 1834. 122 с. (первая книга).

3. Из ранних стихотворений:

МОНОЛОГ СВЯТОПОЛКА ОКАЯННОГО
(Святополк стоит на берегу волнующегося Дуная)

Шуми, Дунай, шуми во мраке непогоды!
Приятен для меня сей страшный плеск валов;
Люблю смотреть твои пенящиеся воды
И слышать стон глухой угрюмых берегов.
При блеске молнии – душа моя светлеет,
И месть кровавая – при треске грома спит,
Мученье совести в душе моей слабеет,
А властолюбие – сей идол мой! – молчит.
Волненье бурное обманчивой стихии,
Дуная шумного величественный вид
Мне ясно говорит о милой мне России,
О славном Киеве мне ясно говорит.

Я вижу пред собой славян непобедимых,
С их дикой храбростью, с их твердою душой;
Я слышу голоса – то звук речей родимых, –
И терем княжеский стоит передо мной!..
Но что мне слышится?.. Кому дают обеты:
«До гроба верности своей не изменить»?..
Да будут прокляты презренные клевреты!
Да будет проклят тот, кто мог меня лишить
Престола русского! Кто дерзкою рукою
Сорвал с главы моей наследственный венец;
Кто отнял скипетр мой, врученный мне судьбою...
Ты будешь неотмщен, несчастный мой отец!
Твой сын – не русский князь... Изгнанник он
презренный,
Оставленный от всех, ничтожный, жалкий пес,
Пришлец чужой земли, проклятьем отягченный
И милосердием отвергнутый небес!
О! Если бы я мог, я б собственной рукою
Злодея моего на части разорвал,
Втоптал бы в прах его безжалостной ногою
И прах бы по полю с проклятьем разметал...
Молчи, молчи, Дунай! Теперь твой шум сердитый
Ничто пред бурею, которая кипит
В душе преступника, спокойствием забытой...
Она свирепствует – пусть всё теперь молчит!

начало 1830-х

СМЕРТЬ СВЯТОСЛАВА

«Послушай совета Свенельда младого
И шумным Днепром ты, о князь, не ходи;
Не верь обещаньям коварного грека:
Не может быть другом отчаянный враг.

Теперь для похода удобное время:
Днепровские воды окованы льдом,
В пустынях бушуют славянские вьюги
И снегом пушистым твой след занесут».

Так князю-герою Свенельд-воевода,
Главу преклоняя пред ним, говорил.

Глаза Святослава огнем запылали,
И, стиснув во длани свой меч, он сказал:

«Не робкую силу правитель вселенной –
Всесильный Бельбог – в Святослава вложил;
Не знает он страха и с верной дружиной
От края земли до другого пройдет.

Не прежде, как стихнут славянские вьюги
И Днепр беспокойный в брегах закипит,
Сын Ольги велит воеводе Свенельду
Свой княжеский стяг пред полком развернуть».

Вот стихнули вьюги, и Днепр неспокойный
О мшистые скалы волной загремел.
«На родину, други! В славянскую землю!» –
С улыбкой веселой сказал Святослав.

И с шумным весельем вскочили славяне
На лодки и плещут днепровской волной.
Меж тем у порогов наемники греков
Грозу-Святослава с оружием ждут.

Вот по́дплыл бесстрашный к порогам
днепровским
И был отовсюду врагом окружен.
«За мною, дружина! Победа иль гибель!» –
Свой меч обнажая, вскричал Святослав.

И с жаром героя он в бой устремился;
И кровь от обеих сторон полилась;
И бились отважно славяне с врагами;
И пал Святослав под мечами врагов.

И князю-герою главу отрубили,
И череп стянули железным кольцом...
И вот на порогах сидят печенеги,
И новая чаша обходит кругом...

начало 1830-х

СМЕРТЬ ЕРМАКА

Сонет

Тяжелые тучи сибирское небо одели;
Порывистый ветер меж сосен угрюмых шумел;
Венчанные пеной, иртышские воды кипели;
Дождь лился рекою, и гром полуночный гремел.

Спокойно каза́ки на береге высоком сидели,
И шум непогоды дремоту на очи навел.
Бестрепетный вождь их под сенью ветвистыя ели,
Опершись на саблю, на смелых казаков смотрел.

И злая кручина на сердце героя лежала,
Главу тяготила, горячую кровь волновала.
И ужас невольный дух бодрый вождя оковал.

Вдруг дикие крики... Казацкая кровь заструилась...
Булат Ермака засверкал – толпа расступилась –
И кто-то с утеса в кипевшие волны упал.

начало 1830-х

ПЕСНЯ КАЗАКА

Даша милая, прости:
Нам велят в поход идти.
Позабыли турки раны,
Зашумели бусурманы.
Надо дерзких приунять,
В чистом поле погулять.
Изготовлен конь мой ратный,
Закален мой меч булатный,
И заточено мое
Неизменное копье.
С быстротою хищной птицы
Полечу я до границы;
Черным усом поведу
Бусурманам на беду;
Свистну посвистом казацким
Пред отрядом цареградским

И неверного пашу
На аркане задушу.
«Знай, турецкий забияка,
Черноморского казака!
И не суйся в спор потом
С нашим батюшкой царем».
И, потешившись с врагами,
С заслужёнными крестами
Ворочуся я домой
Вечно, Даша, жить с тобой!

начало 1830-х

РУССКИЙ ШТЫК

Лей полнее, лей смелее
И по-русски – духом, вмиг!
Пьем за то, что всех милее,
Пьем за крепкий русский штык!

Пьем – и весело, по-братски
Прокричим обычный крик:
«Здравствуй, наш товарищ хватский!
Здравствуй, крепкий русский штык!»

Прочь с косами! Прочь с буклями!
К черту пудреный парик!
Дай нам водки с сухарями,
Дай нам крепкий русский штык!

Что нам в пудре? Что в помаде?
Русский бабиться не свык;
Мы красивы, мы в наряде,
Если с нами русский штык!

Пушки бьются до последа,
Штык кончает дело вмиг;
Там удача, там победа,
Где сверкает русский штык.

И с Суворовым штыками
Окрестили мы Рымник.

Ставь хоть горы над горами –
Проберется русский штык.

Штык не знает ретирады
И к пардонам не привык.
Враг идет просить пощады,
Лишь почует русский штык.

И на Альпах всю дорогу
Враг обставил лесом пик, –
Мы сперва к святому Богу,
А потом за русский штык.

Мы пробили Апеннины,
В безднах грянул русский крик:
Чрез ущелья, чрез теснины
Пролетел наш русский штык.

Нет штыка на свете краше,
С ним не станем мы в тупик;
Всё возьмем, всё будет наше –
Был бы с нами русский штык!

1833(?)

ТОЛСТОЙ
Алексей Константинович

1. Родился 24 августа (5 сентября н. ст.) 1817 г., умер 28 сентября (10 октября н. ст.) 1875 г. в возрасте 58 лет.

2. Получил прекрасное домашнее воспитание. В десятилетнем возрасте (вместе с дядей и матерью) посетил И. В. Гете в Веймаре; путешествовал с дядей по Италии. Художественное и литературное (базовое) образование получил под руководством дяди, знаменитого писателя А. А. Перовского, автора сказки «Черная курица, или Подземные жители». Стихи начал сочинять в возрасте шести лет.

Первые публикации:

Упырь : рассказ // Волжский листок (СПб.). 1841 (первая литературная публикация);

Смерть Иоанна Грозного : трагедия. СПб., 1866;

Стихотворения. СПб., 1867 (первая книга стихов).

3. Из ранних стихотворений:

***

Я верю в чистую любовь
И в душ соединенье;
И мысли все, и жизнь, и кровь,
И каждой жилки бьенье
Отдам я с радостию той,
Которой образ милый
Меня любовию святой
Исполнит до могилы.

1832

ПРОСТИ

Ты помнишь ли вечер, когда мы с тобой
Шли молча чрез лес одинокой тропой,
И солнышко нам, готовясь уйти,
Сквозь ветви шептало: «Прости, прости!»

Нам весело было, не слышали мы,
Как ветер шумел, предвестник зимы,
Как листья хрустели на нашем пути
И лето шептало: «Прости, прости!»

Зима пролетела, в весенних цветах
Природа, красуясь, пестреет, но, ах,
Далёко, далёко я должен идти,
Подруга, надолго прости, прости!

Ты плачешь? Утешься! Мы встретимся там,
Где радость и счастье готовятся нам,
Судьба нам позволит друг друга найти,
Тогда, когда жизни мы скажем: «Прости!»

183?

МОЛИТВА СТРЕЛКОВ

Великий Губертус, могучий стрелок,
К тебе мы прибегнуть дерзнули!
К тебе мы взываем, чтоб нам ты помог
И к цели направил бы пули!
Тебя и отцы призывали и деды,
Губертус, Губертус, податель победы!

Пусть дерзкий безбожник волшебный свинец
В дремучем лесу растопляет,
Ужасен безбожнику будет конец,
Нас счастье его не прельщает:
Он в трепете вечном и в страхе живет,
Покуда час смерти его не пробьет.

Пусть Гакельберг ночью шумит и трубит
И грозно над бором несется,
Охотника доброго он не страшит,
Виновный пред ним лишь трясется,
И слышит, чуть жив, над главою своей
Лай псов, и взыванья, и ржанье коней.

Пусть яростный вепрь иль сердитый медведь
Лихого стрелка одолеет,

Уж если ему суждено умереть,
Он с верой погибнуть умеет.
Чья верой душа в провиденье полна,
Тому не бывает погибель страшна.

Великий Губертус, могучий стрелок,
К тебе мы прибегнуть дерзнули!
К тебе мы взываем, чтоб нам ты помог
И к цели направил бы пули!
Тебя кто забудет на помощь призвать,
Какого успеха тому ожидать!

18??

Стихотворение, обычно открывающее собрание сочинений:

***

Бор сосновый в стране одинокий стоит;
В нем ручей меж деревьев бежит и журчит.
Я люблю тот ручей, я люблю ту страну,
Я люблю в том лесу вспоминать старину.
«Приходи вечерком в бор дремучий тайком,
На зеленом садись берегу ты моем!
Много лет я бегу, рассказать я могу,
Что случилось когда на моем берегу;
Из сокрытой страны я сюда прибежал,
Я чудесного много дорогой узнал!
Когда солнце зайдет, когда месяц взойдет
И звезда средь моих закачается вод,
Приходи ты тайком, ты узнаешь о том,
Что́ бывает порой здесь в тумане ночном!» –
Так шептал, и журчал, и бежал ручеек;
На ружье опершись, я стоял, одинок,
И лишь говор струи тишину прерывал,
И о прежних я грустно годах вспоминал.

1843

***

Из Индии дальной
На Русь прилетев,
Со степью печальной
Их свыкся напев;

Свободные звуки,
Журча, потекли,
И дышат разлукой
От лучшей земли.

Не знаю, оттуда ль
Их нега звучит,
Но русская удаль
В них бьет и кипит;
В них голос природы,
В них гнева язык,
В них детские годы,
В них радости крик;
Желаний в них знойный
Я вихрь узнаю
И отдых спокойный
В счастливом краю,
Бенгальские розы,
Свет южных лучей,
Степные обозы,
Полет журавлей,
И грозный шум сечи,
И шепот струи,
И тихие речи,
Маруся, твои!

1840-е

ПОЛОНСКИЙ
Яков Петрович

1. Родился 6 (18 н. ст.) декабря 1819 г., умер 18 (30 н. ст.) октября 1898 г. в возрасте ок. 79 лет.

2. Получил хорошее домашнее воспитание. Летом 1838 г. (в возрасте 19 лет) из Рязани приезжает в Москву и поступает в университет (вместе с А. Фетом и Ап. Григорьевым), который становится великолепной поэтической школой не только для Я. Полонского. Стихи начал сочинять в отрочестве (примерно с 12 лет).

Первая публикация: Гаммы. М., 1844. 65 с. (первая книга).

3. Стихотворения студенческого периода:

***

Священный благовест торжественно звучит –
Во храмах фимиам, – во храмах песнопенье;
Молиться я хочу, – но тяжкое сомненье
Святые помыслы души моей мрачит.
И верю я – и вновь не смею верить,
Боюсь довериться чарующей мечте,
Перед самим собой боюсь я лицемерить,
Рассудок бедный мой блуждает в пустоте;
И эту пустоту ничто не озаряет,
Дыханьем бурь мой светоч погашен,
Бездонный мрак на вопль не отвечает,
А жизнь – жизнь тянется, как непонятный сон.

1840

ЖНИЦЫ

Пой, пой, свирель!.. Погас последний луч денницы...
Вон, в сумраке долин, идут толпами жницы,
На месяце блестят и серп их и коса;
Пыль мягкая чуть-чуть дымится под ногами,

Корзины их шумят тяжелыми снопами,
Далеко звонкие их слышны голоса...
Идут... прошли... чуть слышно их... Бог с ними!
Я жду ее одну, с приветом на устах,
В венке из полевых цветов, с серпом в руках,
Обремененную плодами золотыми...
Пой, пой, свирель!..

3 января 1841

Фрагмент из книги воспоминаний А. А. Фета:

«Как университетское начальство, от попечителя графа Строганова до инспектора П. С. Нахимова, относилось к студенческому стихотворству, можно видеть из ходившего в то время по рукам шуточного стихотворения Я. П. Полонского, по поводу некоего Данкова, писавшего мизерные стишки к Масляной под названием «Блины» и к Святой под названием «Красное Яичко» и продававшего эти небольшие тетрадки книгопродавцу издателю Лонгинову за десятирублевый гонорар.

Привожу самое стихотворение Полонского, насколько оно удержалось в моей памяти.

Второй этаж. Платон сидит,
Пред ним студент Данков стоит:
Ну, вот, я слышал, вы поэт.
На Масляницe сочинили
Какие-то блины и в свет
По пятиалтынному пустили.
– Платон Степаныч, я писал
Затем, что чувствовал призванье.
– Призванье? Кто вас призывал?
Я вас не призывал, граф тоже;
То ж Дмитрий Павлович. Так кто же?
Скажите, кто вас призывал?
– Платон Степаныч, я пою
В пылу святого вдохновенья,
И я мои стихотворенья
В отраду людям продаю.
– Опять не то, опять вы врете!

Кто вам мешает дома петь?
Мне дела нет, что вы поете:
Стихов-то не могу терпеть.
Стихов-то только не марайте!
Я потому вам говорю,
Что мне вас жаль. Теперь ступайте!
– Покорно вас благодарю!»

ФЕТ
Афанасий Афанасьевич
(наст. фам. ШЕНШИН)

1. Родился 23 ноября (5 декабря н. ст.) 1820 г., умер 21 ноября (3 декабря) 1892 г. в возрасте 72 лет.

2. Получил домашнее воспитание. В 14 лет отвезен в Верро (Выру, Эстония), в местную школу-пансион, пробыл там три года. Затем учился в пансионе Погодина, где готовили абитуриентов для Московского университета. В 1838 г. поступает в университет на словесное отделение философского факультета. Учился вместе с Я. Полонским и Ап. Григорьевым. Первые стихотворения сочинил (переводы с немецкого) на седьмом году жизни.

Первая публикация: Лирический пантеон А. Ф. М., 1840. 120 с. (первая публикация и первая книга).

3. Первые стихи (переводы с немецкого):

Из воспоминаний:

«Когда мною окончательно овладевал восторг побежденных трудностей, я вскакивал с постели и босиком бежал к матери, тихонько отворяя дверь в спальню.

– Что тебе надо? – сначала спрашивала мать, встревоженная моим неожиданным приходом, но впоследствии она уже знала, что я пришел диктовать свой стихотворный перевод, и я без дальнейших объяснений зажигал свечку, которую ставил на ночной столик, подавая матери, по ее указанию, карандаш и клочок бумаги. Одно из таких ночных произведений удержалось в моей памяти и в оригинале и в переводе:

Ein Bienchen fiel in einen Bach,
Das sah von oben eine Taube
Und brach ein Blättchen von der Laube
Und warf's ihm zu. Das Bienchen schnamm danach.
In kurzez Zeit sass unsre Taube

Zufrieden wieder auf der Laube.
Em Iäger hatte schon den Hahn danach gespant.
Das Bienchen Kam: pik! stach's ihn, in die Hand,
Puff ging der ganze Schuss daneben.
Die Taube flog davon. Wem dankte sie ihr Leben?

а затем мой перевод:

Летела пчелка, пала в речку,
Увидя то, голубка с бережечку
С беседки сорвала листок
И пчелке кинула мосток.

Затем голубка наша смело
На самый верх беседки села.
Стал егерь целиться в голубку,
Но пик! пчела его за губку,
Паф! дробь вся пролетела.
Голубка уцелела».

Стихи из «Лирического пантеона»:

***

Пуская в свет мои мечты,
Я предаюсь надежде сладкой,
Что, может быть, на них украдкой
Блеснет улыбка красоты,

Иль раб мучительных страстей,
Читая скромные созданья,
Разделит тайные страданья
С душой взволнованной моей.

1840

БЕЗУМНАЯ

Ах, не плачь и не тужи,
Мать родная! Покажи,
Где его могила!

Иль не знаешь ты того,
Как я нежила его,
Как его любила?

Ох, родная, страшно мне:
Он мерещится во сне
С яркими очами!
Всё кивает головой
И зовет меня с собой
Грозными речами.

Нет, родная, бог уж с ним!
Не пойду я вслед за ним:
Он меня задушит.
Пусть он спит в земле сырой;
Мой приход его покой
В гробе не нарушит.

Ох, родная, покажи,
Где он, где он? – Задуши
Ты меня, мой милый!
Сладко я умру с тобой;
Ты поделишься со мной
Тесною могилой.

Не задушишь ты меня:
Обовьюсь вокруг тебя
Жадными руками;
Я прижмусь к твоим устам
И полжизни передам
Мертвецу устами.

Что ж ты смотришь на меня?
Мне смешно и без тебя:
Сердце лопнуть хочет!
Тяжко мне среди людей!
Слышишь... Свищет соловей,
И сова хохочет.

Ха-ха-ха! так смех берет!
То из раны кровь польет,
То застынет снова;

Жадно кровию напьюсь,
Сладко-сладко захлебнусь
Кровию милова.

В чистом поле он убит
И в сырой земле лежит
С раною кровавой.
Кровь и слезы – слезы – кровь,
Где ж ты, где моя любовь
С головой кудрявой?

Вскинусь птицей, полечу,
Черны кудри размечу
По челу кольца́ми.
Улыбнись же, полно спать!
Это я пришла играть
Черными кудрями!

1840

Из ранних стихотворений:

***

Владычица Сиона, пред тобою
Во мгле моя лампада зажжена.
Всё спит кругом, – душа моя полна
Молитвою и сладкой тишиною.

Ты мне близка... Покорною душою
Молюсь за ту, кем жизнь моя ясна.
Дай ей цвести, будь счастлива она –
С другим ли избранным, одна, или со мною.

О нет! Прости влиянию недуга!
Ты знаешь нас: нам суждено друг друга
Взаимными молитвами спасать.

Так дай же сил, простри святые руки,
Чтоб ярче мог в полночный час разлуки
Я пред тобой лампаду возжигать!

1842

МАДОННА

Я не ропщу на трудный путь земной,
Я буйного не слушаю невежды:
Моим ушам понятен звук иной,
И сердцу голос слышится надежды

С тех пор, как Санцио передо мной
Изобразил склоняющую вежды,
И этот лик, и этот взор святой,
Смиренные и легкие одежды,

И это лоно матери, и в нем
Младенца с ясным, радостным челом,
С улыбкою к Марии наклоненной.

О, как душа стихает вся до дна!
Как много со святого полотна
Ты шлешь, мой Бог с Пречистою Мадонной!

1842

AVE MARIA

Ave Maria – лампада тиха,
В сердце готовы четыре стиха:

Чистая дева, скорбящего мать,
Душу проникла твоя благодать.
Неба царица, не в блеске лучей,
В тихом предстань сновидении ей!

Ave Maria – лампада тиха,
Я прошептал все четыре стиха.

1842

Стихотворение, обычно открывающее собрание сочинений:

***

О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной,
Коварный лепет твой, улыбку, взор случайный,
Перстам послушную волос густую прядь

Из мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, один, никем не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
В словах, которые произносила ты;
Шептать и поправлять былые выраженья
Речей моих с тобой, исполненных смущенья,
И в опьянении, наперекор уму,
Заветным именем будить ночную тьму.

1844

НЕКРАСОВ
Николай Алексеевич

1. Родился 28 ноября (10 декабря н. ст.) 1821 г., умер 27 декабря 1877 г. (8 января 1878 г.) в возрасте 56 лет.

2. Получил хорошее домашнее воспитание. Учился в орловской гимназии. Пошел против воли отца и не стал поступать в Дворянский полк, а решил поступать в Петербургский университет. Стихи начал писать в отрочестве (в возрасте 12–14 лет).

Первые публикации:

Мысль : [стихотворение] // Сын отечества (М.). 1838. № 10 (издатель А. Ф. Смирдин);

Н. Н. Мечты и звуки : стихотворения. СПб. [изд. автора], 1840. 103 с. (первая книга);

Стихотворения. М., 1856. 206 с. (издатели К. Солдатенков и Н. Щепкин; литературный дебют).

В журнале «Сын отечества» есть примечание редакции: «Первый опыт юного, 16-ти летнего поэта». Н. Некрасов в 1843 г. в рассказе «Помещик двадцати трех душ» писал: «Забуду тот нелепый восторг, который заставлял меня бегать, высуня язык, когда я увидел, в “Сыне отечества” первое мое стихотворение, с примечанием, которым я был очень доволен».

3. Первые стихотворения:

МЫСЛЬ

Спит дряхлый мир, спит старец обветшалый,
Под грустной тению ночного покрывала,
Едва согрет остатками огня
Уже давно погаснувшего дня.
Спи, старец, спи!.. отрадного покоя
Минуты усладят заботы седины
Воспоминанием минувшей старины...
И, может быть, в тебе зажжется ретивое

Огнем страстей, погаснувших давно,
И вспыхнет для тебя прекрасное былое!..
И, может быть, распустится зерно
В тебе давно угасшей жизни силы,
И новой жизнию заглохшие могилы,
Печальный мир, повеют над тобой!
И снова ты проснешься от дремоты,
И снова, юноша с пылающей душой,
Забудешь старые утраченные годы
И будешь жить ты жизнью молодой,
Как в первый день создания природы!

. . . . . .
. . . . . .

Нет! тот же всё проснулся ты,
Такой же дряхлый, обветшалый,
Еще дряхлей без покрывала...
Скрой безобразье наготы
Опять под мрачной ризой ночи!
Поддельным блеском красоты
Ты не мои обманешь очи!..

1838

СМЕРТИ

Не приходи в часы волнений,
Сердечных бурь и мятежей,
Когда душа огнем мучений
Сгорает в пламени страстей.

Не приходи в часы раздумья,
Когда наводит демон зла,
Вливая в сердце яд безумья,
На нечестивые дела;

Когда внушеньям духа злого,
Как низкий раб, послушен ум,
И ничего в нем нет святого,
И много, много грешных дум.

Закон озлобленного рока,
Смерть, надо мной останови

И в черном рубище порока
Меня на небо не зови!

Не приходи тогда накинуть
Оков тяжелых на меня:
Мне будет жалко мир покинуть,
И робко небо встречу я...

Приди ко мне в часы забвенья
И о страстях и о земле,
Когда святое вдохновенье
Горит в груди и на челе;

Когда я, дум высоких полный
Безгрешен сердцем и душой,
И бурной суетности волны
Меня от жизни неземной
Увлечь не в силах за собой;

Когда я мыслью улетаю
В обитель к горнему царю,
Когда пою, когда мечтаю,
Когда молитву говорю.

Я близок к небу – смерти время!
Нетруден будет переход;
Душа, покинув жизни бремя,
Без страха в небо перейдет...

1838

ПОЭЗИЯ

«Я владею чудным даром,
Много власти у меня;
Я взволную грудь пожаром,
Брошу в холод из огня,
Из покоя в чад похмелья;
А как песенку спою,
Благотворного веселья
Море в сердце разолью;
Разорву покровы ночи,

Тьму веков разоблачу,
Проникать земные очи
В мир надзвездный научу.
Кто пленится сим чертогом –
Крылья дам туда летать,
С Аполлоном, гордым богом,
Наравне позволю стать.
Возложу венец лавровый
На достойного жреца
Или вмиг запру в оковы
Поносителя венца.
Я властна блаженства морем
Грудь страдальца напоить
Или вмиг счастливца горем,
Как стрелою, поразить...»

– Кто ж ты, гордая царица?
Тайну смертным обнаружь!
Светлый дух иль чаровница,
Обольстительница душ?..

Заструилась в небе змейка,
Свет блеснул, исчезла тьма:
«Я не дух, не чародейка,
Я поэзия сама!..»

1839

ГРИГОРЬЕВ
Аполлон Александрович

1. Родился 16 (28 н. ст.) июля 1822 г. (по иным сведениям – 22 июня н. ст.), умер 25 сентября (7 октября н. ст.) 1864 г. в возрасте 42 лет.

2. Воспитывался в атмосфере дворянско-чиновничьей семьи (отец имел «выслуженное» дворянство; сын его Аполлон дворянином не был). Социальная двойственность Ап. Григорьева и влияние поэзии сделали его восторженным, романтическим юношей, каким он и пришел в Московский университет и каким его запомнили близкие друзья Я. П. Полонский и А. А. Фет. В это время он уже писал стихи, значит, начало сочинительства приходится на период до 1838 г. (т. е. до 16-летнего возраста).

Первые публикации:

Доброй ночи : [стихотворение ; подпись А. Трисмегистов] // Москвитянин. 1843. Ч. 4, № 7 (издатель М. П. Погодин);

Стихотворения. СПб. : Типография К. Крайя, 1846. 187 с. 50 экз. (первая и единственная книга).

3. Из первых стихотворных опытов.

Фрагменты из воспоминаний А. А. Фета:

«Связующим нас интересом оказалась поэзия, которой мы старались упиться всюду, где она нам представлялась, принимая иногда первую лужу за Ипокрену.

Начать с того, что Александр Иванович сам склонен был к стихотворству и написал комедию, из которой отрывки нередко декламировал с жестами; но Аполлон, видимо, стыдился грубого и безграмотного произведения отцовской музы. Зато сам он с величайшим одушевлением декламировал свою драму в стихах под названием: “Вадим Нижегородский”. Помню, как, надев шлафрок на опашку, вроде простонародного кафтана, он, войдя в дверь нашего кабинета, бросался на пол, восклицая:

“О, земля моя родимая,
Край отчизны, снова вижу вас!..
Уж три года протекли с тех пор,
Как расстался я с отечеством.
И те три года за целый век
Показались мне, несчастному”.

Конечно, в то время я еще не был в силах видеть всё неуклюжее пустозвонство этих мертворожденных фраз; но что это не ладно, я тотчас почувствовал и старался внушить это и Григорьеву. Так родилась эпиграмма:

“Григорьев, музами водим,
Налил чернил на сор бумажный
И вопиет с осанкой важной:
Вострепещите! – мой Вадим”.

Писал Аполлон и лирические стихотворения, выражавшие отчаяние юноши по случаю отсутствия в нем поэтического таланта.

“Я не поэт, о боже мой!” – восклицал он.

“Зачем же злобно так смеялись,
Так ядовито надсмехались
Судьба и люди надо мной?”

По этим стихам надо было бы ожидать в Аполлоне зависти к моим стихотворным попыткам».

Первое опубликованное стихотворение:

ДОБРОЙ НОЧИ

Спи спокойно – доброй ночи!
Вон уж в небесах
Блещут ангельские очи
В золотых лучах.
Доброй ночи... Выйдет скоро
В небо сторож твой
Над тобою путь дозора
Совершать ночной.

Чтоб не смела сила злая
Сон твой возмущать:
Час ночной, пора ночная –
Ей пора гулять.
В час ночной, тюрьмы подводной
Разломав запор,
Вылетает хороводной
Цепью рой сестер.

Лихорадки им прозванье;
Любо им смущать
Тихий сон – и на прощанье
В губы целовать.
Лихоманок-лихорадок,
Девяти подруг,
Поцелуй и жгуч, и сладок,
Как любви недуг.

Но не бойся: силой взора
С неба сторож твой
Их отгонит – для дозора
Светит он звездой.
Спи же тихо – доброй ночи!..
Под лучи светил,
Над тобой сияют очи
Светлых Божьих сил.

июнь 1843

Из первых стихотворений:

Е. С. Р.

Да, я знаю, что с тобою
Связан я душой;
Между вечностью и мною
Встанет образ твой.

И на небе очарован
Вновь я буду им,
Всё к чертам одним прикован,
Всё к очам одним.

Ослепленный их лучами,
С грустью на челе,
Снова бренными очами
Я склонюсь к земле.

Связан буду я с землею
Страстию земной, –
Между вечностью и мною
Встанет образ твой.

1842

***

Нет, за тебя молиться я не мог,
Держа венец над головой твоею.
Страдал ли я, иль просто изнемог,
Тебе теперь сказать я не умею, –
Но за тебя молиться я не мог.

И помню я – чела убор венчальный
Измять венцом мне было жаль: к тебе
Так шли цветы... Усталый и печальный,
Я позабыл в то время о мольбе
И всё берег чела убор венчальный.

За что цветов тогда мне было жаль –
Бог ведает: за то ль, что без расцвета
Им суждено погибнуть, за тебя ль –
Не знаю я... в прошедшем нет ответа...
А мне цветов глубоко было жаль...

1842

ОБАЯНИЕ

Безумного счастья страданья
Ты мне никогда не дарила,
Но есть на меня обаянья
В тебе непонятная сила.

Когда из-под темной ресницы
Лазурное око сияет,

Мне тайная сила зеницы
Невольно и сладко смыкает.

И больше все члены объемлет
И лень, и таинственный трепет,
А сердце и дремлет, и внемлет
Сквозь сон твой ребяческий лепет.

И снятся мне синие волны
Безбрежно-широкого моря,
И, весь упоения полный,
Плыву я на вольном просторе.

И спит, убаюкано морем,
В груди моей сердце больное,
Расставшись с надеждой и горем,
Отринувши счастье былое.

И грезится только иная,
Та жизнь без сознанья и цели,
Когда, под рассказ усыпляя,
Качали меня в колыбели.

июнь 1843

ПЛЕЩЕЕВ
Алексей Николаевич

1. Родился 22 ноября (4 декабря н. с.) 1825 г., умер 26 сентября (8 октября н. с.) 1893 г. в возрасте 68 лет.

2. Получил прекрасное домашнее воспитание и образование. В 1839 г. определен в школу гвардейских подпрапорщиков в Петербурге, из которой через полтора года уходит. В 1843 г. поступает на восточный факультет Петербургского университета. Стихи пишет с отрочества (10–14 лет).

Первые публикации:

Ночные думы; Песня странника: из Рюккерта // Современник. 1844. № 2 (издатель П. А. Плетнев);

Стихотворения: 1845–1846. СПб., 1846. 82 с. (первая книга).

3. Из первых стихотворений:

ДЕЗДЕМОНЕ
(ВИАРДО ГАРСИИ)

Когда твой голос серебристый,
О Дездемона, слушал я,
Восторгом пламенным и чистым
Была полна душа моя!

Я говорил: нет, эти звуки
С небесной льются вышины;
Пустой, бесплодной жизни муки
Нам усладить они даны!

Я в это чудное мгновенье
Людей и мир – всё позабыл:
Я весь был слух и восхищенье,
Я жадно каждый звук ловил!

Молилась ты, или рыдала,
Иль тихо пела песнь любви –

Как сердце билось, замирало
При звуках тех в моей груди!

Шекспира светлое созданье
Ты так глубоко поняла
И Дездемоны все страданья
Так верно нам передала!

2

Меж тем как шум рукоплесканья
И кликов залу оглашал,
Лишь я один сидел в молчанье,
Ничем восторг не выражал.
Я не бросал тебе букеты,
Не бросил я тебе венок;
Но стих созрел в душе поэта –
Прими же: вот и мой цветок!
Прими его... Хоть не блистает
Красой он южного цветка,
Но солнце так же оживляет
Листки и роз... и василька!

1843–1844

БЕЗОТЧЕТНАЯ ГРУСТЬ

Fühlt das Herz ein Sehen
Und ein süsses Weh.

Rückert*

Ночь весенняя прохладна,
Ароматна и ясна;
В небе чистом тихо светит
Серебристая луна,
И лучом она лобзает
Грудь холодную реки;
За рекою слышны песни
И мелькают огоньки.

* *Сердце чувствует томленье и сладостную скорбь.* Рюккерт (нем.).

Грустно мне! Тоска на сердце
Безотчетная лежит,
По щеке слеза бежит!
Вот луну сокрыли тучи –
Огоньков уж не видать...
Стихли песни... Скоро ль, сердце,
Перестанешь ты страдать!

1844

ДАЧИ

Люблю я вас, дачки! Идешь себе ночью,
А окна, балконы отворены все;
И звук фортепьяно оттуда несется,
И льются напевы в ночной тишине.
А вот у окна вдруг явилась головка;
Вот черные очи как звезды блестят,
На плечах лилейных шелковые кудри,
Атласные щечки румянцем горят!
И смотришь – а ночь так свежа и ясна,
И розами пахнет, и светит луна!

1844

ЧЕЛНОК

(П<етру> В<ладимировичу> В<еревкин>у)

Leg'an mein Herz dein Köpfchen.
*Und fürchte dich nicht zu sehr...**

H. Heine

Сядем в челнок мы, малютка,
Сядем и вдаль поплывем;
Видишь высокие скалы...
Ночь мы всю там проведем...

Там, от народа подальше,
Можем свободно вздохнуть;
Тихо кудрявой головкой
Ты мне приникнешь на грудь...

---

* *Положи твою головку на мое сердце и не слишком бойся.* Г. Гейне (нем.).

Стану я ей любоваться,
Глазки твои целовать...
Так ли? А месяц и звезды
Будут над нами сиять!

1844

МОГИЛА

Листья шумели уныло
Ночью осенней порой;
Гроб опускали в могилу,
Гроб, озаренный луной.

Тихо, без плача, зарыли
И удалились все прочь,
Только луна на могилу
Грустно смотрела всю ночь.

1844

Из ранних переводов:

ИЗ ФРИДРИХА РЮККЕРТА

* * *

Тени гор высоких
На воду легли;
Потянулись чайки
Белые вдали.

Тихо всё... Томленьем
Дышит грудь моя...
Как теперь бы крепко
Обнял друга я!

Весело выходит
Странник утром в путь;
Но под вечер дома
Рад бы отдохнуть.

1844

КУРОЧКИН
Василий Степанович

1. Родился 28 июля (9 августа н. ст.) 1831 г., умер 15 (27 н. ст.) августа 1875 г. в возрасте 44 лет.

2. Получил воспитание в доме отчима, полковника Е. Т. Готовцова. В возрасте 10 лет был отдан в 1-й кадетский корпус, в 1846 г. перешел в Дворянский полк, откуда был выпущен прапорщиком. Вышел в отставку в 1853 г.

Сочинять начал в возрасте 10 лет, будучи страстным книгочеем. Детские и юношеские стихи не сохранились.

Первые публикации:

[Стихотворение] // Журн. для чтения воспитанникам воен. учеб. заведений (СПб.). 1848. Т. 70, № 249;

Песни Беранже / пер. с фр. Василия Курочкина. СПб. : издатель А. Смирдин (сын) и К°, 1858. 136 с. (первая книга);

Собрание стихотворений : в 2 т. Новое доп. изд. СПб. : Типография А. Котомина, 1869. Т. 1. 416 с. ; Т. 2. 347 с. (первая книга стихов).

3. Из первых опубликованных стихотворений:

***

Мы рано стали жить, игривыми мечтами
Действительную жизнь наивно заменив;
Наш вкус, взлелеянный волшебными плодами,
Отбросил зрелые плоды, едва вкусив.
Мы в ранней юности взлелеяли опасный
Людей и общества тщеславный идеал;
Мы сжились сердцем с ним, как с женщиной
прекрасной;
Он жажду подвигов и славы в нас вселял.
Он выкинул вдали обманчивое знамя,
Он ложным светом нам сулил счастливый день;
Как мошки мелкие, мы бросились на пламя,
Как дети глупые, свою ловили тень...

Слезами и тоской мы жизни заплатили
За светлые мечты, за вдохновенный взгляд,
За всё, в чем прежде мы смысл жизни находили,
В чем нынче видим мы сомнений грустный ряд...
Жизнь сбросила для нас воскресные наряды,
Мечты о счастии заботами сменя...
Так блеск задумчивый и трепетный лампады
Бледнеет перед светом дня.

1850

НИ В МАТЬ, НИ В ОТЦА

Твой отец нажил честным трудом
Сотни тысяч и каменный дом;
Облачась в дорогой кашемир,
Твоя мать презирает весь мир;
Как же ты – это трудно понять –
Ни в отца уродилась, ни в мать?

Мать – охотница девок посечь,
А отец – подчиненных распечь;
Ты – со всеми на свете равна,
С молодежью блестящей скучна,
Не умеешь прельщать, занимать.
Ни в отца уродилась, ни в мать!

Из столицы отец ни ногой;
Мать в Париж уезжает весной;
А тебя от туманных небес
Манит в горы, да в степи, да в лес...
Целый день ты готова блуждать...
Ни в отца уродилась, ни в мать!

Мать готовит тебя богачу,
А отцу крупный чин по плечу –
Чтоб крестов было больше да лент;
А с тобою – какой-то студент...
Душу рада ему ты отдать...
Ни в отца уродилась, ни в мать!

Не сулит тебе брачный венец
Шумной жизни, какую отец
За любовь твоей матери дал.
Разобьется и твой идеал...
Эх! уж лучше, чтоб горя не знать,
Уродиться в отца или в мать!

1853

Из переводов песен Беранже:

СТАРЫЙ КАПРАЛ

В ногу, ребята, идите.
Полно, не вешать ружья!
Трубка со мной... проводите
В отпуск бессрочный меня.
Я был отцом вам, ребята...
Вся в сединах голова...
Вот она – служба солдата!..
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Да, я прибил офицера!
Молод еще оскорблять
Старых солдат. Для примера
Должно меня расстрелять.
Выпил я... Кровь заиграла...
Дерзкие слышу слова –
Тень императора встала...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Честною кровью солдата
Орден не выслужить вам.
Я поплатился когда-то,
Задали мы королям.

Эх! наша слава пропала...
Подвигов наших молва
Сказкой казарменной стала...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Ты, землячок, поскорее
К нашим стадам воротись;
Нивы у нас зеленее,
Легче дышать... поклонись
Храмам селенья родного...
Боже! Старуха жива!..
Не говори ей ни слова...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Кто там так громко рыдает?
А! я ее узнаю...
Русский поход вспоминает...
Да, отогрел всю семью...
Снежной, тяжелой дорогой
Нес ее сына... Вдова
Вымолит мир мне у Бога...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Трубка, никак, догорела?
Нет, затянусь еще раз.
Близко, ребята. За дело!
Прочь! не завязывать глаз.
Целься вернее! Не гнуться!
Слушать команды слова!
Дай Бог домой вам вернуться.
В ногу, ребята! Раз! Два!

Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

1855

ВЕСНА И ОСЕНЬ

Друзья, природою самою
Назначен наслажденьям срок:
Цветы и бабочки – весною,
Зимою – виноградный сок.
Снег тает, сердце пробуждая;
Короче дни – хладеет кровь...
Прощай вино – в начале мая,
А в октябре – прощай любовь!

Хотел бы я вино с любовью
Мешать, чтоб жизнь была полна;
Но, говорят, вредит здоровью
Избыток страсти и вина.
Советам мудрости внимая,
Я рассудил без дальних слов:
Прощай вино – в начале мая,
А в октябре – прощай любовь!

В весенний день моя свобода
Была Жаннете отдана;
Я ей поддался – и полгода
Меня дурачила она!
Кокетке всё припоминая,
Я в сентябре уж был *готов*...
Прощай вино – в начале мая,
А в октябре – прощай любовь!

Я осенью сказал Адели:
– Прощай, дитя, не помни зла...
И разошлись мы; но в апреле
Она сама ко мне пришла.
Бутылку тихо опуская,
Я вспомнил смысл мудрейших слов:

Прощай вино – в начале мая,
А в октябре – прощай любовь!

Так я дошел бы до могилы...
Но есть волшебница: она
Крепчайший спирт лишает силы
И охмеляет без вина.
Захочет – я могу забыться,
Смешать все дни в календаре:
Весной – бесчувственно напиться...
И быть влюбленным в декабре!

1855

СЛУЧЕВСКИЙ
Константин Константинович

1. Родился 26 июля (7 августа н. ст.) 1837 г., умер 25 сентября (8 октября н. ст.) 1904 г. в возрасте 67 лет.

2. Получил превосходное домашнее воспитание. Выпускник (окончил с отличием) Первого кадетского корпуса, прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка, был зачислен в академию Генерального штаба. Однако поэзия взяла свое и стала судьбой, «внутренней» духовной биографией К. Случевского. Детские и юношеские стихи до нас не дошли, но известно, что стихи сочинять он начал рано – в возрасте 8–10 лет.

Первые публикации:

Явления русской жизни под критикою эстетики. Вып. 1 : Прудон об искусстве, его переводчики и критики. СПб., 1866. 65 с. (первая книга);

От поцелуя к поцелую : роман. СПб., 1872. 343 с. (первая книга прозы);

Стихотворения. СПб. : Типография А. С. Суворина, 1880. Кн. 1. 241 с. (первая книга стихов).

3. Из первых стихотворений:

НЕУЛОВИМОЕ

Неуловимое порою уловимо,
Как ветер, как роса, как звук или кристалл!
Всё уловимое скорей проходит мимо,
Чем чувство, мысль, мечта, сомненье, идеал!
Бог создал не один, а два великих мира:
Мир, видимый для нас, весь в красках и чертах,
Мир тяготения! От камня до эфира
Он – в подчинении, в бессилье и в цепях...
Но подле мир другой! Из мысли человека
От века ро́жденный, он, что ни день, растет!
Для мысли дебрей нет, и ей везде просека,

И тяготения она не признает.
В ней мощь нетления! Повсюду проступая,
Мысль свой особый мир в подлунной создала,
И в нем она вершит, мысль Бога воплощая, –
Нерукотворные и вечные дела!
Она порой грешит, смутясь в исканье хлеба...
А всё же, кажется, что в недра душ людских,
В нас корни некие спускаются от неба,
Свидетели судеб и сил совсем иных.

ок. 1857

Ранняя редакция стихотворения «Невменяемость»:

ГАЛЛЮЦИНАЦИИ

Есть в земной природе облики невидимые,
Глазу незаметные, сильно ненавидимые,
Горячо любимые, сильно ненавидимые,
Мир в подлунном мире тайно образующие.
В сильные минуты, в важные мгновения
Жизни, эти облики сразу означаются;
В обаянье подвига, в тяге преступления
Нежданно, негаданно духом прозреваются...
То, чего нет вовсе, видимым становится;
В тишине глубокой разговоры чудятся;
Что-то небывалое сразу быть готовится, –
Если что-то сделаешь, если что-то сбудется...
Ну, и надо делать!.. при таком решении
Целый мир обманный в обликах присутствует;
Он зовет на подвиги, тянет к преступлению –
И совсем по своему на дела напутствует...

***

Когда тяжелая истома сердце давит,
Мечтаем: скоро ль смерть нас призовет ко сну,
Жизнь новых прелестей пред очи не поставит,
Поставив, наконец, последнюю, одну...
Некрополь наша жизнь! Что день, то годовщина
Каких-нибудь скорбей, каких-нибудь утрат.
Тоска, отчаянье, сомненье, боль, кручина...
Взглянуть не хочется, обидно бросить взгляд.

И вот, отрезвлены к концу существований,
Уносим мы с собой все скорбные листы,
Чтобы сказать: «Господь! Ты знаешь смысл деяний –
Их не простили здесь, а там простишь ли Ты?»

***

Да, я устал, устал, и сердце стеснено!
О, если б кончить как-нибудь скорее!
Актер, актер... Как глупо, как смешно!
И что ни день, то хуже и смешнее!
И так меня мучительно гнетут
И мыслей чад, и жажда снов прошедших,
И одиночество... Спроси у сумасшедших,
Спроси у них – они меня поймут!

АПУХТИН
Алексей Николаевич

1. Родился 15 (27 н. ст.) ноября 1840 г., умер 17 (29 н. ст.) августа 1893 г. в возрасте ок. 53 лет.

2. Получил хорошее домашнее воспитание и образование. Страстный книгочей. Обладал превосходной памятью и знал сотни стихотворений наизусть. В 1852 г. поступает в училище правоведения (Петербург), где двенадцатилетнего мальчика считали «новым Пушкиным». Стихи начал сочинять с шестилетнего возраста.

Первые публикации:

Эпаминонд : [стихотворение] // Рус. инвалид. 1854. 6 нояб. (автору – 14 лет);

Стихотворения. СПб., 1886. 218 с. (первая книга).

3. Первые стихотворения:

К РОДИНЕ

Далёко от тебя, о родина святая,
Уж целый год я жил в краях страны чужой
И часто о тебе грустил, воспоминая
Покой и счастие, минувшее с тобой.
И вот в стране зимы, болот, снегов глубоких,
Где, так же одинок, и я печально жил,
Я сохранил в душе остаток чувств высоких,
К тебе всю прежнюю любовь я сохранил.
Теперь опять увижусь я с тобою,
В моей груди вновь запылает кровь,
Я примирюсь с своей судьбою,
И явится мне вдохновенье вновь!
Уж близко, близко... Всё смотрю я вдаль,
С волнением чего-то ожидаю
И с каждою тропинкой вспоминаю
То радость смутную, то тихую печаль.
И вспоминаю я свои былые годы,

Как мирно здесь и счастливо я жил,
Как улыбался я всем красота́м природы
И в дебрях с эхом говорил.
Уж скоро, скоро... Лошади бегут,
Ямщик летит, вполголос напевая,
И через несколько минут
Увижу я тебя, о родина святая!

15 июня 1853
Павлодар

ЖИЗНЬ

О жизнь! Ты миг, но миг прекрасный,
Миг невозвратный, дорогой;
Равно счастливый и несчастный,
Расстаться не хотят с тобой.

Ты миг, но данный нам от Бога
Не для того, чтобы роптать
На свой удел, свою дорогу
И дар бесценный проклинать.

Но чтобы жизнью наслаждаться,
Но чтобы ею дорожить,
Перед судьбой не преклоняться,
Молиться, веровать, любить.

10 августа 1853
Орел

ПЕСНЯ

Ах! Зачем тебя,
Полевой цветок,
Житель вольных мест,
С поля со́рвали,
В душной комнате
Напоказ людям
Тебя бросили?
Не пахнёт в тебя
Запах сладостный
Золотой весны.

Не увидишь ты
Солнца летнего,
И не будешь ты
С дрожью радости
Слушать осени
Бурю грозную...
День пройдет, другой...
Где краса твоя?
Смотришь – за окном
Уж былиночка.

3 мая 1854
Санкт-Петербург

Первое опубликованное стихотворение:

ЭПАМИНОНД

Когда на лаврах Мантинеи
Герой Эллады умирал
И сонм друзей, держа трофеи,
Страдальца ложе окружал, –
Мгновенный огнь одушевленья
Взор потухавший озарил.
И так, со взором убежденья,
Он окружавшим говорил:
«Друзья, не плачьте надо мною!
Недолговечен наш удел.
Блажен, кто жизни суетою
Еще измерить не успел,
Но кто за честь отчизны милой
Ее вовеки не щадил,
Разил врага – и над могилой
Его незло́бливо простил!
Да, я умру, и прах мой тленный
Пустынный вихорь разнесет,
Но счастье родины священной
Красою новой зацветет!»
Умолк... Друзья еще внимали...
И видел месяц золотой,
Как, наклонившися, рыдали
Они над урной роковой.

Но слава имени героя
Его потомству предала,
И этой славы, взятой с боя,
И смерть сама не отняла.

Пронзен ядром в пылу сраженья,
Корнилов мертв в гробу лежит...
Но всей Руси благословенье
И в мир иной за ним летит.
Еще при грозном Наварине
Он украшеньем флота был;
Поборник правды и святыни,
Врагов отечества громил
И Севастополь величавый
Надежней стен оберегал...
Но смерть поспорила со славой,
И верный сын России пал,
За славу, честь родного края,
Как древний грек, он гордо пал,
И, всё земное покидая,
Он имя родины призвал.
Но у бессмертия порога
Он, верой пламенной горя,
Как христианин – вспомнил Бога,
Как верноподданный – царя.
О, пусть же ангел светозарный
Твою могилу осенит
И гимн России благодарной
На ней немолчно зазвучит!

26 октября 1854

СОЛОВЬЕВ
Владимир Сергеевич

1. Родился 16 (28 н. ст.) января 1853 г., умер 31 июля (12 августа н. ст.) 1900 г. в возрасте 47 лет.

2. Получил отличное домашнее воспитание. Учился в Пятой московской гимназии, где начал активно писать стихи. Поступает в Московский университет, сначала на физико-математический факультет, который через три года оставляет, потом, в 1873 г., возвращается, но уже на историко-филологический факультет и сдает экзамен на степень кандидата философии.

Более философ, нежели художник, В. Соловьев в поэзии противоречив: он одновременно и мыслитель, и богоискатель, и иронист.

Первая публикация: Кризис западной философии. Против позитивистов. М., 1891. 76 с. (первая книга стихов).

3. Из первых стихотворений:

***

Природа с красоты своей
Покрова снять не позволяет,
И ты машинами не вынудишь у ней,
Чего твой дух не угадает.

1872

ПРОМЕТЕЮ

Когда душа твоя в одном увидит свете
Ложь с правдой, с благом зло,
И обоймет весь мир в одном любви привете,
Что есть и что прошло;

Когда узнаешь ты блаженство примиренья;
Когда твой ум поймет,

Что только в призраке ребяческого мненья
И ложь, и зло живет, –

Тогда наступит час – последний час творенья...
Твой свет одним лучом
Рассеет целый мир туманного виденья
В тяжелом сне земном:

Преграды рушатся, расплавлены оковы
Божественным огнем,
И утро вечное восходит к жизни новой
Во всех, и все в Одном.

август 1874

***

Лишь год назад – с мучительной тоскою,
С тоской безумною тебя я покидал,
И мнилось мне – навеки я с тобою
И жизнь, и свет, и счастье потерял.

Лишь год прошел – в ничтожестве забвенья
Исчезла ты, как давний, давний сон,
И лишь порой я вспомню на мгновенье
Былые дни, когда мне снился он.

23 декабря 1874

***

Как в чистой лазури затихшего моря
Вся слава небес отражается,
Так в свете от страсти свободного духа
Нам вечное благо является.

Но глубь недвижимая в мощном просторе
Всё та же, что в бурном волнении, –
Могучий и ясный в свободном покое,
Дух тот же и в страстном хотении.

Свобода, неволя, покой и волненье
Проходят и снова являются,
А он всё один, и в стихийном стремленье
Лишь сила его открывается.

март 1875

***

В сне земном мы тени, тени...
Жизнь – игра теней,
Ряд далеких отражений
Вечно светлых дней...

Но сливаются уж тени,
Прежние черты
Прежних ярких сновидений
Не узнаешь ты.

Серый сумрак предрассветный
Землю всю одел;
Сердцем вещим уж приветный
Трепет овладел.

Голос вещий не обманет.
Верь, проходит тень, –
Не скорби же: скоро встанет
Новый вечный день.

9 июня 1875

ФОФАНОВ
Константин Михайлович

1. Родился 18 (30 н. ст.) мая 1862 г., умер 17 (29 н. ст.) мая 1911 г. в возрасте 49 лет.

2. Воспитывался в большой купеческой семье (впоследствии разорившейся). Учился в различных частных школах и пансионах. Образование не было завершено. Страстный книгочей. В десятилетнем возрасте знал наизусть «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Читал запоем биографии поэтов. Страстно любил поэзию А. С. Пушкина.

Писать стихи начал рано. Поэт вспоминал: «Едва умея выводить буквы, я уже забавлялся “графоманией”». Восьми лет от роду сочинил пьесу – «не то оперу, не то комедию». В 14 лет увлекается стихами Н. А. Некрасова. Ранним стихам присущи библейские мотивы в сочетании с романтическими, демократическими устремлениями и эмоциональными всплесками.

Первая публикация: Стихотворения: 1880–1887. СПб., 1887. 182 с. (первая книга).

3. Из ранних стихотворений:

ИСТИНА

В лохмотьях истина блуждает,
Переходя из века в век,
И, как заразы, избегает
Ее, чуждаясь, человек.

Ее движенья не приветны,
Суровы грубые черты.
И неприглядны и бесцветны
Лохмотья хмурой нищеты.

Она бредет, а с нею рядом,
Мишурным блеском залита,

Гордяся поступью и взглядом, –
Идет лукавая мечта.

Мечта живет кипучим бредом,
Светла, как радужный туман,
И человек за нею следом
Спешит в ласкающий обман.

Но гордый, он не замечает,
Что перед ним, как гений злой,
В лохмотьях истина блуждает,
И дикой ревностью пылает,
И мстит до двери гробовой!

2 января 1880

ИЗ БИБЛЕЙСКИХ МОТИВОВ

Второзаконие, кн. 5, гл. 3

Сосуд с целебною водою Иордана
Я, братья, вам принес. Напейтесь из него, –
И кроткая душа, восторгом обуянна,
Забудет черный день злосчастья своего.
Напейтесь из него и исцелитесь, братья.
Замолкнет стон в груди, замрут в устах проклятья:
Я вечный мир принес!

С Сионской высоты принес я ветвь оливы;
Коснитеся ее, – Бог чудо совершит.
Вы, просветленные, спокойно-горделивы,
Стряхнете с ваших ног прах мщенья и обид;
И будет на земле одно святое братство, –
Без гибельных измен, без злого святотатства:
Я истину принес!

Я камень вам принес от древнего Содома, –
Пусть он напомнит вам погибель злых людей;
Пускай та весть пройдет от дома и до дома,
Что я пришел карать неправедных судей.
Иное я хочу устроить в мире царство, –
Без лжи смеющейся, без низкого коварства:
Я правду вам принес!

Пред голосом моим преступник побледнеет;
И в страхе убежит, безумствуя, тиран;
И ветер след его с проклятием завеет.
Рассеется в умах бессмысленный туман;
Слепцы увидят свет, сияющий повсюду;
И станет жизнь тепла ликующему люду:
Я волю вам принес!

март 1880

***

Вселенная во мне, и я в душе вселенной.
Сроднило с ней меня рождение мое.
В душе моей горит огонь ее священный,
А в ней всегда мое разлито бытие.

Благословляет нас великая природа,
Раскидывая свой узорчатый покров,
Приветствуя от вод до шири небосвода
Сияньем алых зорь, дыханием цветов.

Покуда я живу, вселенная сияет,
Умру – со мной умрет бестрепетно она;
Мой дух ее живит, живит и согревает,
И без него она ничтожна и темна.

апрель 1880

***

Не бойся сумрака могилы,
Живи, надейся и страдай...
Борись, пока в душе есть силы,
А сил не станет – умирай!

Жизнь – вековечная загадка,
А смерть – забвение ее.
Но, как забвение ни сладко,
Поверь, что слаще бытие.

1880

***

Я обращаю речь к вам, выброски природы,
Бредущие впотьмах на торжище мирском:
Над вами ласково синеют небосводы, –
Но помните, что в них таится Божий гром.

Под вами гладь земли в блистающем уборе,
Но жертвы корчатся под вашею пятой;
В них есть и гнев в груди и зависть есть во взоре
И вам не избежать расплаты роковой.

В расчетах мелочных вы чахнете безлично,
Молчанье и грабеж – заветный ваш закон.
Суровой правды речь смутит вас непривычно,
Как смех безумного на тризне похорон.

Вы упитали плоть, а дух не ищет хлеба,
От вещих мудрецов бежит преступный взор.
Награбленной казной не купите вы неба,
Слезами бедняков не смоете позор!

Пусть услаждает лесть ваш слух, пускай оравой
Глупцы бегут вослед, моля добра от вас;
За вами – сатана с улыбкою лукавой,
Пред вами – мщенья грозный час!

6 февраля 1881

XX век

АННЕНСКИЙ Иннокентий Федорович
СОЛОГУБ Федор
ГИППИУС Зинаида Николаевна
БУНИН Иван Алексеевич
КУЗМИН Михаил Алексеевич
ВОЛОШИН Максимилиан
КОНЕВСКОЙ Иван
БЕЛЫЙ Андрей
БЛОК Александр Александрович
САДОВСКО́Й Борис Александрович
КОМАРОВСКИЙ Василий Алексеевич
КЛЮЕВ Николай Алексеевич
ПАРНОК София Яковлевна
ХЛЕБНИКОВ Велимир
ГУМИЛЕВ Николай Степанович
ХОДАСЕВИЧ Владислав Фелицианович
СЕВЕРЯНИН Игорь
НАРБУТ Владимир Иванович
АХМАТОВА Анна Андреевна
ПАСТЕРНАК Борис Леонидович
МАНДЕЛЬШТАМ Осип Эмильевич
АДАМОВИЧ Георгий Викторович
ЦВЕТАЕВА Марина Ивановна
МАЯКОВСКИЙ Владимир Владимирович
ШЕНГЕЛИ Георгий Аркадьевич
ИВАНОВ Георгий Владимирович
ЕСЕНИН Сергей Александрович

БАГРИЦКИЙ Эдуард Георгиевич
АНТОКОЛЬСКИЙ Павел Григорьевич
ТИХОНОВ Николай Семенович
ОЛЕЙНИКОВ Николай Макарович
НАБОКОВ Владимир Владимирович
ВАГИНОВ Константин
УШАКОВ Николай Николаевич
ЗАБОЛОЦКИЙ Николай Алексеевич
ВВЕДЕНСКИЙ Александр Иванович
ХАРМС Даниил
КИРСАНОВ Семен Исаакович
ТАРКОВСКИЙ Арсений Александрович
КЕДРИН Дмитрий Борисович
КОРНИЛОВ Борис Петрович
ШТЕЙНБЕРГ Аркадий Акимович
ПЕТРОВЫХ Мария Сергеевна
ЧИННОВ Игорь Владимирович
ВАСИЛЬЕВ Павел Николаевич
ТВАРДОВСКИЙ Александр Трифонович
ЕЛАГИН Иван
ГЛАЗКОВ Николай Иванович
СЛУЦКИЙ Борис Абрамович
САМОЙЛОВ Давид
РУБЦОВ Николай Михайлович
РЕШЕТОВ Алексей Леонидович
БРОДСКИЙ Иосиф Александрович
РЫЖИЙ Борис Борисович

АННЕНСКИЙ
Иннокентий Федорович

1. Родился 20 августа (1 сентября н. ст.) 1855 г., умер 30 ноября (13 декабря н. ст.) 1909 г. в возрасте 54 лет.

2. В пятилетнем возрасте перенес опасное и длительное заболевание, которое привело к тяжелой болезни сердца. Получил хорошее домашнее воспитание и образование под руководством старшей сестры. Рос без товарищей, среди старших; увлекался чтением. Учился в частной школе, в прегимназии, в частной гимназии Беренса (Петербург). Обладал отличными способностями, учился хорошо и легко. В 1875 г. поступает в Петербургский университет. Писать начал рано, постоянно – в 1870-е гг. Сам И. Анненский оценивает себя – стихотворца той поры – как мистика (так как слова «символист» еще не существовало). Анненский признавался, что «в университете как обрезало со стихами. Я влюбился в филологию и ничего не писал, кроме диссертаций».

Первые публикации:

Из наблюдений над языком и поэзией Русского Севера // Сб. статей по славяноведению, состав. и изд. ученицами В. И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. СПб., 1883. 495 с. (первое выступление в печати);

Вакханки: трагедия Эврипида. СПб., 1894. 172 с. (первая книга);

Пушкин и Царское Село. СПб., 1899. 39 с. 200 экз. (первая литературоведческая публикация);

Меланиппа-философ : трагедия. СПб., 1901. 81 с. (первая книга и публикация стихов).

3. Из ранних стихотворений (единственное стихотворение, сохраненное автором):

ИЗ ПОЭМЫ «MATER DOLOROSA»*

Как я любил от городского шума
Укрыться в сад, и шелесту берез
Внимать, в запущенной аллее сидя...
Да жалкую шарманки отдаленной
Мелодию ловить. Ее дрожащий
Сродни закату голос: о цветах
Он говорит увядших и обманах.
Пронзая воздух парный, пролетит
С минутным шумом по ветвям ворона,
Да где-то там далеко прокричит
Петух, на запад солнце провожая,
И снова смолкнет всё,– душа полна
Какой-то безотчетно-грустной думы,
Кого-то ждешь, в какой-то край летишь,
Мечте безвестный, горячо так любишь
Кого-то... чьих-то ждешь задумчивых речей
И нежной ласки, и в вечерних те́нях
Чего-то сердцем ищешь... И с тем сном
Расстаться и не может и не хочет
Душа... Сидишь забытый и один,
И над тобой поникнет ночь ветвями...
О, майская, томительная ночь,
Ты севера дитя, его поэтов
Любимый сон... Кто может спать, скажи,
Кого постель горячая не душит,
Когда, как грезу нежную, опустишь
Ты на сады и волны золотые
Прозрачную завесу, и за ней,
Прерывисто дыша, умолкнет город –
И тоже спать не может, и влюбленный
С мольбой тебе, задумчивой, глядит
В глаза своими тысячами окон...

1874

* Мать скорбящая (лат.).

Стихотворения, обычно открывающие издания И. Анненского:

ПОЭЗИЯ

Над высью пламенной Синая
Любить туман Ее лучей,
Молиться Ей, Ее не зная,
Тем безнадежно горячей,
Но из лазури фимиама,
От лилий праздного венца,
Бежать... презрев гордыню храма
И славословие жреца,
Чтоб в океане мутных далей,
В безумном чаяньи святынь,
Искать следов Ее сандалий
Между заносами пустынь.

1904

СИРЕНЕВАЯ МГЛА

Наша улица снегами залегла,
По снегам бежит сиреневая мгла.
Мимоходом только глянула в окно,
И я понял, что люблю ее давно.
Я молил ее, сиреневую мглу:
«Погости-побудь со мной в моем углу,
Не мою тоску ты давнюю развей,
Поделись со мной, желанная, своей!»

Но лишь издали услышал я ответ:
«Если любишь, так и сам отыщешь след,

Где над омутом синеет тонкий лед,
Там часочек погощу я, кончив лёт,

А у печки-то никто нас не видал...
Только те мои, кто волен да удал».

1904

МЫСЛИ – ИГЛЫ

Je suis leroi d'une ténè breu sevallée.

Stuart Merrill*

Я – чахлая ель, я – печальная ель северного бора. Я стою среди свежего поруба и еще живу, хотя вокруг зеленые побеги уже заслоняют от меня раннюю зо́рю.

С болью и мукой срываются с моих веток иглы. Эти иглы – мои мысли. И когда закат бывает тих и розов и ветер не треплет моих веток,– мои ветки грезят.

И снится мне, что когда-нибудь здесь же вырастет другое дерево, высокое и гордое. Это будет поэт, и он даст людям все счастье, которое только могут вместить их сердца. Он даст им красоту оттенков и свежий шум молодой жизни, которая еще не видит оттенков, а только цвета.

О, гордое дерево, о, брат мой, ты, которого еще нет с нами. Что за дело будет тебе до мертвых игол в создавшем тебя перегное!..

И узнаешь ли ты, что среди них были и мои, те самые, с которыми уходит теперь последняя кровь моего сердца, чтобы они создавали тебя, Неизвестный...

Падайте же на всеприемлющее черное лоно вы, мысли, ненужные людям!

Падайте, потому что и вы были иногда прекрасны, хотя бы тем, что никого не радовали...

30 марта 1906
вологодский поезд

* *Я король сумрачной долины.* Стюарт Меррилль (фр.).

СОЛОГУБ
Федор
(наст. имя ТЕТЕРНИКОВ Федор Кузьмич)

1. Родился 17 (29 н. ст.) февраля 1863 г., умер 5 декабря 1927 г. в возрасте 64 лет.

2. Получил строгое воспитание под руководством матери, работавшей прислугой (мальчика часто наказывали, секли). Учился в приходской школе, затем в уездном училище, в Учительском институте (Петербург). Учился хорошо, но был очень скрытным и замкнутым ребенком, отроком, юношей. Книга Ф. Сологубу в те времена, по признанию самого поэта, «была нужнее и ближе людей».

Первые стихи появились в 1875 г. (в возрасте 12 лет).

Первые публикации:

Лисица и Еж : басня // Весна (СПб.). 1884. № 4, 28 янв.;

Стихи. СПб., 1896. Кн. 1. LXIV с. (первая книга стихов);

Тени : рассказы и стихи. СПб., 1896. 188 с. (первая публикация прозы).

3. Из ранних стихотворений:

***

В мечтанья погруженный,
По улице я шел.
Я был король влюбленный,
Пред мной стоял посол.
От милой королевы
Кольцо принес он в дар.
Привет любимой девы
Зажег во мне пожар.
И вот в мою столицу
Спешит уже она,
В парчу и в багряницу
Светло облечена.
От счастья мои щеки
Пылают горячо,

И вдруг удар жестокий
Я получил в плечо.
И голос грубый, строгий
Над ухом прогремел:
«Мальчишка босоногий!
Толкаться как ты смел!»
Как из лазури ясной
Я на землю упал,
И франт, от злости красный,
Мне уши натрепал.
С поникшей головою
Плетуся я вперед,
Мальчишки надо мною
Смеются из ворот.

30 мая 1879

РИФМА

Сладкозвучная богиня,
Рифма золотая,
Слух чарует, стих созвучьем
Звонким замыкая.
И капризна, и лукава,
Вечно убегает.
Гений сам порой не сразу
Резвую поймает.

Чтоб всегда иметь шалунью
Рифму под рукою,
Изучай прилежно слово
Трезвой головою.
Сам трудись ты, но на рифму
Не надень оковы:
Муза любит стих свободный,
И живой, и новый.

29 июня 1880

***

Спишь ты, матушка, в могиле,
Из нее не встанешь

И на дочь твою любовно
Никогда не взглянешь.

Без привета жить на свете
Тяжело, моя родная,
Тяжко мыкать злую долю,
Отдыха не зная.

Нет тебя, и друга нету.
Стал мне свет тюрьмою.
Сердце бьется, словно птичка,
Нет ему покою.

У чужих людей батрачку
Кто приветит, приголубит,
И какой же парень добрый
Сироту полюбит?

Научи ж, моя родная,
Дочку-сиротину,
Как избыть мне горе злое,
Лютую кручину.

Иль уж мне с ней до могилы,
До могилы не расстаться,
И с приветливою долей
Никогда не знаться?

27 июня 1881

ГИППИУС
Зинаида Николаевна
(псевд. Антон КРАЙНИЙ и др.,
в замужестве МЕРЕЖКОВСКАЯ)

1. Родилась 8 (20 н. ст.) ноября 1869 г., умерла 9 сентября 1945 г. в возрасте ок. 76 лет.

2. Получила хорошее домашнее воспитание под руководством матери. С детства увлекалась чтением книг. Рано начала сочинять стихи. По свидетельству В. А. Злобина, в девятилетнем возрасте З. Гиппиус написала такие строки:

Довольно мне тоской томиться
И будет безнадежно ждать!
Пора мне с небом примириться
И жизнь загробную начать...

В письме к В. Я. Брюсову З. Н. Гиппиус (11 января 1902 г.) признается: «В 1880 году, то есть когда мне было 11 лет, я уже писала стихи (причем очень верила во вдохновение и старалась писать сразу, не отрывая пера от бумаги). Стихи мои всем казались "испорченностью", но я не скрывала. Были довольно однообразны, не сохранились, но вот помню кусочки одного из самых первых (речь идет о стихотворении "Давно печали я не знаю..."). *–Ю. К.*). Оцените детскую и странную искренность...»

Первые публикации:

[Стихотворения] // Сев. вестн. (СПб.). 1888. № 12;

Злочастная // Вестн. Европы (СПб.). 1890. № 7 (первая публикация прозы);

Злочастная : рассказ. М., 1892. 36 с. (первая книга);

Собрание стихов: 1889–1903 гг. М., 1904. 174 с. 1200 экз. (первая книга стихов).

3. Первое стихотворение:

***

Давно печали я не знаю,
И слез давно уже не лью.
Я никому не помогаю,

Да никого и не люблю.
Любить людей – сам будешь в горе.
Всех не утешишь все равно.
Мир – не бездонное ли море?
О мире я забыл давно.
Я на печаль смотрю с улыбкой,
От жалоб я храню себя.
Я прожил жизнь мою в ошибках,
Но человека не любя.
Зато печали я не знаю,
Я слез моих давно не лью.
Я никому не помогаю,
И никого я не люблю.

1880

Из ранних стихотворений:

***

Я помню аллею душистую
И ветви сирени кругом,
Росу на траве серебристую
И небо, объятое сном.
Я помню, как трелью рыдающей
Сирень оглашал соловей,
И как аромат опьяняющий
Волной доносился с полей.
Я помню скамью одинокую,
Забытые грезы и сны,
И пруд, весь заросший осокою,
И силу живую весны...
У берега лодка качается,
И плещется тихо вода,
И звезды, блестя, отражаются
На зыбком просторе пруда.
Стихает природа уснувшая,
Всё негой весенней полно...
Я помню то время минувшее,
Я помню, что было давно...

опубл. 1888

БУНИН
Иван Алексеевич

1. Родился 10 (22 н. ст.) октября 1870 г., умер 8 ноября 1953 г. в возрасте 83 лет.

2. Получил хорошее домашнее воспитание. Очень много читал: журналы, стихи русских и европейских поэтов; особенно любил книги А. С. Пушкина. Учился в орловской гимназии. Сочинять начал рано. И. А. Бунин вспоминал: «Писал я в отрочестве сперва легко, так как подражал то одному, то другому, – больше всего Лермонтову, отчасти Пушкину, которому подражал даже в почерке... Читал я тогда что попало – и старые, и новые журналы, и Лермонтова, и Жуковского, и Шиллера, и Веневитинова, и Тургенева, и Маколея, и Шекспира, и Белинского... Потом пришла настоящая любовь к Пушкину, но наряду с этим увлечение, хотя и недолгое, Надсоном, чему, впрочем, много способствовала его смерть».

Первые публикации:

Над могилой Надсона // Родина (СПб.). 1887. 22 февр. (первое появление в печати);

Два странника // Там же. 1887. 28 сент. (первая публикация прозы);

Стихотворения: 1887–1891 гг. Орел, 1891. 71 с. (первая книга);

Лонгфелло Г. Песнь о Гайавате / пер. с англ. И. Бунина. Орел, 1896. 207 с. (первая публикация переводов);

«На край света» и другие рассказы. СПб., 1897. 254 с. (первая книга прозы).

3. Из ранних стихотворений:

***

Шире, грудь, распахнись для принятия
Чувств весенних – минутных гостей!
Ты раскрой мне, природа, объятия,
Чтоб я слился с красою твоей!

Ты, высокое небо, далекое,
Беспредельный простор голубой!
Ты, зеленое поле широкое!
Только к вам я стремлюся душой!

28 марта 1886

ПОЭТ

Поэт печальный и суровый,
Бедняк, задавленный нуждой,
Напрасно нищеты оковы
Порвать стремишься ты душой!

Напрасно хочешь ты презреньем
Свои несчастья победить
И, склонный к светлым увлеченьям,
Ты хочешь верить и любить!

Нужда не раз еще отравит
Минуты светлых дум и грез
И позабыть мечты заставит,
И доведет до горьких слез.

Когда ж, измученный скорбями,
Забыв бесплодный, тяжкий труд,
Умрешь ты с голоду, – цветами
Могильный крест твой перевьют!

1886

ЗАТИШЬЕ

За днями серыми и темными ночами
Настала светлая прощальная пора.
Спокойно дремлет день над тихими полями,
И веют прелестью раздумья вечера.
Глубоко степь молчит – ни звука, ни движенья...
В прозрачном воздухе далеко тонет взор...
На солнце желтый лес сверкает в отдаленьи,
Как ярким золотом пылающий костер.
В саду листки берез, без шороха срываясь,
Средь тонких паутин, как бабочки, блестят

И, слабо по ветвям цепляясь и качаясь,
На блеклую траву беспомощно летят.
Плывут узоры туч прозрачною фатою
В пустынных небесах, высоко над землей.
И все кругом светло, все веет тишиною,
В природе и в душе – молчанье и покой.

1887

***

Высоко полный месяц стоит
В небесах над туманной землей,
Бледным светом луга серебрит,
Напоенные белою мглой.
В белой мгле, на широких лугах,
На пустынных речных берегах
Только черный засохший камыш
Да верхушки ракит различишь.

И река в берегах чуть видна...
Где-то мельница глухо шумит...
Спит село... Ночь тиха и бледна,
Высоко полный месяц стоит.

1887

Первое опубликованное стихотворение:

ДЕРЕВЕНСКИЙ НИЩИЙ

В стороне от дороги, под дубом,
Под лучами палящими спит
В зипунишке, заштопанном грубо,
Старый нищий, седой инвалид;
Изнемог он от дальней дороги
И прилег под межой отдохнуть...
Солнце жжет истомленные ноги,
Обнаженную шею и грудь...
Видно, слишком нужда одолела,
Видно, негде приюта сыскать,
И судьба беспощадно велела
Со слезами по окнам стонать...

Не увидишь такого в столице:
Тут уж впрямь истомленный нуждой!
За железной решеткой в темнице
Редко виден страдалец такой.
В долгий век свой немало он силы
За тяжелой работой убил,
Но, должно быть, у края могилы
Уж не стало хватать ему сил.
Он идет из селенья в селенье,
А мольбу чуть лепечет язык,
Смерть близка уж, но много мученья
Перетерпит несчастный старик.

Он заснул... А потом со стенаньем
Христа ради проси и проси...
Грустно видеть, как много страданья
И тоски и нужды на Руси!

1886

Стихотворение, обычно открывающее собрание сочинений:

***

В полночь выхожу один из дома,
Мерзло по земле шаги стучат,
Звездами осыпан черный сад
И на крышах – белая солома:
Трауры полночные лежат.

ноябрь 1888

КУЗМИН
Михаил Алексеевич

1. Родился 6 (18 н. ст.) октября 1872 г., умер 1 марта 1936 г. в возрасте 73 с половиной лет.

2. Получил домашнее воспитание в «недружной» (оценка М. Кузмина) семье. Рос одиноким и необщительным, но тонким, мечтательным ребенком. Поэт признается: «Мои любимцы были “Faust”, Шуберт, Россини, Meyerbeer и Weber. Впрочем, это был вкус родителей. Зачитывался я Шекспиром, “Дон Кихотом” и В. Скоттом...» В отрочестве предавался страстному, почти непрерывному чтению (особенно увлекался Э.-Т. А. Гофманом). В 1884 г. семья переезжает в Петербург. Возможно, в это время М. Кузмин начинает всерьез сочинять стихи (в возрасте 12 лет).

Первые публикации:

Цикл сонетов; История рыцаря д’Алессио: драматическая поэма // Зеленый сборник стихов и прозы. СПб., 1905. 252 с. 1400 экз. (первое появление в печати);

Крылья // Весы (М.). 1906. № 11. 84 с. (первая публикация прозы);

Три пьесы. СПб., 1907. 74 с. 600 экз. (первая книга);

Сети: 1-я книга стихов. М. : Скорпион, 1908. 222 с. 1600 экз. (первая книга стихов).

3. Из ранних стихотворений:

***

Лодка тихо скользила по глади зеркальной,
В волнах тумана сребристых задумчиво тая.
Бледное солнце смотрело на берег печальный,
Сосны и ели дремотно стояли, мечтая.

Белые гряды песку лежат молчаливо,
Белые воды сливаются с белым туманом,
Лодка тонет в тумане, качаясь сонливо,–
Кажется лодка, и воды, и небо – обманом.

Солнца сиянье окутано нежностью пара,
Сосны и ели обвеяны бледностью света,
Солнце далёко от пышного летнего жара,
Сосны и ели далёки от жаркого лета.

1896–1897

АПУЛЕЙ

Бледное солнце осеннего вечера;
Грядки левкоев в саду затворенном;
Слышатся флейты в дому, озаренном
Солнцем осенним бледного вечера;
Первые звезды мерцают над городом;
Песни матросов на улицах темных,
Двери гостиниц полуотворенных;
Звезды горят над темнеющим городом.
Тихо проходят в толпе незаметные
Божьи пророки высот потаенных;
Юноши ждут у дверей отворенных,
Чтобы пришли толпе не заметные.
Пестрый рассказ глубины опьяняющей,
Нежная смерть среди роз отцветающих,
Ты – мистагог всех богов единящий,
Смерть Антиноя от грусти томящей,
Ты и познание, ты и сомнение,
Вечно враждующих ты примирение,
Нежность улыбки и плач погребальный,
Свежее утро и вечер печальный.

1902

Один из «Тринадцати сонетов»:

(ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ)

Меня влекут чудесные сказанья,
Народный шум на старых площадях,
Ряд кораблей на дремлющих морях
И блеск парчи в изгибах одеянья.

Неясные и странные желанья...
Учитель сгорбленный, весь в сединах,

И рядом – отрок с тайною в глазах...
В тени соборов дремлют изваянья...

В каналах узких отблески огней,
Звук лютни, пенье, смех под черной маской,
Стук шпаг, повсюду кровь... свет фонарей...

Ряд дам, мечтающих над старой сказкой...
Глаза глядят внимательно и нежно,
А сердце бьется смутно и мятежно.

1903

ВОЛОШИН
Максимилиан
(наст. имя КИРИЕНКО-ВОЛОШИН
Максимилиан Александрович)

1. Родился 16 (22 н. ст.) мая 1877 г., умер 11 августа 1932 г. в возрасте 65 лет.

2. Детство провел на юге России (Киев, Таганрог, Севастополь). В 1882 г. овдовевшая мать поэта приезжает с сыном в Москву. В 1893 г. они переезжают в Крым, в Коктебель. М. Волошин получил хорошее домашнее воспитание под руководством матери. Учился в гимназии (Феодосия); «казенного» обучения не любил, учился плохо, занимался с репетиторами, оставался в классах на второй год. Поступил в Московский университет на юридический факультет.

Много времени уделял самообразованию. Стихи начал писать еще в Москве (в возрасте 13 лет).

Первые публикации:

Над могилой В. К. Виноградова : [стихотворение] // Памяти В. К. Виноградова. Феодосия, 1895. 50 с. (первое появление в печати);

Стихотворения: 1900–1910; Годы странствий; Amori Amara Sacrum; Звезда-полынь; Алтари в пустыне; Coronaastralis. М., 1910. 124 с. 1200 экз. (первая книга).

3. Из ранних стихотворений:

***

И был туман. И средь тумана
Виднелся лес и склоны гор.
И вдруг широкого Лемана
Сверкнул лазоревый простор.
Зеленый остров, парус белый,
«На лоне вод стоит Шильон»,
А горы линиею смелой
Рассекли синий небосклон.
И серебристые туманы
Сползают вниз по склонам гор,
И виноградник, как ковер,

Покрыл весь берег до Лозанны
И мягко складками идет
До самой синей [глади] вод.

1899

Из шуточных стихотворений:

***

Я ехал в Европу, и сердце мое
Смеялось, и билось, и пело.
Направо, налево, назад и вперед
Большое болото синело.
На самой границе стоял часовой –
Австриец усатый и бравый.
Ус левый указывал путь на восток,
На запад указывал правый.
Как всё изменилось! Как будто и здесь
Тянулось всё то же болото,
Но раньше на нем ничего не росло,
А только щетинилось что-то.
А здесь оно сразу оделось травой,
Повсюду проходят канавки,
Лесок зеленеет, желтеют стога,
И кролики скачут по травке.
И сразу двенадцать томительных дней
Из жизни куда-то пропало:
Там было восьмое число сентября –
Здесь сразу двадцатое стало.
И не было жаль мне потерянных дней,
Я только боялся другого:
Вернувшись в Россию в положенный срок,
Найти на границе их снова.

сентябрь 1899
в вагоне

Из стихотворений, не вошедших в авторские книги:

***

Случайно брошенное слово,
Сухой цветок, письмо, портрет
Имеют силу вызвать снова
Воспоминанья прежних лет...

3 апреля 1900
Москва

***

Юность – только агония
Умирающего детства.

Жизнь – бесконечное познание...
Возьми свой посох и иди! –
...И я иду... и впереди
Пустыня... ночь... и звезд мерцание.

1901

Из стихотворений, обычно открывающих собрания сочинений:

VIA MALA

Там с вершин отвесных
Ледники сползают,
Там дороги в тесных
Щелях пролегают.
Там немые кручи
Не дают простору,
Грозовые тучи
Обнимают гору.
Лапы темных елей
Мягки и широки,
В душной мгле ущелий
Мечутся потоки.
В буйном гневе свирепея,
Там грохочет Рейн.
Здесь ли ты жила, о фея –
Раутенделейн?

1899
Тузис

НА ФОРУМЕ

Арка... Разбитый карниз,
Своды, колонны и стены.
Это обломки кулис
Сломанной сцены.
Здесь пьедесталы колонн,
Там возвышается ростра,
Где говорил Цицерон
Плавно, красиво и остро.
Между разбитых камней
Ящериц быстрых движенье.
Зной неподвижных лучей,
Струйки немолчное пенье.
Зданье на холм поднялось
Цепью изогнутых линий.
В кружеве легких мимоз
Очерки царственных пиний.
Вечер... И форум молчит.
Вижу мерцанье зари я.
В воздухе ясном звучит:
Ave Maria!

1900
Рим

КОНЕВСКОЙ
Иван
(наст. имя ОРЕУС Иван Иванович)

1. Родился 19 сентября (1 октября н. ст.) 1877 г., умер (утонул в реке) 8 июля 1901 г. в возрасте ок. 24 лет.

2. Получил превосходное домашнее воспитание и образование. С семилетнего возраста – страстный книгочей. Обладал уникальными способностями и влечением к мифологизации мира (в возрасте 16 лет поэт создает «Краткие сведения о великих людях Росамунтии XIX века. В виде словаря»). Сочинять стихи начал рано (почти все достойные, на взгляд автора, стихотворения были сохранены, словно поэт предчувствовал краткость своего существования).

Первые публикации:

Снаряды : [стихотворение] // Книжки недели (СПб.). 1896. № 11 (первое появление в печати);

Мечты и думы: 1896–1899. СПб., 1900. 208 с. (первая книга).

3. Из ранних стихотворений:

***

Блажен, кто долго сохраняет
Чувств детских, мирных простоту,
Кого природа восхищает
И кто таит в душе мечту.
Кто в темном боре, в отдаленьи
От света, шума и людей
Подчас приходит в восхищенье
От обстановки чудной сей.
Блажен он, хоть глупцы иные
Его бранят, его корят,
Над ним смеются люди злые,
О нем с презреньем говорят.
Не сын он века – ну так что же?
Бездушны, грубы стали мы.

Тем мне приятней и дороже,
Что есть поэт средь этой тьмы.
Но также люди есть иные:
В душе поэты все они,
Но стыдно вдруг им, – о, слепые!
Что так мечтают в наши дни.
Когда подчас луны сиянье
Красой своей их восхитит,
И о поэзии мечтанье
В их душу сладко залетит,
Они скорей мечту гоняют,
Желают веку подражать,
В душе поэзью усыпляют
И не хотят об ней и знать.

Да, да, ослеплены вы веком:
Для вас поэзья чуть не зло,
Испорчены вы человеком,
Добро в вас прозой заросло.
Так пробудите, пробудите
Вы это спящее добро,
На лире смело вы гремите,
Беритесь смело за перо.
Поэзию явите миру,
Не бойтесь света, гордецы,
Не поклоняйтеся кумиру,
Прозрите, спящие слепцы.

15 августа 1890
Боярки

***

1

Die Tempelkleinodien des neuen Gott,
Des grossen Unbekannten.

H. Heine, «Deutschland», Кар. II

ИСПОВЕДАНИЕ

Певцом любви меня природа не создала,
Не буду также я второй Анакреон,

Не веселят меня шальные звуки бала,
И пиршественных чаш противен стал мне звон.
В роскошной зале я брожу без наслажденья,
И тесный угол мне в стократ ее милей,
И, грешен, не могу не кинуть взор презренья,
На пляшущих пустых, холодных богачей.
Людских пороков я хочу быть обличитель,
Мой первый враг – война, второй мой враг – обман.
Союзник будь Ты мне, Христос, о мой Спаситель,
При помощи Твоей я не умру от ран.
Несправедливость – враг мой третий и сильнейший,
Мне больно, тяжело везде ее встречать,
И каждый человек, будь он наидобрейший,
Суду врага того обязан подлежать.
Апокалипсис я держу в руках, мечтая,
Паденье Сатаны в нем Иоанн предрек,
Христова эра в нем предсказана святая,
О, скоро ль, Боже мой, настанет этот век.

3 февраля 1892

Первое опубликованное стихотворение:

СНАРЯДЫ

Мир тайных сил, загадок естества,
Хвала вам, исполинские снаряды!
Как рока песнь, что воют водопады,
Держава ваша ужасом жива,
Здесь человек забыл свои права,
Нет упоенью дикому преграды,
И у безличья молит он пощады,
И в хаосе кружится голова.
Здесь весь наш мир, здесь рок неумолимый,
Каким-то жаром внутренним палимый,
В снарядах дивных предо мной живет.
Но царство то теснят родные тени:
Рок отступил под натиском хотений,
Наш ум его в приспешники зовет.

1896
Нижний Новгород
(машинный отдел выставки)

Стихотворение, открывающее собрание сочинений:

ПОСВЯЩЕНИЕ
«ДЖИОКОНДЕ» ВИНЧИ

...le sourireütrange de la Vie.
H. de Règnier

Сам я смеюсь над собой.
Знаю – я властен, но хил.
Ты же моею судьбой
Правишь, как мудрость могил.

Дерзко метнусь я к лучам:
Смотришь – а ты уже тут.
Взором, подобным врачам,
Правишь над дерзким ты суд.

В зыбких и твердых устах
Ведений тьмы залегли.
Силен ли я, иль зачах –
Век мне открыть не могли.

Вечно и «да» в них, и «нет».
Благо им, слава за то!
Это – премудрый ответ:
Лучше не скажет никто.

26 июня 1898
Lauterbrunnen

БЕЛЫЙ
Андрей
(наст. имя БУГАЕВ Борис Николаевич)

1. Родился 14 (26 н. ст.) октября 1880 г., умер 8 января 1934 г. в возрасте ок. 54 лет.

2. Получил домашнее воспитание, атмосфера в семье была противоречивой: отец – известный математик, мать – талантливая пианистка. Поэт окончил (из уважения к делу отца) физико-математический факультет Московского университета, но затем поступил на филологический факультет и всерьез занялся литературой (во многих ее формах и проявлениях).

Сочинять стихи начал очень рано (в детстве). Первые литературные опыты были одобрены знаменитой, ученейшей и весьма просвещенной семьей Соловьевых (Владимир Соловьев был братом Михаила, близкого друга А. Белого).

Первые публикации:

Симфония (2-я драматическая). М., 1902. 221 с. (первое появление в печати);

Гроза на западе; В. Я. Брюсову; Возврат // Гриф : альманах. М., 1903. 93 с. (первая публикация стихов);

По поводу книги Д. С. Мережковского «А. Толстой и Достоевский» // Новый путь (СПб.). 1903. № 1 (первое литературоведческое выступление);

Золото в лазури. М., 1904. 260 с. (первая книга стихотворений);

Символизм : книга статей. М., 1910. 635 с. (первая литературоведческая книга).

3. Из ранних стихотворений:

***

Декабрь. Угрюмый вид. Ночь пасмурна. Туман. В избе огонь горит. В степи ревет буран.

...Пыль снежная летит. Ложится на бархан...

.....

.....
...В избе огонь горит. В степи царит буран...

январь 1896
Москва

СЧАСТЬЕ

Счастье есть на земле;
Не померкло... нет, нет!
Не вздыхай, но ищи в темноте;
Не ленись – и во мгле
Ты увидишь вдруг свет –
Ну тогда и конец слепоте.

Так бывает всегда:
На душе – мир, тепло.
Сгинет скорбь мировая и страх.
И увидишь тогда,
Что не в мире темно...
Мрак гнездился в твоих лишь очах.

И когда бы зараз
Просветлел человек,
Был бы вечно здесь рай неземной:
Тотчас стих бы средь нас
Гнев и ропот навек:
Воцарился б мир тихий святой.

1897

ГИМН СОЛНЦУ

Пусть говорят слепцы, что смолкли наши лиры,
Пусть говорят слепцы, что смерть нам всем грозит.
Что ей повержены гражданские кумиры,
Что прежний идеал поруган и разбит.
Что средь пустынного, мучительного ада
Желанный луч не заблестит для нас,
Что мы в бездействии погибнем без возврата,
Что путь наш тьмой покрыт, что свет давно погас...

Опять настанет день, и он не за горами,
Когда коснемся мы до радужных высот,
Когда с рыданьями и сладкими слезами,
В ночи перед собой увидя свет, народ
Восторженно помчится за мечтами
К востоку светлому вперед.

И солнце дивное из дали к нам проглянет,
Стенанья радости на запад полетят,
И крест, поверженный, торжественно восстанет,
И гимн, под гром небес, перед востоком грянет,
И херувимы к нам слетят.
Пред миллионами коленопреклоненных
Покажется Христос из туч воспламененных.

июль 1897

***

...Еще в детстве моем Он являлся ко мне; и в чарующем сне я все грезил о Нем...
...Но темны небеса. Словно в бурю цветы разлетелись мечты...
...Пролетала гроза... Вот... опять... в полусне... с хором трепетных грез появился Христос и склонился ко мне...

декабрь 1897
Москва

***

Он худ был и бледен... Задумчив и дик. Любил он лишь кошек да змей. Ходила молва, что ужасный старик скакал по ночам меж огней.

Раз ночью его подстерег я – и что ж? – Я болен, я грустен, я сед! Вонзилась тревога мне в сердце, как нож. Наскучил с той ночи мне свет.

Я видел, как в полночь из саду толпой сползалося множество змей. Я видел – приникнув седой головой к чудовищам, плакал кощей... Да плакал... А даль озаряла луна; свет верхи дерев серебрил....

Вот... что-то мелькнуло в саду близ окна – и в ужасе старец вскочил.....

...Разлился везде розовеющий свет. Промчалось: не кошмар то был: я слышал, как старец в туманный рассвет все плакал и жалобно ныл...

Исчезли поганые змеи в окне; и сгинули Мраки в углу. Я плакал: я слышал, как в утреннем сне метался старик на полу.

С тех пор раздражает меня блеск луны и парк, залитой серебром, и шепот деревьев среди тишины, и ужас, подернутый сном.

февраль 1898
Москва

***

Утро. Зарею горят небеса.
Вдаль протянулись леса.

Келья в лесу. Гроб тесовый стоит.
Схимник скончался и спит.

Кто-то Незримый читает над ним.
Кем-то он сильно любим.

Кто-то склонился и шепчет: «Тебя
Ждет красота бытия».

Ангел над лесом трубит и поет
И так протяжно зовет.

Схимник во сне просиял. Сам Христос
Гроб его к небу понес.

Дальше и дальше летят от земли...
Синее небо вдали...

Утро. Зарею горят небеса.
Вдаль протянулись леса.

март 1898
Москва

БЛОК
Александр Александрович

1. Родился 16 (28 н. ст.) ноября 1880 г., умер 7 августа 1921 г. в возрасте ок. 41 года.

2. Получил прекрасное домашнее воспитание и образование. Сочинять стихи начал очень рано. Много читал (В. Жуковского, А. Пушкина и др.), но более всего (особенно в юности и ранней молодости) любил стихи Ф. Тютчева, А. Фета, Ап. Григорьева (которого А. Блок впоследствии откроет для читателя), Я. Полонского. Первые стихи не сохранились. А. Блок сам установил начало своего серьезного творчества – 1898 г.

Первые публикации:

Из посвящений: I–X // Новый путь (СПб.). 1903. № 3 (первое появление в печати);

[Стихотворения] // Стихотворения студентов Императорского Санкт-Петербургского университета : сб. / под ред. Б. В. Никольского. СПб., 1903. 268 с. 1500 экз. (ранняя публикация);

Стихи о Прекрасной Даме. М., 1905. 135 с. 1200 экз. (первая книга).

3. Из ранних стихотворений:

***

Пусть светит месяц – ночь темна.
Пусть жизнь приносит людям счастье, –
В моей душе любви весна
Не сменит бурного ненастья.
Ночь распростерлась надо мной
И отвечает мертвым взглядом
На тусклый взор души больной,
Облитой острым, сладким ядом.
И тщетно, страсти затая,
В холодной мгле передрассветной

Среди толпы блуждаю я
С одной лишь думою заветной:
Пусть светит месяц – ночь темна.
Пусть жизнь приносит людям счастье, –
В моей душе любви весна
Не сменит бурного ненастья.

январь 1898
С.-Петербург

***

И. Гуну

Ты много жил, я больше пел...
Ты испытал и жизнь и горе,
Ко мне незримый дух слетел,
Открывший полных звуков море...

Твоя душа уже в цепях;
Ее коснулись вихрь и бури;
Моя – вольна: так тонкий прах
По ветру носится в лазури.

Мой друг, я чувствую давно,
Что скоро жизнь меня коснется...
Но сердце в землю снесено
И никогда не встрепенется!

Когда устанем на пути,
И нас покроет смрад туманный,
Ты отдохнуть ко мне приди,
А я – к тебе, мой друг желанный!

весна 1898

***

Муза в уборе весны постучалась к поэту,
Сумраком ночи покрыта, шептала неясные речи;
Благоухали цветов лепестки, занесенные ветром
К ложу земного царя и посланницы неба;
С первой денницей взлетев, положила она, отлетая,
Желтую розу на темных кудрях человека:

Пусть разрушается тело – душа пролетит над пустыней,
Будешь навеки печален и юн, обрученный с богиней.

май 1898

***

Я ношусь во мраке, в ледяной пустыне.
Где-то месяц светит? Где-то светит солнце?
Вон вдали блеснула ясная зарница,
Вспыхнула – погасла, не видать во мраке,
Только сердце чует дальний отголосок
Грянувшего грома, лишь в глазах мелькает
Дальний свет угасший, вспыхнувший мгновенно,
Как в ночном тумане вспыхивают звезды...
И опять – во мраке, в ледяной пустыне...
Где-то светит месяц? Где-то солнце светит?
Только месяц выйдет – выйдет, не обманет,
Только солнце встанет – сердце солнце встретит!..

июль 1898

***

Полный месяц встал над лугом
Неизменным дивным кругом,
Светит и молчит.
Бледный, бледный луг цветущий,
Мрак ночной, по нем ползущий,
Отдыхает, спит.
Жутко выйти на дорогу:
Непонятная тревога
Под луной царит.
Хоть и знаешь: утром рано
Солнце выйдет из тумана,
Поле озарит,
И тогда пройдешь тропинкой,
Где под каждою былинкой
Жизнь кипит.

21 июля 1898
с. Шахматово

МОЕЙ МАТЕРИ

Друг, посмотри, как в равнине небесной
Дымные тучки плывут под луной,
Видишь, прорезал эфир бестелесный
Свет ее бледный, бездушный, пустой?

Полно смотреть в это звездное море,
Полно стремиться к холодной луне!
Мало ли счастья в житейском просторе?
Мало ли жару в сердечном огне?

Месяц холодный тебе не ответит,
Звезд отдаленных достигнуть нет сил...
Холод могильный везде тебя встретит
В дальней стране безотрадных светил...

июль 1898

***

Она молода и прекрасна была
И чистой мадонной осталась,
Как зеркало речки спокойной, светла.
Как сердце мое разрывалось!..
Она беззаботна, как синяя даль,
Как лебедь уснувший, казалась;
Кто знает, быть может, была и печаль...
Как сердце мое разрывалось!..
Когда же мне пела она про любовь,
То песня в душе отзывалась,
Но страсти не ведала пылкая кровь...
Как сердце мое разрывалось!..

27 июля 1898

САДОВСКО́Й
Борис Александрович
(наст. фам. САДОВСКИЙ)

1. Родился 10 (22 н. ст.) февраля 1881 г., умер 5 марта 1952 г. в возрасте 71 года.

2. Получил прекрасное домашнее воспитание и образование. Учился в Нижегородском дворянском институте Александра II, в Нижегородской гимназии (при наличии огромных способностей учился плохо, так как не занимался систематически). В 1902 г. поступил в Московский университет, который оставил в 1911 г. Писать начал рано, но, строго относясь к своим опусам, юношеских стихов не публиковал.

Первые публикации:

Иоанн Грозный : баллада // Волгарь. 1901. 6 янв. (первое появление в печати);

Позднее утро: стихотворения, 1904–1908. М., 1909. 88 с. 600 экз. (первая книга).

3. Первое опубликованное стихотворение:

ИОАНН ГРОЗНЫЙ

Баллада

Окончен пир. За слободою
Погасла майская заря,
И всё объято тишиною
В палатах Грозного царя.
Спокойно дремлет сад тенистый,
Широкий пруд заснул давно,
И только месяц серебристый
В резное смотрится окно,
Да соловей, не умолкая,
В саду рокочет и поет,
А звезды сыплются, мигая,
И месяц медленно плывет.

Лишь царь не спит. Тяжелой думой
Владыки сердце стеснено,
Лампады отблеском угрюмым
Его лицо озарено.
Орлиный нос, густые брови,
Тревожно сжатые уста...
Иль жаждет казней он и крови?
Иль ждет прощения Христа?
Иль снова думы об измене,
О доле тягостной своей?..
Сильней в саду ложатся тени,
И громче свищет соловей.

Царь встал. Он тихо в сад выходит,
Звеня узорчатым жезлом,
По каменным ступеням сходит,
Между дерев в раздумьи бродит
И долго думает... О чем?
Чтоб быть ему владыкой царства,
Судьей народу своему,
Сразить надменное боярство
И Русью править одному.
«Добра народу я желаю,
Его врагов уничтожаю,
Но кто видал – терзая их,
Как сердцем я скорблю о них?
Я человек... прости, о Боже,
Меня, злодея и раба.
Я слаб и немощен... За что же
На трон взвела меня судьба?..»
Так Грозный царь молился страстно,
Роняя слезы на песок,
А между тем каймою ясной
Уж озаряется восток.
Вот ветерок прошел, играя,
Чуть тронул сонные листы
И полетел, перебегая,
От пруда в сад, с кустов в кусты.
Листы черемухи цветущей
Царя порой, лаская, бьют;

Лепечет ключ в саду бегущий,
А соловьи поют, поют...
Певцы весны! Сильнее пойте,
Пока не занялась заря,
И нежной песней успокойте
Тревогу Грозного царя.

1901

ВАСИЛИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ РОЗАНОВУ

Ты речью нервною, и страстной, и живой
Миришь земную жизнь с гармонией небесной.
Весь чудный божий мир открыт перед тобой,
Сверкая синею и вечно-юной бездной...

Мне чудится в штрихах хрустального резца,
В запутанных словах несвязных разговоров
Пророка пылкий зов, раздумье мудреца
И жгучая тоска неразрешенных споров.

Ты бескорыстный страж родного рубежа,
Таинственной зари передрассветный гений...
Как жадно рвешься ты, волнуясь и дрожа,
Нам поверять тоску грядущих поколений!

1903

***

Бежим! Едва в лазури пенной
Крылом встрепещут паруса,
В себе заслышим мы мгновенно
Иных восторгов голоса.

Под ропот волн, победно-дружный,
Исчезнет сумрачный обман
И в пряном блеске ночи южной
Предстанет нам великий Пан.

На мачтах, на корме, на трапах
Развесит он гирлянды роз,
И будет волн соленый запах
Лелеять прядь твоих волос.

Бежим, пока в душе есть грезы
И юность длится майским сном, –
Всё песни, песни, розы, розы
И даль безбрежная кругом!

1904

КОМАРОВСКИЙ
Василий Алексеевич

1. Родился 21 марта (2 апреля н. ст.) 1881 г., умер 9 сентября (21 сентября н. ст.) 1914 г. на 24-м году жизни.

2. Получил превосходное домашнее воспитание и образование. С детства страдал тяжелым нервным заболеванием (мать поэта Александра Васильевна умерла в 1904 г. в частной клинике для душевнобольных). Окончил Катковский лицей (Санкт-Петербург), затем поступил в 1900 г. в Петербургский университет. В юности и отрочестве увлекся чтением (Макиавелли, Данте, Байрон, Лукреций, Руссо, Паскаль, Ларошфуко, Вольтер, Чаадаев и др. – см. поэму В. Комаровского «Ракша» [Ракша – Безобразова]). Сочинять начал рано, еще в детстве (тексты ранних стихотворений не сохранились).

Первые публикации:

[Стихотворения] // Лит. альманах. СПб., 1912. 168 с. 1000 экз. (первое появление в печати);

Первая пристань : стихи. СПб., 1913. 84 с. (первая и единственная прижизненная книга).

3. Стихотворения, открывающие книгу «Первая пристань» и собрания сочинений:

***

Аполлинарии Владимировне
Коссиковской

Сад сегодня тихой дрожью
И туманом весь окутан,
Вялый лист к его подножью
Обронен и перепутан.

Он шумит, шумит широко,
Лес дубовый, лес соседний.
Как печальна, как глубока,
Эта песнь в тоске последней.

Милый друг уехал в поле,
За волками, наудачу.
Я гадаю поневоле...
Ну а вечером – поплачу.

1903

***

Тишиною, умершей зарею,
Еще полн успокоенный дом.
И серебряно-светлой порою
Ночь приходит, и меркнет кругом.

Выхожу и стою у порога.
Мне дышать холодно и легко.
Снег синеет. Темнеет дорога.
И деревья молчат глубоко.

Вижу – тают последние тени
У сиренево-сизых берез.
Дар ненужный – смотрю – на ступени
Ветер черные сучья принес.

И над садом, я вижу небрежно,
Поднялась и стоит, как тогда,
И глядит, одиноко и нежно,
Голубая, живая звезда.

1905

***

Из сизых туч, летевших мимо,
И из созвездий без числа,
О призрак с взглядом серафима,
О ночь, – ты мантию несла!

Я видел: пьяными волнами
Все море потемнело вдруг.
Расплавленными ступенями
Упало солнце в мертвый круг.

В долине смутной и вечерней
Стонало что-то. Кто-то звал.

Она спускалась все безмерней
На выси огненные скал.

И с моря двинулась прохлада,
И скоро день совсем потух.
В пыли мелькающее стадо
Усталое, загнал пастух.

Тверди случайную молитву
И вежды сонные смежай.
А завтра гаснущую битву,
Безумец, первый продолжай!

1906

РАССВЕТ

Ты посмотрел. Поля блаженны.
И ясен ястреба полет.
И запоздалый, и смятенный,
Туман к лощинам припадет.

Смотрел ты, огненный и ранний,
И лезвием горит река.
Блестят отточенные грани,
Летят и блещут облака.

Сверкает праздник колокольный
Над травами росистых нег.
И зверь ночной, лесной и дольный,
Хоронит хищный свой набег.

Потухших снов мне было мало.
Поющих – и забытых слов.
Пусть это пламя ликовало
С своих сафирных берегов.

Веселый блеск, движенье пятен
На этих солнечных ветвях,
Весь мир, – он не был мне понятен
В своих звенящих зеленях.

1907

КЛЮЕВ
Николай Алексеевич

1. Родился 10 (22 н. ст.) октября 1884 г., умер (расстрелян) 23–25 октября 1937 г. в возрасте 53 лет.

2. Получил (от матери, старообрядки) домашнее религиозное образование и религиозно-нравственное воспитание. По словам поэта, к матери восходят истоки его стихотворного и вообще литературного дара. (Н. Клюев утверждал: «Тысячи стихов, моих или тех поэтов, которых я знаю в России, не стоят одного распевца моей светлой матери».)

По совету матери шестнадцати лет от роду юноша уходит в Соловки «спасаться» – на выучку к старцам, где надевает девятифунтовые вериги. Затем поэт странствует по монастырям и раскольничьим скитам. В то время Н. Клюев становится «слагателем радельных песен» (в возрасте ок. 16 лет).

Первые публикации:

«Не сбылись радужные грезы...»; «Широко необъятное поле...» // Новые поэты : альманах. 2-е изд. СПб., 1904. 90 с. 1000 экз. (первое появление в печати);

Сосен перезвон / предисл. В. Брюсова. М., 1912. 79 с. (первая книга).

3. Из ранних «светских» стихотворений, обычно открывающих собрание сочинений:

***

Не сбылись радужные грезы,
Поблекли юности цветы;
Остались мне одни лишь слезы
И о былом одни мечты.

Погибли юные стремленья,
Все идеалы красоты,
И тщетно жду их возрожденья
Среди житейской суеты.

В лесу густом, под сводом неба
Отрадней было бы мне жить,
Чем меж людей, лишь ради хлеба
Оковы рабские носить.

Мне нужно вновь переродиться,
Чтоб жить, как все, – среди страстей.
Я не могу душой сродниться
С содомской злобою людей.

Светила мудрости, науки,
Вы разрешите мне вопрос:
Когда окончатся все муки
И на земле не будет слез?

Когда наступит день отрадный,
Не будет литься больше кровь,
И в нашу жизнь, как свет лампадный,
Прольется чистая любовь?

1904

***

Широко необъятное поле,
А за ним чуть синеющий лес!
Я опять на просторе, на воле
И любуюсь красою небес.

В этом царстве зеленом природы
Не увидишь рыданий и слез;
Только в редкие дни непогоды
Ветер стонет меж сучьев берез.

Не найдешь здесь душой пресыщенной
Пьяных оргий, продажной любви,
Не увидишь толпы развращенной
С затаенным проклятьем в груди.

Здесь иной мир – покоя, отрады,
Нет суетных волнений души;
Жизнь тиха здесь, как пламя лампады,
Не колеблемой ветром в тиши.

1904

ПРОСНИСЬ!

Проснись, проснись!.. Минула ночь,
Исчезли пенные туманы,
И на прохладные поляны,
На изумрудные леса
Глядят с улыбкой небеса...
Проснись! Усталость превозмочь
Ты должен в праздник воскресенья,
В великий праздник обновленья –
Из сердца злобу вырвать прочь!..

1905

***

«Безответным рабом
Я в могилу сойду,
Под сосновым крестом
Свою долю найду».

Эту песню певал
Мой страдалец-отец
И по смерть завещал
Допевать мне конец.

Но не стоном отцов
Моя песнь прозвучит,
А раскатом громов
Над землей пролетит.

Не безгласным рабом,
Проклиная житье,
А свободным орлом
Допою я ее.

1905

ПАРНОК
София Яковлевна
(наст. фам. ПАРНОХ)

1. Родилась 30 июля (11 августа н. ст.) 1885 г., умерла 26 августа 1933 г. в возрасте 48 лет.

2. Получила хорошее домашнее воспитание и образование в семье медиков. В 1903 или 1904 г. окончила с золотой медалью Мариинскую гимназию в Таганроге. Стихи начала писать в детстве (сохранилась небольшая часть текстов, сочиненных в старших классах).

Первые публикации:

Осенний сад : [стихотворение] // Народная весть (СПб.). 1906. № 1 (первое появление в печати);

Стихотворения. М., 1916. 77 с. 550 экз. (первая книга).

3. Одно из первых стихотворений гимназической поры:

***

Вот, точно цапля молодая,
Рожнова, глазки прикрывая,
Все к Парнох шепчет, чуть дыша:
«Взгляни! Как жизнь-то хороша!»

А та, серьезная не в меру,
Ей отвечает мудрено:
«Жизнь хороша, но атмосферу
Мне здесь постичь не суждено».

Стихотворения, открывающие собрание сочинений:

***

Если узнаешь, что ты другом упрямым отринут,
Если узнаешь, что лук Эроса не был тугим,
Что нецелованный рот не твоим лобзаньем раздвинут,
И, несговорчив с тобой, алый уступчив с другим,

Если в пустыню сады преобразила утрата, –
Пальцем рассеянным все ж лирные струны задень:
В горести вспомни, поэт, ты слова латинского брата:
«Все же промчится скорей песней обманутый день».

1912

***

Да, я одна. В час расставания
Сиротство ты душе предрек.
Одна, как в первый день создания
Во всей вселенной человек!

Но, что сулил ты в гневе суетном,
То суждено не мне одной, –
Не о сиротстве ль повествуют нам
Признанья тех, кто чист душой?

И в том нет высшего, нет лучшего,
Кто раз, хотя бы раз, скорбя,
Не вздрогнул бы от строчки Тютчева:
«Другому как понять тебя?»

1913

ХЛЕБНИКОВ
Велимир
(наст. имя ХЛЕБНИКОВ Виктор Владимирович)

1. Родился 28 октября (9 сентября н. ст.) 1885 г., умер 28 июня 1922 г. на 37-м году жизни.

2. Жизнь и судьба В. Хлебникова подверглись натиску двойной мифологизации: литературной, читательской, и авторской, когда автомиф разрастался и усиливался действительно экстраординарным (и экстремальным) образом жизни «истинного поэта», его небывалым творческим поведением и величием замыслов. Главный из них – создание нового языка, сопутствующие главному – создание креолизованных текстов, совмещающих в себе гармонично и «естественно» абсолютно разные семиотические системы – от искусственных до омертвевших. По словам самого поэта, стихи он писал и пишет всегда: и до рождения, и при жизни, и после смерти. «Степное детство»; синтез прочитанного, реального и воображаемого миров; фрагментарное образование (автодидакт абсолютный) и постоянное генерирование идей и концепций, а также не менее фрагментарные (он и читал-то стихи вслух чаще не до конца) тексты, требующие аддитивности (дополняемости, додумывания, дорасшифровки), – вот еще один, теперь уже наш миф о поэте.

Первые публикации:

[Стихотворения] // Садок судей : альманах (СПб.). 1910. Вып. 1. 131 с. 300 экз. (первое появление в печати);

Учитель и ученик: Разговор. Херсон, 1912. 13 с. (первая книга);

Ряв; Перчатки: 1908–1914 гг. СПб., 1914. 30 с. (первая книга стихов).

3. Одно из первых стихотворений:

ПТИЧКА В КЛЕТКЕ

О чем поешь ты, птичка в клетке?
О том ли, как попалась в сетку?
Как гнездышко ты ви́ла?

Как тебя с подружкой клетка разлучила?
Или о счастии твоем
В милом гнездышке своем?
Или как мушек ты ловила
И их деткам носила?
О свободе ли, лесах,
О высоких ли холмах,
О лугах ли зеленых,
О полях ли просторных?
Скучно бедняжке на жердочке сидеть
И из оконца на солнце глядеть.
В солнечные дни ты купаешься,
Песней чудной заливаешься,
Старое вспоминаешь,
Свое горе забываешь,
Семечки клюешь,
Жадно водичку пьешь.

6 апреля 1897

Из ранних стихотворений:

***

Странник, ты видел,
Как конь иногда,
Замученный, дико оком поводя,
На тихую поверхность вод голубых
Пену ронял?
Ты знаешь, что кони
В страдании и муках
Пеною плачут? Слез у них нет.
Странник, взгляни вон на то облако,
Чернеющее, с разорванными краями,
Одно на лазури небес.
Знай – это земля уронила
На лазурные воды небес
В миг страдания, – миг падения под ярмом судьбы,
Ту пену уронила,
В миг, когда проклятье с уст кротких
Дерзко сорваться готово...

Так говорил седовласый араб,
На камне – ровеснике мира – сидя
И посохом ручья тревожа многоструйный бег.

1904

***

На ветке
Сидели птица гнева
И птица любви.
И опустилась на ветку
Птица спокойствия.
И с клекотом
Поднялась птица гнева.
А за ней поднялась птица
Любви.

1905–1906

***

Мирооси данник звездный,
Я омчусь, как колесо,
Пролетая в миг над бездной,
Задевая краем бездны,
Я учусь словесо.

1907

ГРОБАТАЯ ЯВЬ

– Будрое дитя, мови:
Когда будешь червивым мешком,
Мешком туго завязанным,
Полным до краев?
– Буду любимцем звезд!
Буду, балуя, править
Звездной конницей сполохогривой.
Поклонимся, в знак внимания,
До пояса
Будрому дитяти!

1907

ГУМИЛЕВ
Николай Степанович

1. Родился 3 (15 н. ст.) марта 1886 г., умер (расстрелян) 25 августа 1921 г. на 36-м году жизни.

2. В младенчестве перевезен из Кронштадта в Царское Село, где получил прекрасное домашнее воспитание и образование. Там же окончил гимназию, там же произошла встреча с гимназисткой Анной Горенко (Ахматовой). Директором гимназии был поэт Иннокентий Анненский, которому юный Н. Гумилев показывал свои стихи. В 1900 г. семья переезжает на Кавказ (учеба в тифлисской гимназии), который возбудил в юном стихотворце интерес к экзотике. Писать стихи начал рано.

Первые публикации:

«Я в лес бежал из городов...» : [стихотворение] // Тифлис. листок. 1902. 8 сент. (первое появление в печати);

Путь конквистадоров : стихи. СПб., 1905 (изд. автора). 76 с. 300 экз. (первая книга).

3. Первое опубликованное стихотворение:

***

Я в лес бежал из городов,
В пустыню от людей бежал...
Теперь молиться я готов,
Рыдать, как прежде не рыдал.

Вот я один с самим собой...
Пора, пора мне отдохнуть:
Свет беспощадный, свет слепой
Мой выпил мозг, мне выжег грудь.

Я грешник страшный, я злодей:
Мне Бог бороться силы дал,
Любил я правду и людей,
Но растоптал я идеал...

Я мог бороться, но, как раб,
Позорно струсив, отступил
И, говоря: «Увы, я слаб!» –
Свои стремленья задавил...

Я грешник страшный, я злодей...
Прости, Господь, прости меня.
Душе измученной моей
Прости, раскаянье ценя!..

Есть люди с пламенной душой,
Есть люди с жаждою добра,
Ты им вручи свой стяг святой.
Их манит и влечет борьба.
Меня ж прости!..

1902

Из ранних стихотворений:

АЛЬПИЙСКИЙ СТРЕЛОК

Из Шиллера

С самострелом и стрелами
Через горы и леса
Держит путь стрелок свободный,
Смело глядя в небеса.

Там, где, с высей низвергаясь,
Мутный плещется поток,
Где так жарко греет солнце,
Там царем один стрелок.

И своей стрелою меткой
Он разит издалека.
Лучше денег, лучше власти
Жизнь веселая стрелка.

не позднее 1903

***

Я вечернею порою над заснувшею рекою,
Полон дум необъяснимых, всеми кинутый, брожу.
Точно дух ночной, блуждаю, встречи радостной не знаю,
Одиночества дрожу.

Слышу прошлые мечтанья, и души моей страданья
С новой силой, с новой злобой у меня в груди встают.
С ними я окончил дело, сердце знать их не хотело,
Но они его гнетут.

Нет, довольно мне страданий, больше сладких упований
Не хочу я, и в бесстрастье погрузиться я хочу.
Дайте прошлому забвенье, к настоящему презренье,
И я в небо улечу.

Но напрасны все усилья: тесно связанные крылья
Унести меня не могут с опостылевшей земли.
Как и все мои мечтанья, мои прежние страданья
Позабыться не могли.

не позднее 1903

ХОДАСЕВИЧ
Владислав Фелицианович

1. Родился 16 (28 н. ст.) мая 1886 г., умер 14 июня 1939 г. в возрасте 53 лет.

2. Под руководством матери получил хорошее домашнее религиозно-нравственное воспитание и образование (с акцентом на польскую культуру: отец поэта, польский дворянин, принадлежал одному роду с А. Мицкевичем). В детстве увлекался музыкой, балетом. Учился в Третьей московской гимназии. Первое стихотворение написал в шестилетнем возрасте:

Кого я больше всех люблю?
Ведь всякий знает – Женичку.

Сам поэт констатирует, что его «литературная деятельность началась в 1905 году». Учился в Московском университете, сначала на юридическом, затем на филологическом факультете (см. очерк В. Ф. Ходасевича «Младенчество» и «[Немного о юности]»).

Первые публикации:

[Стихотворения] // Гриф : альманах (М.). 1905. 212 с. 1200 экз. (первое появление в печати);

Молодость: 1-я книга стихов. М., 1908. 62 с. (первая книга).

3. Из ранних стихотворений:

***

Я угасну... Я угасну...
Всё равно... Умру, уйду.
Я скитаюсь здесь напрасно.
Путь далек мне. Я пойду.

Небо низко. Ветер злобен.
Травы вялы. Пал туман.

Призрак счастья тускл и дробен.
Жизнь – томительный обман.

Вы – останьтесь. Вам за мною
Не идти. Туман – глубок.
Я уйду, закроюсь мглою...
Путь неведом и далек...

30 октября 1904

***

Что-то нужно. Что-то нужно...
Я не знаю – что.
В темноте прижаться дружно?
Нет, не то, не то.

Знаю, там, за тесным кругом,
Что-то ждет меня.
Дух мой, дух мой, будь мне другом,
Дай огня, огня!

Где мы? Где мы? Мрак горячий
Мне спалил лицо...
Я ль, бессильный, я ль, незрячий,
Разомкну кольцо.

Я стою, во мраке скован.
Разорвите мглу!..
Я упал к своим оковам
На сыром полу.

4 ноября 1904

В СУМЕРКАХ

Сумерки снежные. Дали туманные.
Крыши гребнями бегут.
Краски закатные, розово-странные,
Над куполами плывут.

Тихо, так тихо, и грустно, и сладостно.
Смотрят из окон огни...

Звон колокольный вливается благостно...
Плачу, что люди – одни...

Вечно одни, с надоевшими муками,
Так же, как я, как и тот,
Кто утешается грустными звуками,
Там, за стеною,– поет.

5 ноября 1904

***

Схватил я дымный факел мой,
Бежал по городу бездумно,
И искры огненной струей
За мною сыпались бесшумно.

Мелькал по темным площадям,
Стучал по звонким серым плитам,
Бежал к далеким фонарям,
Струистым отсветом повитым.

И я дробил глухую тишь,
И в уши мне врывался ветер.
Ты, город черный, мертво спишь,
А я живу – последний вечер.

Бегу туда, за твой предел,
К пустым полям и к чахлым травам,
Где мглистый воздух онемел
Под лунным отблеском кровавым.

Я всколыхну речной покой,
С разбега прыгну в глубь немую,
Сомкнутся волны надо мной,
И факел мой потушат струи.

И тихо факел поплывет,
Холодный, черный, обгорелый...
Его волна к земле прибьет,
Его омоет пеной белой...

7 ноября 1904

БАЛ

Г. Ярхо

Я шел по скользкому паркету,
Вдыхал искусственность духов,
Искал «ее». Вон ту? Вот эту?
Не знаю. Думал, что цветов!

Искал – ее. Хотел – желанья.
Ненужной ласки. Новизны.
Быть может – муки ожиданья?
Не знаю сам. То были сны.

Я так устал, все были близки
И так доступны. Я устал.
Мои желанья были низки?
Не знаю. Пусть. Ведь это – бал.

9 ноября 1904

ПРОКЛЯТЫЙ

Проклятый кем-то, взрос я в зыбях
Мечты не знающей души.
В моих глазах, свинцово-рыбьих,
Залег туман речной глуши.

Смотрю без радости и гнева,
Не вижу я добра и зла,
Не слышу стройного напева,
Не ведаю – где свет, где мгла.

Когда смотрю в чужие очи,–
Боюсь огня сверкнувших дум...
И я бегу к покрову ночи...
Испуганный, дрожит мой ум.

16 ноября 1904

СЕВЕРЯНИН
Игорь
(наст. имя ЛОТАРЕВ Игорь Васильевич)

1. Родился 4 (16 н. ст.) мая 1887 г., умер 20 декабря 1941 г. на 55-м году жизни.

2. Получил добротное в артистическом отношении домашнее воспитание и образование. С детства любил чтение, оперу, классическую музыку (Доницетти, Беллини, Стравинский, Прокофьев, Чайковский, Вагнер, Массне, Пуччини, Россини и др.). Постоянный посетитель Мариинского театра, Большого зала консерватории (Петербург) и т. д.. С 1896 по 1903 г. жил в Новгородской губернии, в усадьбе «Сойволе». В 1903 г. возвращается в Петербург и начинает рассылать стихи по редакциям (в возрасте 16 лет).

Первые публикации:

К предстоящему выходу портартурской эскадры : [стихотворение]. СПб., 1904. 4 с. 100 экз. (первое появление в печати; в 1904 г. выходят в свет еще две небольшие книжки «Гибель Рюрика» и «Подвиг Новика»);

Громокипящий кубок : поэзы. М., 1913. 148 с. 1000 экз. (первая «полноформатная» книга).

3. Первое стихотворение:

ЗВЕЗДА И ДЕВА

Вот и звезда золотая
Вышла на небо сиять.
Звездочка верно не знает,
Что ей недолго блистать.
Так же и девица красна:
Выйдет на волю гулять.
Вдруг молодец подъезжает, –
И воли ее не видать...

1896

Стихотворения, открывающие книгу «Громокипящий кубок»:

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

Дорогому К. М. Фофанову

Весенний день горяч и золот, –
Весь город солнцем ослеплен!
Я снова – я: я снова молод!
Я снова весел и влюблен!

Душа поет и рвется в поле,
Я всех чужих зову на «ты»...
Какой простор! какая воля!
Какие песни и цветы!

Скорей бы – в бричке по ухабам!
Скорей бы – в юные луга!
Смотреть в лицо румяным бабам,
Как друга, целовать врага!

Шумите, вешние дубравы!
Расти, трава! цвети, сирень!
Виновных нет: все люди правы
В такой благословенный день!

апрель 1911

ВСЕ ПО-СТАРОМУ

– Все по-старому... – сказала нежно:
Все по-старому...
Но смотрел я в очи безнадежно –
Все по-старому...
Улыбалась, мягко целовала –
Все по-старому...
Но чего-то все недоставало –
Все по-старому!..

июль 1909
мыза «Ивановка»

ИЗ ПИСЬМА

Жду не дождусь весны и мая,
Цветов, улыбок и грозы,
Когда потянутся, хромая,
На дачу с мебелью возы!
У старой мельницы, под горкой,
На светлой даче, за столом,
Простясь с своей столичной «норкой»
Вы просветлеете челом.
Как будет весело вам прыгать
То к чахлой лавке, то к пруду,
Детей к обеду звонко кликать,
Шептать кому-то: «Я приду...»
И как забавно до обеда,
Когда так яростны лучи,
Позвать мечтателя-соседа
С собой на дальние ключи...

1911

ПРИМИТИВНЫЙ РОМАНС

Моя ты или нет? Не знаю... не пойму...
Но ты со мной всегда, сама того не зная.
Я завтра напишу угрюмцу твоему,
Чтоб он тебя пустил ко мне, моя родная!

Боюсь, он не поймет; боюсь, осудит он;
Боюсь, тебя чернить он станет подозреньем...
Приди ж ко мне сама! Ты слышишь ли мой стон?
Ты веришь ли тоске и поздним сожаленьям?

Иль нет, – не приходи! и не пиши в ответ!
Лишь будь со мной и впредь, сама того не зная:
Так лучше... так больней... Моя ты или нет?
Но я... я твой всегда, всегда, моя родная!

1912

НАРБУТ
Владимир Иванович

1. Родился 2 (14 н. ст.) апреля 1888 г., умер (погиб в лагере на Колыме) 14 апреля 1938 г. в возрасте 50 лет.

2. Воспитывался в обедневшей дворянской семье (отец – дворянин, мать – дочь священника), на хуторе Нарбутовка; играл во дворе с сельскими детьми. На чердаке старший брат Егор (тайком от отца, выпускника физико-математического факультета Киевского университета) рисовал, а Владимир читал и сочинял стихи. Учился в глуховской гимназии (уездный город Глухов), где была большая библиотека. В 1905–1906 гг. переносит тяжелую болезнь, после которой, по словам поэта, «последовала коренная ломка мира духовного». После выздоровления В. Нарбут остался хромым. Учился на факультете восточных языков Петербургского университета.

Первые публикации:

Соловецкий монастырь // Бог – помочь (СПб.). 1908. № 8 (первое появление в печати);

«Осенний сад, осенний сад...»; Светлый луч // Светлый луч (СПб.). 1908. № 2 (первая поэтическая публикация);

Стихи. СПб., 1910. Кн. 1. 138 с. 1000 экз. (первая книга стихов).

3. Из ранних стихотворений:

***

Заплачу ль, умру ли,
Я знаю: на век от меня ты ушла...
Да как же мне думать – в горячем июле
Загарная бронза круглит купола!..

Забуду ль, узнаю
Опять обманувшее солнце степей?..
И где луговина хрустально-сквозная,
Лесная?.. Разлучную горечь испей...

Я – отроком тихим,
Ты – бледной Царевной,– зашли в монастырь.
Следим жизнь по книгам,
При свечке кровавой – Псалтырь.

Неведомы светлые страсти,
Неведомы нам.
– Малиновой схимой не засти
Июльский путь к гибнущим дням!

1909

ПРИБОЙ

Прибой... Опять, опять прибой!..
На скал иззубренный редут,
Как кони белые, идут
Валы шумящею гурьбой.

Но медно-гулкие зубцы
Несокрушимые стоят,
И мощь владычную таят
Их лиловатые венцы.

И, не дойдя до их границы,
Поникнут волны, гомоня,
И сквозь тяжелые ресницы
Блеснет вдруг в них струя огня...

Вот, как огромные кроты,
Валы вдали уже синеют:
Там – будто шлемы зеленеют,
Там – будто звякают щиты!..

И горький запах соли, маку
Вновь вал безветренный несет...
И мнится: конница в атаку
На белых лошадях идет...

1909

ПОЭТ

Взошел я по уступам горным
Тропою узкою – туда.
Где клекотом орлят минорным
Из надстремнинного гнезда

Была разбужена впервые
Во мне дремавшая душа,
Где призраки, уж неживые,
Воскресли, таинством дыша:

И вот опять душой запевшей
Внемлю я грохоту лавин
И свисту резкому взлетевшей
Орлицы. И во мгле долин

Синеют мягкими крылами
Извилины святой реки.
А выше их – под небесами
Сияют вечными венцами

Все беспристрастней – ледники.

1909

ПАУК-КРЕСТОВИК

Я от потопа носить привык
Оранжевый крест на спине,
Зане я паук-крестовик
И в галерее живу во сне.
Гулкие комнаты дряхлый дом
Давно тишиной ворожит,
А нитки седые крестом
Я растянул под окном – мой скит.
Пальчиком острым весны дитя
Царапнуло нынче в окно,
И солнце в пыли, чуть светя,
Бросило столб, как тогда – давно...
Столб, золотящийся и пустой,
Напомнил и мне о весне,

Когда я на рыхлый застой
Мира взирал, золотясь во сне...
Тело, подобное – и коню,
И радуге, плыло во мглу...
...Сегодня ж слежу я возню
Мух на оконцах, таясь в углу.

1909

ВЕРБНЫЙ ВЕЧЕР

Зеленые влажные стебли
Из церкви выносят,
И стеблями сумерки косят:
Ну, свечку затепли.

Сейчас ты – милей негритенка.
Ну, хрупкою ручкою тонкой
Зажги и – увидишь
Во сне град неведомый Китеж...

1909

АХМАТОВА
Анна Андреевна
(наст. фам. ГОРЕНКО)

1. Родилась 11 (23 н. ст.) июня 1889 г., умерла 5 марта 1966 г. на 77-м году жизни.

2. Получила хорошее домашнее воспитание и образование (в семье дворянина, офицера, отставного инженер-механика флота). Семья жила под Одессой, а когда А. Ахматовой исполнился один год, переехала в Царское Село, однако каждое лето А. Ахматова проводила под Севастополем. Научилась читать (в 4–5 лет) по азбуке Л. Толстого, в пять лет заговорила по-французски. Училась в Царскосельской женской гимназии, затем на юридическом факультете Высших женских курсов в Киеве. В 1910 г. вышла замуж за Н. С. Гумилева.

Стихи начала сочинять в одиннадцатилетнем возрасте.

Первые публикации:

«На руке еще много блестящих колец...» : [стихотворение] // Сириус (Париж). 1907. № 2 (первая поэтическая публикация);

Вечер : стихи. СПб., 1912. 86 с. 300 экз. (первая книга стихотворений).

3. Из ранних стихотворений:

ЛИЛИИ

Я лилий нарвала прекрасных и душистых,
Стыдливо-замкнутых, как дев невинных рой,
С их лепестков, дрожащих и росистых,
Пила я аромат и счастье и покой.

И сердце трепетно сжималось, как от боли,
А бледные цветы качали головой,
И вновь мечтала я о той далекой воле,
О той стране, где я была с тобой...

22 июня 1904
Одесса

***

А. М. Федорову

Над черною бездной с тобою я шла,
Мерцая, зарницы сверкали.
В тот вечер я клад неоценный нашла
В загадочно-трепетной дали.
И песня любви нашей чистой была,
Прозрачнее лунного света,
А черная бездна, проснувшись, ждала
В молчании страсти обета.
Ты нежно-тревожно меня целовал,
Сверкающей грезою полный,
Над бездною ветер, шумя, завывал...
И крест над могилой забытой стоял,
Белея, как призрак безмолвный.

24 июля 1904

***

О, молчи! от волнующих страстных речей
Я в огне и дрожу,
И испуганно нежных очей
Я с тебя не свожу.

О, молчи! в сердце юном моем
Пробудил что-то странное ты.
Жизнь мне кажется дивным загадочным сном,
Где лобзанья–цветы.

Отчего ты так низко нагнулся ко мне,
Что во взоре моем ты прочел,
Отчего я дрожу? отчего я в огне?
Уходи! О, зачем ты пришел.

1904–1905

***

Весенний воздух властно смел
. . . . . .
Из белых роз не свей венок,
Венок душисто-снежных роз,

Ты тоже в мире одинок,
Ненужной жизни тяжесть нес.

1906(?)
Крым

Стихотворение, обычно открывающее собрания сочинений:

ЛЮБОВЬ

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует,
То в инее ярком блеснет,
Почудится в дреме левкоя...
Но верно и тайно ведет
От радости и от покоя.
Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно ее угадать
В еще незнакомой улыбке.

24 ноября 1911
Царское Село

ПАСТЕРНАК
Борис Леонидович

1. Родился 29 января (10 февраля н. ст.) 1890 г., умер 30 мая 1960 г. на 71-м году жизни.

2. Получил отличное воспитание и образование в артистической семье (отец – известный художник, мать – пианистка). С детства находился в атмосфере культуры, насыщенной музыкой, живописью и литературой. Учился на философском отделении историко-филологического факультета Московского университета; над диссертацией работал в Марбурге (Германия).

Юношеские кумиры – Скрябин, Толстой, Рильке. Стихи начал писать в отрочестве – юности.

Первые публикации:

[Стихотворения] // Лирика : альманах. М., 1913. 90 с. 200 экз. (первое появление в печати);

Близнец в тучах : стихи. М., 1914. 48 с. 200 экз. (первая книга);

Клейст Г. Разбитый кувшин : комедия / пер. с нем. Б. Пастернака // Современник (М.). 1915. № 5 (первая публикация переводов);

Il tratto di Apelle // Знамя труда: Временник литературы, искусства и политики (М.). 1918. № 1–2 (первая публикация прозы);

Гете. Тайны / пер. Б. Пастернака. М., 1922. 32 с. (первая книга переводов);

Рассказы. М. ; Л., 1925. 112 с. 3000 экз. (первая книга прозы).

3. Из первых опытов:

***

Сумерки... словно оруженосцы роз,
На которых – их копья и шарфы.
Или сумерки – их менестрель, что врос
С плечами в печаль свою – в арфу.

Сумерки – оруженосцы роз –
Повторят путей их извивы
И, чуть опоздав, отклонят откос
За рыцарскою альмавивой.

Двух иноходцев сменный черед,
На одном только вечер рьяней.
Тот и другой. Их соберет
Ночь в свои тусклые ткани.

Тот и другой. Топчут полынь
Вспышки копыт порыжелых.
Глубже во мглу. Тушит полынь
Сердцебиение тел их.

1909

***

Я в мысль глухую о себе
Ложусь, как в гипсовую маску.
И это – смерть: застыть в судьбе,
В судьбе – формовщика повязке.

Вот слепок. Горько разрешен
Я этой думою о жизни.
Мысль о себе – как капюшон,
Чернеет на весне капризной.

1910

***

Рванувшейся земли педаль,
Твоей лишившаяся тайны,
Как мельниц машущая даль
В зловещий год неурожайный.

[Как этих мельниц взлет бесцельный,
И смысл предания забыт
О крысолове из Гамельна.]

1910

***

Гримасничающий закат
Глумится над землей голодной.
О, как хохочет вешний чад
Над участью моей безродной.

1910

***

Опять весна в висках стучится,
Снега землею прожжены,
Пустынный вечер, стертый птицей,
Затишьем каплет с вышины.

Опять одною полой, плоской,
Пустою каплей звонят пост,
Опять березовые слезки
Над далью озимы́х борозд.

Всё тишь! Пока лишь чье-то сердце
Безлюдия не полоснет,
Пока заплакавшие дверцы
Не свергнут запустений гнет.

1910

***

Безумный, жадный от бессонниц,
Как пересохшая гортань,
Зрачок приник к земле оконниц,
В порыве изломав герань.

Холодным городом оконце
Забило: захлебнулся зев.
Нет ночи: жгла она, как солнце,
Наведенное на посев.

1910

БЕТХОВЕН МОСТОВЫХ

Какой речистою зарей
В проталинах пылает камень!

Но кто-то в улице – второй
Каменьев задувает пламень.

Так движет иногда полы
Сосед, донесшись из-под бревен,
И вдруг... сонаты кандалы
Повлек по площади Бетховен.

Окно закрыли. Смыт побег.
Одна весна лишь над висками.
Кресты и клики пересек
Филармонический экзамен.

1911(?)

***

Что, если Бог – сорвавшийся кистень,
А быль – изломанной души повязка,
А ты, любовь, распарывая день,
Ослабишь быль и не услышишь хряска.

Иль отречением, ты думаешь, что крепок,
Что властен день и груб и чужд легенд.
Но ты не знаешь: тело – только слепок
Богов, или боготворимых щепок,
Или из Библии исполненный фрагмент.

И помню я, как вечера сличали
С отрытым небом стан твоих одежд.
С тем небом, что откапывают греки.
О, как глумились небеса-калеки
Над тем, что я – один из тех невежд,
Что свергли плоть, что царственней печали.
[Но уж давно, и там, уже вначале,
В начале дней моих.]

1911(?)

МАНДЕЛЬШТАМ
Осип Эмильевич

1. Родился 3 (15 н. ст.) января 1891 г., умер 27 декабря 1938 г. в возрасте почти 47 лет.

2. Воспитывался в еврейской, противоречивой в религиозном, культурном и языковом отношении семье. Ребенок находился под влиянием странного трехъязычия: «иудейский хаос» речи и сознания, городское косноязычие лавочников и литературная великорусская речь (матери) с бедным словарем. Учился в Тенишевском коммерческом училище. Увлекался революцией (1905), очень недолго, а потом уже словесностью – навсегда. Первые стихи пафосно революционные («Синие пики обнимутся с вилами и обагрятся в крови»). Огромное влияние на юного стихотворца оказал символист В. В. Гиппиус, преподававший в училище словесность. В юности совершил три поездки в Европу для лечения и учения (Париж, 1907–1908; Гейдельберг, 1909–1910; Берлин, 1910). Посещает лекции в Петербургском университете (романская филология).

Первые публикации:

«Тянется лесом дороженька пыльная...» [подпись «Фитиль»]; «Среди лесов унылых и заброшенных...» [подпись «О. М.»] // Пробужденная мысль (СПб.). 1907. № 1 (первое появление в печати);

[Стихотворения] // Аполлон (СПб.). 1910. № 9, июль–авг. (литературный дебют);

Рецензия на книгу И. Эренбурга «Одуванчики» (Париж, 1912) [подпись «О. М.»] (первая литературная публикация);

Камень : стихи. СПб., 1913. 34 с. 300 экз. (первая книга стихотворений);

О природе слова. Харьков, 1922. 12 с. 1000 экз. (первая литературоведческая книга);

Холодное лето // Огонек (М.). 1923. № 16 (первая публикация прозы);

Шум времени. Л., 1925. 103 с. 3000 экз. (первая книга прозы).

3. Из ранних стихотворений:

***

Среди лесов, унылых и заброшенных,
Пусть остается хлеб в полях нескошенным!
Мы ждем гостей незваных и непрошенных,
Мы ждем гостей!

Пускай гниют колосья перезрелые!
Они придут на нивы пожелтелые,
И не сносить вам, честные и смелые,
Своих голов!

Они растопчут нивы золотистые,
Они разроют кладбище тенистое,
Потом развяжет их уста нечистые
Кровавый хмель!

Они ворвутся в избы почернелые,
Зажгут пожар, хмельные, озверелые...
Не остановят их седины старца белые,
Ни детский плач!..

Среди лесов, унылых и заброшенных,
Мы оставляем хлеб в полях нескошенным.
Мы ждем гостей незваных и непрошенных,
Своих детей!

1906

***

Тянется лесом дороженька пыльная,
Тихо и пусто вокруг.
Родина, выплакав слезы обильные,
Спит и во сне, как рабыня бессильная,
Ждет неизведанных мук.

Вот задрожали березы плакучие
И встрепенулися вдруг,
Тени легли на дорогу сыпучую:

Что-то ползет, надвигается тучею,
Что-то наводит испуг...

С гордой осанкою, с лицами сытыми...
Ноги торчат в стременах.
Серую пыль поднимают копытами
И колеи оставляют изрытыми...
Все на холеных конях.

Нет им конца. Заостренными пиками
В солнечном свете пестрят.
Воздух наполнили песней и криками,
И огоньками звериными, дикими
Черные очи горят...

Прочь! Не тревожьте поддельным веселием
Мертвого, рабского сна.
Скоро порадуют вас новоселием,
Хлебом и солью, крестьянским изделием...
Крепче нажать стремена!

Скоро столкнется с звериными силами
Дело великой любви!
Скоро покроется поле могилами,
Синие пики обнимутся с вилами
И обагрятся в крови!

1906

***

О красавица Сайма, ты лодку мою колыхала,
Колыхала мой челн, челн подвижный, игривый и острый.
В водном плеске душа колыбельную негу слыхала,
И поодаль стояли пустынные скалы, как сестры.
Отовсюду звучала старинная песнь – Калевала:
Песнь железа и камня о скорбном порыве Титана.
И песчаная отмель – добыча вечернего вала,
Как невеста, белела на пурпуре водного стана.
Как от пьяного солнца бесшумные падали стрелы
И на дно опускались и тихое дно зажигали;
Как с небесного древа клонилось, как плод перезрелый,
Слишком яркое солнце, и первые звезды мигали;

Я причалил и вышел на берег седой и кудрявый;
И не знаю, как долго, не знаю, кому я молился...
Неоглядная Сайма струилась потоками лавы.
Белый пар над водою тихонько вставал и клубился.

1908

***

Мой тихий сон, мой сон ежеминутный –
Невидимый, завороженный лес,
Где носится какой-то шорох смутный,
Как дивный шелест шелковых завес.

В безумных встречах и туманных спорах
На перекрестке удивленных глаз
Невидимый и непонятный шорох
Под пеплом вспыхнул и уже погас.

И как туманом одевает лица,
И слово замирает на устах,
И кажется – испуганная птица
Метнулась в вечереющих кустах.

1908(?)

***

Из полутемной залы, вдруг,
Ты выскользнула в легкой шали –
Мы никому не помешали,
Мы не будили спящих слуг...

1908

***

В морозном воздухе растаял легкий дым,
И я, печальною свободою томим,
Хотел бы вознестись в холодном, тихом гимне.
Исчезнуть навсегда... Но суждено идти мне
По снежной улице в вечерний этот час –
Собачий слышен лай, и запад не погас,
И попадаются прохожие навстречу.
Не говори со мной – что я тебе отвечу?

1909

***

Истончается тонкий тлен,–
Фиолетовый гобелен,

К нам – на воды и на леса –
Опускаются небеса.

Нерешительная рука
Эти вывела облака,

И печальный встречает взор
Отуманенный их узор.

Недоволен стою и тих
Я, создатель миров моих –

Где искусственны небеса
И хрустальная спит роса.

1909

***

Ты улыбаешься кому,
О путешественник веселый,
Тебе неведомые долы
Благословляешь почему?

Никто тебя не проведет
По зеленеющим долинам
И рокотаньем соловьиным
Никто тебя не позовет,–

Когда, закутанный плащом,
Не согревающим, но милым,
К повелевающим светилам
Смиренным возлетишь лучом.

1909

Стихотворения, которыми обычно открываются собрания сочинений:

***

Звук осторожный и глухой
Плода, сорвавшегося с древа,
Среди немолчного напева
Глубокой тишины лесной...

1908

***

Сусальным золотом горят
В лесах рождественские елки;
В кустах игрушечные волки
Глазами страшными глядят.

О, вещая моя печаль,
О, тихая моя свобода
И неживого небосвода
Всегда смеющийся хрусталь!

1908

***

Только детские книги читать,
Только детские думы лелеять,
Всё большое далёко развеять,
Из глубокой печали восстать.

Я от жизни смертельно устал,
Ничего от нее не приемлю,
Но люблю мою бедную землю
Оттого, что иной не видал.

Я качался в далеком саду
На простой деревянной качели,
И высокие темные ели
Вспоминаю в туманном бреду.

1908

АДАМОВИЧ
Георгий Викторович

1. Родился 7 (19 н. ст.) апреля 1892 г., умер 21 февраля 1972 г. в возрасте 79 лет.

2. Получил хорошее домашнее воспитание и образование в семье военного (отец в момент рождения Георгия, младшего сына от второй жены, полковник, в 1898 г. – генерал). В 1902 г. поступил во 2-ю московскую гимназию. В 1903 г. умирает отец, и семья переезжает в Петербург. Георгий Адамович поступает в 1-ю петербургскую гимназию. В 1910 г. становится студентом историко-филологического факультета Петербургского университета. В кафе «Бродячая собака» знакомится с Н. Гумилевым, О. Мандельштамом, А. Ахматовой и другими поэтами. Стихи начал сочинять в отрочестве.

Первые публикации:

Элегия // Зеленый цветок : альманах. 1915. 64 с. 600 экз. (первое появление в печати);

Облака : стихи. Пг., 1916. 43 с. 600 экз. (первая книга стихотворений).

3. Из ранних стихотворений:

АННЕ АХМАТОВОЙ

По утрам свободный и верный,
Колдовства ненавижу твои,
Голубую от дыма таверну
И томительные стихи.
Вот пришла, вошла на эстраду,
Незнакомые пела слова,
И у всех от мутного яда
Отуманилась голова.
Будто мы, изнуренные скукой,
Задохнувшись в дымной пыли,
На тупую и стыдную муку
Богородицу привели.

1914

БАЛТИЙСКИЙ ВЕТЕР

I

Был светлый и холодный день,
И солнце неспокойно билось,
Над нашим городом носилась
Печалью раненая тень.
Нет, солнца не было. Дрожа
Под лужами, тускнели плиты,
Металась дикая Нева
В тисках тяжелого гранита;
Как странно падали слова:
«Я видела его убитым».
И черный вуаль открыл глаза,
Не искаженные слезами,
На миг над невскими волнами
Вам смерть казалась так легка.
И лишь в лохмотьях облака
Растерянно неслись над нами.

II

Тяжкий гул принесли издалека
Осветившие землю огни,
Молчаливым и нежным упреком
Ты следишь мои сонные дни.
Где-то там и ликуют, и плачут,
Славословят смертельный бой,
Задыхаясь валькирии скачут
В облаках веселой толпой.
И поет о томлении плена
Тихоструйного Рейна волна,
И опять на покинутых стенах
Ярославна тоскует одна.
Знаю все. Но молчи и не требуй
Ни тревоги, ни веры своей,
Я живу... Вот река и небо,
И дыхание белых полей.

ок. 1914

Стихотворения, открывающие книгу «Облака» (1916):

***

Вот так всегда, – скучаю и смотрю
На золотую, бледную зарю.

Мне утешений нет. И я не болен, –
Я вижу облако и ветер в поле.

Но облако, что парус, уплывет,
И ветер, улетая, позовет:

«Вон там Китай, пустыни и бананы,
Высоким солнцем выжженные страны».

И это жизнь! И эти кружева
Мне заменяют бледные слова,

Что слушал я когда-то, вечерами,
Там, над закатами, над облаками!

Но не могу я вспомнить тишины,
Той боли, и полета, и весны.

***

Скоро день. И как упрямо
Волны держат пароход.
Ветерок от Валаама
Звон малиновый несет.

Скоро в путь. А путь не страшен, –
Ведь по ладожским волнам
Мимо деревень и пашен
К синим, ясным куполам.

Тонкий звон, звени и падай,
Чтоб не потерять пути,
Помоги, Врагиня ада,
От лукавого уйти!

Сладок воздух, тесны кельи,
На траве медведь лежит!
Празднуй, празднуй новоселье
Убегающий во скит!

ЦВЕТАЕВА
Марина Ивановна

1. Родилась 26 сентября (8 октября н. ст.) 1892 г., умерла (самоубийство) 31 августа 1941 г. на 49-м году жизни.

2. Получила прекрасное домашнее воспитание и образование. Была страстным книгочеем. Увлекалась Э. Ростаном, К. Бальмонтом и В. Брюсовым, однако даже в первых своих стихах избежала вообще каких-либо влияний и подражаний. В ранней юности глубоко и органично освоила и усвоила психологию и поэтику западноевропейского искусства (особенно немецкого и французского) и с этого времени оставалась вне литературных школ, групп и направлений (символизм, акмеизм и т. д.). Уже в ранних стихах М. Цветаева предельно пряма и эгоцентрична.

Первые публикации:

Вечерний альбом : стихи. М., 1910. 125 с. 500 экз. (первое появление в печати; первая книга стихотворений).

3. Из ранних (юношеских) стихотворений:

***

Не смейтесь вы над юным поколеньем!
Вы не поймете никогда,
Как можно жить одним стремленьем,
Лишь жаждой воли и добра...

Вы не поймете, как пылает
Отвагой бранной грудь бойца,
Как свято отрок умирает,
Девизу верный до конца!
. . . . . .

Так не зовите их домой
И не мешайте их стремленьям, –
Ведь каждый из бойцов – герой!
Гордитесь юным поколеньем!

1906

МАМЕ

В старом вальсе штраусовском впервые
Мы услышали твой тихий зов,
С той поры нам чужды все живые
И отраден беглый бой часов.

Мы, как ты, приветствуем закаты,
Упиваясь близостью конца.
Все, чем в лучший вечер мы богаты,
Нам тобою вложено в сердца.

К детским снам клонясь неутомимо
(Без тебя лишь месяц в них глядел!),
Ты вела своих малюток мимо
Горькой жизни помыслов и дел.

С ранних лет нам близок, кто печален,
Скучен смех и чужд домашний кров...
Наш корабль не в добрый миг отчален
И плывет по воле всех ветров!

Все бледней лазурный остров – детство,
Мы одни на палубе стоим.
Видно грусть оставила в наследство
Ты, о мама, девочкам своим!

1906–1907

(ОТРЫВОК)

Где-то маятник качался, голоса звучали пьяно.
Преимущество мадеры я доказывал с трудом.
Вдруг заметил я, как в пляске закружилися стаканы,
Вызывающе сверкая ослепительным стеклом.

Что вы, дерзкие, кружитесь, ведь настроен я не кротко.
Я поклонник бога Вакха, я отныне сам не свой.
А в соседней зале пели, и покачивалась лодка,
И смыкались с плеском волны над уставшей головой.

1906–1907

***

Проснулась улица. Глядит, усталая,
Глазами хмурыми немых окон
На лица сонные, от стужи алые,
Что гонят думами упорный сон.
Покрыты инеем деревья черные, –
Следом таинственным забав ночных,
В парче сияющей стоят минорные,
Как будто мертвые среди живых.
Мелькает серое пальто измятое,
Фуражка с венчиком, унылый лик
И руки красные, к ушам прижатые,
И черный фартучек со связкой книг.
Проснулась улица. Глядит, угрюмая,
Глазами хмурыми немых окон.
Уснуть, забыться бы с отрадной думою,
Что жизнь нам грезится, а это – сон!

март 1908

ЛЕСНОЕ ЦАРСТВО

Асе

Ты – принцесса из царства не светского,
Он – твой рыцарь, готовый на все...
О, как много в вас милого, детского,
Как понятно мне счастье твое!

В светлой чаше берез, где просветами
Голубеет сквозь листья вода,
Хорошо обменяться ответами,
Хорошо быть принцессой. О, да!

Тихим вечером, медленно тающим,
Там, где сосны, болото и мхи,
Хорошо над костром догорающим
Говорить о закате стихи;

Возвращаться опасной дорогою
С соучастницей вечной – луной,

Быть принцессой лукавой и строгою
Лунной ночью, дорогой лесной.

Наслаждайтесь весенними звонами,
Милый рыцарь, влюбленный, как паж,
И принцесса с глазами зелеными, –
Этот миг, он короткий, но ваш!

Не смущайтесь словами нетвердыми!
Знайте: молодость, ветер – одно!
Вы сошлись и расстанетесь гордыми,
Если чаши завидится дно.

Хорошо быть красивыми, быстрыми
И, кострами дразня темноту,
Любоваться безумными искрами,
И как искры сгореть – на лету!

лето 1908
Таруса

МАЯКОВСКИЙ
Владимир Владимирович

1. Родился 7 (19 н. ст.) июля 1893 г., умер (застрелился) 14 апреля 1930 г. на 37-м году жизни.

2. Получил хорошее домашнее воспитание и образование в семье багдадского лесничего (село Багдады(-и), Кутаисская губерния, Грузия). В детстве обладал замечательной памятью, в том числе и на стихи (знал наизусть «Евгения Онегина»), но тянулся к технике, электричеству, «цивилизации» (природу считал «вещью несовершенной»). Читать выучился рано и «с удовольствием». Учился в кутаисской гимназии. В отрочестве и юности увлекся революцией и «революционными стихами». В 1906 г. умер отец (скоропостижно, от заражения крови). Семья переехала в Москву. Учился в 5-й московской гимназии (учился очень плохо). В 1907 г. пишет первое стихотворение (не сохранилось). В 1908 г. вступает в РСДРП(б).

Первые публикации:

Ночь; Утро // Пощечина общественному вкусу : сб. М., 1913. 112 с. (первое появление в печати);

Я. М., 1913. 15 л. 300 экз. (первая стихотворная книга).

3. Стихотворение, которое автор считал «первым профессиональным, печатным»:

НОЧЬ

Багровый и белый отброшен и скомкан,
в зеленый бросали горстями дукаты,
а черным ладоням сбежавшихся окон
раздали горящие желтые карты.

Бульварам и площади было не странно
увидеть на зданиях синие тоги.
И раньше бегущим, как желтые раны,
огни обручали браслетами ноги.

Толпа – пестрошерстая быстрая кошка –
плыла, изгибаясь, дверями влекома;
каждый хотел протащить хоть немножко
громаду из смеха отлитого кома.

Я, чувствуя платья зовущие лапы,
в глаза им улыбку протиснул; пугая
ударами в жесть, хохотали арапы,
над лбом расцветивши крыло попугая.

1912

УТРО

Угрюмый дождь скосил глаза.
А за
решеткой
четкой
железной мысли проводов –
перина.
И на
нее
встающих звезд
легко оперлись ноги.
Но ги-
бель фонарей,
царей
в короне газа,
для глаза
сделала больней
враждующий букет бульварных проституток.
И жуток
шуток
клюющий смех –
из желтых
ядовитых роз
возрос
зигзагом.
За гам
и жуть
взглянуть

отрадно глазу:
раба
крестов
страдающе-спокойно-безразличных,
гроба
домов
публичных
восток бросал в одну пылающую вазу.

1912

ПОРТ

Простыни вод под брюхом были.
Их рвал на волны белый зуб.
Был вой трубы – как будто лили
любовь и похоть медью труб.
Прижались лодки в люльках входов
к сосцам железных матерей.
В ушах оглохших пароходов
горели серьги якорей.

1912

ШЕНГЕЛИ
Георгий Аркадьевич

1. Родился 20 апреля (2 мая н. ст.) 1894 г., умер 15 ноября 1956 г. на 63-м году жизни.

2. Получил прекрасное домашнее воспитание и образование под руководством бабушки М. Н. Дыбской (родители рано умерли). Учился в керченской гимназии. В возрасте 15 лет Г. Шенгели начал работать в журналистике (семья жила небогато). Первые стихи написал в 17-летнем возрасте (буквально влюбившись в поэзию Верлена, Бодлера, Верхарна, Готье). Был страстным книгочеем (Ницше, Кант, Спенсер, Шопенгауэр, Фейербах и др.). Прекрасно знал русскую классическую и новейшую поэзию.

Первые публикации:

Розы с кладбищ : поэзы. Керчь, 1914. 60 с. 500 экз. (первая книга стихотворений).

3. Из ранних стихотворений:

БОСФОР КИММЕРИЙСКИЙ

Песчаных взморий белопенный лук,
Солончаковые глухие степи.
И в тусклом золоте сгущенных сепий
Вздымается оплавленный Опук.

Раздавленный базальт, как звенья цепи,
На сланцевых боках означил круг.
Волчцы и терн. И тихо вьет паук
Расчисленную сеть великолепий.

Потоки вздутые остылых лав
Оставили железно-бурый сплав
И пыл свой отдали в недвижный воздух.
И медленный плывет свинцовый зной,
Растягиваясь в колоссальных звездах,
В рубинных радугах над крутизной.

1916

МИКРОКОСМ

Обволокла медовая смола
Жука металло-голубое тело,
И капелька округло отвердела,
И надолго под хвоей залегла.

Волна над новым дном проголубела,
На отмелях прозрачна и светла,
И тенью мимолетного крыла
Легко мутнели в ней чешуйки мела.

И трубка пенковая предо мной
Темнеет матовой золотизной,
И мутен желтопламенный янтарик.

И тихо в нем, как в волнах облака,
Включен металло-голубой фонарик.
В моей руке – далекие века.

1916

ОГОНЬ И ГЛИНА

Угрюмый облик обожженной глины
И смуглый звон чеканных кирпичей
Милей, чем плавный пересвет лучей,
Которыми звездились турмалины.

Я ювелиром был, ловцом огней,
Чей хладный пламень выбрали павлины,
Но прогудел полынный ветр былины,
И вот в кувшины звонко бьет ручей.

Где небо серо над безводным логом,
Где зной ложится бронзовым ожогом
На высушенные песком тела, –

Кирпичные там водоемы встанут,
И волны свежие, светлей стекла,
Отрадно в чаши глиняные грянут.

1916

МОГИЛА

Где воды пресные, прорвав скупой песок,
В зеленой впадине кипят холодным горном,
На сланце слюдяном, под очервленным терном
Иссохший кожаный полуистлел мешок.

И слитков золота нетронутый поток
Ползет из трещины, опутываясь дерном,
А в двух шагах скелет в стремлении упорном
Лоскутья рук простер на выжженный восток.

В миражном зеркале расплавленного ада
На дальнем западе сиерры Эль-Дорадо
И здесь в оазисе – предельный бег пустынь.

И грезу знойную навек покрыли травы.
Лишь бульканье ключа плывет в глухую синь.
Да воя волчьего случайные октавы.

1916

ИВАНОВ
Георгий Владимирович

1. Родился 29 октября (10 ноября н. ст.) 1894 г., умер 26 августа 1958 г. на 64-м году жизни.

2. Родился в имении Луки в Ковенской губернии, детские годы провел в отцовском имении Студенки. Получил хорошее домашнее воспитание и образование. В 12-летнем возрасте был определен во Второй кадетский корпус. Увлекался рисованием, химией и историей искусства. Стихи начал сочинять в отрочестве, на 15-м году жизни: боготворил М. Лермонтова, подражал К. Бальмонту, любил А. Блока, восхищался Ф. Сологубом, удивлялся стихам Н. Гумилева («Капитаны»). Печатал первые стихотворения в журналах «Кадет-михайловец», «Ученик», а также в еженедельнике «Все новости литературы, искусства, театра, техники и промышленности».

Первые публикации:

[Стихотворение] // Кадет-михайловец (СПб.). 1920. № 7 (первое появление в печати);

Отплытие на о. Цитеру : поэзы. СПб., 1912. Кн. 1. 32 с. 300 экз. (первая книга стихов).

3. Из ранних стихотворений:

***

Поцелуй струи рассвета,
Поцелуй мечту!
Тает в бездне луч привета,
Нежит пустоту.
В пустоте плывут бездонной
Дни и ночи цепью сонной...
Поцелуй мечту.

1908–1909

***

Зачем никто из тихих и скорбящих
Не уронил слезы в обители моей?
Зачем никто движеньем рук молящих
Не заслонял томительных огней?
Их зажигает ночь у ложа одиноких,
В нее влюбленных – в тихую печаль.
Зачем никто не направлял очей глубоких
В мою таинственную даль?

1908–1909

***

Ночь колыбельную песню поет,
Сладко прильнувши к земле.
Чудится ангела тихий полет
В мягкой воздушной струе.
Чудится грустный, ласкающий зов
Чьей-то плененной души:
Взвейся на крыльях порхающих снов,
Сбудутся грезы твои!

1908–1909

***

Сверкал зеленый луч и даль пылала...
Среди раздолья млеющей травы
Она в забытьи пламенном стояла,
Как песнь из света, зноя и любви.

У ног ее цветы томились, изнывая,
Дышали трепетно, глотая жар лучей,
И пламени небес восторг свой поверяя,
Блаженно замирал молитвенный ручей.

1908–1909

***

Я устал от грез певучих.
Я устал от жарких снов.
И не надо мне пахучих,
Усыпляющих цветов.

Девы бледные лелеют
Грезы бледные любви.
В сердце мужа грозы зреют
И душа его в крови.

1908–1909

***

Печаль сидела у окна.
Вдруг смерть с ней поравнялась.
– Зачем скитаешься одна?
Но смерть не отозвалась.

Прошла сурова и нема,
Прошла, окутав дали –
И вдруг нагрянула зима,
Печальнее печали.

1908–1909

Стихотворения, открывающие книгу «Отплытие на о. Цитеру»:

МЕЧТАТЕЛЬНЫЙ ПАСТУХ

Пролог

Мне тело греет шкура тигровая,
Мне светит нежности звезда.
Я, гимны томные наигрывая,
Пасу мечтательно стада.

Когда Диана станет матовою
И сумрак утренне-глубок,
Мечтою бережно разматываю
Воспоминания клубок.

Иду тогда тропинкой узенькою
К реке, где шепчут тростники,
И, очарован сладкой музыкою,
Плету любовные венки.

И, засыпая, вижу пламенные
Сверканья гаснущей зари...
В пруды, платанами обраменные,
Луна роняет янтари.

И чьи-то губы целомудренные
Меня волнуют слаще роз...
И чьи-то волосы напудренные
Моих касаются волос...

Проснусь – в росе вся шкура тигровая,
Шуршит тростник, мычат стада...
И снова гимны я наигрываю
Тебе, тебе, моя звезда!

1911

СОНЕТ-ПОСЛАНИЕ

Игорю Северянину

Я долго ждал послания от Вас,
Но нет его и я тоской изранен.
Зачем Вы смолкли, Игорь Северянин,
Там в городе, где гам и звон кирас?

Ночь надо мной струит златой экстаз,
Дрожит во мгле неверный лук Дианин...
Ах, мир ночной загадочен и странен,
И кажется, что твердь с землей слилась.

Звучит вдали Шопеновское скерцо,
В томительной разлуке тонет сердце,
Лист падает и близится зима.

Уж нет ни роз, ни ландышей, ни лилий;
Я здесь грущу, и Вы меня забыли...
Пишите же, – я жду от Вас письма!

1911

ЕСЕНИН
Сергей Александрович

1. Родился 21 сентября (3 октября н. ст.) 1895 г., умер (самоубийство) 28 декабря 1925 г. на 31-м году жизни.

2. С четырехлетнего возраста жил у родителей матери в деревне (отец служил приказчиком в Москве); получил хорошее духовно-нравственное и религиозное воспитание и образование. Пяти лет выучился читать. В 9 лет поступил в Константиновское земское четырехлетнее училище, вернувшись в более бедный дом матери. Учился хорошо, по окончании училища получил похвальный лист и был направлен родителями в Спас-Клепиковскую церковно-учительскую школу, где готовили сельских преподавателей для церковно-приходских и начальных училищ. Сам С. Есенин считал, что «сознательное» творчество началось в возрасте 16–17 лет. В 1912 г. уехал в Москву, к отцу, где начинает посещать Суриковский литературно-музыкальный кружок.

Первые публикации:

Береза : [стихотворение ; подпись «Аристон»] // Мирок (М.). 1914. № 1 (первое появление в печати);

Радуница. Пг., 1916. 62 с. 930 экз. (первая книга поэта).

3. Из ранних стихотворений:

***

Вот уж вечер. Роса
Блестит на крапиве.
Я стою у дороги,
Прислонившись к иве.

От луны свет большой
Прямо на нашу крышу.
Где-то песнь соловья
Вдалеке я слышу.

Хорошо и тепло,
Как зимой у печки.
И березы стоят,
Как большие свечки.

И вдали за рекой,
Видно, за опушкой,
Сонный сторож стучит
Мертвой колотушкой.

1910

***

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.

1910

***

Поет зима – аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится всё сильней.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.

1910

***

Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется – на душе светло.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
Сядем в копны свежие под соседний стог.

Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет.

Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты,
Унесу я пьяную до утра в кусты.

И пускай со звонами плачут глухари.
Есть тоска веселая в алостях зари.

1910

***

Сыплет черемуха снегом,
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.

Никнут шелковые травы,
Пахнет смолистой сосной.
Ой вы, луга и дубравы, –
Я одурманен весной.

Радуют тайные вести,
Светятся в душу мою.
Думаю я о невесте,
Только о ней лишь пою.

Сыпь ты, черемуха, снегом,
Пойте вы, птахи, в лесу.
По полю зыбистым бегом
Пеной я цвет разнесу.

1910

БАГРИЦКИЙ
Эдуард Георгиевич
(наст. имя ДЗЮБАН Эдуард Годелевич)

1. Родился 22 октября (4 ноября н. ст.) 1895 г., умер 16 февраля 1934 г. на 39-м году жизни.

2. Воспитывался (по словам самого поэта) в одесской «мелкобуржуазной еврейской» семье (родители мечтали «сделать из меня инженера, в худшем случае – доктора или юриста»). С первого класса ненавидит математику. Учится плохо. В 1912–1913 гг. начинает писать стихи и занимается рыбной ловлей. После 1917 г. участвует в революционных событиях, с 1919 г. – в Красной армии.

Первые публикации:

Розы; Мечте // Аккорды (Одесса). 1919. № 1. 64 с. (первое появление в печати);

Юго-запад. М. ; Л., 1928. 104 с. 3000 экз. (первая книга стихотворений).

3. Из ранних стихотворений:

ВРАГ

Сжимает разбитую ногу
Гвоздями подбитый сапог,
Он молится грустному богу:
Молитвы услышит ли бог?

Промечут холодные зори
В поля золотые огни...
Шумят на багряном просторе
Зеленые вязы одни.

Лишь ветер, сорвавшийся с кручи,
Взвихрит серебристую пыль,
Да пляшет татарник колючий,
Да никнет безмолвно ковыль.

А ночью покроет дороги
Пропитанный слизью туман,
Протопчут усталые ноги,
Тревогу пробьет барабан.

Идет, под котомкой сгибаясь,
В дыму погибающих сел,
Беззвучно кричит, задыхаясь,
На знамени черный орел.

Протопчет, как дикая пляска,
Коней ошалелый галоп...
Опускается медная каска
На влажный запы́ленный лоб.

Поблекли засохшие губы,
Ружье задрожало в руке;
Запели дозорные трубы
В деревне на ближней реке...

Сейчас над сырыми полями
Свой веер раскроет восток...
Стучит тяжело сапогами
И взводит упругий курок...

сентябрь 1914

СУВОРОВ

В серой треуголке, юркий и маленький,
В синей шинели с продранными локтями, –
Он надевал зимой теплые валенки
И укутывал горло шарфами и платками.
В те времена по дорогам скрипели еще дилижансы,
И кучера сидели на козлах в камзолах и фетровых шляпах;
По вечерам, в гостиницах, веселые девушки пели романсы,
И в низких залах струился мятный запах.

Когда вдалеке звучал рожок почтовой кареты,
На грязных окнах подымались зеленые шторы,
В темных залах смолкали нежные дуэты,
И раздавался шепот: «Едет Суворов!»

На узких лестницах шуршали тонкие юбки,
Растворялись ворота услужливыми казачками,
Краснолицые путники почтительно прятали трубки,
Обжигая руки горячими угольками.

По вечерам он сидел у погаснувшего камина,
На котором стояли саксонские часы и уродцы из фарфора,
Читал французский роман, открыв его с середины,
«О мученьях бедной Жульетты, полюбившей знатного
сеньора».
Утром, когда пастушьи рожки поют напевней
И толстая служанка стучит по коридору башмаками,
Он собирался в свои холодные деревни,
Натягивая сапоги со сбитыми каблуками.

В сморщенных ушах желтели грязные ватки;
Старчески кряхтя, он сходил во двор, держась за перила;
Кучер в синем кафтане стегал рыжую лошадку,
И мчались гостиница, роща, так что в глазах рябило.

Когда же перед ним выплывали из тумана
Маленькие домики и церковь с облупленной крышей,
Он дергал высокого кучера за полу кафтана
И кричал ему старческим голосом: «Поезжай потише!»

Но иногда по первому выпавшему снегу,
Стоя в пролетке и держась за плечо возницы,
К нему в деревню приезжал фельдъегерь
И привозил письмо от матушки-императрицы.

«Государь мой, – читал он, – Александр Васильич!
Сколь прискорбно мне Ваш мирный покой тревожить,
Вы, как древний Цинциннат, в деревню свою удалились,
Чтоб мудрым трудом и науками свои владения множить...»

Он долго смотрел на надушенную бумагу –
Казалось, слова на тонкую нитку нижет;
Затем подходил к шкафу, вынимал ордена и шпагу
И становился Суворовым учебников и книжек.

1915

Стихотворение, обычно открывающее собрание стихотворений:

ПТИЦЕЛОВ

Трудно дело птицелова:
Заучи повадки птичьи,
Помни время перелетов,
Разным посвистом свисти.

Но, шатаясь по дорогам,
Под заборами ночуя,
Дидель весел, Дидель может
Песни петь и птиц ловить.

В бузине, сырой и круглой,
Соловей ударил дудкой,
На сосне звенят синицы,
На березе зяблик бьет.

И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Три манка – и каждой птице
Посвящает он манок.

Дунет он в манок бузинный,
И звенит манок бузинный, –
Из бузинного прикрытья
Отвечает соловей.

Дунет он в манок сосновый,
И свистит манок сосновый, –
На сосне в ответ синицы
Рассыпают бубенцы.

И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Самый легкий, самый звонкий
Свой березовый манок.

Он лады проверит нежно,
Щель певучую продует, –
Громким голосом береза
Под дыханьем запоет.

И, заслышав этот голос,
Голос дерева и птицы,
На березе придорожной
Зяблик загремит в ответ.

За проселочной дорогой,
Где затих тележный грохот,
Над прудом, покрытым ряской,
Дидель сети разложил.

И пред ним, зеленый снизу,
Голубой и синий сверху,
Мир встает огромной птицей,
Свищет, щелкает, звенит.

Так идет веселый Дидель
С палкой, птицей и котомкой
Через Гарц, поросший лесом,
Вдоль по рейнским берегам.

По Тюрингии дубовой,
По Саксонии сосновой,
По Вестфалии бузинной,
По Баварии хмельной.

Марта, Марта, надо ль плакать,
Если Дидель ходит в поле,
Если Дидель свищет птицам
И смеется невзначай?

1918, 1926

АНТОКОЛЬСКИЙ
Павел Григорьевич

1. Родился 19 июня (1 июля н. ст.) 1896 г., умер 9 октября 1978 г. на 83-м году жизни.

2. Получил отличное домашнее воспитание и образование под руководством матери (вместе с тремя маленькими детьми-погодками). В раннем детстве увлекался рисованием (впоследствии П. Антокольский сам оформлял свои книги). Когда мальчику исполнилось 8 лет, семья переехала из Петербурга в Москву. Учился в частной гимназии Е. А. Кирпичниковой, где издавал рукописный журнал «Призыв», писал стихи и играл в любительских спектаклях. После окончания гимназии в 1914 г. слушал лекции в Народном университете им. Шанявского, а затем поступил на юридический факультет Московского университета. Однако, увлекшись театром, бросает университет и поступает в студенческую студию под руководством артистов Художественного театра. Театр и поэзия – вот две подлинные страсти П. Антокольского. Сочинять стихи начал еще в гимназии.

Первые публикации:

Эдмонд Ким; «Облака под мертвым ветром загибались...» // Сороконожка (М.). 1918. № 1 (первое появление в печати);

Стихотворения. М., 1922. 42 с. 2000 экз. (первая книга стихотворений).

3. Из ранних стихотворений:

ВСТУПЛЕНИЕ

Я глупый и пьяный матрос,
Попавший на остров колдуньи,
Тоскующий в зарослях роз
О родине в час новолунья.

Я школьник, не спавший всю ночь
Над яростным томом Шекспира.

Я знал королевскую дочь,
Но выгнан с дворцового пира.

И бросил я мать и сестер,
На них, как собака, ощерясь,
И завтра взойду на костер
За богохуленье и ересь.

И вот уже морда огня
Лицо мое гложет и лижет,
И время, мой призрак гоня,
Столетья минувшие движет.

Глядит оно из-под руки,
Молчит, усмехается горько.
Играет со мной в поддавки, –
А я не сдаюсь, да и только!

1915

ВСТУПЛЕНИЕ

На гибель я вышел. Мой разум, как азбука, прост.
И вечность мне снится Жар-птицей, чей пламенный хвост

Не стоит гроша и продажен, как всякий товар.
Но часто мне снится, что вечность – большой самовар.

Художники – гости. А бог – самый умный в семье –
Всё чертит и строит в двусветном своем ателье.

Построит, покурит, откроет окно, запоет,
И спит под солдатской шинелью, и рано встает.

лето 1918

ПОРА!

Пора птенцам глазами выпить ужас
Вниз головой из материнских гнезд.
Пора глупцам, напыжась и натужась,
Рядиться в платья непосильных звезд.

Ночь путанна, туманна, ядовита.
В ней расцветают, чтобы нам помочь,

Красавицы, таинственные с виду,
И безнадежно вянут в ту же ночь.

лето 1918, 1967

Стихотворение, обычно открывающее собрание сочинений:

НА РОЖДЕНИЕ МЛАДЕНЦА

Модели, учебники, глобусы, звездные карты и кости,
И ржавая бронза курганов, и будущих летчиков бой...
Будь смелым и добрым. Ты входишь, как в дом,
во вселенную в гости,
Она ворохами сокровищ сверкает для встречи с тобой.

Не тьма за окном подымалась,
не время над временем стлалось –
Но жадно растущее тельце несли пеленать в паруса.
Твоя колыбель – целый город и вся городская усталость,
Твоя колыбель развалилась – подымем тебя на леса.

Рожденный в годину расплаты, о тех,
кто платил, не печалься.
Расчет платежами был красен:
недаром на вышку ты влез.
Недаром от Волги до Рейна, под легкую музыку вальсов,
Под гром императорских гимнов,
под огненный марш марсельез,

Матросы, ткачи, инженеры, шахтеры,
застрельщики, вестники,
Рабочие люди вселенной друг друга зовут из-за гор,
В содружестве бурь всенародных и в жизни
и в смерти ровесники, –
Недаром, недаром меж вами навек заключен договор.

Так слушай смиренно все правды, обещанные в договоре.
Тебя обступили три века шкафами нечитанных книг.
Ты маленький их барабанщик,
векам выбивающий зорю,
Гремящий по щебню и шлаку и свежий,
как песня, родник.

1920, 1929

ТИХОНОВ
Николай Семенович

1. Родился 22 ноября (4 декабря) 1896 г., умер 8 февраля 1979 г. на 83-м году жизни.

2. Получил домашнее воспитание в семье ремесленника (отношения не отличались сентиментальностью, по словам Н. Тихонова). С детства любил книги и был страстным книгочеем. Учился в городской школе на Почтамтской улице (Петербург), в подпольной работе не участвовал, листовки не расклеивал, но в душе был романтиком (романтиком литературного толка). В сознании юного стихотворца царили не имена революционеров, а имена Шиллера, Байрона, Гейне, Шелли, Гюго, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого. Стихи начал сочинять в 13–14 лет.

Романтик и патриот, Н. Тихонов в Первую мировую войну уходит добровольцем на фронт, и здесь появляются его стихи из походной тетради «Жизнь под звездами (1916–1917)».

Первые публикации:

[Стихотворения] // Островитяне : альманах. Пг., 1921. 43 с. 1000 экз. (первое появление в печати);

Орда : стихи (1920–1921). Пг., 1922. 60 с. 1000 экз. (первая книга поэта).

3. Из ранних стихотворений:

ИНДИЯ

Страна йога, раджи и факира,
Земля Танжора, Вишну, Ганга, Вед,
Где сочеталися четыре разных мира
И сказочных времен неизгладимый след
Почил в струях гигантских водных нитей –
О Брамапутра, Годавери, Инд, –
От гор чудес и ледяных открытий
До южных нив, где дремлет тамаринд.

Как я хочу ночей сапфирных негу
В себя вдохнуть средь палевых красот,
Где водопада мощному разбегу
Внимает озеро зелено-сонных вод,
Где лотоса колонки нежно-алы
Меж лилий белооблачных плывут,
Где в сумраке лесов рокочущие залы
Широко-шумной прелестью живут.

Хочу, чтобы моя нога ступала
На мраморе священных старых плит,
Чтоб предо мною солнце превращало
Вершину башни в белый монолит.
Хочу я видеть медной Кали взоры,
И синий Ганг под желтою луной,
И Тадж-Магала хрупкие узоры,
Что глаз слепят жемчужной белизной.

Хочу я знать и джунглей трепет дикий,
И диких троп таинственный чертеж,
И треск ветвей, и жуть ночного крика,
И тяжкий хрип, и радостную дрожь...
Я к вам приду, колодцы между пагод,
Слоны святынь печальных Гатских гор,
Я к вам приду хотя бы только на год –
В страну, где спят и слава и позор.

К камням забытым темных подземелий,
К стенам, поросшим пальмой и травой,
И к алтарям нерадостных веселий,
И к мертвой жизни, некогда живой.
Вас, мертвые дворцы – немые исполины,
Увидит мой восторга полный взор,
Я к вам приду, надгробные руины,
К вам, Беджапур, Бенарес и Эллор!

1913(?)

***

Тусклый день посеребрил отавы...
Небо стало чище и бледней,

Люди косят и цветы и травы,
Море косит пастбища камней.

Не мечтай, не думай и не числи,
Мир стал глубже, тверже и полней.
Сколько смерть скосила моих мыслей,
Сколько жизнь скосила моих дней...

1914

СМЕРТЬ АВИАТОРА-ГЕРОЯ НЕСТЕРОВА

Не будем оскорблять слезами
Его священный прах,
Помчался он парить под небесами
На доблестных крылах.
Он презрел смерть... Подоблачным титаном
Путь проложил за голубую даль
И налетел губящим ураганом,
И сталь ударилась о сталь.
Порвалась жизнь с широким взмахом
Победоносных крыл,
Пускай он пал мгновенно прахом,
Он пал, но победил.
Земле он отдал всё земное,
Но дух остался там,
За этой гранью голубою,
Парить по сторонам.
И, может быть, в часы сраженья
Из дальних неба стран
Взлетит врагам на пораженье
Его аэроплан.

1914

Стихотворение, открывающее книгу «Орда»:

***

Праздничный, веселый, бесноватый,
С марсианской жаждою творить,
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить.

Даже породниться с нею стоит,
Снова глину замешать огнем,
Каждое желание простое
Освятить неповторимым днем.

Так живу, а если жить устану,
И запросится душа в траву,
И глаза, не видя, в небо взглянут, –
Адвокатов рыжих позову.

Пусть найдут в законах трибуналов
Те параграфы и те года,
Что в земной дороге растоптала
Дней моих разгульная орда.

1920

ОЛЕЙНИКОВ
Николай Макарович

1. Родился 23 июля (5 августа н. ст.) 1898 г., умер (расстрелян) 24 ноября 1937 г. на 40-м году жизни.

2. Детство провел в патриархальной казачьей семье (станица Каменская, область Всевеликого войска донского, на р. Северный Донец). Писать стихи начал рано. Окончил четырехклассное Донецкое окружное училище. Один из соучеников Н. Олейникова вспоминает: «Николай учился прилежно, с большим старанием и усердием. Особенно любил уроки литературы... Учитель всегда ставил в пример его сочинения...» Затем учился в реальном училище (4 года). В 1916 г. поступил в Каменскую учительскую семинарию. В то время активно писал стихи и прозу, серьезно занимался литературоведением и математикой. В декабре 1917 г. стал красногвардейцем Каменского революционного отряда. В 1921 г. в Ростове поступил в педагогический техникум (учился недолго). Стал журналистом (газета «Всероссийская кочегарка»).

Первые публикации:

[Очерк] // Красный казак (ст-ца Каменская). 1920. 16 марта (первое появление в печати);

Первый совет. Л., 1926. 16 с. (первая книга поэта).

3. Стихи, открывающие собрание сочинений:

***

Кузнечик, мой верный товарищ,
Мой старый испытанный друг,
Зачем ты сидишь одиноко,
Глаза устремивши на юг?

Куда тебе в дальние страны,
Зачем тебе это тепло?
У нас и леса, и поляны,
А там всё песком замело.

1926

ДЕТСКИЕ СТИХИ

Весел, ласков и красив,
Зайчик шел в кооператив.

25 апреля 1926

***

На пропасти краю
Стою в чужом краю.
От вас не утаю:
Коров я не дою.

21 октября 1926

МУРЕ ШВАРЦ

Ах, Мура дорогая,
Пляши, пляши, пляши,
Но, в плясках утопая,
Не забывай души.

Душа есть самое драгое,
Что есть у нас, что есть у вас.
О детство, детство золотое,
Ушло ты навсегда от нас.

балетоман Макар Свирепый
15 сентября 1927

КАРАСЬ

Н. С. Болдыревой

Жареная рыбка,
Дорогой карась,
Где ж ваша улыбка,
Что была вчерась?

Жареная рыба,
Бедный мой карась,
Вы ведь жить могли бы,
Если бы не страсть.

Что же вас сгубило,
Бросило сюда,

Где не так уж мило,
Где – сковорода?

Помню вас ребенком:
Хохотали вы,
Хохотали звонко
Под волной Невы.

Карасихи-дамочки
Обожали вас –
Чешую, да ямочки,
Да ваш рыбий глаз.

Бюстики у рыбок –
Просто красота!
Трудно без улыбок
В те смотреть места.

Но однажды утром
Встретилася вам
В блеске перламутра
Дивная мадам.

Дама та сманила
Вас к себе в домок,
Но у той у дамы
Слабый был умок.

С кем имеет дело,
Ах, не поняла, –
Соблазнивши, смело
С дому прогнала.

И решил несчастный
Тотчас умереть.
Ринулся он, страстный,
Ринулся он в сеть.

Злые люди взяли
Рыбку из сетей,
На плиту послали
Просто, без затей.

Ножиком вспороли,
Вырвали кишки,
Посолили солью,
Всыпали муки...

А ведь жизнь прекрасною
Рисовалась вам.
Вы считались страстными
Попромежду дам...

Белая смородина,
Черная беда!
Не гулять карасику
С милой никогда.

Не ходить карасику
Теплою водой,
Не смотреть на часики,
Торопясь к другой.

Плавниками-перышками
Он не шевельнет.
Свою любу «корюшкою»
Он не назовет.

Так шуми же, мутная
Невская вода.
Не поплыть карасику
Больше никуда.

1927

НАБОКОВ
Владимир Владимирович
(псевд. СИРИН)

1. Родился 10 (22 н. ст.) апреля 1899 г., умер 2 июля 1977 г. на 79-м году жизни.

2. Получил прекрасное домашнее (англизированное) воспитание и образование. Окончил Тенишевское (очень дорогое) училище в Петербурге (1917). Затем живет (около двух лет) в Крыму с братом и чудом избежавшим ареста отцом – В. Д. Набоковым. В конце 1919 г. семья эмигрирует из советской России через Грецию и Францию в Лондон. С 1 октября 1919 г. до июня 1922 г. учится в Кембридже. В Россию В. В. Набоков не вернулся. Умер знаменитым романистом и гражданином США – в Швейцарии.

Стихи начал сочинять около 1914 г. Первым стихотворением (для себя) считал стихотворение 1917 г. «Дождь пролетел». Поэт вспоминает: «Мгновение спустя началось мое первое стихотворение. Что его подтолкнуло? Думаю, что знаю. Без малейшего дуновения ветра, самый вес дождевой капли, сверкавшей заемной роскошью на сердцевидном листе, заставил его кончик опуститься, и то, что было похоже на шарик ртути, совершенно неожиданное глиссандо вниз вдоль центральной жилки – и, сбросив свою яркую ношу, освобожденный лист разогнулся. “Лист / душист, благоухает / роняет”. Мгновение, в которое все это произошло, кажется мне не столько обрезком времени, сколько щелью в нем, пропущенным ударом сердца, который был тут же компенсирован стуком рифм...»

Первые публикации:

Стихи. М., 1916. 56 с. 500 нумерованных экз. (первая книга поэта);

Машенька : роман. Берлин, 1926. 169 с. (первая книга прозы).

3. Первое (по мнению автора) стихотворение:

ДОЖДЬ ПРОЛЕТЕЛ

Дождь пролетел и сгорел на лету.
Иду по румяной дорожке.
Иволги свищут, рябины в цвету,
Белеют на ивах сережки.
Воздух живителен, влажен, душист.
Как жимолость благоухает!
Кончиком вниз наклоняется лист
И с кончика жемчуг роняет.

май 1917
Выра

Из ранних стихотворений:

ПРОГУЛКА С J.-J. ROUSSEAU*

Посв<ящается>
Александру Николаевичу Бенуа

Сад Le Nôtre'a. В лазурных прудах –
отраженья дельфинов и статуй:
он идет по аллее стрельчатой
с маргариткой и книгой в руках;

и, мечтая о новом «Emile»,
он любуется стройностью сада.
Средь притворств витьеватых – отрада –
этот строгий, размерный стиль.

У фонтана – прямые партеры.
Чуть насмешливо смотрит Rousseau,
как жеманно играют в cerceau**
две маркизы и два кавалера.

январь 1917

* Ж.-Ж. Руссо (фр.).
** Серсо (фр.).

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

1

Зимнею лунною ночью молчанье
Кажется ровным дыханьем небес...
В воздухе – бледных лучей обаянье...
Благословенные лунным сияньем,
Дремлют аллея, и поле, и лес...

2

Лыжи упругие сладко скрипят;
Длинная синяя тень провожает...
Липы, как призраки черные в ряд,
Странные, грустные, в инее спят...
Мягко сугробы луна освещает.

3

Царственно круглое белое пламя
Смотрит на поле, на снежную гладь...
Зайца спугну за нагими кустами;
Гладь нарушая тройными следами,
Он пропадет... и безмолвно опять.

4

Нивой пойду... Беспредельна она...
Воздух хрустально-морозный целую...
Небо – сиянье, земля – тишина...
В этом безмолвии смерти и сна
Ясной душой я бессмертие чую.

март 1917

Стихотворения 1916 г.:

***

Нагая, грезишь ты за гранью полутени...
Ты ждешь моей весны, и я тебя хочу
Обнять; хочу в огне бездонных наслаждений
Сгореть. Немеет ночь... Со звездами грущу.

И жду... Так дивно ждать без лжи и без сомнений!
Так близко от меня всё то, что я ищу!

Так просто всё: взойти на мягкие ступени
И губы чуть прижать к лилейному плечу...

А ты меня зовешь, раскидывая руки...
Чаруют небеса, но больно мне смотреть
На царство чистоты, спокойствия и скуки.
Я твой... Теперь, когда не может догореть
Вся радость наших тел глубокая до муки,
С тобой, мечта любви,
не страшно умереть...

***

Я к тебе прижался с лаской небывалой,
С чувством упоительным жгучей наготы...
Как мы целовались, как ты разжигала
Сладко-нетерпимую жажду красоты!

Ночь плыла над нами черными волнами...
Ты была безумною, ты была моей...
Я дрожал, пронзенный тонкими лучами,
Я уснул, пронизанный близостью твоей.

Сон увидел страшный: будто я согнулся
И молил о жалости; но услышал «нет»;
Ты меня ласкала, вдруг я содрогнулся:
Я держал в объятиях тоненький скелет!

И проснулся в стонах; ты еще дремала;
Грустно, поцелуями я тебя будил;
Тихо ты очнулась, тихо зарыдала...
Было странно-холодно... Я тебя забыл...

***

Люблю, люблю тебя; люблю... Как это слово
Опошлилось в романах наших дней!
И ты, моя любовь, не верить мне готова,
Так много вкруг тебя насмешливых теней!

Так много за окном холодного разврата!
Так мало здесь людей, умеющих любить!
Поверив даже мне, тревогой ты объята...
Ведь я могу, как все, и лгать и позабыть!

ВАГИНОВ
Константин
(наст. имя ВАГЕНГЕЙМ Константин Константинович)

1. Родился 4 (16 н. ст.) апреля 1899 г., умер 26 апреля 1934 г. в возрасте почти 35 лет.

2. Получил отличное домашнее воспитание и образование (отец – петербургский жандармский полковник, мать – дочь богатого золотопромышленника). Слабый здоровьем мальчик увлекался чтением, историей, нумизматикой, археологией – все это привело его к стихам, к поэзии. Учился в классической гимназии Гуревича (Петербург). Поступил на юридический факультет Петербургского университета, но в 1918 г. был мобилизован в Красную армию (побывал в Польше, за Уралом).

Первые публикации:

[Стихотворение] // Островитяне : альманах. Пб., 1921. 43 с. 1000 экз. (первое появление в печати);

Путешествие в хаос. Пг., 1921. 29 с. 450 экз. (первая книга);

Монастырь Господа нашего Аполлона // Абраксас : лит.-худож. альманах. Пг., 1922. Кн. 1, окт. 64 с. 500 экз. (первая публикация прозы);

Козлиная песнь : роман. Л., 1928. 198 с. 3000 экз. (первая книга прозы).

3. Из стихотворений 1919–1921 гг.:

***

Седой табун из вихревых степей
Промчался, все круша и руша.
И серый мох покрыл стада камней,
Травой зеленой всходят наши души.

Жуют траву стада камней.
В ночи я слышу шорох жуткий,
И при большой оранжевой луне
Уходят в камни наши души.

***

Еще зари оранжевое ржанье
Ерусалимских стен не потрясло,
Лицо Иоконоанна – белый камень
Цветами зелени и глины поросло.

И голова моя качается как череп
У окон сизых, у пустых домов
И в пустыри открыты двери,
Где щебень, вихрь, круженье облаков.

***

Под пегим городом заря играла в трубы,
И камышами одичалый челн пророс.
В полуоткрытые заоблачные губы
Тянулся месяц с сетью желтых кос.

И завывал над бездной человек нечеловечьи
И ударял в стада сырых камней,
И выходили души на откос Кузнечный
И хаос резали при призрачном огне.

Пустую колыбель над сумеречным миром
Качает желтого Иосифа жена.
Ползут туманы в розовые дыры,
И тленье поднимается из ран.

***

Бегут туманы в розовые дыры,
И золоченых статуй в них мелькает блик,
Маяк давно ослеп над нашею квартирой,
За бахромой ресниц – истлевшие угли.

Арап! Сдавай скорее карты!
Нам каждому приходится ночной кусок,
Заря уже давно в окне покашливает
И выставляет солнечный сосок.

Сосите, мол, и уходите в камни,
Вы что-то засиделись за столом,

И, в погремушках вся, Мария в ресторане
О сумасшедшем сыне думает своем.

***

Надел Исус колпак дурацкий,
Озера сохли глаз Его,
И с ликом, вывшим из акаций,
Совокупился лик Его.

Кусает солнце холм покатый,
В крови листва, в крови песок...
И бродят овцы между статуй,
Носами тычут в пальцы ног.

***

Вихрь, бей по Лире,
Лира, волком вой,
Хаос все шире, шире...
Господи! Упокой.

УШАКОВ
Николай Николаевич

1. Родился 25 мая (6 июня н. ст.) 1899 г., умер 17 ноября 1973 г. на 75-м году жизни.

2. Получил хорошее домашнее воспитание и образование (воспитывался бабушкой и бонной-немкой в поместье Успенское-Озерки в Ярославской губернии). Был слабым ребенком, мать умерла от туберкулеза, когда ему было 4 года. В 9-летнем возрасте был увезен дедом (в молодости поручик Семеновского полка) в Киев, в Первую гимназию, в которой учились М. Булгаков и К. Паустовский. Сочинять стихи начал в отрочестве. Ранние стихи автор не публиковал.

Первые публикации:

Весна республики : стихи. М., 1927. 104 с. 1500 экз. (первая книга стихотворений).

3. Из ранних стихотворений:

БРОНЕПОЕЗД

Октябрь,
и по утрам вода
затянута
непрочною корою,
и каплет дождь,
и лист, и, как всегда,
проходят бронепоезда,
на стыках грохоты утроя.
Площадкой броневой вперед,
к реке,
к обрыву,
к бездорожью!
И тучи очередь порвет,
и вздрогнет мостовой пролет
тяжелой
и зловещей дрожью. . .
Не перейти реки врагу ни на плотах,

ни в брод,
бредя в воде по пояс,
когда на этом берегу
в осеннюю
седеющую згу
железом пышет бронепоезд.

1923

О ЛОШАДИ

Сегодня о верном друге –
О лошади статной и милой, –
Что в ливень, в тумане и вьюге
Из боя меня выносила,
Которая перед атакой
Ладонь языком лизала,
Ходила за мной, как собака,
Как ребенок глупый и малый,
Воровала мои галеты
И сахар хрустящий любила...
Проходило дымное лето,
И осень сырая наступила.
Враги налетели, как птицы,
За седою осенней згою.
Я коню приказал ложиться
И толкнул его тихо ногою.
Я укрылся за теплое брюхо,
Потрепав золотистую челку, –
Только пули царапались сухо
О соседние сосны и елки.
Это было у самой ночи,
И жужжали и пели пули, –
Лошадиные мертвые очи
В глаза мои заглянули.

1923

ПОСЛЕДНИЙ ПРИСТУП

На закате
Захлопнется гулко
И тревожно
Чугун ворот.

В темные узкие переулки
Вечерний обход
Идет.
В раскаленном предчувствии ночи,
Озаряя мгновенную тишь,
Взбушевавших пожаров клочья
Замигают по скатам крыш.
И в железобетонной груде
Из-за проволоки
И песка –
Вознесенные жерла орудий
Щурятся на облака.
И грохочут
С неистовым свистом
Сквозь железные
Скрежет и гам, –
Отражая последний приступ
Отступающего врага.

1923

ТЕЛЕФОНИСТ

В серебряный рожок
Трубят ветра,
Стеклянная летит и вьется пыль.
В морозный час
Декабрьского утра
Застывший чуть качается ковыль.
Телефонист – закручивай башлык,
Телефонист – известья торопи!..
Телефонист один бродить привык
Средь белоснежной
И пустой степи.
Дышать легко ль холодным серебром?
И не легко
Под ветром коченеть...
Катушка громыхает за бедром,
Размотанная ускользает медь.
А впереди,
Задумчив и высок,
Скрывает
Вражеский разъезд курган...

Телефонист!
Вытаскивай наган,
Медь пуль туда!..
Последнюю – в висок.

1923

Стихотворение, открывающее собрание сочинений:

РАННЯЯ ВЕСНА

Была распутица
и грязь,
и ветер песни пел в соломе.
Весна украдкой родилась,
как сизый день
в казенном доме.

Великопостный смутный плач
катился каплями по крышам.
В мансарде
грохотал трубач,
и ход весны он не расслышал.
Он думал:
«Голых веток вой
и в мокром дворике сугробы –
последний дружеский конвой
и похоронный марш
у гроба».

Но зоркая его сестра
весну суровую признала.
Она топила печь с утра
и жаворонков выпекала.
Что делать:
черный снег
и мрак,
ручьев
и ливней
окруженье –
не каждому приметный знак
в снегах живущего движенья.

1926

ЗАБОЛОЦКИЙ
Николай Алексеевич
(наст. фам. ЗА́БОЛОТСКИЙ)

1. Родился 24 апреля (7 мая н. ст.) 1903 г., умер 14 октября 1958 г. на 56-м году жизни.

2. Родился под Казанью. Получил нравственное воспитание и образование в патриархальной семье (отец – агроном, мать – школьная учительница). Когда мальчику исполнилось 6 лет, семья переехала в Вятскую губернию (с. Сернур). Увлекался чтением, историей, в отрочестве (1912 г. – столетие Отечественной войны 1812 года) бредил Кутузовым, Багратионом, Платовым (казачий генерал). Учился в начальной школе (хорошо), затем в реальном училище (г. Уржум), где начал сочинять стихи. Сын поэта Н. Н. Заболоцкий в своей книге об отце приводит одно из первых стихотворений Н. А. Заболоцкого – письмо младшему брату, написанное в Уржуме (1914 или 1915):

***

Здравствуй, Лелюха,
Жареный ватруха!
Как ты поживаешь?
Из ружья стреляешь?

Я твое письмо получил,
Черным квасом намочил.
Прощай, Лелюха!
Твой брат Колюха.

Первые публикации:

Белая ночь; Вечерний бар // Лит. прил. к газ. «Ленингр. правда». 1926 (первое появление в печати);

Хорошие сапоги. М., 1928. 11 с. 15 000 экз. (первая книга);

Столбцы. Л., 1929. 70 с. 1200 экз. (первая книга стихотворений);

Песня Красного Ведуинга / пер. с нем. Я. Миллера [псевд. Н. Заболоцкого]. М. ; Л., 1931. 25 000 экз. (первая книга переводов).

3. Из ранних стихотворений:

***

Из окон старой курильни,
Где паркет трещит лощеный,
Посмотри на дряхлую площадь –
Там еще не падают зданья,
Там еще не ропщут скифы,
Голубые глаза округлив.
Там за поездом автомобилей
Еле скачет на чалой кляче
Мирликиец желтый и злой.
Ковыляют за ним скифы,
И мальчишка ловит сопливый
Малиновую епитрахиль.
В окне старой курильни
Хохочет охочий Арий
И тощих пощечин ждет.

1920

СИЗИФОВО РОЖДЕСТВО

Просвистел сизый Ибис с папируса
В переулки извилин моих.
И навстречу пичужке вынеслись
Золотые мои стихи.
А на месте, где будет лысина
К двадцати пяти годам, –
Желтенькое солнышко изумилось
Светлейшим моим стихам.
А они, улыбнувшись родителю,
Поскакали в чужие мозги.
И мои глаза увидели
Панораму седой тоски.
Не свисти, сизый Ибис, с папируса
В переулки извилин моих,
От меня уже не зависят
Золотые мои стихи.

1921

НЕБЕСНАЯ СЕВИЛЬЯ

Стынет месяцево ворчанье
В небесной Севилье.
Я сегодня – профессор отчаянья –
Укрепился на звездном шпиле.
И на самой нежной волынке
Вывожу ритурнель небесный,
И дрожат мои ботинки
На блестящей крыше звездной.

В небесной Севилье
Растворяется рама
И выходит белая лилия,
Звездная Дама,
Говорит: профессор, милый,
Я сегодня тоскую –
Кавалер мой, месяц стылый,
Променял меня на другую.

В небесной Севилье
Не тоска ли закинула сети.
Звездной Даме, лилии милой,
Не могу я ответить...
Стынет месяцево ворчанье.
Плачет Генрих внизу на Гарце,
Отчего я, профессор отчаянья,
Не могу над собой смеяться?

1921

СЕРДЦЕ-ПУСТЫРЬ

Прозрачней лунного камня
Стынь, сердце-пустырь.
Полный отчаяньем каменным,
Взор я в тебя вперил.
С криком несутся стрижи –
Лёт их тревожен рассеянный.
Грудью стылой лежит
Реки обнаженный бассейн.

О река, невеста мертвая,
Грозным покоем глубокая,
Венком твоим желтым
Осенью сохнет осока.
Я костер на твоем берегу
Розожгу красным кадилом,
Стылый образ твой сберегу,
Милая.

Прозрачней лунного камня
Стынь, сердце-пустырь.
Точно полог, звездами затканный,
Трепещет ширь.
О река, невеста названая,
Смерть твою
Пою.

И, один, по ночам – окаянный –
Грудь
Твою
Целую.

1921–1922

Стихотворение, открывающее книгу «Столбцы и поэмы» (1926–1933):

БЕЛАЯ НОЧЬ

Гляди: не бал, не маскарад,
Здесь ночи ходят невпопад,
Здесь, от вина неузнаваем,
Летает хохот попугаем.
Здесь возле каменных излучин
Бегут любовники толпой,
Один горяч, другой измучен,
А третий книзу головой.
Любовь стенает под листами,
Она меняется местами,
То подойдет, то отойдет...
А музы любят круглый год.

Качалась Невка у перил,
Вдруг барабан заговорил –
Ракеты, выстроившись кру́гом,
Вставали в очередь. Потом
Они летели друг за другом,
Вертя бенгальским животом.

Качали кольцами деревья,
Спадали с факелов отрепья
Густого дыма. А на Невке
Не то сирены, не то девки,
Но нет, сирены, – на заре,
Все в синеватом серебре,
Холодноватые, но звали
Прижаться к палевым губам
И неподвижным, как медали.
Обман с мечтами пополам!

Я шел сквозь рощу. Ночь легла
Вдоль по траве, как мел, бела.
Торчком кусты над нею встали
В ножнах из разноцветной стали,
И тосковали соловьи
Верхом на веточке. Казалось,
Они испытывали жалость,
Как неспособные к любви.

А там вдали, где желтый бакен
Подкарауливал шутих,
На корточках привстал Елагин,
Ополоснулся и затих:
Он в этот раз накрыл двоих.

Вертя винтом, бежал моторчик
С музы́кой томной по бортам.
К нему навстречу, рожи скорчив,
Несутся лодки тут и там.
Он их толкнет – они бежать.
Бегут, бегут, потом опять
Идут, задорные, навстречу.

Он им кричит: «Я искалечу!»
Они уверены, что нет...

И всюду сумасшедший бред.
Листами сонными колышим,
Он льется в окна, липнет к крышам,
Вздымает дыбом волоса...
И ночь, подобно самозванке,
Открыв молочные глаза,
Качается в спиртовой банке
И просится на небеса.

1926

ВВЕДЕНСКИЙ
Александр Иванович

1. Родился 23 ноября (6 декабря н. ст.) 1904 г., умер 20 декабря 1941 г. в возрасте 37 лет.

2. Воспитывался в семье, где было еще трое детей (одна из сестер, Евлапия, писала стихи; обе сестры умерли от туберкулеза: одна в детстве, другая много позднее). Мать (дворянка) служила врачом, отец – экономистом. Он был почти всегда мрачен и странен. Семья жила в Петербурге на Съезжинской улице. А. Введенский учился в гимназии, затем в школе им. Л. Д. Лентовского, которую окончил в 1921 г., не сдав экзамена по русской литературе. Стихи начал писать в гимназии. Первое из сохранившихся стихотворений – «И я в моем теплом теле...» (май 1920).

Первые публикации:

Чингарь: Авторитет бессмыслицы : начало поэмы // Собрание стихотворений. Л., 1926. 80 с. 1000 экз. (первое появление в печати);

Много зверей. М., 1928. 11 с. 15 000 экз. (первая книга).

3. Из ранних стихотворений:

***

И я в моем теплом теле
лелеял глухую лень.
Сонно звенят недели,
вечность проходит в тень.
Месяца лысое темя
прикрыто дымным плащом,
музыкой сонного времени
мой увенчаю дом.
Ухо улицы глухо,
кружится карусель.
Звезды злые старухи
качают дней колыбель.

май 1920

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

На набережной болтаются
дома у самой реки.
Безкосые китайцы
ждут звездной руки.
А каменные солдаты,
мечтающие о хлебе,
проваливаются в квадраты,
просверленные на небе.
Внимания не обращая
ни на Великого, ни на Петра,
дряхлым шагам внимая,
заря поет до утра.
Земля еще дышит
красными шестами мятежей.
Шаги прозвучат еще тише
по дорогам соседних аллей.

август 1920

СТИХИ ИЗ ЦИКЛА «ДИВЕРТИСМЕНТ»

1

Играет на корнете-а-пистоне
Мой друг, мой верный друг.
На голубом балконе
Из длинных синих рук.
Мое подымет платье
Веселый ветерок,
Играя на закате
В краснеющий рожок.
Я прохожу по улице
В юбке до колен;
Становишься распутницей:
Так много перемен.
Я в лавке продовольственной
В очередях стою.
Все помню с удовольствием
Последнее люблю!

И плачу долгим вечером,
И думаю о нем,
Что ж – делать больше нечего.
Вздыхаю пред огнем.

2

Та-ра-ра-бумбия,
Сижу на тумбе я.
Простерты руки
К скучной скуке.
Рука простертая
Ласкает звездочки,
А солнце мертвое
Лежит на жердочке.
У нее узкая талия,
В руках белое полотенце;
Мои глаза в Австралии
Темнее тамошних туземцев.
Та-ра-ра-бумбия,
Сижу на тумбе я.

3

Ночь каменеет на мосту,
Холодный снег и сух и прост.
Послушайте, трактир мой пуст,
Где звезды лошадиный хвост.
У загнанного неба мало
Глядят глаза на нас, когда
Влетают в яркие вокзалы
Глухонемые поезда;
Где до утра
Ревут кондуктора.
А ночь горбатая взрастает до зари,
И хмуро жмурятся от снега фонари.
Надень меха!
По улицам пройдись!
Она тиха
Воров безумных летопись.
Черный Гарри крался по лестнице

Держа в руке фонарь и отмычки;
А уличные прелестницы
Гостей ласкали по привычке.
Черной ночью сладок мрак
Для проделок вора.
Трусит лишь один дурак
В серых коридорах.
О, пустынный кабинет,
Электрический фонарик!
Чуть скрипит сухой паркет, –
Осторожен тихий Гарри.
А в трактире осталась та,
Ради которой он у цели.
О, красавица, твои уста
И они участвуют в деле!
Вот уж близок темный шкаф
С милыми деньгами.
Но предстал нежданно граф
С грозными усами.
И моментально в белый лоб
Вцепилась пуля револьвера.
Его сложила в нищий гроб
Не сифилис и не холера.
Не пойте черноглазых од
Над жертвою слепого рока.
Пусть месяц, скорбный идиот,
Целует руки у востока.

4

Рвется ночью ветер в окна,
Отвори-ка! отвори!
Я задумалась глубоко,
Но ждала вас до зари.
Я любила вас, не зная,
На четвертом этаже.
Все по комнатам гуляю
Одиноко в неглиже.
Ах, зачем же тихо стонет
Зимний день на Рождество,

Вы сдуваете с ладоней
Пепел сердца моего.
Пусть мои закрыты двери,
Под глазами синева.
Разболелась от потери,
Закружилась голова.

5

В ночных шикарных ресторанах.

Из соврем. романса
«Аргентинское танго»

В ресторанах злых и сонных
Шикарный вечер догорал.
В глазах давно опустошенных
Сверкал недопитый бокал,
А на эстраде утомленной,
Кружась над черною ногой,
Был бой зрачков в нее влюбленных,
Влюбленных в тихое танго.
И извиваясь телом голубым,
Она танцует полупьяная
(Скрипач и плач трубы),
Забавно-ресторанная.
Пьянеет музыка печальных скрипок,
Мерцанье ламп надменно и легко.
И подают сверкающий напиток
Нежнейших ног, обтянутых в трико.
Но лживых песен танец весел,
Уж не подняться с пышных кресел,
Пролив слезу.
Мы вечера плетем, как банты,
Где сладострастно дремлют франты,
В ночную синюю косу.
Кто в свирель кафешантанную
Зимним вечером поет:
Об убийстве в ресторане
На краснеющем диване,
Где темнеет глаз кружок.
К ней, танцующей в тумане,

Он придет – ревнивый Джо.
Он пронзит ее кинжалом,
Платье тонкое распорет;
На лице своем усталом
Нарисует страсть и горе.
Танцовщица <с> умершими руками
Лежит под красным светом фонаря.
А он по-прежнему гуляет вечерами,
И с ним идет свинцовая заря.

ноябрь–декабрь 1920

ХАРМС
Даниил
(наст. имя ЮВАЧЕВ Даниил Иванович)

1. Родился 17 (30 н. ст.) октября 1905 г., умер (в тюрьме) 2 февраля 1942 г. на 37-м году жизни.

2. Получил прекрасное домашнее воспитание в семье бывшего морского офицера и бывшего сахалинского каторжника (судьба отца Ивана Павловича Ювачева – уникальна и весьма противоречива). Двухлетний Даниил был невероятным фантазером и вполне «православным, верующим» ребенком. В четыре года выучился читать. Книги считал самой большой ценностью в мире. В шестилетнем возрасте (1912) уже писал и даже сочинял. Учился в реальном училище (Петришуле – Главном немецком училище святого Петра в Петрограде). В училище активно сочиняет, в основном стихи. 1 сентября 1922 г. поступил в 3-й класс второй ступени 2-й Детскосельской (Царскосельской) единой трудовой школы (бывшей гимназии). В 1924 г. окончил школу и вернулся в Ленинград. Тогда же поступил в ленинградский электротехникум. К тому времени Д. Хармс пишет уже всерьез (ранние тексты не сохранились – существует лишь автограф чернового стихотворения, которое долго считалось первым стихотворением Д. Хармса). «Стихотворения наизустные мною» – этот перечень любимых авторов Д. Хармса включает в себя А. Блока, Н. Гумилева, Ф. Сологуба, А. Белого, А. Ахматову, С. Есенина, В. Хлебникова и других современных Д. Хармсу поэтов.

Первые публикации:

Случай на железной дороге // Собрание стихотворений : сб. Л., 1926. 80 с. 1000 экз. (первое появление в печати);

Театр. М., 1928. 12 с. 15 000 экз. (первая книга поэта).

3. Одно из первых стихотворений (фрагмент):

***

Скоро ль шаровары позовут татарина,
Да книксен, полька, вальса тур.

<вариант: Да книксен, кукла польки тур>
Нам <вариант: мне> ли петухами кикапу подарено,
Да чирики-боярики, да пальцем в пуп.

начало 1920-х

ОДНОСТРОК

Задам по задам за дам.

ок. 1920

МЕДНАЯ...

В медный таз ударю лапой,
Со стены две капли капнут,
Звонко звякнут
И иссякнут.
Тучи рыжих тараканов
Разбегутся со стаканов –
От пивных,
От пустых.
То посмотришь в тишину,
Улыбнешься на луну,
Углынешься на углу,
Покосишься на стену...
На щеке мелькнет румянец вышитый,
Догорает свечка бледная...
Тараканы рыжие,
Песня – красно-медная.

12 июня 1924

Стихотворение, считавшееся самым ранним из дошедших до наших дней:

***

В июле как то в лето наше
Идя бредя в жару дневную
Шли два б<р>ата Коля с Яшей
И встретили свинью большую.

«Смотри свинья какая в поле
Идет» заметил Коля Яше

«Она пожалуй будет Коля
На вид толстей чем наш папаша».

Но Коля молвил: «Полно, Яша,
К чему сболтнул ты эту фразу.
Таких свиней как наш папаша
Я еще не видывал ни разу».

1922

КИРСАНОВ
Семен Исаакович

1. Родился 5 (18 н. ст.) сентября 1906 г., умер 10 декабря 1972 г. на 68-м году жизни.

2. Воспитывался в семье портного. Детство, отрочество и юность поэта прошли в Одессе, где он окончил гимназию, пережил революцию и становление советской власти, Гражданскую войну, процесс белоэмиграции. После гимназии учился на филологическом факультете Одесского института народного образования. Первые стихи написал в десятилетнем возрасте. В 1922 г. читает свои стихи В. Маяковскому, который в 1924 г. печатает 2 стихотворения С. Кирсанова в журнале «ЛЕФ». Молодой поэт уклоняется от неоромантизма Э. Багрицкого и В. Катаева и в 1925 г. (в 19 лет) уезжает в Москву. Известно, что в Одесском литературном музее хранится 268 стихотворений, написанных в 1915–1922 гг. (сведения не проверены).

Первые публикации:

Туннель : [стихотворение] // Известия (Одесса). 1923. 25 марта (первое появление в печати);

Прицел : рассказы в рифму. М. ; Л., 1926. 24 с. 10 000 экз. (первая книга стихотворений).

3. Из ранних стихотворений:

***

Скоро в снег побегут струйки,
скоро будут поля в хлебе.
Не хочу я синицу в руки,
а хочу журавля в небе.

1923

ПОГУДКА О ПОГОДКЕ

Теплотой меня пои,
поле юга – родина.

Губы нежные твои –
красная смородина!

Погляжу в твои глаза –
голубой крыжовник!
В них лазурь и бирюза,
ясно, хорошо в них!

Скоро, скоро, как ни жаль,
летняя долина,
вновь ударится в печаль
дождик-мандолина.

Листья леса сгложет медь,
станут звезды тонкими,
щеки станут розоветь –
яблоки антоновки.

А когда за синью утр
лес качнется в золоте,
дуб покажет веткой: тут
клад рассыпан – желуди.

Лягут белые поля
снегом на все стороны,
налетят на купола
сарацины-вороны...

Станешь, милая, седеть,
цвет волос изменится.
Затоскует по воде
водяная мельница.

И начнут метели выть
снежные – повсюду!
Только я тебя любить
и седою буду!

1923

ДВА ВОСТОКА

Для песен смуглой у шатра
я с фонарем не обернулся.
Фатима, жди – спадет чадра
у черной радуги бурнуса.

В чье сердце рай, Селим, вселим?
Где солнце – сон? И степи сини?
Где сонмом ангелов висим
на перезрелом апельсине?

Где сок точили?
На углу...
Как подойти к луне?
С поклоном...
Горам – Коран
как Иль-ля-У,
мой берег желт,
он за Ливаном.

Багдад!
Корабль!!
Шелка!!!
Любовь!!!
О, бедуин, беда и пена!
И морда взмылена его,
и пеньем вскинуты колена.

О, над зурной виси, Гафиз,
концы зазубрин струн развеяв,
речей,
ручей,
в зурну
катись
и лезвий
речь
точи
быстрее...

Но как
взлетит
на минарет
фонарь
как брошенный
окурок...
С огнем восстанья и ракет
подкрался рослый младотурок.

Но в тьму ночную – не спеша...
Такая мгла!
За полумесяц
отряд ведет Кемаль-паша,
штыками вострыми развесясь.

И что же, ты оторопел?
Нет!
Видно, струн не перебросить,
покуда
в горле
Дарданелл
торчит
английский
броненосец.

1923

ТАРКОВСКИЙ
Арсений Александрович

1. Родился 12 (25 н. ст.) июня 1907 г., умер 27 мая 1989 г. в возрасте ок. 82 лет.

2. Получил прекрасное домашнее воспитание и образование (в дворянской семье с идеями народничества). Окончил единую трудовую семилетнюю школу в Елисаветграде. Детство поэта пришлось на революционные годы, а отрочество – на Гражданскую войну. В юности, по примеру своего кумира философа и поэта Г. Сковороды, много скитался по Украине, Крыму и по России. В 1920-х гг. уехал в Москву, где учился в нескольких литературных вузах (не окончил ни одного). Работал в газете «Гудок». Стихи начал сочинять в детстве (тексты не сохранились).

Первые публикации:

Свеча : [стихотворение] // Две зари : стихи. М., 1927. 44 с. 1000 экз. (первое появление в печати);

Рафили М. Песни о городах : стихи / пер. с тюрк. А. Тарковского. М., 1936. 85 с. 3000 экз. (первая книга переводов);

Перед снегом : стихи. М., 1962. 142 с. 6000 экз. (первая книга поэта).

3. Из ранних стихотворений:

***

Цветет и врастает в эфир
Звезды семигранный кристалл,
Чтоб я этот призрачный мир
В подъятых руках осязал.

На пальцах летучий налет –
Пространства святая вода,
И острою льдинкой растет
На длинной ладони звезда.

Но мерно колышет эфир
Созвездия тающих тел,
Чтоб я этот призрачный мир
В руках удержать не сумел.

1926

СВЕЧА

Мерцая желтым язычком,
Свеча все больше оплывает.
Вот так и мы с тобой живем –
Душа горит и тело тает.

1926

***

Летийский ветер веет надо мной
Забвением и медленным блаженством.
– Куда идти с такою немотой,
С таким слепым, бесплодным совершенством.

Изнемогая, мертвенный гранит
Над мрачною водою холодеет.
– Пора, мой друг. Печальный город спит,
Редеет ночь и улицы пустеют;

И – как тогда – сверкает голубой,
Прозрачный лед. Январь и ожиданье,
И над бессонной, медленной Невой
Твоей звезды далекое мерцанье.

1926

МУЗЕ

Что мне пропитанный полынью ветер.
Что мне песок, впитавший за день солнце.
Что в зеркале поющем голубая
Двойная, отраженная звезда.

Нет имени блаженнее: Мария, –
Оно поет в волнах Архипелага,

Оно звенит, как парус напряженный
Семи рожденных небом островов.

Ты сном была и музыкою стала,
Стань именем и будь воспоминаньем
И смуглою девической ладонью
Коснись моих полуоткрытых глаз, –

Чтоб я увидел золотое небо,
Чтобы в расширенных зрачках любимой,
Как в зеркалах, возникло отраженье
Двойной звезды, ведущей корабли.

1928

***

Стихотворение, обычно открывающее собрания сочинений:

ПЕРЕД ЛИСТОПАДОМ

Все разошлись. На прощанье осталась
Оторопь желтой листвы за окном,
Вот и осталась мне самая малость
Шороха осени в доме моем.

Выпало лето холодной иголкой
Из онемелой руки тишины
И запропало в потемках за полкой,
За штукатуркой мышиной стены.

Если считаться начнем, я не вправе
Даже на этот пожар за окном.
Верно, еще рассыпается гравий
Под осторожным ее каблуком.

Там, в заоконном тревожном покое,
Вне моего бытия и жилья,
В желтом, и синем, и красном – на что ей
Память моя? Что ей память моя?

1929

КЕДРИН
Дмитрий Борисович

1. Родился 4 (17 н. ст.) февраля 1907 г., умер (убит) 18 сентября 1945 г. на 39-м году жизни.

2. До 1913 г. жил в г. Балта Подольской губернии, потом семья переехала в Екатеринослав (Днепропетровск). Рано осиротел. Воспитывался у тетки (сестры матери) и бабушки, которые дали мальчику хорошее нравственное воспитание. Учился дома, в коммерческом училище, а затем в техникуме путей сообщения. В 1924 г. бросил техникум и начал работать в екатеринославской газете «Грядущая смена»; с этого времени появляются публикации стихов молодого поэта. Писать начал рано, в отрочестве (ок. 10 лет).

Первые публикации:

Сторож : [стихотворение] // Грядущая смена. 1924. 22 апр. (первое появление в печати);

Свидетели : книга стихов. М., 1940. 71 с. 10 000 экз. (первая книга поэта).

3. Из ранних стихотворений:

СТИХИ О ВЕСНЕ

Разве раньше бывала весна
Для меня вот, кошмаром давимого?..
Для других – может быть... Для меня
Были вечные серые зимы...
Разве вспомнишь, что солнечный лак
Золотит бугорки и опушки,
Если голод, унылый чудак,
В животе распевает частушки?
Разве знаешь, что, радостью пьян,
Лес зареял вершинами гордыми,
Если вечно бастует карман
И на каждом углу держиморда?
Пусть в полях распустились цветы

Над шатрами бездонно-лазурными,
Что тебе, раз такими ж, как ты,
Полны темные, душные тюрьмы?
А сегодня мне всё нипочем,
Сердцу вешняя радость знакома,
Оттого что горит кумачом
Красный флаг в синеве над райкомом.
Тянет солнце горячим багром
Стаю дней вереницею длинной,
Потому что весна с Октябрем
Разогнула согбенные спины.
Плещет в душу весна, говоря,
Что назавтра набат заклокочет
И стальная нога Октября
По ступеням миров прогрохочет.
И, я знаю, в приливе волны
Послом эсэсэровских хижин,
Пионером всемирной весны
Буду завтра в Париже.

1924

Я УШЕЛ

(Из цикла «Тропы ржаные»)

Я ушел от родимой земли
И туда никогда не вернусь,
Где тропинками ветер в пыли
Бороздит деревянную Русь.

Пусть еще продолжает закат
Кумачи над окрайнами стлать, –
Я ушел, чтоб, как все, рисовать
Дней грядущих пурпурный плакат.

И теперь, что ни день – мне милей
Перезвон городских голосов,
Всё чужее размахи полей
И зеленые храмы лесов.

Эх, я знаю, что в летней игре
Будет поле цветами цвести

И, прилегши на тихом бугре,
Ночь не раз обо мне загрустит.

Загрустит и заплачет о том,
Чей чуб ветру уже не трепать!..
Что за дело?.. Мне болт за болтом
Нужно скрепы для завтра клепать!..

1924

ОСЕНЬ

Эх ты осень, рожью золотая,
Ржавь травы у синих глаз озер.
Скоро, скоро листьями оттает
Мой зеленый, мой дремучий бор.

Заклубит на езженых дорогах
Стон возов серебряную пыль.
Ты придешь и ляжешь у порога
И тоской позолотишь ковыль.

Встанут вновь седых твоих туманов
Над рекою серые гряды,
Будто дым над чьим-то дальним станом,
Над кочевьем Золотой Орды.

Будешь ты шуметь у мутных окон,
У озер, где грусть плакучих ив.
Твой последний золотистый локон
Расцветет над ширью тихих нив.

Эх ты осень, рожью золотая,
Ржавь травы у синих глаз озер!..
Скоро, скоро листьями оттает
Мой дремучий, мой угрюмый бор.

1924

КОРНИЛОВ
Борис Петрович
(печатался с подписью «Б. КОРНИЛОВ (ВЕРБИН)»)

1. Родился 16 (29 н. ст.) июля 1907 г., умер (погиб в заключении) в 1938 г. в возрасте 31 года.

2. Воспитывался до трех лет в с. Покровском (Нижегородская губерния), затем семья переехала в д. Дьяково, ближе к г. Семенову, где Б. Корнилов жил до 15 лет. Сын местных учителей, Борис обучался сразу в трех классах, так как уроки проводились в них одновременно. Он рано начал читать и писать. Первые стихи скрывал от родных и близких – стеснялся своего дара. Вступив в пионеры, стал активистом: писал для стенгазеты и местного молодежного театра «Синяя блуза». Его песни пели на улицах (его же друзья и знакомые). Один из нижегородских писателей заметил юного стихотворца и опубликовал его стихи в нижегородской газете «Молодая рать» (апрель 1925).

Первые публикации:

На моря : [стихотворение ; подпись «Б. Вербин»] // Молодая рать. 1925. 28 апр. (первое появление в печати);

Молодость : стихи. Л., 1928. 62 с. 3000 экз. (первая книга поэта).

3. Из ранних стихотворений (1925–1926):

***

Усталость тихая, вечерняя
Зовет из гула голосов
В Нижегородскую губернию
И в синь семеновских лесов.

Сосновый шум и смех осиновый
Опять кулигами пройдет.
Я вечера припомню синие
И дымом пахнущий омет.

Березы нежной тело белое
В руках увижу ложкаря,
И вновь непочатая, целая
Заколыхается заря.

Ты не уйдешь, моя сосновая,
Моя любимая страна!
Когда-нибудь, но буду снова я
Бросать на землю семена.

Когда хозяйки хлопнут ставнями,
И отдых скрюченным рукам,
Я расскажу про город каменный
Седым, угрюмым старикам.

Познаю вновь любовь вечернюю,
Уйдя из гула голосов
В Нижегородскую губернию,
В разбег семеновских лесов.

1925

ЛОШАДЬ

Дни-мальчишки,
Вы ушли, хорошие,
Мне оставили одни слова, –
И во сне я рыженькую лошадь
В губы мягкие расцеловал.

Гладил уши, морду
Тихо гладил
И глядел в печальные глаза.
Был с тобой, как и бывало,
Рядом,
Но не знал, о чем тебе сказать.

Не сказал, что есть другие кони,
Из железа кони,
Из огня...
Ты б меня, мой дорогой, не понял,
Ты б не понял нового меня.

Говорил о полевом, о прошлом,
Как в полях, у старенькой сохи,
Как в лугах немятых и некошеных
Я читал тебе
Свои стихи...

Мне так дорого и так мне любо
Дни мои любить и вспоминать,
Как, смеясь, тебе совал я в губы
Хлеб, что утром мне давала мать.

Потому ты не поймешь железа,
Что завод деревне подарил,
Хорошо которым
Землю резать,
Но нельзя с которым говорить,

Дни-мальчишки,
Вы ушли, хорошие,
Мне оставили одни слова, –
И во сне я рыженькую лошадь
В губы мягкие расцеловал.

1925

***

Так хорошо и просто,
Шагнув через порог,
Рассыпать нашу поступь
По зелени дорог.

В улыбчивое лето
Бросать среди путей
Задумчивость поэта
И шалости детей.

Луна – под вечер выйди,
Чтоб, как бывало, вновь
У девушки увидеть
Смущенье и любовь.

Любовная зараза –
Недаром у меня
Заходит ум за разум
При увяданьи дня.

Но от нее я просто
Шагну через порог,
Чтобы рассыпать поступь
По зелени дорог.

1926

ШТЕЙНБЕРГ
Аркадий Акимович

1. Родился 27 ноября (11 декабря н. ст.) 1907 г., умер 7 августа 1984 г. на 77-м году жизни.

2. Воспитывался в семье преуспевающего одесского врача. Учился в реальном училище святого Павла. В 1922 г. семья переехала в Москву. Юный А. Штейнберг серьезно занимался живописью и поступил во Вхутемас, где проучился несколько лет на керамическом отделении, одновременно занимаясь графикой и живописью. В 1927 г. по неизвестным причинам возвращается на два года в Одессу, где продолжает учиться технике литографии, офорта, гравюры, ксилографии у немца Заузе. Затем едет обратно в Москву (но Вхутемас не закончил). В этот период молодой художник активно пишет и публикует стихи, которые пришли к нему вслед за увлечением живописью. Становится одним из «великолепной четверки» поэтов-переводчиков поневоле (А. Тарковский, М. Петровых, С. Липкин и А. Штейнберг).

3. Из ранних стихотворений:

***

Кроме женщин, есть еще на свете поезда,
Кроме денег, есть еще на свете соловьи.
Хорошо бы укатить неведомо куда,
Не оставив за собой ни друга, ни семьи.
Хорошо бы укатить неведомо куда,
Без оглядки, без причины, просто ни про что,
Не оставив ни следа, уехать навсегда,
Подстелить под голову потертое пальто,
С верхней полки озирать чужие города,
Сквозь окно, расчерченное пылью и песком.
Хорошо бы укатить неведомо куда,
Запотевшее окно обстреливать плевком,
Полоскать в уборной зубы нефтяной водой,

Добывать из термоса дымящийся удой,
Не оставив ни следа, уехать навсегда,
Раствориться без остатка, сгинуть без следа,
И не дрогнуть, и не вспомнить, – как тебя зовут,
Где, в какой стране твои родители живут,
Как тебя за три копейки продали друзья,
Как лгала надменная любовница твоя.
Кроме денег, есть еще на свете облака.
Слава Богу, ты еще не болен и не стар.
Мы живем в двадцатом веке: ставь наверняка,
Цельсия долго, только сразу наноси удар!
Если жизнь тебя надула, не хрипи в петле,
Поищи себе другое место на земле,
Нанимайся на работу, зашибай деньгу,
Грей худую задницу на Южном берегу!
Или это очень трудно – плюнуть счастью вслед,
Или жалко разорить родимое гнездо,
Променять имущество на проездной билет,
Пухлые подушки на потертое пальто...
Верь солдатской поговорке: горе – не беда!..
Хорошо бы укатить неведомо куда,
Не оставив ни следа, уехать навсегда,
Раствориться без остатка, сгинуть без следа,
С верхней полки озирать чужие города,
Сквозь окно, зашлепанное проливной луной,
Сквозь дорожный ветер ледяной...

1928–1929

***

Взглянул с горы я на Бирнамский Лес;
Гляжу, – и вдруг, мне показалось, будто
Он движется...

Макбет

Оперенный ветвями, плющом оплетенный,
То ныряя, то вновь появляясь на миг,
Бормоча, издавая невнятные стоны,
Через пни и колоды он шел напрямик.

Он шагал по жнивью босиком, приминая
Куруслепы, лишенные желтых голов,

Хохотал и гугукал, как птица ночная,
И бранился, подошвы свои наколов.

Там, где ивы седые мечтают о братстве,
Где тростник увядает в вечернем дыму,
Мы сошлись, невзирая на сотни препятствий,
Невзирая на дождь, невзирая на тьму.

Мы сошлись у ручья, прилегли, помолчали,
И когда под корнями уснула вода,
Мы тихонько запели, как в самом начале
Нашей дружбы, – как в те молодые года.

Мы запели о жизни единой и разной,
О товарищах наших по детской игре,
О бессмертных трудах и о вечности праздной,
Как разбухшее сердце на ветхой коре.

1928

***

В сумерках едва краснеет
Лодка, прикованная к столбу.
Упрямый рыбак дрожит от холода.
Везде накурено, темно,
И только сырая вода сохранила
Последние отсветы дня.

Две девочки молча сидят на заборе.
В поселковых дачах зажглись огоньки.
Осенняя ночь, словно Черное море,
Кружится и воет в пустынных полях.
Хотя б до рассвета она замолчала...
И красная лодка всю ночь напролет
Скрипит и мотается взад и вперед,
И трется бортами о сваи причала,
Смеется и плачет всю ночь напролет.

1928

***

Долго ли мне еще скитаться,
Пробавляясь теплым нарзаном?
Много ли мне еще осталось
Места на бульварных скамейках? –
Девочки становятся старше,
Мальчики шалеют от пива,
Музыка играет Шопена
И кавалерийские вальсы.

1928

***

Метнулись тени по воде, пустеет вечер неживой,
Фарфоровые небеса полны беззвездной синевой;
Над затуманившейся головой зияют небеса
и вспыхивают у ворот невидимые голоса,
Шатаются по мостовой, не зная сами почему,
И сделавши под козырек, проваливаются во тьму.

Ветер бьет в лицо,
Треплет пальтецо,
Ветви гнет дугой,
Топает ногой.
Улицы метет
И растет... растет...

1928

***

Ты меня не понимаешь, Маргарита!
Я теперь уже не мальчик безбородый,
Я покинул это старое корыто,
Больше плавать я на нем не в состояньи!
Я совсем не поступаю безрассудно –
Жизнь докажет правоту мою на деле:
Пусть меня повесят, если судно
Не развалится на будущей неделе!..

1928

ПЕТРОВЫХ
Мария Сергеевна

1. Родилась 13 (26 н. ст.) марта 1908 г., умерла 1 июня 1979 г. на 72-м году жизни.

2. Получила прекрасное домашнее воспитание и образование в семье инженера-технолога. До шести лет росла дома, затем была отвезена в Ярославль, где посещала сначала детский сад, а затем школу. Учиться в гимназии не пришлось: революция. С пятнадцатилетнего возраста посещала собрания Союза поэтов (поэты собирались в ярославской библиотеке). Училась в советской норско-посадской школе, затем в ярославской школе им. Н. А. Некрасова. После окончания школы уехала в Москву, где поступила на Высшие государственные литературные курсы. Экстерном окончила Московский университет. В 1934 г. Г. А. Шенгели (редактор отдела литературы народов СССР в Гослитиздате) предложил М. Петровых, А. Тарковскому, С. Липкину, А. Штейнбергу работать над переводами. Стихи начала сочинять в детстве.

Первые публикации:

«Я ее не любить не могу...»; «Я не хочу, я не могу...» // Ярославские понедельники : стихи. Ярославль, 1926. 63 с. 500 экз. (первое появление в печати);

Молла Непес. Избранная лирика / пер. с туркмен. М. Петровых. М., 1941. 108 с. 10 000 экз. (первая книга переводов);

Дальнее дерево : стихи ; Из армянской поэзии : переводы. Ереван, 1968. 208 с. 5000 экз. (первая книга стихотворений).

3. Из ранних стихотворений:

НОЧЬ

Ночь нависает стынущей, стонущей,
Натуго кутая темнотой.
Ласковый облик, в истоме тонущий,
Манит, обманывая тобой.

Искрами злыми снега исколоты.
Скрип и гуденье в себе таят.
Даль недолётна. Лишь слышно: от холода
Звезд голубые хрящи хрустят.

21 ноября 1921

***

Весна так чувственна. Прикосновенье ветра
Томит листву, и грешная дрожит.
Не выдержит? И этой самой ночью...
Пахучая испарина ползет
И обволакивает. Мягко
Колышутся и ветви клена,
И чьи-то волосы, и чей-то взгляд.
Все – обреченное. И я обречена
Под кожу втягивать прохладную звезду,
И душный пот земли, и желтый мир заката...
Но по железу ёрзнула пила,
И кислое осело на зубах.

1921, весна

ОТРЫВОК

В движенье хаоса немом,
В безмолвном волн соревнованье –
Сперва расплывчатым пятном
Скользнуло первое сознанье.
Уж волны тяжкие сошлись
Втоптать в себя чужую силу.
Но хаос молнией пронзила
Никем не сказанная мысль.
И побежденный – коченел.
Громады волн (громады тел!)
Покрылись немотою плотной,
Землей, в зачатьях многоплодной:
Начала не было. Поверь
Грядущему – конца не будет.
Но по ночам голодный зверь
Нам чудится в подземном гуде.
Когда дерзали – на века

Терзать непрожитые дали,
Он выползал издалека,
И в жерлах гор его видали.
Он все подслушал. Он отмстить
Горячим клокотом поклялся.
Кто ныне смеет вопросить –
Умолк? Умаялся? Умялся?
В ком страха нет? Прильни, внемли,
Вмолчись в таинственное лоно
И сквозь дыхание земли
Прослышь ворчание и стоны.
Там тугосжатые дрожат.
Сквозь плен (сквозь тлен!) внемли очами
Самосжиранию громад
Безумных волн, голодных нами.

1928

ЧИННОВ
Игорь Владимирович

1. Родился 12 (25 н. ст.) сентября 1909 г., умер 21 мая 1996 г. на 85-м году жизни.

2. Получил хорошее домашнее воспитание в семье юриста (отец) и родовитой дворянки (мать). Когда И. Чиннову было 8 лет, семья бежала на юг России (в Ставрополе все переболели тифом), а в 1922 г. в теплушках пересекла Россию вновь, переезжая в буржуазную Ригу, где получила гражданство. В Риге учился в Ломоносовской гимназии (начало образованию – первый класс – было положено в Рязани, где мальчик, сидя у окна, «смотрел на революцию»). В 1931 г. после гимназии поступает на юридический факультет Рижского университета. Поэт всю жизнь прожил за рубежами страны. Стихи начал сочинять в отрочестве.

Первые публикации:

Рисование несовершеннолетнего : [статья] // Числа (Париж). 1932. № 6 (первое появление в печати);

[Стихотворение] // Там же. № 10 (первая стихотворная публикация);

Монолог : стихи. Париж, 1950. 48 с. (первая книга поэта).

3. Стихотворения из книги «Монолог»:

***

Неужели не стоило
Нам рождаться на свет,
Где судьба нам устроила
Этот смутный рассвет,

Где в синеющем инее
Эта сетка ветвей –
Словно тонкие линии
На ладони твоей,

Где дорожка прибрежная,
Описав полукруг,
Словно линия нежная
Жизни – кончилась вдруг,

И полоска попутная –
Слабый след на реке –
Словно линия смутная
Счастья – там, вдалеке...

1950

***

К ночи мягче погода,
Недалеко весна.
Над трубой парохода
Невысоко – луна.

Дым нежней голубеет,
Синим кажется мост.
Искры легкие реют
Где-то около звезд.

Берег у́же и тише,
Тих синеющий сквер.
А немного повыше –
Скоро музыку сфер
Мы, быть может, услышим.

1950

***

Так посмотришь небрежно,
И не вспомнится позже
Этот снег неизбежный,
Этот светленький дождик.

Незаметно задремлешь,
И не видеть во сне бы
Оснеженную землю,
Светловатое небо.

Это радостный признак,
Это – счастье, поверьте:
Равнодушие к жизни
И предчувствие смерти.

***

Петух возвещает, чуть свет,
Что ночь позади;
Кукушка – что столько-то лет
Еще впереди.

Куку или кукареку –
Значенье одно:
Что сыплется (будь начеку!)
Струею зерно.

Ты знаешь, есть птица одна,
Она не поет:
Лишь время, как семя, она
Неслышно клюет.

ВАСИЛЬЕВ
Павел Николаевич

1. Родился 23 декабря 1909 г. (5 января 1910 н. ст.), умер (расстрелян) 15 или 16 июля 1937 г. на 27-м году жизни.

2. Получил хорошее домашнее воспитание и образование (отец – учитель, мать – любительница музыки и литературы). Поэтический дар был укреплен стараниями бабушки и деда, которые, будучи неграмотными, обладали замечательными способностями сочинять стихи, песни и сказки, а также были знатоками русского фольклора во всех его формах и жанрах. Детство и отрочество провел в Казахстане (Атбасар, Петропавловск и Павлодар), сначала учился в петропавловском городском училище, с 1919 г. – в Павлодаре, где в 1926 г. окончил школу второй ступени. Стихи начал писать в десятилетнем возрасте (сохранился автограф стихотворения, написанного в Алтайском крае, в Балдынском ущелье 24 июня 1921 г.). После окончания школы поступает на японское отделение факультета восточных языков университета во Владивостоке. Здесь происходит первая публикация стихов (1926).

Первые публикации:

Октябрь : [стихотворение] // Красный молодняк. 1926. 6 нояб. (первое появление в печати);

В золотой разведке. М. ; Л., 1930. 47 с. 10 000 экз. (первая книга);

Путь на Семинге : стихи. М. ; Л., 1932. 90 с. 3000 экз. (первая книга стихотворений).

3. Из детских и отроческих стихов:

***

Алтай! На сопки дикие, покрытые густым березняком,
На камни острые, седым ручьем разбитые,
Я первый стих принес!..
Лишь здесь, под серой вереницей
Седых косматых гор,
Лишь здесь, где кроме скал утесистых

Ничто не встретит взор, –
Я пропою... А эхо пере<катит>.
Подхватит, разнесет,
Ответит раз под тысячу
И снова пропоет!

24 июня 1921
Балдынское ущелье

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Летний вечер... Кругом тишина.
Не шелохнется лист на дубраве,
Не махнет своей лапой косматой сосна,
Не кричит даже филин ушатый.
Уж с вечернего неба багровым пятном
Солнце низкое в тучи уходит,
А на смену ему из дворца своего
Ясный месяц, красавец, выходит...

Чу! В соседнем саду засвистал соловей,
Отозвался другой...
К небу, к солнцу, к закату из темных ветвей
Полилася искристая песня волной.

26 июня 1921
Большенарымск

ВОЛНЫ

Катятся, катятся, синие, вольные,
Лижут гребнями тяжелый песок.
Катятся, катятся, яростью полные,
И, разбиваясь, рыдают у ног!

Снова волнуются, снова сбираются,
Снова скакают на желтый песок,
Но, не сорвав своей злобы, скрываются,
Делая то, что назначил им рок.

29 января 1923
Павлодар

***

Ночь. Луна. Желтоватые отблески тают,
Водянистые тучи по небу ползут,
Тени слабо дрожат, исчезают,
Тени ширятся, всюду растут!
Я хотел бы молчать,
Да душа не молчит,
Я хотел бы не петь –
Громко песня звучит,
Из груди молодой вырываясь!..
Где уж тут удержать сердца вольного звук,
Когда ночка с тобой обнимается,
Когда крутит луна под венчальным кольцом,
В серебристом просвете купается.

Мало этого мне! Разве ночки любовь
С твоей лаской живою сравнится?
Эх, хотелось бы мне этой жаркой рукой
Вокруг стана твоего обвиться!..

Ночь. Луна. Желтоватые отблески тают,
Водянистые тучи по небу ползут,
Тени слабо дрожат, исчезают,
Тени ширятся, всюду растут!..

4 июля 1923
Павлодар

***

Я песню пропою тебе,
Там, где бежит упругая река
Под блеском звезд,
Под небом, бархатом обвитым,
Под шелест ветерка!..

И песнь моя – красота,
Весенней юности – мечта,
Так звучна, звонка, хороша,
Любовью так полна, –
Что сердце у тебя

В груди порывисто забьется,
Всё позабыв, в объятья мне падешь
И счастье там найдешь!
Счастлив лишь тот, кто отдается.

14 декабря 1925
Павлодар

ТВАРДОВСКИЙ
Александр Трифонович

1. Родился 8 (21 н. ст.) июня 1910 г., умер 18 декабря 1971 г. на 62-м году жизни.

2. Получил хорошее домашнее воспитание и образование в крестьянской семье. Отец Трифон Гордеевич – крестьянин, кузнец, любитель чтения, создал дома свою библиотеку, где, кроме Н. Некрасова, были книги А. Пушкина, М. Лермонтова, А. К. Толстого, И. Никитина, П. Ершова, Ф. Тютчева, А. Фета и др. Отец был строгим, но чрезвычайно трудолюбивым, умным и развитым человеком. А. Твардовский научился читать и писать в десятилетнем возрасте и активно участвовал в зимних семейных чтениях вслух книг из домашней библиотеки. Стихи начал сочинять еще до овладения грамотой (в 8–9-летнем возрасте: первое стихотворение было сочинено изустно как шуточное обличение своих друзей по играм). Учился в Егорьевской школе (Смоленская губерния / область), где два учителя – Иван Ильич и его отец Илья Лазаревич Поручиковы поощряли первые стихотворные опыты одаренного отрока. В 1923 г. поступил в среднюю школу (при переезде школы в Ельню учение пришлось бросить). С 1924 г. посылает заметки в редакции смоленских газет. В 1925–1927 гг. (А. Твардовскому 15–17 лет) формируется как поэт и начинается ранний период его творчества.

Первые публикации:

Новая изба // Смоленская деревня. 1925. 19 июля (первое появление в печати);

Путь к социализму. М., 1931. 63 с. 3250 экз. (первая книга).

3. Из ранних стихотворений:

НОВАЯ ИЗБА

Пахнет свежей сосновой смолою,
Желтоватые стенки блестят.
Хорошо заживем мы семьею
Здесь на новый, советский лад.

А в углу мы «богов» не повесим
И не будет лампадка тлеть.
Вместо этой дедовской плесени
Из угла будет Ленин глядеть.

1925

УРОЖАЙ

Дышат грудью запотелой
Желтогривые овсы.
Чем-то теплым,
Чем-то спелым
Веет с нашей полосы.

Дай ступну ногой босою
По колючему жнивью.
Дай блестящею косою
Срежу полосу мою.

Под овсяный говор нивы
Жарким потом обольюсь.
Я вдвойне тогда счастливый,
Если вволю потружусь.

На гумне под темной крышей
Отдохнут в скирдах снопы.
Утро раннее услышит,
Как зазвякают цепы.

На душе простор-веселье,
Непочатый счастья край...
Валит хлеб златой метелью.
Здравствуй,
Новый урожай.

1926

РОДНОЕ

Дорог израненные спины.
Тягучий запах конопли...

Опять знакомые картины
И тихий вид родной земли...

Я вижу – в сумерках осенних
Приютом манят огоньки.
Иду в затихнувшие сени,
Где пахнет залежью пеньки.

На стенке с радостью заметить
Люблю приклеенный портрет,
И кажется, что тихо светит
В избе какой-то новый свет.

Еще с надворья тянет летом,
Еще не стихнул страдный шум...
Пришла «Крестьянская газета»,
Как ворох мужиковских дум.

А проскрипит последним возом
Уборка хлеба на полях,
И осень закует морозом
В деревне трудовой размах...

Придет зима. Под шум метелей,
В читальне, в радостном тепле,
Доклад продуманный застелет
Старинку темную в селе...

1926

ПЕРЕВОЗЧИК

Стада неторопливых волн
Скрываются за поворотом...
Незнамо сколько здесь живет он
И кто его сюда привел.

Как пена сед. Какой же прок?
Когда придет успокоенье?
Всю жизнь он правил поперек
Неустающего теченья.

К другим с сединами покой
Приходит верною походкой.
А тут зовут паром и лодку
И днем, и в тишине ночной.

На крик послушно торопись
Для пешеходов и обозов...
А кто-то скажет:
– То-то жизнь,
Малина – жизнь у перевоза...

Ни внуков, ни своей избы,
Сиди в землянке, как в колодце.
И – старость... Скоро, может быть,
Его никто не дозовется.

Тогда помянут ли добром,
Не говоря о лучшей славе:
Следа он в жизни не оставил,
Как по руслу реки паром.

1927

ЕЛАГИН
Иван
(наст. имя МАТВЕЕВ Иван Венедиктович)

1. Родился 1 декабря 1918 г., умер 8 февраля 1987 г. на 69-м году жизни.

2. Крестным отцом Ивана Матвеева (Елагина) был отец Даниила Хармса – Иван Ювачев, друг отца Ивана – Венедикта Николаевича Марта. В младенчестве Ивана вывезли из Владивостока в Харбин; когда мальчику исполнилось пять лет, семья уехала из Китая и скиталась по разоренной, голодной России. В 1928 г. стал беспризорником: отец угодил в ссылку в Саратов, а мать – в психиатрическую больницу. В конце концов отец будет арестован повторно и погибнет в сталинских застенках:

За стеклами в морозилке
Хранится родитель мой.
Положен с пулей в затылке.
Дата – тридцать восьмой...

(«Семейный архив»)

После второго ареста отца (12 июня 1937 г.) Иван остался с мачехой (в 18 лет). В 1938–1939 гг., по свидетельству одного из друзей И. Елагина, уже писал стихи (видимо, с отроческих–юношеских пор). Однажды он сказал: «А я вчера стишок написал:

У меня матрас засален
От ночной поллюции.
Пусть живет товарищ Сталин,
Творец конституции!..»

Почему И. Елагина не арестовали вслед за отцом – загадка. Во время Второй мировой войны И. Елагин интернирован в Германию. После победы жил в эмиграции до самой смерти.

Первая публикация:

По дороге оттуда : стихи. Мюнхен, 1947. 68 с. (первая книга поэта; первое появление в печати).

3. Из стихотворений конца 1940-х гг.:

***

Розу в волосы заколите,
Веер китайский подвесьте к руке.
Вам бы где-нибудь на Гаити
Плясать на столе в ночном кабаке.
Только там, у дубовой стойки,
Где гавайской гитары стонет струна,
Всем неудачникам все неустойки
Счастье выплачивает сполна.

***

Всё мудро устроено в мире, –
И то, что замужем ты,
И то, что в твоей квартире
Стоят на столе цветы.

И то, что, придя с работы,
Твой муж находит уют,
И то, что эти заботы
Встречаться нам не дают.

Но если при редкой встрече
Ты мне кивнешь на ходу,
Я эти глаза и плечи –
В глубокую память кладу.

Я счастлив. И нет мне дела,
Что меж нами преграды одни...
Как бы ты мне надоела,
Если бы не они!

***

Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелком не сжимаешь ног.

Пушкин. «Калмычке»

Только встречу и погляжу –
Рвется душа на части,
Ходит по первому этажу
Мое калмыцкое счастье.
Где кибитки и где холсты,
Песнь по степным проселкам?
Ты по-французски лепечешь, ты
Ноги сжимаешь шелком.
Устремляется вспять поток,
Если плотиной заперт.
Будем мы глядеть на восток,
А уходить на запад.

Нашей беды большой
Кто подсчитает убытки?
О если б забыться праздной душой
В твоей кочевой кибитке!

лагерь UNRRA
1947

ГЛАЗКОВ
Николай Иванович

1. Родился 30 января 1919 г., умер 1 октября 1979 г. на 61-м году жизни.

2. Сочинять стихи начал очень рано (возможен автомиф). В школе учился плохо. Обладал суперобразным мышлением, почти не воспринимал учебный материал. В 1932 г., по словам Н. Глазкова (в записи Д. Самойлова), он ехал в поезде и «от нечего делать стал сочинять стихи». Когда мальчик увидел, что «они быстро рифмуются, то испугался и прекратил». В 1934 г., как считал сам Н. Глазков, он пишет «программное четверостишие»:

Прошедшее ушло и миновало,
Оно уж не вернется никогда.
Но для меня не все еще пропало:
Пропали лишь минувшие года.

В 1935 г., по словам поэта, «стихи прекратились». Увлекся шахматами. В 1937 г. (17–18 лет) пишет стихи, которые начинаются так:

Я гений Николай Глазков,
И в этом вся моя отрада...

Поступает в пединститут (Москва), а затем в литинститут, где знакомится с С. Наровчатовым, М. Кульчицким и др. Считал себя «самым хорошим поэтом в литинституте» и составил рейтинг других молодых поэтов: «Второе место занимал Наровчатов, третье – Кульчицкий. Далее следовали Кауфман (Д. Самойлов), Слуцкий, Коган, Воронько, Израилев и Кронгауз». Печатался редко.

Первая публикация:

Моя эстрада : стихи. Калинин, 1957. 106 с. 5000 экз. (первое появление в печати и первая книга поэта).

3. Из детских и юношеских стихов:

***

Некий царь из тех династий,
Что боятся гнева масс,
Со своей царицей Настей
Улететь решил на Марс.

Там, где в северном сиянье
Дремлют северные льды,
Прилетели марсиане
И поставили шатры.

1925

***

Рекламы города цветут
Движеньем и огнем.
Четыре девушки идут
И думают о нем.

А почему не обо мне,
Чем хуже я его?
Ничем не хуже, но оне
Не смыслят ничего.

1933

***

По небосклону двигалась луна
И отражалась в н-ской луже,
И чувствовалась в луже глубина,
Казалось, лужа в миллион раз глубже.

1937

ПИРАТ

В морской утонувши пучине,
Мог быть достоянием крабов
Иль где-нибудь в знойной пустыне
Рабом разъяренных арабов.

Не раз на съеденье акулы
Его обрекали матросы,
Но он им сворачивал скулы,
Спокойно куря папиросы.

Не раз с берегов Сенегала
Ему угрожали кончиной, –
Он вешал посланца-нахала
На длинном конце парусины.

Он грабил далекие страны.
Под жизни скитальческой склон
Залечивать старые раны
Поехал на родину он.

И смерть воспринял на постели
В одну из морозных ночей
Под северный ропот метели,
Под сдержанный шепот врачей.

1937

***

В тот день улетучилась к черту победа,
И это трагически понято мной,
Но я утверждаю, что званья поэта
Достоин, как званья иного – иной.

1937

ШАГРЕНЕВАЯ КОЖА

Желать – нас сжигает,
Нас мочь – разрушает,
Дарует спокойствие – знать,
Но чаще бывает,
Что счастье внушает
Не видеть и знать,
А желать.

И все мы, конечно,
Желать бесконечно,

Желать безрассудно не прочь,
И все мы беспечно
Желаем, чтоб вечно
Желать превращалось бы в мочь.

1937

***

Мне ночь дарует мрак,
Сверлит сознанье рок.
Да здравствует дурак,
Проникнувший в мирок.

А я совсем не то,
И песнь моя не та.
Я гений и знаток;
Но действую не так.

1938

СЛУЦКИЙ
Борис Абрамович

1. Родился 7 мая 1919 г., умер 23 февраля 1986 г. на 66-м году жизни.

2. Воспитывался в семье со средним достатком (отец занимался торговлей; мать, выпускница гимназии, любила музыку и поэзию). Когда ребенку (Борис – первенец) было 3 года, семья переезжает в Харьков, живет в коммунальном доме. Б. Слуцкий учится поочередно в трех школах, занимается в литературном кружке харьковского Дворца пионеров, где знакомится с Мишей Кульчицким (их объединила страсть к мировой, русской и украинской поэзии), причем М. Кульчицкий уже активно пишет стихи, а Б. Слуцкий – взахлеб читает и учится, учится. Именно в Харькове, в доме дворян (бывших, естественно) Кульчицких, Б. Слуцкий начинает остро и глубоко чувствовать русский язык. Эталоном поэзии Борис считал стихи В. Маяковского, а поэзия А. Пушкина и особенно Лермонтова, по словам поэта, «очень долго казались <ему> отклонениями от настоящей поэзии». В 1937 г. окончил 94-ю харьковскую школу и поступил в Московский юридический институт (Кульчицкий учился в Харьковском университете). Через два года они бросают свои вузы и поступают в литинститут, который осенью 1941 г. Б. Слуцкий, в ожидании отправки на фронт добровольцем (по заявлению в военкомат), оканчивает, сдав экзамены экстерном. Стихи начал писать в возрасте 16–17 лет.

Первые публикации:

Маяковский на трибуне // Октябрь. 1941. № 3 (первое появление в печати);

Память : книга стихов. М., 1957. 100 с. 10 000 экз. (первая книга поэта).

3. Из стихотворений 1930-х гг.:

ГЕНЕРАЛ МИАХА, НАБЛЮДАЮЩИЙ ПЕРЕХОД ИСПАНСКИМИ ВОЙСКАМИ ФРАНЦУЗСКОЙ ГРАНИЦЫ

Республика дозволила войти,
Но факт есть факт и – горе побежденным.
Оркестр молчит, и свернуты знамена.
И генерала нету впереди.

Он на трибуне занял место с краю,
В седин приличье лысину убрал.
Так в клуб – смотреть – приходят шулера,
Когда за стол их больше не пускают.

Седой старик, почтеннейший старик,
Слегка на пенсии, болезнью чуть разбитый...
А он стоит и мучает парик
И примеряет лоб к самоубийству.

О, все б вернуть! О, если б все отдать –
Почет, богатство, мелочи регалий –
За то, чтоб здесь разбитым генералом
С разбитой армией в концлагерь прошагать!

И, лавочников левых убеждений
Смеша,
он проборматывает вниз:
– Неплохо, мальчики, хоть сапоги грязны –
Штыки блестят – оно важней в сраженьи.
Но шаг! Где шаг! Дыханье – затаить!
Вы репутацию мне портите, мальчишки!

Им давят грудь их орденские книжки,
Где ваша подпись, генерал, стоит.

БАЗИС И НАДСТРОЙКА

Давайте деньги бедным,
Давайте хлеб несытым,

А дружбу и любезность
Куда-нибудь несите,
Совсем в другое место,
Где трижды в день еда,
Несите ваши чувства,
Тащите их туда.
Я вычитал у Энгельса,
Я разузнал у Маркса,
На что особо гневаются
Рассерженные массы:
На то, что хлеба – мало,
На то, что негде жить,
Что трудно без обмана
Работать и служить.
Брезентовые туфли
Стесняют шаг искусства,
На коммунальной кухне
Не расцветают чувства,
И соловьи от басен
Невесело поют...
Да процветает базис!
Надстройки подождут!

Из стихотворений 1940-х гг.:

1942

Не ется хлеб, и песни не поются.
В душе, во рту, в глазах – одна тоска.
Все кажется – знамена революции
Без ветерка срываются с древка.
Сентябрь. И немцы лезут к Сталинграду.
А я сижу под Ржевом и ропщу
На все. И сердце ничему не радо –
Ни ордену, ни вёдру, ни борщу.
Через передовую – тишина.
Наверно, немец спит после обеда.
А я жую остылый ком пшена,
И стыдно есть – задаром, без победы.

***

Я был учеником у Маяковского
Не потому, что краски растирал,
А потому, что среди ржанья конского
Я человечьим голосом орал.
Не потому, что сиживал на парте я,
Копируя манеры, рост и пыл,
А потому, что в сорок третьем в партию
И в сорок первом в армию вступил.

САМОЙЛОВ
Давид
(наст. имя КАУФМАН Давид Самуилович)

1. Родился 1 июня 1920 г., умер 23 февраля 1990 г. на 70-м году жизни.

2. Получил отличное домашнее воспитание и образование в семье московских интеллигентов (отец – врач). В семье соблюдались еврейские традиции, но говорили только по-русски (отец читал сыну стихи А. Пушкина, пересказывал Ветхий Завет). Демократизм – культурный, социальный (единение двух культур: интеллигентской и крестьянской), гуманитарный – определял качество и содержание атмосферы семьи Кауфманов и детства поэта. Сочинять стихи начал рано (в шесть лет): в доме была небольшая библиотека, в которой можно было найти стихи В. Жуковского, С. Есенина и Г. Гейне. Д. Самойлов поочередно «влюблялся» в поэзию С. Есенина, И. Северянина, В. Брюсова. В возрасте 17 лет молодой стихотворец открывает для себя поэзию Б. Пастернака и «года два, – по словам поэта, – бредил только его стихами». Вместе с тем Д. Самойлов усваивает поэтические уроки А. Блока, Ф. Сологуба, В. Хлебникова, М. Цветаевой, В. Ходасевича, А. Ахматовой, О. Мандельштама, Н. Гумилева и др. Уже в возрасте 14 лет он признается, что поэзия «успокаивает» его, что, когда он пишет стихи, – «все плохое уходит и остается только хорошее». Поэт считал, что годом вхождения его в литературу нужно считать 1937-й.

Первые публикации:

Охота на мамонта : [стихотворение] // Октябрь. 941. № 3 (первое появление в печати);

Албанские поэмы / пер. с алб. Д. Самойлова. М., 1950. 79 с. (первая книга переводов);

Ближние страны : стихи. М., 1958. 90 с. 3000 экз. (первая книга стихотворений).

3. Из ранних стихотворений:

ПЛОТНИКИ...

Плотники о плаху притупили топоры.
Им не вешать, им не плакать – сколотили наскоро.
Сшибли кружки с горьким пивом горожане, школяры.
Толки шли в трактире «Перстень короля Гренадского».

Краснорожие солдаты обнимались с девками,
Хохотали над ужимками бродяги-горбуна,
Городские стражи строже потрясали древками,
Чаще чокались, желая мяса и вина.

Облака и башни были выпуклы и грубы.
Будет чем повеселиться палачу и виселице!
Геральдические львы над воротами дули в трубы.
«Три часа осталось жить – экая бессмыслица!»

Он был смел или беспечен: «И в аду не только черти!
На земле пожили – что же! – попадем на небеса!
Уходи, монах, пожалуйста, не говори о смерти,
Если – экая бессмыслица! – осталось три часа!»

Плотники о плаху притупили топоры.
На ярмарочной площади крикнули глашатаи.
Потянулися солдаты, горожане, школяры,
Женщины, подростки и торговцы бородатые.

Дернули колокола. Приказали расступиться.
Голова тяжелая висела, как свинчатка.
Шел палач, закрытый маской, – чтоб не устыдиться,
Чтобы не испачкаться – в кожаных перчатках.

Посмотрите, молодцы! Поглядите, голубицы!
(Коло-тили, коло-тили в телеса колоколов.)
Душегуб голубоглазый, безбородый – и убийца,
Убегавший из-под стражи, сторожей переколов.

Он был смел или беспечен. Поглядел лишь на небо.
И не слышал, что монах ему твердил об ерунде.
«До свиданья, други!
Может быть, и встретимся когда-нибудь:
Будем жариться у черта на одной сковороде!»

май 1938

ПАСТУХ В ЧУВАШИИ

Глухой хрипун, седой молчальник
Из-за коряг следил луну.
Вокруг стоял сухой кустарник,
Жевали совы белену.
И странны, как рога оленьи,
Валялись корни в отдаленье.
На холод озерны́х зеркал
Туман влачил свои полотна.
Здесь мир первичный возникал
Из глины и куги болотной.
...И, звезд питаясь млечным соком,
Сидел он, молчалив, как окунь.

Как дым, кипели комары
В котле огромной лихорадки.
За косогоры падали миры.
И все здесь было в беспорядке.

Я подошел к огню костра.
– А сколько будет до кордона? –
Глаза лениво и бездонно
Глядели из болотных трав.
Он был божественный язычник
Из глины, выжженной в огне.
Он на коров прикрикнул зычно,
И эхо пело в стороне...
Я подражал «Цыганам» Пушкина
До третьих петухов.

Потом достигла речь кукушкина
Светлевших перьев облаков.
Коровы сбились в теплый ком,
Следя, как звезды потухали.
Шурша шершавым языком,
Они, как матери, вздыхали...

конец 1938

ОХОТА НА МАМОНТА

Я спал на вокзале.
Тяжелый мамонт,
Последний,
шел по болотам Сибири.
И камень стоял. И реки упрямо
В звонкие
берега
били.

А шкуры одежд обвисали.
В налушнах
Стрелы торчали. И было слышно:
Мамонт идет по тропам непослушным,
Последний мамонт идет к водопою.

Так отступают эпохи.
Косые,
Налитые кровью и страхом глаза.
Под закосневшим снегом России
Оставив армию,
уходит на Запад.

Но челюсть разорвана криком охоты.
Кинулось племя. В руках волосатых
Свистнули луки, как птицы...
И кто-то
Уже умирал
на топях проклятых.

И вдруг закричал
последний мамонт,
Завыл,
одинокий на всей земле.
Последним криком своим и самым
Угрюмым и долгим
кричал зверь.

Так звал паровоз в ледниковой ночи,

Под топот колес,
неуемно,
грозно...
Мы спали тогда на вокзале тифозном
И там же кончались
при свете свечи.

1939

К ВЕЧЕРУ

К вечеру лошади на ходулях
Шляются. Сосны дымят медью.
В травах лиловых кузнечик колдует.
И мир поворачивается медленно,
Как деревянное колесо.
Перемежаются длинные спицы.
Вдруг прилетают тяжелые птицы
И улетают за горизонт.

1939

РУБЦОВ
Николай Михайлович

1. Родился 3 января 1936 г., умер (убит) 19 января 1971 г. в возрасте 35 лет.

2. Раннее детство прошло в с. Емецк Архангельской области. В семье любили музыку: играла гармонь, часто заводили патефон, звучали народные песни. В 1938 г. отца (начальника отдела кадров райпотребсоюза) исключили из партии и арестовали (через год он был освобожден и восстановлен в партии). В 1940 г. умирает сестра Николая Надежда. В 1941 г. семья переезжает в Вологду. В начале 1942 г. отец уходит на фронт. Мать умирает (больное сердце) в больнице. Умирает младшая сестра (семи месяцев от роду). Н. Рубцов попадает в детдом. После войны отец завел новую семью и о Николае забыл. Стихи начал сочинять в конце 1940-х – начале 1950-х гг. После окончания школы поступает в лесной техникум. Служит на Северном флоте. Учится в литинституте.

Первые публикации:

Матери : [стихотворение] // На страже Заполярья (Мурманск). 1958. 5 янв. (первое появление в печати);

Лирика. Вологда, 1965. 40 с. 3000 экз. (первая книга поэта).

3. Из ранних стихотворений:

***

Раз, два, три,
Гитара моя, звени
Про жизнь мою
Плохую –
Мне хлеба не дают,
А все не унываю.
Да песенки пою.

1942

***

Вспомню, как жили мы
С мамой родною –
Всегда в веселе и в тепле.
Но вот наше счастье
Распалось на части –
Война наступила в стране.
Уехал отец
Защищать землю нашу,
Осталась с нами мама одна.
Но вот наступило
Большое несчастье –
Мама у нас умерла.
В детдом уезжают
Братишки родные,
Остались мы двое с сестрой.
Но вот еще лето
Прожил в своем доме,
Поехал я тоже в детдом.
Прощай, моя дорогая сестренка,
Прощай, не грусти и не плачь.
В детдоме я вырасту,
Выучусь скоро,
И встретимся скоро опять.
Счастливой, веселой
Заживем с тобой жизнью,
Покинем эти края,
Уедем подальше
От этого дома,
Не будем о нем вспоминать...

194?

ПОДРАЖАНИЕ ПЕСЕНКЕ

Жил я у пана
Шестое лето,
Нажил я у пана
Сани за это.
Мои сани
Едут сами.

194?

ЗИМА

Скользят
Полозья детских санок
По горушке крутой.
Дети весело щебечут,
Как птицы раннею порой.

194?

ДВА ПУТИ

Рассыпались
листья по дорогам.
От лесов угрюмых падал мрак...
Спите все до утреннего срока!
Почему выходите
на тракт?

Но мечтая, видимо, о чуде,
По нему, по тракту, под дождем
Все на пристань
двигаются люди
На телегах, в седлах и пешком.

А от тракта, в сторону далеко,
В лес уходит узкая тропа.
Хоть на ней бывает одиноко,
Но порой влечет меня туда.

Кто же знает,
может быть, навеки
Людный тракт окутается мглой.
Как туман окутывает реки...
Я уйду тропой.

194?

РЕШЕТОВ
Алексей Леонидович

1. Родился 3 апреля 1937 г., умер 29 сентября 2002 г. на 66-м году жизни.

2. Родился в семье журналистов в Хабаровске. 9 октября 1937 г. отца Леонида Сергеевича арестовывают, 13 апреля 1938 г. его расстреливают. 17 июля 1938 г. происходит арест матери Нины Вадимовны Павчинской-Решетовой. В 1945 г. Алексей и его брат Бетал с бабушкой Ольгой Александровной Павчинской переезжают сначала в г. Боровск Соликамского района, а затем в 1947 г. – в г. Березники Пермской области для того, чтобы воссоединиться с освободившейся Ниной Вадимовной.

В Березниках А. Решетов проводит остатки своего детства, отрочество, юность и молодые годы. Воспитывается в интеллигентной семье, переживающей трагедию сталинского террора. Много читает, рано начинает сочинять стихи. После окончания школы-семилетки поступает в Березниковский горно-химический техникум (окончил в 1956 г.). С середины 1950-х гг. работал внештатным очеркистом в газете «Березниковский рабочий». В 1945 г. опубликовал рассказ «Штанга» в пермской газете «Молодая гвардия». В 1955 г. в газете «Березниковский рабочий» появляется первая публикация стихотворений А. Решетова. Первая книга стихотворений выходит в 1960 г. в Перми: Нежность : стихи. Пермь, 1960. 54 с. 3000 экз.

3. Из ранних стихотворений:

***

Торопливо заглянув в ручей,
Косы рыжеватые осинка
Заколола шпильками лучей
И накрыла сверху паутинкой.
И стоит, задумавшись, она,
В сапожок брезентовый обута.

Полдень. Наливная тишина.
Ждет осинка... Повезло кому-то!

1957

РАДУГА

Березки, подружки-фиалки,
Цветные дождинки вразброс,
И радуга, будто скакалка,
В руках нежно-белых берез.
Всё дорого мне бесконечно,
Всё взято душой на учет,
От этой березки беспечной
До Камушки-Камы, где вечно
Искристая юность течет!
Здесь яхта, как молодость, мчится,
Забрызгана грудь парусов,
И радуга в просини чистой
Девически выгнула бровь.

1957

ТРАВИНКИ

Крошечная книжка записная,
Как гнездо, лежит в густой траве.
Мне писать травинки не мешают,
Гладят нежно так по голове.
Словно пальцы легкие любимой,
Ищут в прядях редкое тепло.
Мне травинки шепчут: «Если мимо
Ты пройдешь – тогда уколем зло.
Напиши, чтоб мы могли присниться
Там, в пустыне, где горяч песок!»
Словно иллюстрация к странице,
Бабочка уселась на листок.

1957

***

Блокнот пролистал, пролетел над костром
И, верно, с парусом спутав,
Наполнил рубашку, надул пузырем,

С листвой пошептался минуту,
Дыханием теплым коснулся волос,
Взмыл ввысь, словно голубь почтовый.
Он, ветер, мне добрую песню принес
И вот улетает за новой.

1957

НОВАЯ ДОРОГА

Голубы подснежники проталин...
Ни в одно цветенье, никогда
Мимо этих мест не пролетали,
Не будили бора поезда.
В первый раз они в Москву проносят
«Агу-гу-у-у!», завернутое в дым;
И шумят деревья под откосом:
Шпалы, стрелки – это в новость им.
С осторожным любопытством лоси
Лижут рельс студеных ручейки.
В первый раз в обходчицины косы
Здешние забрались ветерки.

1957

ПЕРВЕНЕЦ

На ботинках по пуду, наверное, глины.
О пунцовой печурке мечтая, бреду.
Позади заурчала желанно машина.
У обочины встал, руку вытянул. Жду.
Дверца хлопнула, выглянул парень плечистый
– Полезай, тихоход! – крикнул, жаром дыша.
Я подумал, влезая: «Шабашник речистый!»
И в кармане десяткой ему пошуршал.
Осмотрелся: под крышей, за рейкой путевка.
Свернут в трубочку дали открывший листок.
Мне вдруг совестно стало,
мне стало неловко –
Из путевки выглядывал хрупкий цветок.
Голубой, любопытный, казалось, с укором
Он мне скажет сейчас: «Не суди сгоряча!
Вот подумал плохое, не зная шофера, –

Разве будет шабашник цветы замечать?!»
А шофер поглядел на меня, на подснежник:
– Жёнку свез нынче утром родить я, браток.
И добавил еще, грубовато и нежно:
– Бабы любят цветы.
Это первый цветок.
Вот не знаю, как там. А заказывал сына...
Я, как диво, потрогал подснежник рукой.
Пусть он пахнет совсем не весной, а бензином –
Он дороже, намного дороже такой!

1957

СУМЕРКИ

Сероглазые сумерки глянут в окошко
И уйдут, как обиженный гость;
И гостинец неотданный – звезды в лукошке –
Разбросают по небу. И первая горсть
Будет тлеть до рассвета на пиках еловых.
А назавтра, влюбленные в нас без конца,
Сероглазые сумерки явятся снова,
Будто им, а не солнцу открыты сердца.

1957

БРОДСКИЙ
Иосиф Александрович

1. Родился 24 мая 1940 г., умер 28 января 1996 г. на 56-м году жизни.

2. Получил домашнее воспитание в семье фотографа. В возрасте пятнадцати лет бросил школу (именно в это время, в 1955 г., И. Бродский начал сочинять стихи). Самостоятельно изучал иностранные языки (польский, английский); занимался самообразованием (как М. Цветаева, И. Бродский абсолютный автодидакт); философ, историк-любитель, литературовед, поэтолог и т. д. – во всех видах его деятельности доминировала лингвоцентричность. К 60-м гг. стал известным в литературных кругах Ленинграда поэтом. В 1963 г. арестован и приговорен к 5 годам ссылки за тунеядство. Мощным толчком к серьезной литературной работе стало знакомство с поэзией Е. Баратынского. Начал рано переводить стихотворения польских, американских и английских поэтов.

Первые публикации:

Баллада о маленьком буксире // Костер. 1962. № 11 (первое появление в печати);

Стихотворения и поэмы. Нью-Йорк, 1965. 239 с. (первая книга поэта).

3. Из ранних стихотворений:

***

Прощай,
позабудь
и необессудь.
А письма сожги,
как мост.
Да будет мужественным
твой путь,
да будет он прям
и прост.

Да будет во мгле
для тебя гореть
звездная мишура,
да будет надежда
ладони греть
у твоего костра.
Да будут метели,
снега, дожди
и бешеный рев огня,
да будет удач у тебя впереди
больше, чем у меня.
Да будет могуч и прекрасен
бой,
гремящий в твоей груди.

Я счастлив за тех,
которым с тобой,
может быть,
по пути.

1957

СТИХИ О ПРИНЯТИИ МИРА

Я. Гордину

Все это было, было.
Все это нас палило.
Все это лило, било,
вздергивало и мотало,
и отнимало силы,
и волокло в могилу,
и втаскивало на пьедесталы,
а потом низвергало,
а потом – забывало,
а потом вызывало
на поиски разных истин,
чтоб начисто заблудиться
в жидких кустах амбиций,
в дикой грязи прострации,
ассоциаций, концепций
и – просто среди эмоций.

Но мы научились драться
и научились греться
у спрятавшегося солнца
и до земли добираться
без лоцманов, без лоций,
но – главное – не повторяться.
Нам нравится постоянство.
Нам нравятся складки жира
на шее у нашей мамы,
а также – наша квартира,
которая маловата
для обитателей храма.

Нам нравится распускаться.
Нам нравится колоситься.
Нам нравится шорох ситца
и грохот протуберанца,
и, в общем, планета наша,
похожая на новобранца,
потеющего на марше.

3 декабря 1958

***

Еврейское кладбище около Ленинграда.
Кривой забор из гнилой фанеры.
За кривым забором лежат рядом
юристы, торговцы, музыканты, революционеры.

Для себя пели.
Для себя копили.
Для других умирали.
Но сначала платили налоги,
уважали пристава
и в этом мире, безвыходно материальном,
толковали талмуд,
оставаясь идеалистами.

Может, видели больше.
А возможно, верили слепо.
Но учили детей, чтобы были терпимы

и стали упорны.
И не сеяли хлеба.
Никогда не сеяли хлеба.
Просто сами ложились
в холодную землю, как зерна.
И навек засыпали.
А потом – их землей засыпали,
зажигали свечи,
и в день Поминовения
голодные старики высокими голосами,
задыхаясь от холода,
кричали об успокоении.
И они обретали его.
В виде распада материи.

Ничего не помня.
Ничего не забывая.
За кривым забором из гнилой фанеры,
в четырех километрах от кольца трамвая.

1958

ПЕТУХИ

Звезды еще не гасли.
Звезды были на месте,
когда они просыпались
в курятнике
на насесте
и орали гортанно.

...Тишина умирала,
как безмолвие храма
с первым звуком хорала.
Тишина умирала.
Оратаи вставали
и скотину в орала
запрягали, зевая
недовольно и сонно.

Это было начало.
Приближение солнца
это все означало,

и оно поднималось
над полями,
над горами.

...Петухи отправлялись
за жемчужными зернами.
Им не нравилось просо.
Им хотелось получше.
Петухи зарывались
в навозные кучи.
Но зерно извлекали,
но зерно находили
и об этом с насеста
на рассвете кричали:
– Мы нашли его сами.
И очистили сами.
Об удаче сообщаем
собственными голосами.

В этом сиплом хрипении
за годами,
за веками
я вижу материю времени,
открытую петухами.

1958

ПИЛИГРИМЫ

Мои мечты и чувства в сотый раз
идут к тебе дорогой пилигрима.

В. Шекспир

Мимо ристалищ, капищ,
мимо храмов и баров,
мимо шикарных кладбищ,
мимо больших базаров,
мира и горя мимо,
мимо Мекки и Рима,
синим солнцем палимы,
идут по земле пилигримы.
Увечны они, горбаты,
голодны, полуодеты,

глаза их полны заката,
сердца их полны рассвета.
За ними поют пустыни,
вспыхивают зарницы,
звезды встают над ними,
и хрипло кричат им птицы:
что мир останется прежним,
да, останется прежним,
ослепительно снежным
и сомнительно нежным,
мир останется лживым,
мир останется вечным,
может быть, постижимым,
но все-таки бесконечным.
И, значит, не будет толка
от веры в себя да в Бога.
...И, значит, остались только
иллюзия и дорога.
И быть над землей закатам,
и быть над землей рассветам.
Удобрить ее солдатам.
Одобрить ее поэтам.

1958

ОДИНОЧЕСТВО

Когда теряет равновесие
твое сознание усталое,
когда ступеньки этой лестницы
уходят из-под ног,
как палуба,
когда плюет на человечество
твое ночное одиночество, –

ты можешь
размышлять о вечности
и сомневаться в непорочности
идей, гипотез, восприятия
произведения искусства
и – кстати – самого зачатия
Мадонной сына Иисуса.

Но лучше поклоняться данности
с глубокими ее могилами,
которые потом,
за давностью,
покажутся такими милыми.
Да.
Лучше поклоняться данности
с короткими ее дорогами,
которые потом
до странности
покажутся тебе
широкими,
покажутся большими,
пыльными,
усеянными компромиссами,
покажутся большими крыльями,
покажутся большими птицами.
Да. Лучше поклоняться данности
с убогими ее мерилами,
которые потом,
до крайности,
послужат для тебя перилами
(хотя и не особо чистыми),
удерживающими в равновесии
твои хромающие истины
на этой выщербленной лестнице.

1959

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЭЗИИ

Памяти Федерико Гарсиа Лорки

Существует своего рода легенда, что перед расстрелом он увидел, как над головами солдат поднимается солнце. И тогда он произнес: – А все-таки восходит солнце... Возможно, это было началом стихотворения.

Запоминать пейзажи
за окнами в комнатах женщин,
за окнами в квартирах
родственников,

за окнами в кабинетах
сотрудников.
Запоминать пейзажи
за могилами единоверцев.

Запоминать,
как медленно опускается снег,
когда нас призывают к любви.
Запоминать небо,
лежащее на мокром асфальте,
когда напоминают о любви к ближнему.
Запоминать,
как сползающие по стеклу мутные потоки дождя
искажают пропорции зданий,
когда нам объясняют, что мы должны
делать.
Запоминать,
как над бесприютной землею
простирает последние прямые руки
крест.

Лунной ночью
запоминать длинную тень,
отброшенную деревом или человеком.
Лунной ночью
запоминать тяжелые речные волны,
блестящие, словно складки поношенных
брюк.

А на рассвете
запоминать белую дорогу,
с которой сворачивают конвоиры,
запоминать,
как восходит солнце
над чужими затылками конвоиров.

1959

РЫЖИЙ
Борис Борисович

1. Родился 8 декабря 1974 г., умер (самоубийство) 7 мая 2001 г. на 27-м году жизни.

2. Получил прекрасное домашнее воспитание и образование в семье ученого (отец – академик Б. П. Рыжий) и врача (мать М. М. Рыжая). Отец и старшие сестры (Елена и Ольга) читали мальчику вслух стихи, прозу и детские книжки (Ф. Тютчев, В. Жуковский, А. Блок, М. Лермонтов, В. Брюсов, С. Есенин и др.). В 1980 г. семья из Челябинска переезжает в Свердловск. Первые стихи появились в 1989 г. (хотя сочинять начал в середине 1980-х гг. – приключенческую детскую прозу). Был очень подвижным ребенком. В школе учился легко и успешно. В 1996 г. оканчивает Уральскую горную академию и поступает в аспирантуру (диссертацию дописать не успел). Знал наизусть ок. 150 стихотворений: Д. Давыдова, В. Жуковского, Е. Баратынского, А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Полежаева, Я. Полонского, Ап. Григорьева, И. Анненского, К. Случевского, А. Блока, Б. Слуцкого, И. Бродского, Е. Рейна, С. Гандлевского и многих других.

3. Из ранних стихотворений:

***

Поздно, поздно! Вот – по́ небу прожектора
загуляли, гуляет народ.
Это в клубе ночном, это фишка, игра.
Словно год 43-й идет.

Будто я от тебя под бомбежкой пойду –
снег с землею взлетят позади,
и, убитый, я в серую грязь упаду...
Ты меня разбуди, разбуди.

1992

***

Урал научил меня не понимать вещей
элементарных. Мой собеседник – бред...
С тополя обрываясь, листы – «ничей»,
«чей», «ничей», как ромашка, кончались – «нет».

Мой собеседник-бред ни черта не знать
научил. В телаге, *а-ля* твой сосед-зэка,
я шнырял по нему. Если Бог и дарил мне взгляд
сквозь луну, то, как надзиратель, –
сквозь пуп глазка.

И хоть даль, зашвырнув горизонт
(как лопату Фрост*,
спешащий до друга с беседой), идет ко мне
руку лизать юляще, как добрый пес,
мигая румянцем, алеющим на щеке,

все равно пред глазами, на памяти,
на памяти, на слуху:
беготня по заводу, крик, задержавший нас,
труп, качающийся под потолком, в цеху
ночном. И тень, как маятник, между глаз.

март 1993

ЗАВЕЩАНИЕ

В. С.

Договоримся так: когда умру,
ты крест поставишь над моей могилой.
Пусть внешне будет он как все кресты,
но мы, дружище, будем знать с тобою,
что это – просто роспись. Как в бумаге
безграмотный свой оставляет след,
хочу я крест оставить в этом мире.

Хочу я крест оставить. Не в ладах
я был с грамматикою жизни.

* Фрост Роберт Ли (1875–1963) – американский поэт.

Прочел судьбу, но ничего не понял.
К одним ударам только и привык,
к ударам, от которых, словно зубы,
выпадывают буквы изо рта.
И пахнут кровью.

ноябрь 1993

***

Клочок земли под синим небом.
Не приторный и чистый воздух.
И на губах, как крошки хлеба,
глаза небес: огни и звезды.

Прижмусь спиной к стене сарая.
Ни звука праздного, ни тени.
Земля – она всегда родная,
чем меньше значишь, тем роднее.

Пусть здесь меня и похоронят,
где я обрел на время радость.
С сырым безмолвьем перегноя
нам вместе проще будет сладить,

чтоб, возвернувшись в эту небыль,
промолвить, раздувая ноздри:
«Клочок земли под синим небом.
Не приторный и чистый воздух».

июль 1993

КОСТЕР

Внезапный ветр огромную страну
сдул с карты, словно скатерть, – на пол.

Огромный город летом – что костер,
огонь в котором – пестрая одежда
и солнце. Нищие сидят
на тротуарах в черных одеяньях.
И выглядят как у́гли. У девчушки
на голове алеет бант – она

еще немножко тлеет. Я ищу
в пустом кармане что-то – может, деньги
для нищих, может, справку в небеса,
где сказано, что я не поджигатель.
...А для пожарника я просто слаб.

ноябрь 1993

***

Разве только ангел на четыре слова
спустится с небес.
Я, со стуком в двери спутав стук больного,
выхожу в подъезд.

И дитя осенней старой и печальной
кинутой звезды
допивает что-то из груди стеклянной,
но глаза чисты.

«Здесь бывал такой-то», «Лена любит Любу»,
«Некто Цой всегда...»,
Только ночью вижу тех, кто здесь не будет
больше никогда.

Отворить почтовый и, сухие листья
высыпав, закрыть.
Знаю, что правдивей и безмолвней писем
мне не получить.

Потому что можно не читать и вовсе
не писать ответ.
Только я подумал – появились гости
первый раз за ... лет.

Вот и слышу, где-то музыка играет,
тыщу лет играй.
«Здравствуй, моя Мурка, здравствуй, дорогая,
здравствуй и прощай».

май 1994

ФОНАРЬ НАД КУСТАМИ

Ты помнишь темную аллею,
где мы на лавочке сидели,
о чем – не помню – говоря?
Фонарь глядел на нас печально –
он бледен был необычайно
тогда, в начале сентября.

Кусты заламывали кисти.
Как слезы, осыпались листья.
Какая снилась им беда?
Быть может, то, что станет с нами,
во сне осознано кустами
еще осенними тогда.

Коль так, то бремя нашей боли
мы им отдали поневоле,
мой ангел милый, так давно,
что улыбнись – твоя улыбка
в печаль ударится, как рыбка –
в аквариумное стекло.

И собирайся поскорее
туда, на темную аллею –
ходьбы туда всего лишь час –
быть с теми, кто за нас рыдает,
кто понимает, помнит, знает,
ждет. И тревожится за нас.

1994, октябрь

МОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Антология-монография «Последнее стихотворение» содержит в себе поэтический материал особого качества: стихи, уловленные и записанные сотней поэтов, своим языком, образами и смыслом находятся еще в жизни, но просодия этих последних, прямо говоря – прощальных, стихотворений простирается уже за пределами нашего физического состояния. Звук и музыка – уже по ту сторону жизни. И в смерти, и не в ней, а за нею: так как смерть как процесс также имеет свой предел. Последнее стихотворение – в беспредельности (поземному – в вечности). И если начать обратный онтологический отсчет, выйдя из послесмертия – в смерть, из смерти – в жизнь, то волей-неволей упрешься в начало. В начало не-жизни, а как бы в преджизнь – в «дожизние» поэта, или в то состояние поэтического существа, в то предпоэтическое время, когда начинают появляться стихи. Вот почему Последнее стихотворение потянуло за собой Первое. Первое стихотворение и Последнее, соприкасаясь, замыкают круг индивидуальной поэтической деятельности (плохое слово) – круг творца как земного призрака Творца Главного. (Вспоминается иное представление поэта и человека вообще – набоковское: «Мы гусеницы ангелов...») В этом стыке много загадочного. Смычка Первого и Последнего выжимает из пространства и времени нечто третье – третье вещество интерфизического характера (пространство – физическое, время – метафизическое). Думаю, что эта загадка есть Гармония, или Связь Всего со Всем.

Читатель, что справедливо, должен в этом месте спросить:

– А где же Среднее, Срединное, Сердцевинное стихотворение? – В сердце, – отвечу я. В сердце.

В сердце любого поэта и его читателя-со-поэта хранятся те стихи, которые хочется назвать «Мои!».

Любая антология антропологична, т. е. субъективна, человечна и однодушна. В моем случае Первое и Последнее

стихотворения вызывают из души на свет Божий – Мое. Мое стихотворение – это стихотворение любимое, «свое», совпадающее – музыкально, семантически и душевно – с веществом моей души, сердца и ума. Такая любовь к чужому, называемому моим, стабильна и мобильна одновременно: разлюбить нельзя, но полюбить что-то еще – иное, новое – можно. У каждого из нас есть «мое стихотворение». В этой антологии (уже двухтомной) я показываю Мое стихотворение, которое может быть заменено безболезненно и обязательно-необязательно на свое «мое». Так и должно быть. Пусть будет так.

***

Мое стихотворение – это мой этико-эстетический портрет. Или – автопортрет. Мое стихотворение – это стихотворение, подаренное мне – сквозь пространства и времена – поэтом. Иногда я находил его сам (вторая половина моей жизни), иногда его приносили и произносили мои друзья, или совсем незнакомые люди давали мне в руки книгу, статью и проч., где вдруг оказывалось Оно, показанное или процитированное целиком, фрагментарно, или упоминалось лишь его название (порой без имени автора – времена были такие: чистая поэзия, настоящая, почти не издавалась).

Когда я работал над книгой о Борисе Рыжем, мне удалось собрать любимые Борей стихи – Его стихотворения. У каждого поэта и со-поэта (читателя) существует Оно. Факт непреложный. Оно есть связь Первого с Последним, Начала и Конца, Жизни и Смерти, Смерти и Послесмертия, Послесмертия – с Преджизнью, Преджизни – с Жизнью, Жизни – с Любовью, Любви – с Началом и т. д. и т. п.

В мои молодые годы (60–70-е уже прошлого века) стихи произносились повсеместно и постоянно. Но чаще – на кухнях, по вечерам и ночам. У меня, правда, с перерывом на завод и армию (минус 4 года); хотя вру: в последние полгода, в Североморске, отыскал в библиотеке выпуски возобновленной «Литературной учебы», где отлавливал взором островки стихотворных цитат (Ахматова, Заболоцкий, реже Пастернак, Цветаева и один раз – Мандельштам) в пространных дидактически агрессивных статьях мэтров и мэтресс московской государственной школы версификации. Уже тогда я за-

нялся разработкой своей теории фортификации, противостоящей той, современной, практике чистого, не осложненного ничем, стихосложения.

Посиделки кухонные и садово-улично-скамеечные, постоялки подъездные, предподъездные и поддверные всегда сопровождались чтением стихов, приводивших к поцелую, к застолью или – чаще – к моим первым бедным стишкам. Занятие бескорыстное в онтологическом смысле и абсолютно прагматическое и целесообразное в социальном отношении.

Хочется назвать имена людей, даривших мне стихи – свои-чужие-мои: Галя Журидова (первая и долгая любовь); Серега Ваганов (одноклассник; спился и, кажется, пропал); Юра Пятилов (книгообмен и вообще книжно-доставательное состязание); Вера Юрьева (софакультетница, подарившая мне Тарковского); Юля Голомидова (первая жена, англоманка); Саша Сидельников («почвенник», мой лучший друг, умерший вместо меня); Игорь Сахновский (мандельштамолюб, известный ныне писатель); Костя Белокуров (поэт, лингвист, энциклопедист, ныне покойный); Серега Кабаков (поэт, богатырь); Зина Мусихина (чудесная женщина, любившая поэзию и меня); Саша Верников (в миру Кельт, гений); Аркадий Застырец (поэт, красавец); Таня Снигирева (поэтовед и друг); Нина Шубина (блестящий лектор и дарительница Цветаевой); Женя Зашихин (поэт и друг); Володя Блинов (поэт и друг); Женя Изварина (поэт и друг); Леня Быков (поэт и поэзиелюб); Володя Бабенко (поэтолог, друг и писатель); Женя Касимов (поэт и друг, писатель); Саша Еременко (поэт); Шура Субботин (поэтолог); Борис Рыжий (поэт); Олег Дозморов (поэт); Лена Шаронова (единственный и бесценный собеседник и поэт) и многие (много ли их?) другие. Отдельно в этом ряду – Майя Петровна Никулина. Драгоценный человек. Женщина. Гениальный поэт. Удивительный человек, бесценный, единственный, уникальный, любимый навсегда, владелица кухни, или кухонной литературной академии. Майя подарила мне почти всю русскую поэзию. За что и благодарен ей и всем, кого назвал и не назвал (да простят они мне мою дырявую память).

Одним словом, Мое стихотворение – это не совсем мое стихотворение: оно принадлежит многим. И хорошо. И слава Богу.

***

Итак, эта часть антологии включает в себя мои любимые стихи русских поэтов. Если в первом томе («Последнее стихотворение») их (поэтов) сто, а в первой части этого тома («Первое стихотворение») – более ста, то здесь их гораздо меньше (на десятки). Почему? Во-первых, можно знать и любознать А. Кантемира, но, любя его вирши, запомнить их – выше моих сил. Окрест Кантемира собирается приличная толпа поэтов нелюбимых, во главе с Маяковским, которого терпеть не могу и слышать ужасаюсь: в нем нет музыки, никакой – ни смысловой, ни языковой, ни просодической, ни астральной, – никакой. Думаю, что Маяковский – непоэт, он – стиходраматург и стихорежиссер, т. е. литератор.

Материал (персонифицированный) располагается в книге произвольно, едва-едва соответствуя хронологии знакомства, узнавания и влюбления моего (в автора, в стихи, в музыку, в его жизнь-смерть-любовь).

Мне самому странно и страшновато начинать эту часть антологии, над которой работаю 18 лет. Полжизни Пушкина. И любопытно, и боязно увидеть результат: *что* я люблю, *кого* я люблю – все это будет и есть прямое указание на то, *что* и *кто* есть я. Тем не менее пора начинать.

***

Любимых стихотворений немного: по 2–3 (иногда и 10, и 20, и 50, или – все, как у Мандельштама) у поэта, без присутствия которого в твоей жизни никакой жизни нет. Давно замечено: есть поэты, которым есть что сказать (Ахматова) несмотря ни на что, и поэты, которым сказать нечего; последние демонстрируют форму, просодию, эксперимент, игру. Поэтому разные поэты в количественном отношении представлены по-разному (одно и, скажем, пять стихотворений). Не это главное. Главное то, что «мое стихотворение» как феномен вообще вне авторства. Ты как бы присваиваешь его. Духовно. Имя автора – в сердце, в уме, а стихотворение – в душе.

Иногда «мои стихотворения» сопровождаются комментарием, репликой, примечанием, т. е. NB, в которых содержится разнообразная, порой странная информация: где и когда обнаружено стихотворение; кто его сообщил, прочел, переписал, пропел, проплакал; реже – в какой ситуации это все

произошло. Сведения не очень важные, но для меня дорогие, ибо это ведь мое стихотворение!

И последнее: мое стихотворение – текст вечный (в рамках моей персональной вечности) в силу такого качества поэтического вещества, как стереоскопичность визуальная, аудиальная, музыкальная, смысловая (стереосемантика), эстетическая, нравственная, духовная. Даже знаемое наизусть мое стихотворение всякий раз, придя на ум, воспринимается мной впервые. Таков принцип времени как части вечности в целом и вообще. Такова поэзия. Вечная и неповторимая. Для меня.

Михаил Лермонтов

ЗАВЕЩАНИЕ

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? Моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навылет в грудь
Я пулей ранен был,
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали.

Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... все равно,
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалей;
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит!

NB *Стихотворение узнано мной и опознано как настоящая поэзия, когда мне было 8–9 лет. В закнижном пространстве*

остаются «Смерть поэта» и «Бородино». Первое я ненавидел и любил одновременно за недостаточность гнева и отсутствие любви. Второе понял и полюбил к своим 40–45 годам.

ДЕМОН

(*отрывок*)

Клянусь я первым днем творенья,
Клянусь его последним днем,
Клянусь позором преступленья
И вечной правды торжеством.
Клянусь паденья горькой мукой,
Победы краткою мечтой;
Клянусь свиданием с тобой
И вновь грозящею разлукой.
Клянуся сонмищем духов,
Судьбою братий мне подвластных,
Мечами ангелов бесстрастных,
Моих недремлющих врагов;
Клянуся небом я и адом,
Земной святыней и тобой,
Клянусь твоим последним взглядом,
Твоею первою слезой,
Незлобных уст твоих дыханьем,
Волною шелковых кудрей,
Клянусь блаженством и страданьем,
Клянусь любовию моей:
Я отрекся от старой мести,
Я отрекся от гордых дум;
Отныне яд коварной лести
Ничей уж не встревожит ум;
Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я веровать добру.
Слезой раскаянья сотру
Я на челе, тебя достойном,
Следы небесного огня –
И мир в неведенье спокойном
Пусть доцветает без меня!..

NB *Абсолютно детские стихи, явившиеся в детстве. В романтизме главное – детскость (не инфантилизм или не рациональность Бродского!). Самое важное здесь для меня – это «следы небесного огня» на челе.*

Демон

(*отрывок*)

XII

Затихло все; теснясь толпой,
На трупы всадников порой
Верблюды с ужасом глядели;
И глухо в тишине степной
Их колокольчики звенели...

NB *Люблю «Демона». Демон как существо неземное очень добр и благороден (несмотря ни на что) – это мое детское впечатление, оставшееся на всю жизнь. Этот отрывок мне подарила Майя Никулина полгода назад. Я его почему-то до тех пор не замечал. Лермонтов – моя первая любовь и в поэзии, и в литературе. Храню его зеленый огоньковский четырехтомник, окрест которого теснятся иные и пяти-, и шеститомные Лермонтовы... О, «Герой нашего времени»! – Моего времени...*

Александр Пушкин

***

Редеет облаков летучая гряда;
Звезда печальная, вечерняя звезда,
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и черных скал вершины;
Люблю твой слабый свет в небесной вышине:
Он думы разбудил, уснувшие во мне.
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где все для сердца мило,
Где стройны тополы в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис,
И сладостно шумят полуденные волны.
Там некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижины сходила ночи тень –

И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.

NB *В школе. Вне программы. Вернее – до программы. Все прочитывалось заранее, загодя. Для души. Это стихотворение запомнилось силой и чудом первой строки.*

***

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит – оттого,
Что не любить оно не может.

NB *Волшебные стихи. Знаю с детства, со слуха, от деда. Печаль моя светла – обо мне, всякий раз, когда смотрю в небо.*

***

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

NB *Выучил в садиковом возрасте для какой-то детской постановки, посвященной Пушкину. Главное для меня здесь – безнадежно и нежно.*

ОСЕНЬ

(*отрывок*)

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Державин

I

Октябрь уж наступил – уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;

Дохнул осенний хлад – дорога промерзает.
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

II

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь – весной я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
Суровою зимой я более доволен,
Люблю ее снега; в присутствии луны
Как легкий бег саней с подругой быстр и волен,
Когда под соболем, согрета и свежа,
Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

III

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
Ведь это наконец и жителю берлоги,
Медведю, надоест. Нельзя же целый век
Кататься нам в санях с Армидами младыми
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;
Лишь как бы напоить, да освежить себя –
Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи,
И, проводив ее блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым и льдом.

V

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,
Из годовых времен я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

VI

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бледняжка клонится без ропота, без гнева.
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице еще багровый цвет.
Она жива еще сегодня, завтра нет.

VII

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса –
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

VIII

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русской холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят – я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн – таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

IX

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
Махая гривою, он всадника несет,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промерзлый дол и трескается лед.
Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
Огонь опять горит – то яркий свет лиет,
То тлеет медленно – а я пред ним читаю
Иль думы долгие в душе моей питаю.

X

И забываю мир – и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем –
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

XI

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! – матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз – и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.

XII

Плывет. Куда ж нам плыть?.....
.....
.....

NB *Эти стихи знал всегда. Может быть, еще и до рождения своего. Главные для меня стихи. И еще – десятки: среди них и «Пророк», и «Я памятник себе...», и «Бесы», и «Пора, мой друг...», и гневные «Клеветникам России», и куски «Онегина». Пушкин – единственный поэт, снящийся мне постоянно.*

Денис Давыдов

ГОЛОВА И НОГИ

Уставши бегать ежедневно
По грязи, по песку, по жесткой мостовой,
Однажды Ноги очень гневно
Разговорились с Головой:
«За что мы у тебя под властию такой,
Что целый век должны тебе одной повиноваться;
Днем, ночью, осенью, весной,
Лишь вздумалось тебе, изволь бежать, таскаться
Туда, сюда, куда велишь;
А к этому еще, окутавши чулками,
Ботфортами да башмаками,
Ты нас, как ссылочных невольников, моришь
И, сидя наверху, лишь хлопаешь глазами,
Покойно судишь, говоришь
О свете, о людях, о моде,
О тихой иль дурной погоде;
Частенько на наш счет себя ты веселишь
Насмешкой, колкими словами,
И, словом, бедными Ногами
Как шашками вертишь».
«Молчите, дерзкие, – им Голова сказала,
Иль силою я вас заставлю замолчать!..
Как смеете вы бунтовать,
Когда природой нам дано повелевать?»
«Все это хорошо, пусть ты б повелевала,
По крайней мере, нас повсюду б не швыряла,
А прихоти твои нельзя нам исполнять;
Да, между нами ведь признаться,
Коль ты имеешь право управлять,
Так мы имеем право спотыкаться
И можем иногда, споткнувшись – как же быть,
Твое Величество об камень расшибить».
Смысл этой басни всякий знает...
Но должно – тс! – молчать: дурак – кто все болтает.

1803

NB *Детские, корявые, дерзкие, веселые стишки. Пушкину в год написания – 4. Я узнал басню в 11 лет. До сих пор недоумеваю:*

как Хрущев-то все это терпел? А? Почему Дениса Васильевича не запретил, не затоптал, не сжег?

БУРЦОВУ, ПРИЗЫВАНИЕ НА ПУНШ

Бурцев, ера, забияка,
Собутыльник дорогой!
Ради Бога и... арака
Посети домишко мой!
В нем нет нищих у порогу,
В нем нет зеркал, ваз, картин,
И хозяин, слава Богу,
Не великий господин.
Он – гусар и не пускает
Мишурою пыль в глаза;
У него, брат, заменяет
Все диваны куль овса.
Нет курильниц, может статься,
Зато трубка с табаком;
Нет картин, да заменятся
Ташкой с царским вензелем!
Вместо зеркала сияет
Ясной сабли полоса:
Он по ней лишь поправляет
Два любезные уса.
А наместо ваз прекрасных,
Беломраморных, больших,
На столе стоят ужасных
Пять стаканов пуншевых!
Они полны, уверяю,
В них сокрыт небесный жар.
Приезжай, я ожидаю,
Докажи, что ты гусар.

1804

NB *В детстве (сначала один, потом и с младшим братом) постоянно (до окончания школы!) играл в солдатиков, разыгрывая сражения 1807–1814 гг. Любимые герои: Алексей Петрович Ермолов (командующий артиллерией), Денис Васильевич Давыдов (гусар-партизан), Николай Николаевич Раевский (герой Бородино) и др. Стихи Давыдова жили в этих играх реальной (предметно-ситуативной) жизнью, как и «Бородино» Лермонтова. Эти стихи мне снились. Я их*

переписывал. Прочитал кучу книг по истории войны 1812 г. и литературы (поэзии преимущественно) той поры. Поэтому уроки истории и словесности в школе казались мне дикой схоластикой и репетицией лжи, фальшивости, лицемерия. Бедные, добрые, скрытные годы отрочества моего!..

ПЕСНЯ СТАРОГО ГУСАРА

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые?

Деды, помню вас и я,
Испивающих ковшами
И сидящих вкруг огня
С красно-сизыми носами!

На затылке кивера,
Доломаны до колена,
Сабли, ташки у бедра,
И диваном – кипа сена.

Трубки черные в зубах;
Все безмолвны, дым гуляет
На закрученных висках
И усы перебегает.

Ни полслова... Дым столбом...
Ни полслова... Все мертвецки
Пьют и, преклонясь челом,
Засыпают молодецки.

Но едва проглянет день,
Каждый по полю порхает;
Кивер зверски набекрень,
Ментик с вихрями играет.

Конь кипит под седоком,
Сабля свищет, враг валится.
Бой умолк, и вечерком
Снова ковшик шевелится.

А теперь что вижу? – Страх!
И гусары в модном свете,
В вицмундирах, в башмаках,
Вальсируют на паркете!

Говорят, умней они...
Но что слышим от любого?
Жомини да *Жомини*!
А об водке – ни полслова!

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые?

1817

NB *Боюсь, что именно это стихотворение, знаемое наизусть и зримо, и пропеваемо, подтолкнуло меня начать записывать свои стишки (о любви, то-се – ужас полный и прелестный, глупость несусветная!). Сейчас же, переписав его – рукой – на лист бумаги форматом А4 (я решил переписать все тексты рукой – вспомнить все), вдруг рассмотрел в нем актуальность: перемену века XX на XXI. Ощущения старого гусара – как дежавю – во мне: острые, болезненные и понуждающие меня к прежней вольнице и безбашенности.*

Александр Блок

***

Я пригвожден к трактирной стойке.
Я пьян давно. Мне все – равно.
Вон счастие мое – на тройке
В сребристый дым унесено...

Летит на тройке, потонуло
В снегу времен, в дали веков...
И только душу захлестнуло
Сребристой мглой из-под подков...

В глухую темень искры мечет,
От искр всю ночь, всю ночь светло...
Бубенчик под дугой лепечет
О том, что счастие прошло...

И только сбруя золотая
Всю ночь видна... Всю ночь слышна...
А ты, душа... душа глухая...
Пьяным пьяна... пьяным пьяна...

26 октября 1908

NB *Впервые прочел – ахнул. Сейчас переписывал – ахал. Верстку (ЕБЖ, как говаривал Толстой) буду вычитывать – ахну. Такие стихи. Узнал их подростком, еще до обязательных Есенина (полузапрещенного и полуобрезанного школьной программой) и Маяковского, которому в сердце места нет.*

***

Борису Садовскому

Шар раскаленный, золотой
Пошлет в пространство луч огромный,
И длинный конус тени темной
В пространство бросит шар другой.

Таков наш безначальный мир.
Сей конус – наша ночь земная.
За ней – опять, опять эфир
Планета плавит золотая...

И мне страшны, любовь моя,
Твои сияющие очи:
Ужасней дня, страшнее ночи
Сияние небытия.

6 января 1912

NB *Целиком мои стихи. Переписывал и, забывшись, похвалил себя как за свой текст – опомнился: Блок! Еще люблю «Скифов» и многое другое. Но Блок – не мой поэт, как Мандельштам, например. Не мой гений. Я заметил, у гения всегда найдется 50 стихотворений, а у таланта – их меньше (5–10). Вот бы собрать и издать серию русских поэтов «50»!*

Иван Барков

.....
.....
.....
.....

NB *Даже названий привести не могу. Страшно. И смешно. Но – люблю. Потому что то ли натурально, то ли запретно, то ли натурально запретно. Ох, люблю Баркова!*

Иван Крылов

СЛОН И МОСЬКА

По улицам Слона водили,
Как видно напоказ –
Известно, что Слоны в диковинку у нас –
Так за Слоном толпы зевак ходили.
Отколе ни возьмись, навстречу Моська им.
Увидевши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться,
Ну, так и лезет в драку с ним.
«Соседка, перестань срамиться, –
Ей шавка говорит, – тебе ль с Слоном возиться?
Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идет
Вперед
И лаю твоего совсем не примечает». –
«Эх, эх! – ей Моська отвечает, –
Вот то-то мне и духу придает,
Что я, совсем без драки,
Могу попасть в большие забияки.
Пускай же говорят собаки:
“Ай, Моська! знать она сильна,
Что лает на Слона!”»

NB *Гениально – и в языковом, и в бытовом, и в нравственном отношении. Знаю лет с полутора. Именно так говорили в моей семье – у деда, где я и воспитывался. 200 лет этой басенной речи. Значит, она и есть образец стилистической константы современного (и вообще) русского языка.*

Антон Дельвиг

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Голова ль моя, головушка,
Голова ли молодецкая,
Что болишь ты, что ты клонишься
Ко груди, к плечу могучему?
Ты не то была, удалая,
В прежни годы, в дни разгульные,
В русых кудрях, в красоте твоей,
В той ли шапке, шапке бархатной,
Соболями отороченной.
Днем ли в те поры я выеду,
В очи солнце – ты не хмуришься;
В темном лесе в ночь ненастную
Ты найдешь тропу заглохшую;
Красна ль девица приглянется –
И без слов ей все повыскажешь;
Повстречаются ль недобрые –
Только взглянут и вспокаются.
Что ж теперь ты думу думаешь,
Думу крепкую, тяжелую?
Иль ты с сердцем перемолвилась,
Иль одно вы с ним задумали?
Иль прилука молодецкая
Ни из сердца, ни с ума нейдет?

Уж не вырваться из клеточки
Певчей птичке конопляночке,
Знать, и вам не видеть более
Прежней воли с прежней радостью.

NB *Потрясающие стихи. Слова. Музыка. Душа. Слышал от бабушки моей некий вариант этой песни – речитативом. Плакал. Но – сладко плакал. И сейчас слезы в горле стоят. Комом. От думы крепкой, думы тяжелой. Да, видимо, и мне уже вспокаяться пора.*

Дмитрий Веневитинов

***

Люби питомца вдохновенья
И гордый ум пред ним склоняй;
Но в чистой жажде наслажденья
Не каждой арфе слух вверяй.
Не много истинных пророков
С печатью власти на челе,
С дарами выспренних уроков,
С глаголом неба на земле.

NB *Всегда любил Веневитинова как младшего брата. Даже пятнадцатилетнему мне он казался моложе меня (умер в возрасте 22 лет). Есть что-то нежное и беззащитное, тонкое, прямое и почти прозрачное в его стихах, которые впервые прочел в доме деда в дореволюционной антологии поэзии первой половины XIX в.*

Иван Мятлев

РОЗЫ

Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодною рукой!

Как я берег, как я лелеял младость
Моих цветов заветных, дорогих;
Казалось мне, в них расцветала радость;
Казалось мне, любовь дышала в них.

Но в мире мне явилась дева рая...

И т. д. и т. п.

NB *Дальше ужас. То ли дева Рая (Раиса), то ли... Это стихотворение нужно знать (да и некоторые иные) фрагментарно, как иную музыку, вычленяя из концертов для... adagio или какие-либо другие части. Но начало изумительное. Явный хит, которому 180 лет. И пошлость, сентиментальность почему-то не берут эти стихи. Подлинность интонации? А хрестоматийность? – Тоже бессильна засалить эти 8 строк.*

Константин Батюшков

МОЙ ГЕНИЙ

О, память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальной.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власов.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный
Повсюду странствует со мной.
Хранитель гений мой – любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль? Приникнет к изголовью
И усладит печальный сон.

1815

NB *Стихи эти знаю с отрочества (из дедовой антологии; эх, найти бы ее: выходных данных не помню / не знаю, но зрительный образ книги остался во мне). «Мой гений» в те поры, в моей юности, был учебником. Или методическим пособием в автотренинге стихо-вом, авторском, вообще душевном:* ***память сердца***; ***образ странствует со мной***; ***печальный сон***. *Да, печали в моей жизни было больше всего.*

Владимир Нарбут

***

Высоким тенором вы пели
О чем-то грустном и далеком...
И белый мальчик в колыбели
Глядел на мать пугливым оком.

А звонкий голос веял степью –
Но с древней скифскою могилой!..
И к неземному благолепью
Душа томительно сходила...

И глаз огромной черной вишней
С багрово-поздней позолотой
Смотрел недвижно, будто Кто-то
Уже шептал о жизни лишней.

1909

NB *Стихи из первого посмертного издания. Я был потрясен тем, что такого поэта знал только по имени, но не по стихам. Еще удивило то, что он был русским дворянином из Украины (как и мой дед). Читал я Нарбута запоем на 3–4 раза. Трагичен и ясен насквозь. И – уважение к нему на всю жизнь.*

Александр Полежаев

Судьба меня в младенчестве убила!
Не знал я жизни тридцать лет,
Но ваша кисть мне вдруг проговорила:
«Восстань из тьмы, живи, поэт!»
И расцвела холодная могила,
И я опять увидел свет...

1834

NB *Мне 14 лет. Я влюблен в Галю Ж. Холодная осень. Мы бродим стайкой по освещенным улицам (неосвещенные обходим стороной – Уралмаш). В основном молчим и смеемся. Я – молчу. Заика. Влюблен. Безнадежно. И – повторяю в уме эти стихи.*

Борис Садовско́й

***

Нет, этот сон не снится.
Как искуситель-змей,
Он вечно шевелится
На дне души моей.

В нем солнца взор лучистый,
В нем голубая тишь,
Над гладью золотистой
Сияющий камыш.

Забытые дорога,
Родные берега,
Волшебные чертога,
Веселые луга!

Младенчество и детство
Волнуются в груди.
Былых веков наследство
Кивает мне: гляди.
И в мимолетных взорах
Оно пережито,
Как призраки, которых
Не воплотит никто.

1935

NB *Книга куплена в начале XXI в. Малая серия (зеленая) «Библиотеки поэта». Полюбил сразу: и за стихи, и за страшную судьбу их автора. Потом в течение 5–6 лет покупал эту книгу заново и неоднократно – дарил всем, кто тосковал по поэзии в годы перемен и дефолта.*

Павел Васильев

***

Снегири <взлетают> красногруды...
Скоро ль, скоро ль на беду мою
Я увижу волчьи изумруды
В нелюдимом, северном краю.

Будем мы печальны, одиноки
И пахучи, словно дикий мед.
Незаметно все приблизит сроки,
Седина нам кудри обовьет.

Я скажу тогда тебе, подруга:
«Дни летят, как по ветру листье,
Хорошо, что мы нашли друг друга,
В прежней жизни потерявши все...»

1937

NB *Павел Васильев – любовь с первого курса университета (филфак). Никогда не воспринимался как подъесенинец. Думается, Павел Николаевич был помощнее Сергея Александровича. Посвежее. Поинтереснее. Поопаснее. Попрямее. Подурнее. Побезбашеннее. Ну и, наконец, помоложе.*

Владимир Набоков

***

Благодарю тебя, отчизна,
за злую даль благодарю!
Тобою полн, тобой не признан,
я сам с собою говорю.
И в разговоре каждой ночи
сама душа не разберет,
мое ль безумие бормочет,
твоя ли музыка растет...

NB *Стихи из «Дара». С Набоковым все не так просто: сначала проза – русская, иная. Потом стихи. Затем разочарование в его прозе (исключая раннюю и рассказы) и любовь к стихам. Умирая, Владимир Владимирович признался сыну, что он всегда считал себя прежде всего поэтом. Так оно и есть.*

Нет, бытие – не зыбкая загадка!
Подлунный дол и ясен, и росист.
Мы – гусеницы ангелов; и сладко
вгрызаться с краю в нежный лист.

Рядись в шипы, ползи, сгибайся, крепни,
и чем жадней твой ход зеленый был,
тем бархатистей и великолепней
хвосты освобожденных крыл.

1923

NB *Знаю 25 лет. Люблю. Восхищаюсь. Часто вспоминаю. Повторяю. Не могу без него. Он как погода. Просто есть.*

Владислав Ходасевич

***

Когда б я долго жил на свете,
Должно быть, на исходе дней
Упали бы соблазнов сети
С несчастной совести моей,

Какая может быть досада,
И счастья разве хочешь сам,
Когда нездешняя прохлада
Уже бежит по волосам.

Глаз отдыхает, слух не слышит,
Жизнь потаенно хороша,
И небом невозбранно дышит
Почти свободная душа.

1921

NB *Настоящий Серебряный век мы узнали (начали узнавать) с конца 80-х. Хотя имена были во рту, а несколько стихотворений – в сердце. Как они доходили до меня? На папиросной бумаге. Через Майю Никулину, Игоря Сахновского, Женю Касимова, Диму Воронкова, Наталию Купину и др. Ходасевич для меня – не равный (по ощущениям онтологическим), как Лермонтов и Пушкин. Он – старше. И страшнее. Беспощаднее к себе и к миру. Строже даже Цветаевой. Он – сам себе судия.*

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Nel mezzo del cammin di nostra vita.

Я, я, я! Что за дикое слово!
Неужели вон тот – это я?
Разве мама любила такого,
Желто-серого, полуседого
И всезнающего, как змея?

Разве мальчик, в Останкине летом
Танцевавший на дачных балах, –
Это я, тот, кто каждым ответом
Желторотым внушает поэтам
Отвращение, злобу и страх?

Разве тот, кто в полночные споры
Всю мальчишечью вкладывал прыть, –
Это я, тот же самый, который
На трагические разговоры
Научился молчать и шутить?

Впрочем – так и всегда на средине
Рокового земного пути:
От ничтожной причины – к причине,
А глядишь – заплутался в пустыне,
И своих же следов не найти.

Да, меня не пантера прыжками
На парижский чердак загнала.
И Вергилия нет за плечами, –
Только есть одиночество – в раме
Говорящего правду стекла.

1924

NB *Все так и есть. В мои 55 лет. Стихи узнал от Сергея Марковича Гандлевского. Раньше не замечал – видел другое. Странно. Выбор любви или выбор тебя любовью – процесс божественный.*

Николай Языков

***

Молю святое провиденье:
Оставь мне тягостные дни,
Но дай железное терпенье,
Но сердце мне окамени.
Пусть, неизменен, жизни новой
Приду к таинственным вратам,
Как Волги вал белоголовый
Доходит целый к берегам.

NB *Это стихотворение прочел и запомнил с первого раза (что со мной не случается лет так с 40) три дня назад. Оно – обо мне, о душе моей нынешней, убитой разлукой с Собеседником. Это и моя молитва.*

Федор Туманский

ПТИЧКА

Вчера я растворил темницу
Воздушной пленницы моей:
Я рощам возвратил певицу,
Я возвратил свободу ей.
Она исчезла, утопая
В сияньи голубого дня,
И так запела, улетая,
Как бы молилась за меня.

NB *Явный образец вторичных, посредственных (весьма) стишков. Но – две последние строки! В этом стихотворении нет сентиментальности. А это хорошо. И вообще я люблю птиц и ангелов в стихах. В стихах любительских, наивных: «Я несу коробку с кошкой, / С кошкой, спящей понарошку. / Поклонюсь – поставлю тут – / Дальше ангелы несут...» – стихи Елены Шароновой. Ангелы – мои.*

Яков Полонский

К ПОРТРЕТУ М. И. ЛОПУХИНОЙ

Она давно прошла, и нет уже тех глаз,
И той улыбки нет, что молча выражали
Страданье – тень любви, и мысли – тень печали.
Но красоту ее Боровиковский спас.

Так часть души ее от нас не улетела,
И будет этот взгляд и эта прелесть тела
К ней равнодушное потомство привлекать,
Уча его любить, страдать, прощать, молчать.

NB *Глухонемые стихи. Но – зрящие. Узнал их, когда мне было под 40. И когда наступила усталость от стереосемантической поэзии с ассоциативной паутиной и смысловыми провалами. Последняя строка – чудо.*

Михаил Муравьев

НОЧЬ

К приятной тишине склонилась мысль моя,
Медлительней текут мгновенья бытия.
Умолкли голоса, и свет, покрытый тьмою,
Зовет живущих всех ко сладкому покою.
Прохлада, что из недр прохладныя земли
Восходит вверх, стелясь, и видима в дали
Туманов у ручьев и близ кудрявой рощи,
Виется в воздухе за колесницей нощи,
Касается до жил и освежает кровь!
Уединение, молчанье и любовь
Владычеством своим объемлют тихи сени,
И помавают им согласны с ними тени.
Воображение, полет свой отложив,
Мечтает тихость сцен, со зноем опочив.
Так солнце, утомясь, пред западом блистает,
Пускает кроткий луч и блеск свой отметает.
Ах! чтоб вечерних зреть пришествие теней,
Что может лучше быть обширности полей?
Приятно мне уйти из кровов позлащенных
В пространство тихое лесов невозмущенных,
Оставив пышный град, где честолюбье бдит,
Где скользкий счастья путь, где ров цветами скрыт.
Здесь буду странствовать в кустарниках цветущих
И слушать соловьев, в полночный час поющих;
Или облокочусь на мшистый камень сей,
Что частью в землю врос и частию над ней.
Мне сей цветущий дерн свое представит ложе.
Журчанье ручейка, бесперестанно то же,
Однообразием своим приманит сон.
Стопами тихими ко мне приидет он
И распростpет свои над утомленным крилы,
Живитель естества, лиющий в чувства силы.
Не сходят ли уже с сих тонких облаков
Обманчивы мечты и между резвых снов
Надежды и любви, невинности подруги?

Уже смыкаются зениц усталых круги.
Носися с плавностью, стыдливая луна:
Я преселяюся во темну область сна.
Уже язык тяжел и косен становится.
Еще кидаю взор — и все бежит и тьмится.

NB *Чудесные стихи. XVIII в.! А в них уже и «Невыразимое» Жуковского, и «Пора, мой друг, пора...» Пушкина, и Баратынский, и Батюшкова вздохи. Каков язык! Номинации бесхитростно-прямые. Стихи эти узнал случайно: в поезде в какой-то старой (дореволюционной) хрестоматии. Хрестоматийное открытие!*

Георгий Иванов

***

Мелодия становится цветком,
Он распускается и осыпается,
Он делается ветром и песком,
Летящим на огонь весенним мотыльком,
Ветвями ивы в воду опускается...

Проходит тысяча мгновенных лет,
И перевоплощается мелодия
В тяжелый взгляд, в сиянье эполет,
В рейтузы, в ментик, в «Ваше благородие»,
В корнета гвардии – о, почему бы нет?..

Туман... Тамань... Пустыня внемлет Богу.
– Как далеко до завтрашнего дня!..

И Лермонтов один выходит на дорогу,
Серебряными шпорами звеня.

NB *Георгия Иванова долго не любил (из-за ахматовского «Жоржики» – и об Адамовиче тож). Но однажды (в конце 80-х) нашел у Ю. Анненкова в мемуарах стихи «Голубая речка...». И – все. Понял. Ощутил. Глубоко трагический человек и поэт (эмиграционный период). Предсмертные стихи – потрясающие.*

Гаврила Державин

***

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

NB *Ощущение – знал эти стихи всегда. Узнал же, видимо, в последнем классе школы. Часто и помногу (чуть было не написалось по-ахматовски «трудно» и «всю ночь») говорили об этом стихотворении с Олегом Дозморовым и Борисом Рыжим: акростих – не акростих и все такое.*

Александр Твардовский

***

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они – кто старше, кто моложе –
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, –
Речь не о том, но все же, все же, все же...

1966

NB *Есть еще и «Перевозчик-водогребщик, парень молодой, перевези меня на ту сторону, сторону домой...». Но это – из песни. Покаяние Твардовского за не-вину / вину мне в тысячу раз дороже есенинского дикого бахвальства, что никого по тюрьмам он не мучил и зверье не бил по голове. Что-то у парня с душой не так было. А у Твардовского еще и «Василий Теркин» есть, и «Новый мир» был. Спасибо ему. И – Тане Снигиревой, которая буквально спасла многотомник поэта, который я решил утопить. Спасла. И многотомник. И меня.*

Николай Ушаков

ВИНО

Г. В. Шелейховскому

Я знаю,
трудная отрада,
не легкомысленный покой,
густые грозди винограда
давить упорною рукой.

Вино молчит.
А годы лягут
в угрюмом погребе, как дым,
пока сироп горячих ягод
не вспыхнет
жаром золотым.

Виноторговцы — те болтливы,
от них кружится голова.
Но я, писатель терпеливый,
храню, как музыку, слова.

Я научился их звучанье
копить в подвале и беречь.

Чем продолжительней молчанье,
тем удивительнее речь.

NB *Не помню, где и когда. Помню, что нашел сам. Где-то на Северном флоте. На Кольском полуострове.*

Владимир Бенедиктов

ГРОЗА

В тяжелом воздухе соткалась мгла густая;
Взмахнул крылами ветр; зубчатой бороздой
Просеклась молния; завыла хлябь морская;
Лес ощетинился; расселся дуб седой.

Как хохот сатаны, несется, замирая,
Громов глухой раскат; – и снова над землей
Небесный пляшет огнь, по ребрам туч мелькая,
И грозно вдруг сверкнет изломанной чертой.

Смутилась чернь земли и мчится под затворы...
Бегите! этот блеск лишь для очей орла...
Творенья робкие, спешите в ваши норы!

Кто ж там – на гребне скал? Стопа его смела;
Открыта грудь его; стремятся к небу взоры,
И молния – венец вокруг его чела!

1835

NB *Прочел в Москве, в середине 80-х, в серии «Библиотека поэта». После долгой заграницы и ограниченного чтения – удивился. Воспринимается как вариант (1835!) «Грозы» Заболоцкого.*

Арсений Тарковский

Красный фонарик стоит на снегу.
Что-то я вспомнить его не могу.

Может быть, это листок-сирота,
Может быть, это обрывок бинта,

Может быть, это на снежную ширь
Вышел кружить красногрудый снегирь,

Может быть, это морочит меня
Дымный закат окаянного дня.

1973

NB *Эти стихи мучают меня с 1976 г. Книгу подарила Вера Юрьева на сельхозработах (она – 2-й курс, я – 1-й). Была влюбленность. Первые две строки – языковой эталон выражения дежавю. Поэзия, видимо, вообще дежавю. Обрывки воспоминаний о прошлой и грядущей жизни – жизни до меня, со мной и без меня. Тарковского люблю всего.*

Николай Заболоцкий

СОН

Жилец земли, пятидесяти лет,
Подобно всем счастливый и несчастный,
Однажды я покинул этот свет
И очутился в местности безгласной.
Там человек едва существовал
Последними остатками привычек,
Но ничего уж больше не желал
И не носил ни прозвищ он, ни кличек.
Участник удивительной игры,
Не вглядываясь в скученные лица,
Я там ложился в дымные костры
И поднимался, чтобы вновь ложиться.
Я уплывал, я странствовал вдали,
Безвольный, равнодушный, молчаливый,
И тонкий свет исчезнувшей земли
Отталкивал рукой неторопливой.
Какой-то отголосок бытия
Еще имел я для существованья,
Но уж стремилась вся душа моя
Стать не душой, но частью мирозданья.
Там по пространству двигались ко мне
Сплетения каких-то матерьялов,
Мосты в необозримой вышине
Висели над ущельями провалов.
Я хорошо запомнил внешний вид
Всех этих тел, плывущих из пространства:
Сплетенье ферм, и выпуклости плит,
И дикость первобытного убранства.
Там тонкостей не видно и следа,
Искусство форм там явно не в почете,
И не заметно тягостей труда,
Хотя весь мир в движенье и работе.
И в поведенье тамошних властей
Не видел я малейшего насилья,
И сам, лишенный воли и страстей,
Все то, что нужно, делал без усилья.
Мне не было причины не хотеть,

Как не было желания стремиться,
И был готов я странствовать и впредь,
Коль то могло на что-то пригодиться.
Со мной бродил какой-то мальчуган,
Болтал со мной о массе пустяковин.
И даже он, похожий на туман,
Был больше материален, чем духовен.
Мы с мальчиком на озеро пошли,
Он удочку куда-то вниз закинул
И нечто, долетевшее с земли,
Не торопясь, рукою отодвинул.

1953

NB *У Заболоцкого знаю и люблю десятки стихотворений («Гроза», «Городок», «Столбцы», «Вчера о смерти...» и многое другое). Родная душа. Но – прохладная. Чистая. Умудренная страданием и анализом. Синтеза – меньше. Синтез – занятие Бога.*

Велимир Хлебников

***

Россия забыла напитки,
В них вечности было вино,
И в первом разобранном свитке
Восчла роковое письмо.

Ты свитку внимала немливо,
Как взрослым внимает дитя,
И подлая тайная сила
Тебя наблюдала хотя.

1908

***

Когда умирают кони – дышат,
Когда умирают травы – сохнут,
Когда умирают солнца – гаснут,
Когда умирают люди – поют песни.

1910–1912

***

Сегодня снова я пойду
Туда, на жизнь, на торг, на рынок
И войско песен поведу
С прибоем рынка в поединок!

1911–1912

NB *Хлебникова нельзя любить. Он как туман самовольный – повсюду и нигде. Знаю со школьных лет. Мучает двуязычием русским, славянским, и космическим.*

Марина Цветаева

***

Вот опять окно,
Где опять не спят.
Может – пьют вино,
Может – так сидят.
Или просто – рук
Не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
Есть окно такое.

Крик разлук и встреч –
Ты, окно в ночи!
Может – сотни свеч,
Может – три свечи...
Нет и нет уму
Моему – покоя.
И в моем дому
Завелось такое.

Помолись, дружок, за бессонный дом,
За окно с огнем!

1916

NB *Мне 15 лет. Брожу ночами по Уралмашу. Интеллигентный мальчик. Но – спортсмен. Здоровяк. Хотя худ, вернее – тощ. Но сила огромная (100 кг штангу поднимал). На весь ночной околоток – 5–6 светящихся окон. И – эти стихи. Люблю. Их. Всех. Девочку*

одну. Цветаеву (какая искусственная фамилия!)... Через 30 лет брожу ночью по Каменке. Смотрю на звезды. Тоже окна.

***

Рябину
Рубили
Зорькою.
Рябина –
Судьбина
Горькая.
Рябина –
Седыми
Спусками...
Рябина!
Судьбина
Русская.

1934

NB *Просто ах! Рябина – мое деревце. Дерево. В саду моем молодом их две: разница в 4 года. Младшая со мной разговаривает. Жестами. Поворачивает ко мне кисти листевые. Садили ее вместе с Еленой. Когда ушла – рябинка стала засыхать. Она умирала. Просидел с ней ночь. Говорил с ней. Просил не умирать. Не умерла. Как Россия.*

NB *Мое любимое четверостишие, которое вполне адекватно моему состоянию:*

...Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещих глаз.
На твой безумный мир
Ответ один – отказ.

NB *Правда, я произношу «Один ответ» – в таком порядке. Произношу вслед безумию, производящему в душе моей боль. Такое ощущение, что – вечную.*

Иннокентий Анненский

К ПОРТРЕТУ ДОСТОЕВСКОГО

В нем Совесть сделалась пророком и поэтом,
И Карамазовы и бесы жили в нем, –
Но что для нас теперь сияет мягким светом,
То было для него мучительным огнем.

NB *Неужели натяжение совести слабеет?*

***

Только мыслей и слов
Постигая красу, –
Жить в сосновом лесу
Между красных стволов.

Быть, как он, быть как все:
И любить, и сгорать...
Жить, но в чуткой красе,
Где листам умирать.

NB *«Листве» было бы точнее и лучше. Так и живу теперь – 3 года: 3 дня лекций, 3 дня Каменка, день на переезд.*

СРЕДИ МИРОВ

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной молю ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

NB *Знаю стихотворение это класса с третьего, переписал из чьей-то тетради в свою (в те поры стихи, переписываясь, распространялись по стране, как погода). Твердил его и в армии, и в горячей точке, и в дисбате. И теперь – с болью и прибавлением цветаевского «Один ответ – отказ!».*

Владимир Высоцкий

Ну вот исчезла дрожь в руках,
Теперь – наверх!
Ну вот, сорвался в пропасть страх
Навек, навек, –
Для остановки нет причин –
Иду, скользя...
И в мире нет таких вершин,
Что взять нельзя!

Среди нехоженных путей
Один – пусть мой,
Среди невзятых рубежей
Один – за мной!
А имена тех, кто здесь лег,
Снега таят...
Среди непройденных дорог
Одна – моя!

Здесь голубым сияньем льдов
Весь склон облит,
И тайну чьих-нибудь следов
Гранит хранит...
И я гляжу в свою мечту
Поверх голов
И свято верю в чистоту
Снегов и слов!

И пусть пройдет немалый срок –
Мне не забыть,
Как здесь сомнения я смог
В себе убить.
В тот день шептала мне вода:
Удач – всегда!..
А день... какой был день тогда?
Ах да – среда!..

1969

NB *Высоцкий – это все 70-е и 80-е гг. Магнитофон. «Охота на волков». «Банька» (вернее – две «Баньки»). «Кони привередли-*

вые» и т. д. Потом дома появилась пластинка (французская) «Натянутый канат». Запилили. Шура Субботин, Алик Соколовский, Эльвира Гендерт и венгерская девочка Ира Молнар. Женя Касимов. Серега Фунштейн. И другие. Такой вот пьяный резистанс. И безнадежный взгляд на Родину. На диссидентов, которые, как теперь оказалось, работали – невольно – заодно с тоталитаризмом, выхолащивая и охаивая мою страну. Страну моего языка, моей культуры, моей словесности, моей поэзии. И если бы не Высоцкий – сколько бы душ погибло. Спасибо ему. И еще. В нем есть чистая поэзия:

...Наши мертвые нас не оставят в беде.
Наши павшие – как часовые...
Отражается небо в лесу, как в воде, –
И деревья стоят голубые...

NB *Потрясающе. И точно. И так глубоко-высоко, что дух захватывает. До сих пор.*

Иван Козлов

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Т. С. Вдмрв-ой

Вечерний звон! Вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом.
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унылый надо мной
В долине ветер разнесет;

Другой певец по ней пройдет;
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон.

1827

NB *Песня моей бабушки. И источник вечернего звона разъяснила она: тогда храмов было мало, на весь Свердловск – 2 церкви. Колокола молчали. Гудели они только в душе. У бабушки моей. Песню помню с пелен. А еще Иван Козловский, жидкий тенор с лицом слепца. И тезка его, поэт, – слепец. Это меня поразило. Сам я был немтырь. Заика тотальный. Два сапога пара. И не было и нет между нами двухсот лет. Он, слепой, поет – я, немой, слушаю.*

Петр Вяземский

***

Чувств одичалых и суровых
Гнездилище душа моя:
Я ненавижу всех здоровых,
Счастливцев ненавижу я.
В них узнаю свои утраты:
И мне сдается, что они —
Мои лихие супостаты
И разорители мои,
Что под враждебным мне условьем,
С лицом насмешливым и злым,
Они живут моим здоровьем
И счастьем, некогда моим.

NB *Парню крепко за 70. А какова самоирония!.. Стихи узнал, учась в университете, или чуть позже, когда прочел дневник Петра Андреевича и зауважал его как умницу, остроумца и мудреца. Так поэт здоровается – без фамильярности – со смертью.*

Евгений Баратынский (Боратынский)

NB *Мне ближе написание фамилии поэта с «а». Так почему-то гармоничнее (тюркский сингармонизм гласных) и мучительнее. Баратынский – мой мучитель лет этак с 15–16.*

***

Мой дар убог, и голос мой не громок,
Но я живу, и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах; как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношенье,
И как нашел я друга в поколенье,
Читателя найду в потомстве я.

NB *Евгений Абрамович не только мучил меня, но и одарил бутылкой шампанского. Как-то при коллеге (кандидат филологический наук, лингвист Анна N.) произнес «Абра́мович». «Да ну! – отозвалась она. – Шутишь опять, Юра!» Поспорили. Принесла. Выпили. Спасибо, Абрамыч!*

***

Чудный град порой сольется
Из летучих облаков,
Но лишь ветр его коснется,
Он исчезнет без следов.
Так мгновенные созданья
Поэтической мечты
Исчезают от дыханья
Посторонней суеты.

1829

NB *И еще: Баратынский оставил и небольшие и огромные (по объему) стихотворения. Он – квантитативно – разнообразен. Думаю сейчас: что переписать – «Запустение» или «Осень»? Ладно, иду на подвиг рукописный. Да благословит меня Акакий Башмачкин. Вперед.*

ЗАПУСТЕНИЕ

Я посетил тебя, пленительная сень,
Не в дни веселые живительного мая,
Когда, зелеными ветвями помавая,
Манишь ты путника в свою густую тень,
Когда ты веешь ароматом
Тобою бережно взлелеянных цветов, –
Под очарованный твой кров
Замедлил я моим возвратом.

В осенней наготе стояли дерева
И неприветливо чернели;
Хрустела под ногой замерзлая трава,
И листья мертвые, волнуяся, шумели;
С прохладой резкою дышал
В лицо мне запах увяданья;
Но не весеннего убранства я искал,
А прошлых лет воспоминанья.
Душой задумчивый, медлительно я шел
С годов младенческих знакомыми тропами;
Художник опытный их некогда провел.
Увы, рука его изглажена годами!
Стези заглохшие, мечтаешь, пешеход
Случайно протоптал. Сошел я в дол заветный,
Дол, первых дум моих лелеятель приветный!
Пруда знакомого искал красивых вод,
Искал прыгучих вод мне памятной каскады;
Там, думал я, к душе моей
Толпою полетят виденья прежних дней...
Вотще! лишенные хранительной преграды,
Далече воды утекли,
Их ложе поросло травою,
Приют хозяйственный в нем улья обрели,
И легкая тропа исчезла предо мною.
Ни в чем знакомого мой взор не обретал!
Но вот по-прежнему, лесистым косогором,
Дорожка смелая ведет меня... обвал
Вдруг поглотил ее... Я стал
И глубь нежданную измерил грустным взором,
С недоумением искал другой тропы.
Иду я: где беседка тлеет
И в прахе перед ней лежат ее столпы,
Где остов мостика дряхлеет.
И ты, величественный грот,
Тяжело-каменный, постигнут разрушеньем
И угрожаешь уж паденьем,
Бывало, в летний зной прохлады полный свод!
Что ж? пусть минувшее минуло сном летучим!
Еще прекрасен ты, заглохший Элизей,
И обаянием могучим

Исполнен для души моей.
Тот не был мыслию, тот не был сердцем хладен,
Кто, безыменной неги жаден,
Их своенравный бег тропам сим указал,
Кто, преклоняя слух к таинственному шуму
Сих кленов, сих дубов, в душе своей питал
Ему сочувственную думу.
Давно кругом меня о нем умолкнул слух,
Прияла прах его далекая могила,
Мне память образа его не сохранила,
Но здесь еще живет его доступный дух;
Здесь, друг мечтанья и природы,
Я познаю его вполне;
Он вдохновением волнуется во мне,
Он славить мне велит леса, долины, воды;
Он убедительно пророчит мне страну,
Где я наследую несрочную весну,
Где разрушения следов я не примечу,
Где в сладостной тени невянущих дубров,
У нескудеющих ручьев,
Я тень, священную мне, встречу.

1834

NB *Знаю стихи со школы. Наизусть – только фрагменты: начало и финал. Чу́дные стихи: масса многосложных слов. Думаю, ни у кого нет такого обилия длинных слов в одном стихотворении. Ни у кого из гениев. Баратынский «разбудил» Бродского (признание самого Иосифа Александровича). Его стихи пришли к читателю через 50 лет после смерти поэта. Да. Через два поколения. Но читателя поэт нашел. Меня – точно.*

ОСЕНЬ

1

И вот сентябрь! замедля свой восход,
Сияньем хладным солнце блещет,
И луч его в зерцале зыбком вод
Неверным золотом трепещет.
Седая мгла виется вкруг холмов;
Росой затоплены равнины;

Желтеет сень кудрявая дубов,
И красен круглый лист осины;
Умолкли птиц живые голоса,
Безмолвен лес, беззвучны небеса!

2

И вот сентябрь! и вечер года к нам
Подходит. На поля и горы
Уже мороз бросает по утрам
Свои сребристые узоры.
Пробудится ненастливый Эол;
Пред ним помчится прах летучий,
Качаяся, завоет роща, дол
Покроет лист ее падучий,
И набегут на небо облака,
И, потемнев, запенится река.

3

Прощай, прощай, сияние небес!
Прощай, прощай, краса природы!
Волшебного шептанья полный лес,
Златочешуйчатые воды!
Веселый сон минутных летних нег!
Вот эхо в рощах обнаженных
Секирою тревожит дровосек,
И скоро, снегом убеленных,
Своих дубров и холмов зимний вид
Застылый ток туманно отразит.

4

А между тем досужий селянин
Плод годовых трудов сбирает;
Сметав в стога скошенный злак долин,
С серпом он в поле поспешает.
Гуляет серп. На сжатых бороздах
Снопы стоят в копнах блестящих
Иль тянутся, вдоль жнивы, на возах,
Под тяжкой ношею скрыпящих,
И хлебных скирд золотоверхий град
Подъемлется кругом крестьянских хат.

5

Дни сельского, святого торжества!
Овины весело дымятся,
И цеп стучит, и с шумом жернова
Ожившей мельницы крутятся.
Иди, зима! на строги дни себе
Припас оратай много блага:
Отрадное тепло в его избе,
Хлеб-соль и пенистая брага;
С семьей своей вкусит он без забот
Своих трудов благословенный плод!

6

А ты, когда вступаешь в осень дней,
Оратай жизненного поля,
И пред тобой во благостыне всей
Является земная доля;
Когда тебе житейские бразды,
Труд бытия вознаграждая,
Готовятся подать свои плоды
И спеет жатва дорогая,
И в зернах дум ее сбираешь ты,
Судеб людских достигнув полноты,—

7

Ты так же ли, как земледел, богат?
И ты, как он, с надеждой сеял;
И ты, как он, о дальнем дне наград
Сны позлащенные лелеял...
Любуйся же, гордись восставшим им!
Считай свои приобретенья!..
Увы! к мечтам, страстям, трудам мирским
Тобой скопленные презренья,
Язвительный, неотразимый стыд
Души твоей обманов и обид!

8

Твой день взошел, и для тебя ясна
Вся дерзость юных легковерий;

Испытана тобою глубина
Людских безумств и лицемерий.
Ты, некогда всех увлечений друг,
Сочувствий пламенный искатель,
Блистательных туманов царь — и вдруг
Бесплодных дебрей созерцатель,
Один с тоской, которой смертный стон
Едва твоей гордыней задушен.

9

Но если бы негодованья крик,
Но если б вопль тоски великой
Из глубины сердечныя возник
Вполне торжественный и дикой,—
Костями бы среди своих забав
Содроглась ветреная младость,
Играющий младенец, зарыдав,
Игрушку б выронил, и радость
Покинула б чело его навек,
И заживо б в нем умер человек!

10

Зови ж теперь на праздник честный мир!
Спеши, хозяин тороватый!
Проси, сажай гостей своих за пир
Затейливый, замысловатый!
Что лакомству пророчит он утех!
Каким разнообразьем брашен
Блистает он!.. Но вкус один во всех,
И, как могила, людям страшен;
Садись один и тризну соверши
По радостям земным твоей души!

11

Какое же потом в груди твоей
Ни водворится озаренье,
Чем дум и чувств ни разрешится в ней
Последнее вихревращенье —
Пусть в торжестве насмешливом своем
Ум бесполезный сердца трепет

Угомонит и тщетных жалоб в нем
Удушит запоздалый лепет,
И примешь ты, как лучший жизни клад,
Дар опыта, мертвящий душу хлад.

12

Иль, отряхнув видения земли
Порывом скорби животворной,
Ее предел завидя невдали,
Цветущий брег за мглою черной,
Возмездий край, благовестящим снам
Доверясь чувством обновленным,
И бытия мятежным голосам,
В великом гимне примиренным,
Внимающий, как арфам, коих строй
Превыспренний не понят был тобой,—

13

Пред промыслом оправданным ты ниц
Падешь с признательным смиреньем,
С надеждою, не видящей границ,
И утоленным разуменьем,—
Знай, внутренней своей вовеки ты
Не передашь земному звуку
И легких чад житейской суеты
Не посвятишь в свою науку;
Знай, горняя иль дольная, она
Нам на земле не для земли дана.

14

Вот буйственно несется ураган,
И лес подъемлет говор шумный,
И пенится, и ходит океан,
И в берег бьет волной безумной;
Так иногда толпы ленивый ум
Из усыпления выводит
Глас, пошлый глас, вещатель общих дум,
И звучный отзыв в ней находит,
Но не найдет отзыва тот глагол,
Что страстное земное перешел.

15

Пускай, приняв неправильный полет
И вспять стези не обретая,
Звезда небес в бездонность утечет;
Пусть заменит ее другая;
Не явствует земле ущерб одной,
Не поражает ухо мира
Падения ее далекий вой,
Равно как в высотах эфира
Ее сестры новорожденный свет
И небесам восторженный привет!

16

Зима идет, и тощая земля
В широких лысинах бессилья,
И радостно блиставшие поля
Златыми класами обилья,
Со смертью жизнь, богатство с нищетой
Все образы годины бывшей
Сравняются под снежной пеленой,
Однообразно их покрывшей,—
Перед тобой таков отныне свет,
Но в нем тебе грядущей жатвы нет!

1836–1837

NB *Грандиозная элегия с явными одическими тонами: обилие восклицательных знаков и проч. «Тощая земля в широких лысинах бессилья» – это весь XX в. семантически и XXI в. денотативно. Великие стихи с великим синтаксисом и с не менее великой лексикой, живущей в огромной, просторной фонетике и в онтологии смыслов.*

Борис Пастернак

СОН

Мне снилась осень в полусвете стекол,
Друзья и ты в их шутовской гурьбе,
И, как с небес добывший крови сокол,
Спускалось сердце на руку к тебе.

Но время шло, и старилось, и глохло,
И паволокой рамы серебря,
Заря из сада обдувала стекла
Кровавыми слезами сентября.

Но время шло и старилось. И рыхлый,
Как лед, трещал и таял кресел шелк.
Вдруг, громкая, запнулась ты и стихла,
И сон, как отзвук колокола, смолк.

Я простудился, был, как осень, темен
Рассвет, и ветер, удаляясь, нес,
Как за возом бегущий дождь соломин,
Гряду бегущих по небу берез.

NB *Пастернак для меня в 70-х – имя волшебное. Достать книги его, запрещенного, полузапрещенного, четвертьзапрещенного, неиздаваемого и т. д. было невозможно. Одна книжка все же нашлась: у знакомого, с которым как-то вместе бывали в топонимических экспедициях, был банниковский Пастернак из «БСП» («Библиотека советской поэзии»). Знакомый согласился на обмен. Потребовал Пушкина, академического, 10 томов (красного цвета, вернее – вишневого, или темно-красного), которого у меня не было и который нашелся у З. М., влюбленной то ли в меня, то ли в стихи мои, то ли в стихи вообще. Так или иначе, темно-бежевая с коричневой полосой книжка оказалась у меня. Через день-два ее утопила в ванне, выронив из рук, моя первая жена. А вторая жена вообще потеряла эту разбухшую и высохшую волнистым каким-то манером книгу... Что ж, я купил другую. В лучшие времена. Теперь стоит на полке лицом к миру.*

***

Весна, я с улицы, где тополь удивлен,
Где даль пугается, где дом упасть боится,
Где воздух синь, как узелок с бельем
У выписавшегося из больницы.

Где вечер пуст, как прерванный рассказ,
Оставленный звездой без продолженья
К недоуменью тысяч шумных глаз,
Бездонных и лишенных выраженья.

1918

NB *Стихи Пастернака эвристичны. Сочны. Раскованны. Многообразны. В них много больше энергии речевой, нежели поэтической. Не как у Мандельштама.*

***

Здесь прошелся загадки таинственный ноготь.
– Поздно, высплюсь, чем свет перечту и пойму.
А пока не разбудят, любимую трогать
Так, как мне, не дано никому.

Как я трогал тебя! Даже губ моих медью
Трогал так, как трагедией трогают зал.
Поцелуй был, как лето. Он медлил и медлил,
Лишь потом разражалась гроза.

Пил, как птицы. Тянул до потери сознанья.
Звезды долго горлом текут в пищевод.
Соловьи же заводят глаза с содроганьем,
Осушая по капле ночной небосвод.

1918

NB *Меня, двадцатилетнего, еще в тельняшке североморца, это чудо сводило с ума. И заводило в свои стихотворные тупики и языковые / поэтические (ах, как сильно!) проезды, тоннели и просторы. У Пастернака, мне кажется, как и у Маяковского (явно, более явственно), есть какая-то придушенность. Призадушенность. Полузадушенность. – Но не задушевность.*

Давид Самойлов

(ИЗ «ПЯРНУССКИХ ЭЛЕГИЙ»)

Когда-нибудь и мы расскажем,
Как мы живем иным пейзажем,
Где море озаряет нас,
Где пишет на песке, как гений,
Волна следы своих волнений
И вдруг стирает, осердясь.

NB *Самойлов, которого мы, вслед за Москвой и всей поэтической страной (СССР), звали Дэзик, был любим мной особенно: его тонкие книжки (издательство «Союз писателей») я покупал с лико-*

ванием (внутренним) и дрожью в руках. Читал это чудо с дрожью в губах. Потрясающий поэт. Кауфман. Абсолютно русский. Небесно-земной... Как-то двое моих друзей (в 70-е? 80-е?) поехали в нему в Пярну (Эстония, ул. Тооминга) и застали поэта – похмельного – в саду. Он сразу замахал на визитеров маленькими ручками: «На хрен! На хрен! На хрен!» Уральские (один из них полууральский-полуэстонский) ребята показали бутылку коньяка и были, естественно, приглашены в беседку. Распили. Поэту полегчало. И он с новой категоричностью повторил: «А теперь, друзья, – на хрен, на хрен, на хрен!» Хороший был мужик.

***

И жалко всех и вся. И жалко
Закушенного полушалка,
Когда одна, вдоль дюн, бегом –
Душа – несчастная гречанка...
А перед ней взлетает чайка.
И больше никого кругом.

NB *Первые две строки мучают меня 30 лет. Какое сладкое мученье!*

Василий Комаровский

***

И горечи не превозмочь,
– Ты по земле уже ходила –
И темным путником ко мне стучалась ночь,
Водою мертвою поила.

1909

NB *Комаровского открыл недавно – 5–7 лет назад. Забрели как-то с Еленой в Дом книги (такие походы по книжным магазинам были нередки: 2–3 раза в неделю; все новое покупалось мной в двух экземплярах; все хорошее старое – в одном, для Лены, собирающей библиотеку). Так были куплены стихи Василия Алексеевича. И он нашел во мне читателя через 100 лет! Имя его я слышал от Ахматовой («сумасшедший»), но стихи... Удивительные!*

МУЗЕЙ

Июльский день. Почти пустой музей,
Где глобусы, гниющие тетради,
Гербарии – как будто Бога ради –

И черный шлем мифических князей.

Свиданье двух скучающих друзей,
Гуляющих в прохладной коллонаде.
И сторожа немое «не укради»,
И с улицы зашедший ротозей.

Но Боже мой – какое пепелище,
Когда луна совьет свое жилище,
И белых статуй страшен белый взгляд.

И слышно только – с площади соседней,
Из медных урн изогнутых наяд,
Бегут воды лепечущие бредни?

1910

NB *За Комаровским я нахожу книжку стихов Петра Чейгина с предисловием Ольги Седаковой – и живу поэзией Чейгина вот уже лет 5. Счастливое имя безумного Комаровского!*

***

Я рад, сегодня снег! И зимнему беззвучью
В спокойном сердце нет преград.
В окно высокое повсюду смотрят сучья
И белый свет, – которому я рад.

Я знаю, смерть одолевая нежно,
Опять листы согласно зацветут.
И коченевшие печалью этой снежной,
Земля оттает, травы прорастут.

Зеленый сад, зеленые кочевья!
И блеклой памятью спеша,
Вернется к вам, осенние деревья,
В урочный час, вечерняя душа...

И говорливые и ропщущие думы
Застигнут, замкнутые в круг,
Где легкий хруст ветвей и сумрачные шумы,
Всепроникающий недуг.

1913

NB *Так и читаю попеременно Комаровского и Чейгина. И благодарю Бога за то, что подарил мне болезненно-прекрасную музыку поэта, которого при жизни считали безумным (для общества все поэты – или безумны, или евреи, или уроды). Странная сладость подгнивающих слив – в этих эмоционально диких, бессмертных стихах.*

Михаил Ломоносов

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ
О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ
ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКОГО СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла но горы черна тень;
Лучи от нас клонились прочь;
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна...

И т. д.

NB *Там еще 7 шестистиший. Потом. Как-нибудь. Ломоносов – это Пушкин XVIII в. Без французской (итальянской, испанской и английской) просодической прививки. Медведь. «Мучной» медведь – гибрид белого и бурого мишки. И звать – Михайло. А не страшно. Люблю (чуть было не сказал «этого дядьку»). Он дядька и есть. Дядька русской словесности.*

Сергей Есенин

***

Голубая кофта. Синие глаза.
Никакой я правды милой не сказал.

Милая спросила: «Крутит ли метель?
Затопить бы печку, постелить постель».

Я ответил милой: «Нынче с высоты
Кто-то осыпает белые цветы.

Затопи ты печку, постели постель,
У меня на сердце без тебя метель».

1925

NB *Есенина знаю и люблю лет с 8–9. До знакомства с ним написал: «Горит костер рябины красной, / И никого не может он согреть...» – слово в слово. Почти. Союз был не тот. Прочел Есенина – и обиделся. А к своим сорока – разлюбил. Перестал верить ему. Много рисовки. Сплошная поза. Устаешь от выбора: врет – не врет? И врет и не врет. Трудно все это. Мучительно.*

Владимир Казаков*

***

у осени нет сил: с деревьев опадая
то под ноги коню, то под ноги дождям,
ее могучий цвет, как пронизь золотая,
пространством завладел и рвется к временам.

но не у всех времен есть все века и годы, –
но лишь у одного, которому сейчас
я столько воли дам и столько дам свободы,
что хлынет век златой у осени из глаз.

1983–1988

NB *Много книг мне возит из Питера книгоноша Сергей. Раз в 2–3 месяца я выбираю то, чего нет и что никогда не появится в Свердловске-Екатеринбурге, где в книжных магазинах царит глянец. Провинция. Заваливают дерьмом. Ярким. Безобразным... Однажды Сережа привез двухтомничек («мягкий») красного цвета Владимира Казакова (жил в Москве, а печатался в Германии). Первый том – драматургия, второй – стихи. От стихов обалдел. Невероятно смелы, свободны. И – хороши.*

Владимир Соколов

МУРАВЕЙ

Извилист путь и долог.
Легко ли муравью
Сквозь тысячу иголок
Тащить одну свою?

* Пунктуация и орфография автора.

А он, упрямец, тащит
Ее тропой рябой
И, видимо, таращит
Глаза перед собой.

И думает, уставший
Под ношею своей,
Как скажет самый старший,
Мудрейший муравей:

«Тащил, собой рискуя,
А вот, поди ж ты, смог.
Хорошую какую
Иголку приволок».

1961

NB *Стихотворение это подарил Игорь Сахновский курсе на 2–3-м. Соколова вообще любили в нашем кругу (кружке). Но с оттенком пренебрежения, что ли? На фоне Мандельштама. Да. Никто не устоит. Покачнется.*

Николай Рубцов

***

Ласточка носится с криком.
Выпал птенец из гнезда.
Дети окрестные мигом
Все прибежали сюда.

Взял я осколок металла,
Вырыл могилку птенцу,
Ласточка рядом летала,
Словно не веря концу.

Долго носилась, рыдая,
Под мезонином своим...
Ласточка! Что ж ты, родная,
Плохо смотрела за ним?

NB *Рубцов – это уже в университете. Филфак. Всеобщая любовь. Саша (Шура, Шуня) Сидельников, мой лучший друг,*

умерший вместо меня, показал мне Рубцова. «В гостях» («Трущобный двор...») мы декламировали с ним на два голоса (у Саши был прекрасный офицерский баритон).

***

Окошко. Стол. Половики.
В окошке – вид реки...
Черны мои черновики,
Чисты чистовики.

За часом час уходит прочь,
Мелькает свет и тень.
Звезда над речкой – значит, ночь.
А солнце – значит, день.

Но я забуду ночь реки,
Забуду день реки:
Мне спать велят чистовики,
Вставать – черновики.

NB *Борис Марьев часто читал вслух стихи Рубцова. Даже на лекциях по античке. Майя Никулина, мой бесценный друг, любит это:*

.....
– Где же погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу. –
Тихо ответили жители:
– Это на том берегу...

NB *«Жители» чего? Какого места? Какого времени?.. Ну, а с тем берегом и так все ясно.*

Юрий Кузнецов

***

Звякнет лодка оборванной цепью,
Вспыхнет яблоко в тихом саду,
Вздрогнет сон мой, как старая цапля
В нелюдимо застывшем пруду.

Сколько можно молчать? Может, хватит?
Я хотел бы туда повернуть,
Где стоит твое белое платье,
Как вода, по высокую грудь.

Я хвачусь среди замершей ночи
Старой дружбы, сознанья и сил,
И любви, раздувающей ноздри,
У которой бессмертья просил.

С ненавидящей, тяжкой любовью
Я гляжу, обернувшись назад.
Защищаешься слабой ладонью.
– Не целуй. Мои губы болят.

Что ж, прощай! Мы в толпе затерялись.
Снилось мне, только сны не сбылись.
Телефоны мои надорвались,
Почтальоны вчистую спились.

Я вчера пил весь день за здоровье,
За румяные щеки любви.
На кого опустились в дороге
Перелетные руки твои?

Что за жизнь – не пойму и не знаю.
И гадаю, что будет потом.
Где ты, господи... Я погибаю
Над ее пожелтевшим письмом.

1967

NB *Кузнецова видел, встречал несколько раз. В Москве. Однажды пили с ним водку. Познакомились на Кутузовском во Внешторгбанке в середине 80-х. Ему поначалу было явно плевать на меня – он засматривался на мою первую жену (красавицу, как тогда говорили все), но после стакашка-другого заговорил со мной. Стихи. И все такое, как говаривал Боря Рыжий. Стихи Кузнецова любил года 3–4. Сейчас тоже люблю, но далеко не все: борьба борьбы с борьбой (Ю. Коваль) меня не интересует.*

***

Женщина, о чем мы говорили!
Заказали скверное вино.
И прижались в этом зимнем мире
Так, что место заняли одно.

Только шли минуты год за годом,
Каждый душу сохранить хотел.
И с одра морщинистым уродом
Встал, как лишний, след от наших тел.

Нацепил пальто, ушел из дому,
И открылся перед ним простор.
И звезда виденью неземному
Подмигнула из-за дальних гор.

1963

NB *Первый катрен – чудесный. Остальное – урбанистический, мегаполисный Гоголь. Русско-советского разлива.*

Алексей Решетов

***

Сапожник допился до белой горячки,
Поэт дописался до белых стихов.
И белая пена в корыте у прачки –
Как белые овцы у ног пастухов.
И белые стены покрашены мелом,
И белый из труб поднимается дым,
И белый наш свет называется белым –
Не черным, не розовым, не золотым...

1965

NB *Со стихами познакомился у Майи Петровны Никулиной. Книги Лешины (так мы его звали между собой) дарила. Это конец 70-х. И – на всю жизнь.*

***

В гостинице, в номере «люкс»,
Сижу, завываю, как люпус,

И на передвижников злюсь:
Зачем увеличивать скуку?
Как славно написана рожь,
Как вольно она колосится!
Как жаль, что сюда не войдешь
В обнимку с молоденькой жницей.
Ты только что встал на постой,
Прилег на казенной постели –
Приходит Саврасов седой,
Грачи, говорит, прилетели.

1970

NB *Да, жизнь и поэзия одно. У Решетова именно так. Мы не были друзьями: я не лез, а Леше в те годы никто, кроме Тамары, не был нужен. Однажды «восхитились» друг другом – инскриптивно: и он, и я подписали книги «С восхищением!». Я любил и люблю его. Книгу о нем («Материалы к биографии») сделал с Тамарой и Еленой. Работали над ней как одержимые. Сделали.*

***

Заколочены дачи.
Облетели леса.
Дорогая, не плачьте,
Не калечьте глаза.
Все на свете не вечно –
И любовь, и весна.
Только смерть бесконечна,
Тем она и страшна.

1978

NB *В этот год состоялась у Майи на кухне наша двойная невстреча: то он спал, отдыхая от выпитого, то я отдыхал от пьянки. Мужская невстреча. Встретились много позже. Он уже тогда жил в Екатеринбурге. Так что встретились. В Союзе писателей, где оч-чень много писателей – более 100 членов. Да-с.*

Борис Рыжий

***

Я вышел из кино, а снег уже лежит,
и бородач стоит с фанерною лопатой,
и розовый трамвай по воздуху бежит —
четырнадцатый, нет, девятый, двадцать пятый.

Однако целый мир переменился вдруг,
а я все тот же я, куда же мне податься,
я перенаберу все номера подруг,
а там давно живут другие, матерятся.

Всему виною снег, засыпавший цветы.
До дома добреду, побряцаю ключами,
по комнатам пройду — прохладны и пусты.
Зайду на кухню, оп, два ангела за чаем.

NB *Когда чудо рядом с тобой, почти в тебе, – ты его не замечаешь. Стихи полюбил не сразу: уже после смерти, когда писал книгу о Боре (для родителей), – вдруг прозрило. Бывает. У меня была мечта: написать книги о екатеринбургских поэтах – о М. Никулиной, А. Решетове и Б. Рыжем. Две уже есть. Сейчас работаю над третьей... Спасибо, Боря. За стихи.*

***

Над домами, домами, домами
голубые висят облака —
вот они и останутся с нами
на века, на века, на века.
Только пар, только белое в синем
над громадами каменных плит...
Никогда никуда мы не сгинем,
мы прочней и нежней, чем гранит.
Пусть разрушатся наши скорлупы,
геометрия жизни земной —
оглянись, поцелуй меня в губы,
дай мне руку, останься со мной.
А когда мы друг друга покинем,
ты на крыльях своих унеси

только пар, только белое в синем,
голубое и белое в си...

NB *Часто вспоминаем и говорим о Борисе с друзьями, с почитательницами его дара (это в основном девицы, шастающие на кладбище «к Рыжему»). Но стихи уже давно живут своей жизнью. Так одна жизнь (стихи) убила другую. Такие дела. Самоистребление, самоизможденье и проч. – явления неизбежные в поэтическом существовании и состоянии человека. Драма, трагедия, катастрофа – основные движители поэзии в XX в. Что будет в двадцать первом? – Посмотрим.*

Анатолий Кобенков

***

...искать табак, бродить по коридору,
пытать собаку, где он может быть,
четвертого числа задернуть штору
и, может быть, к двадцатому открыть;
унизить спирт водою кипяченой,
и, заплутав в подсчетах кораблей,
воспомнить друга, пьющего по черной,
а пишущего прочих посветлей,
сыскать табак, по самую уздечку
забить им чашу – трубкой задымить:
сложить кольцо, завить его в колечко,
помешкать и веревочкой завить.

NB *Вышла у меня подборка в «Сибирских огнях» (спасибо Володе Берязеву), открываю номер – и стихи Кобенкова. Страшные. Прекрасные. О пьянке. О душе. О Боге. Ужас... Потом уже купил целый том, изданный в Москве – Новосибирске. Поэт «нестоличный» (Таня Снигирева так говорит; она и любит эту нестоличность: написала книжку про меня нестоличного, с бабьим не моим – моим (фотошоп!) лицом на обложке, – спасибо ей). Просто поэт. Поэт как таковой.*

Алексей Парщиков

О, САД МОИХ ДРУЗЕЙ...

О, сад моих друзей, где я торчу с трещоткой
и для отвода глаз свищу по сторонам,
посеребрим кишки крутой крещенской водкой,
да здравствует нутро, мерцающее нам!

Ведь наши имена не множимы, но кратны
распахнутой земле, чей треугольный ум,
чья лисья хитреца потребует обратно
безмолвие и шум, безмолвие и шум.

NB *Спасибо Жене Касимову. Он познакомил меня с Лешей и подружил с Сашей Еременко. Алексея уже не стало. Саша, по слухам, не пишет. Женя все так же ищет таланты. За что ему – низкий поклон. А стихи – великие. Знаю их лет 20–25 и постоянно мысленно пою, преодолевая безмолвие и разрежая шум.*

ЭЛЕГИЯ

О, как чистокровен под утро гранитный карьер,
в тот час, когда я вдоль реки совершаю прогулки,
когда после игрищ ночных вылезают наверх
из трудного омута жаб расписные шкатулки.

И гроздьями брошек прекрасных набиты битком
их вечнозеленые, нервные, склизкие шкуры.
Какие шедевры дрожали под их языком?
Наверное, к ним за советом ходили авгуры.

И яблок зеркальных пугает трескучий разлом,
и ядерной кажется всплеска цветная корона,
но любят, когда колосится вода за веслом
и сохнет кустарник в сливовом зловонье загона.

В девичестве – вяжут, в замужестве – ходят с искрой,
вдруг насмерть сразятся, и снова уляжется шорох.
А то, как у Данта, во льду замерзают зимой,
а то, как у Чехова, ночь проведут в разговорах.

NB *Парщиков как-то (в конце 80-х) приехал в Свердловск и читал стихи в Дырке – в Доме писателя. Я был. И чувствовал,*

и видел, как шкатулка (с лепниной) двухэтажного дворянского особняка выплывает из шкатулки зелено-голубой атмосферы Земли и возлетает туда, где ждут ее иные вместилища, проветриваемые сквозняком внезапно нашедшего поэтического ужаса. Или – по-другому: шкатулка сердца моего... и т. д. Гениальные стихи, вместившие в себя всю русскую поэзию и мировую культуру.

Денис Новиков

***

Только слово, которого нет на земле,
и вот эту любовь, и вот ту, и меня,
и зачатых в любви, и живущих во зле
оправдает. Последнее слово. К суду
обращаются частные лица Твои,
по колени в Тобой сотворенном аду
и по горло в Тобой сотворенной любви.

NB *Новикова мне подарили лет 12 назад Олег Дозморов и Борис Рыжий. Книжечка, изданная в «Пушкинском фонде» у Г. Ф. Комарова (спасибо ему за хорошие книги). Прикровенно-откровенные стихи. То есть – пронзительные. И – прямые. Поэтическое и человеческое прямоговорение Дениса Новикова.*

***

Часто пишется Бог, а читается правильно – Бох.
Это правильно, это похоже на выдох и вдох.
Для такого-то сына, курящего ночь напролет, –
все точнее, нальет себе чаю, на брюки прольет.
Все точнее к утру, к черту мнения учителей.
Вот и черт появился, и стало дышать тяжелей.
Или это иной, от земного отличный состав,
или это то самое, чем угрожает Минздрав?..

NB *Правда. Все правда. Чистая правда.*

***

Как подобие Божье подобию Божью,
Как охваченный дрожью охваченной дрожью
отдаю свое сердце взамен
твоего. Упадают оковы железны,

обращаются в бегство исчадия бездны,
фараонов кончается плен.

И как Божье подобие Божью подобью,
как охваченный скорбью охваченной скорбью
возвращаю его из груди.
Ибо плен фараонов – отечество наше,
ибо наша молитва – молитва о чаше,
ибо нам не осилить пути.

NB *От стихов – настоящих – должно быть больно. И сладко. И опять больно. Все остальное (интересное, смешное, ироническое и аттрактивное) – литература. Стихотворчество.*

Вениамин Блаженный

***

А те слова, что мне шептала кошка, –
Они дороже были, чем молва,
И я сложил в заветное лукошко
Пушистые и теплые слова.

Но это были вовсе не котята
И не утята; в каждом из словес
Топорщился чертенок виновато,
Зеленоглазый и когтистый бес.

...Они за мною шествовали робко –
Попутчики дороги без конца –
Собаки, бяки, божии коровки,
А сзади череп догонял отца.

На ножке тоненькой, как одуванчик,
Он догонял умершую судьбу,
И я подумал, что отец мой – мальчик,
Свернувшийся калачиком в гробу.

Он спит на ворохе сухого сена,
И Бог, войдя в мальчишеский азарт,
Вращает карусель цветной вселенной
В его остановившихся глазах.

1982

NB *Блаженного узнал год назад (или полтора-два). Купил пару книг (Лене и себе). Читали с ней. Потрясенные – говорили. Смерть для Блаженного – жизнь. Тоже жизнь. Жизнь обиженных, униженных и преданных всеми (в последний разряд я попаду в феврале 2010 г.). Бог – у Блаженного злой или равнодушный дядька. Но удивляет боль за все убитые «маленькие» жизни. Не сочувствие и не сентиментальные охи (по-есенински и вообще по-бабьи), а чудовищная, огромная боль. Вселенная боли. Космос боли. Все боли.*

***

Не плачьте обо мне, собаки, люди, кошки,
Уже я не приду из сумрачной травы,
Уже я неживой, – но есть загадка горше:
Есть участь быть живым – и обижать живых.

О, нет, я не хотел обидеть самой малой
Букашки – ведь она какая-то родня
Тому, кто в этот мир, бездомный и усталый,
Пришел на склоне лет, пришел на склоне дня.

Пришел на склоне вех, пришел к концу событий, –
Ах, как моя душа по жизни извелась,
Но ветхие нас всех связали с жизнью нити,
Лишь дунет ветерок – и нить оборвалась.

1984

NB *Все слишком хрупко. Некрепко. Ненадежно. Человек-поэт – очень молодой – ломается, не выдерживает жизнь, проживаемую преимущественно или только душой, стихами и книгами. Человек уходит от человека, живущего не так. Не так, как все. Человек бежит назад – в мир: в общество, в семью, в друзья, в Интернет, в визуальность, в треки, в ролики, в кино. Он устал от поэзии. И это – правда: поэзия губит, убивает. Поэт должен самоубиваться каждую минуту: думать и страдать свои стихи. Ничего не поделаешь. Именно так дело обстоит. Так. Sic!*

Иосиф Бродский

ОСЕННИЙ КРИК ЯСТРЕБА

Северо-западный ветер его поднимает над
сизой, лиловой, пунцовой, алой
долиной Коннектикута. Он уже
не видит лакомый променад
курицы по двору обветшалой
фермы, суслика на меже.

На воздушном потоке распластанный, одинок,
все, что он видит – гряду покатых
холмов и серебро реки,
вьющейся точно живой клинок,
сталь в зазубринах перекатов,
схожие с бисером городки

Новой Англии. Упавшие до нуля
термометры – словно лары в нише;
стынут, обуздывая пожар
листьев, шпили церквей. Но для
ястреба это не церкви. Выше
лучших помыслов прихожан,

он парит в голубом океане, сомкнувши клюв,
с прижатою к животу плюсною
– когти в кулак, точно пальцы рук –
чуя каждым пером поддув
снизу, сверкая в ответ глазною
ягодою, держа на Юг,

к Рио-Гранде, в дельту, в распаренную толпу
буков, прячущих в мощной пене
травы, чьи лезвия остры,
гнездо, разбитую скорлупу
в алую крапинку, запах, тени
брата или сестры.

Сердце, обросшее плотью, пухом, пером, крылом,
бьющееся с частотою дрожи,

точно ножницами сечет,
собственным движимое теплом,
осеннюю синеву, ее же
увеличивая за счет

еле видного глазу коричневого пятна,
точки, скользящей поверх вершины
ели; за счет пустоты в лице
ребенка, замершего у окна,
пары, вышедшей из машины,
женщины на крыльце.

Но восходящий поток его поднимает вверх
выше и выше. В подбрюшных перьях
щиплет холодом. Глядя вниз,
он видит, что горизонт померк,
он видит как бы тринадцать первых
штатов, он видит: из

труб поднимается дым. Но как раз число
труб подсказывает одинокой
птице, как поднялась она.
Эк куда меня занесло!
Он чувствует смешанную с тревогой
гордость. Перевернувшись на

крыло, он падает вниз. Но упругий слой
воздуха его возвращает в небо,
в бесцветную ледяную гладь.
В желтом зрачке возникает злой
блеск. То есть помесь гнева
с ужасом. Он опять

низвергается. Но как стенка – мяч,
как падение грешника – снова в веру,
его выталкивает назад.
Его, который еще горяч!
В черт-те что. Все выше. В ионосферу.

В астрономически объективный ад
птиц, где отсутствует кислород,

где вместо проса – крупа далеких
звезд. Что для двуногих высь,
то для пернатых наоборот.
Не мозжечком, но в мешочках легких
он догадывается: не спастись.

И тогда он кричит. Из согнутого, как крюк,
клюва, похожий на визг эриний,
вырывается и летит вовне
механический, нестерпимый звук,
звук стали, впившейся в алюминий;
механический, ибо не

предназначенный ни для чьих ушей:
людских, срывающейся с березы
белки, тявкающей лисы,
маленьких полевых мышей;
так отливаться не могут слезы
никому. Только псы

задирают морды. Пронзительный, резкий крик
страшней, кошмарнее ре-диеза
алмаза, режущего стекло,
пересекает небо. И мир на миг
как бы вздрагивает от пореза.
Ибо там, наверху, тепло

обжигает пространство, как здесь, внизу,
обжигает черной оградой руку
без перчатки. Мы, восклицая «вон,
там!», видим вверху слезу
ястреба, плюс паутину, звуку
присущую, мелких волн,

разбегающихся по небосводу, где
нет эха, где пахнет апофеозом
звука, особенно в октябре.
И в кружеве этом, сродни звезде,
сверкая, скованная морозом,
инеем, в серебре,

опушившем перья, птица плывет в зенит,
в ультрамарин. Мы видим в бинокль отсюда
перл, сверкающую деталь.
Мы слышим: что-то вверху звенит,
как разбивающаяся посуда,
как фамильный хрусталь,

чьи осколки, однако, не ранят, но
тают в ладони. И на мгновенье
вновь различаешь кружки, глазки,
веер, радужное пятно,
многоточия, скобки, звенья,
колоски, волоски –

бывший привольный узор пера,
карту, ставшую горстью юрких
хлопьев, летящих на склон холма.
И, ловя их пальцами, детвора
выбегает на улицу в пестрых куртках
и кричит по-английски: «Зима, зима!»

NB *Огромные стихи. Во всех смыслах. Но переписывалось (знаю наизусть только куски) легко. Есть в них отстраненность, удаленность, возлетаемость и парение боли. Поэзия – это боль. Боль для думающего и страдающего стихи. (Ахматова: поэзия – дело мужское, кровавое. Эту дефиницию впервые услышал от Геннадия Александровича Русакова – и содрогнулся. Понял – так и есть.) Поэтому слабые люди бегут поэзии. Сваливаются в визуальность (кино), в виртуальность (ролики, просмотр текстов etc). Так, от меня отвалилось трое: О. Д., А. Б., Е. Ш. – не выдержали дрожи, вибрации, напряжения. Теряю собеседников. Последний (последняя) – просто сбежал в ужасе: как это можно, возможно (воз-мож-но!) постоянно, что бы ты ни делал, думать и страдать стихи?! Бродский велик в этом грандиозном стихотворении. Он – и мастер, и поэт. Одновременно. Сошлось. Совпало. Как у Павла Лунгина в фильме («на фильме») «Остров».*

Афанасий Фет

***

Какая грусть! Конец аллеи
Опять с утра исчез в пыли,
Опять серебряные змеи
Через сугробы поползли.

На небе ни клочка лазури,
В степи все гладко, все бело,
Один лишь ворон против бури
Крылами машет тяжело.

И на душе не рассветает,
В ней тот же холод, что кругом,
Лениво дума засыпает
Над умирающим трудом.

А все надежда в сердце тлеет,
Что, может быть, хоть невзначай,
Опять душа помолодеет,
Опять родной увидит край,

Где бури пролетают мимо,
Где дума страстная чиста, –
И посвященным только зримо
Цветет весна и красота.

1862(?)

NB *Фета узнал и рано (от деда, изустно), и поздно (во флотской библиотеке). В университете, слушая лекции (где Фета поругивали; а в школе вообще не изучали) по истории русской литературы, посмеивался: Фет, как и любой подлинный поэт, не поддавался идеологическому анализу. И не поддается.*

***

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песнею твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна – любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна – вся жизнь, что ты одна – любовь,

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

1877

NB *Да, вспомнил. М. П. Никулина хвалила и защищала Фета от дураков. Вроде Евтушенко. И – Маяковского. Идите воюйте за паек от государства против иного государства за то государство, которое обеспечит вам государственно-государственный паек.*

Василий Жуковский

NB *Любим мною безмерно. За «Невыразимое». Ничего подобного не писал никто.*

НЕВЫРАЗИМОЕ

(*отрывок*)

Что наш язык земной пред дивною природой?
С какой небрежною и легкою свободой
Она рассыпала повсюду красоту
И разновидное с единством согласила!
Но где, какая кисть ее изобразила?
Едва-едва одну ее черту
С усилием поймать удастся вдохновенью...
Но льзя ли в мертвое живое передать?
Кто мог создание в словах пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?..
Святые таинства, лишь сердце знает вас.

Не часто ли в величественный час
Вечернего земли преображенья –
Когда душа смятенная полна
Пророчеством великого виденья
И в беспредельное унесена, –
Спирается в груди болезненное чувство,
Хотим прекрасное в полете удержать,
Ненареченному хотим названье дать –
И обессиленно безмолвствует искусство?
Что видимо очам – сей пламень облаков,
По небу тихому летящих,
Сие дрожанье вод блестящих,
Сии картины берегов
В пожаре пышного заката –
Сии столь *яркие черты* –
Легко их ловит мысль крылата,
И есть *слова* для их *блестящей* красоты.
Но то, что слито с сей блестящей красотою, –
Сие столь смутное, волнующее нас,
Сей внемлемый одной душою
Обворожающего глас,
Сие к далекому стремленье,
Сей миновавшего привет
(Как прилетевшее незапно дуновенье
От луга родины, где был когда-то цвет,
Святая молодость, где жило упованье),
Сие шепнувшее душе воспоминанье
О милом радостном и скорбном старины,
Сия сходящая святыня с вышины,
Сие присутствие создателя в созданье –
Какой для них язык?.. Горé душа летит,
Все необъятное в единый вздох теснится,
И лишь молчание понятно говорит.

1819

NB *Жуковский – провидец, щедрый провидец. О невыразимом – так внятно и вполне выразимо. Василий Андреевич мне очень помог: Майя Никулина как-то сказала: «Знаешь, Юра, поэзия вообще не литература», – а Жуковский добавил: потому что говорит она о невыразимом.*

Алексей (А. К.) Толстой

***

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!

Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

1854

NB *«Колю» знали все. Так, мол, хрестоматийная – в лоб – тирада. Ан, нет. Когда тебе за 50 – понимаешь: все так и есть. Со мной – точно.*

***

Край ты мой, родимый край,
Конский бег да поле.
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле!
Гой ты, родина моя!
Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья,
Ветер, степь да тучи!

1856

NB *Ну да, декларативно. Однако в детстве можно было орать эти стихи или с горы, или в карьер (на Урале этих провалов сотни) – и воздух отзывался. А уж если живешь где-нибудь недалеко от экватора, да несколько лет, да уж так далеко от леса и рек своих уральских, – то стихи прямо в кровь лупят. И пузырьки пускают. До дрожи.*

***

На нивы желтые нисходит тишина;
В остывшем воздухе от меркнущих селений,
Дрожа, несется звон. Душа моя полна
Разлукою с тобой и горьких сожалений.

И каждый мой упрек я вспоминаю вновь,
И каждое твержу приветливое слово,
Что мог бы я сказать тебе, моя любовь,
Но что внутри себя я схоронил сурово!

1862

NB *Все так и есть. Вспоминал эти стихи, расставаясь с Ней, и в десятом классе, и после армии, и в молодой зрелости, и в зрелости, и – сейчас, когда впереди, по сторонам света, натянута тишина. И прислушиваешься – к небу.*

Эдуард Багрицкий

КОНТРАБАНДИСТЫ

По рыбам, по звездам
Проносит шаланду:
Три грека в Одессу
Везут контрабанду.
На правом борту,
Что над пропастью вырос:
Янаки, Ставраки,
Папа Сатырос.
А ветер как гикнет,
Как мимо просвищет,
Как двинет барашком
Под звонкое днище, –
Чтоб гвозди звенели,
Чтоб мачта гудела:
–Доброе дело! Хорошее дело!
Чтоб звезды обрызгали
Груду наживы:
Коньяк, чулки
И презервативы...
Ай, греческий парус!
Ай, Черное море!
Ай, Черное море!..
– Вор на воре!
.....

Двенадцатый час –
Осторожное время.
Три пограничника!
Ветер и темень.
Три пограничника,
Шестеро глаз, –
Шестеро глаз
Да моторный баркас...
Три пограничника!
Вор на дозоре!
Бросьте баркас
В басурманское море, –
Чтобы вода
Под кормой загудела:
–Доброе дело!
Хорошее дело!
Чтобы по трубам,
В ребра и винт,
Виттовой пляской
Двинул бензин.
Ай, звездная полночь!
Ай, Черное море!
Ай, Черное море!..
– Вор на воре!
.....

Вот так бы и мне
В налетающей тьме
Усы раздувать,
Развалясь на корме,
Да видеть звезду
Над бугшпритом склоненным,
Да голос ломать
Черноморским жаргоном,
Да слушать сквозь ветер,
Холодный и горький,
Мотора дозорного
Скороговорки!
Иль правильней, может,
Сжимая наган,

За вором следить,
Уходящим в туман...
Да ветер почуять,
Скользящий по жилам,
Вослед парусам,
Что летят по светилам...
И вдруг неожиданно
Встретить во тьме
Усатого грека
На черной корме...
Так бей же по жилам,
Кидайся в края,
Бездомная молодость,
Ярость моя!
Чтоб звездами сыпалась
Кровь человечья,
Чтоб выстрелом рваться
Вселенной навстречу,
Чтоб волн запевал
Оголтелый народ,
Чтоб злобная песня
Коверкала рот, –
И петь, задыхаясь,
На страшном просторе:
– Ай, Черное море,
Хорошее море!..

1927

NB *Багрицкий – это уже в университете. Филфак. Иные стихи, противившиеся советской поэзии, мастурбативному, искусственному напору Маяковского, Асеева и др. Да и – море. Не Баренцево, где служил, и не Аравийское, где песок топтал. Но – море. (А позже и Черное полюблю.) Есть еще «Птицелов» и «Арбуз». Бесшабашная лирика. Мужская. Но мягкая, как спелый ломоть арбуза. И хрусткая.*

Николай Клюев

***

Я молился бы лику заката,
Темной роще, туману, ручьям,
Да тяжелая дверь каземата
Не пускает к родимым полям –

Наглядеться на бора опушку,
Листопадом, смолой подышать,
Постучаться в лесную избушку,
Где за пряжею старится мать...

Не она ли за пряслом решетки
Ветровою свирелью поет...
Вечер нижет янтарные четки,
Красит золотом треснувший свод.

1912

NB *Клюева купил на Туче, на Яме, на Книжном развале. Вынесен был рынок сей за город (3 остановки электричкой) – туда и мотались по воскресеньям: мерзли, покупали – меняли, водкой грелись. Странные 70-е гг. Пили и гуляли все. Читали – почти все. Клюева знали многие. Теперь спроси у кого – скажут: футболист. Очень любил. И люблю. Больше Есенина.*

***

Осенюсь могильною иконкой,
Накормлю малиновок кутьей
И с клюкой, с дорожною котомкой,
Закачусь в туман вечеровой.

На распутьях дальнего скитанья,
Как пчела медвяную росу,
Соберу певучие сказанья
И тебе, родимый, принесу.

В глубине народной незабытым
Ты живешь, кровавый и святой...
Опаленным, сгибнувшим, убитым,
Всем покой за дверью гробовой.

1912

NB *Малиновки. Когда я пил горькую – часто перечитывал. Повторял. Стихи обо мне. Точно.*

***

Не в смерть, а в жизнь введи меня,
Тропа дремучая лесная!
Привет вам, братья-зеленя,
Потемки дупел, синь живая!

Я не с железом к вам иду,
Дружась лишь с посохом да рясой,
Но чтоб припасть в слезах, в бреду
К ногам березы седовласой,

Чтоб помолиться лику ив,
Послушать пташек-клирошанок
И, брашен солнечных вкусив,
Набрать младенческих волвянок.

На мху, как в зыбке, задремать
Под «баю-бай» осиплой ели...
О, пуща-матерь, тучки прядь,
Туман, пушистее кудели,

Как сладко брагою лучей
На вашей вечере упиться,
Прозрев, что веткою в ручей
Душа родимая глядится!

1915

NB *Пантеизм. Мой. Это – мое. Птицы. Реки. Деревья. Холмы. Небо. Пламя звездное, сквозящее сквозь тьму сквозную голубым. 35 лет люблю эти стихи. А они – меня.*

Валентин Катаев

ДЕВУШКА

Степная девушка в берете
Стояла с дынею в руке,
В зеленом плюшевом жакете
И ярко-розовом платке.

Ее глаза блестели косо,
Арбузных семечек черней,
И фиолетовые косы
Свободно падали с плечей.

Пройдя нарочно очень близко,
Я увидал, замедлив шаг,
Лицо, скуластое, как миска,
И бирюзу в больших ушах.

С усмешкой жадной и неверной
Она смотрела на людей,
А тень бензиновой цистерны,
Как время, двигалась по ней.

1942

NB *Знал поначалу только последнее четверостишие. Потом нашел все стихотворение в старом десятитомнике. Лет так 25–30 назад. Держалось в уме само. А недавно с Леной купили парочку голубеньких книжек Катаева со стихами. Есть, есть стихи. Но это – просто шедевр катаевской прозы, обуненной в стихи (от «Бунин» – «обунить»). Ей-богу, не вру. Люблю.*

Иван Бунин

СКАЗКА О КОЗЕ

Это волчьи глаза или звезды –
в стволах на краю перелеска?
Полночь, поздняя осень, мороз.
Голый дуб надо мной весь трепещет от звездного блеска,
Под ногою сухое хрустит серебро.

Затвердели, как камень, тропинки, за лето набитые.
Ты одна, ты одна, страшной сказки осенней коза!
Расцветают, горят на железном морозе несытые
Волчьи, божьи глаза.

1915

NB *Стихи узнал от Димы Воронкова, стихотворца и гитариста (не хотелось бы называть его бардом; бард для меня слово*

искусственное, неприятное – связанное как-то в сознании моем с бардаком). Том Диминых стихов продается в магазинах. Этого стихотворения Бунина не знает никто (или мало кто). Оно – чудо. И сам Бунин – чудо в русской поэзии (о прозе вообще молчу: гений).

***

Полями пахнет, – свежих трав,
Лугов прохладное дыханье!
От сенокосов и дубрав
Я в нем ловлю благоуханье.

Повеет ветер – и замрет...
А над полями даль темнеет,
А туча из-за них растет,
Закрыла солнце и синеет.

Нежданной молнии игра,
Как меч, блеснувший на мгновенье,
Вдруг озарит из-за бугра –
И снова сумрак и томленье...

Как ты таинственна, гроза!
Как я люблю твое молчанье,
Твое внезапное блистанье –
Твои безумные глаза.

1901

NB *Лето. Дед. Сенокос. Вечером – дедова антология (фолиант с толстой драной обложкой и почти капустными листьями страниц). Бунин – свой. Мой. Он знает то, что знаю и узнаю я, мальчик, почти немой и ненавидящий город. Мальчик, живущий в траве у воды.*

***

Как дым пожара, туча шла.
Молчала старая дорога.
Такая тишина была,
Что в ней был слышен голос Бога,
Великий, жуткий для земли
И внятный не земному слуху,
А только внемлющему духу.

Жгло солнце. Блеклые, в пыли,
Серели травы. Степь роняла
Беззвучно зерна – рожь текла
Как бы крупинками стекла
В суглинок жаркий. Тонко, вяло,
Седые крылья распустив,
Птенцы грачей во ржи кричали.
Но в духоте песчаных нив
Терялся крик. И вырастали
На юге тучи. И листва
Ветлы, склоненной к их подножью,
Вся серебристой млела дрожью –
В грядущем страхе божества.

1912

NB *Возвращались с покоса втроем: дед, бабушка и я. Начался дождь, потом – гроза. Укрылись под сосной, одиноко стоявшей в поле недалеко от ивняка. Вдруг бабушка, схватив нас за руки, перетащила меня и деда, перевела перебежками из-под сосны в ивняк, где мы и стояли-сидели под старой, пахнущей несуществующим озером ивой. Через минуту молния ударила в сосну, под которой мы только что стояли, – расщепила ее ствол от середины до комля. Дерево вспыхнуло. Дед как-то так сдавленно, сквозь слезы, что ли, вымолвил: – Да-а-а...*

ПОСЛЕДНИЙ ШМЕЛЬ

Черный бархатный шмель, золотое оплечье,
Заунывно гудящий певучей струной,
Ты зачем залетаешь в жилье человечье
И как будто тоскуешь со мной?

За окном свет и зной, подоконники ярки,
Безмятежны и жарки последние дни,
Полетай, погуди – и в засохшей татарке,
На подушечке красной, усни.

Не дано тебе знать человеческой думы,
Что давно опустели поля,
Что уж скоро в бурьян сдует ветер угрюмый
Золотого сухого шмеля!

1916

NB *Стихотворение показано (по телефону) Леной: мол, почти как твои шмели в твоих стихах. Мой да не мой. Да и ничего здесь нет моего. И я не мой. Часто – немой. Как в детстве. Бунин – мой. Прежде всего поэт.*

***

Щеглы, как звон, стеклянный, неживой,
И клен над облетевшею листвой,
На пустоте лазоревой и чистой,
Уже весь голый, легкий и ветвистый...
О мука мук! Что надо мне, ему,
Щеглу, листве? И разве я пойму,
Зачем я должен радость этой муки,
Вот этот небосклон, и этот звон,
И темный смысл, которым полон он,
Вместить в созвучия и звуки?
Я должен взять – и, разгадав, отдать.
Мне кто-то должен сострадать,
Что пригревает солнце низким светом
Меня в саду, просторном и раздетом,
Что озаряет желтая листва
Ветвистый клен, что я едва-едва,
Бродя в восторге по саду пустому,
Мою тоску даю понять другому...
– Беру большой зубчатый лист с тугим
Пурпурным стеблем, – пусть в моей тетради
Останется хоть память вместе с ним
Об этом светлом вертограде
С травой, хрустящей белым серебром,
О пустоте, сияющей над кленом
Безжизненно-лазоревым шатром,
И о щеглах с хрустально-мертвым звоном!

1917

NB *Это стихотворение уже я показал ей. Через 5 месяцев после разрыва сказала: – Что-то от Мандельштама? Нет, говорю, от Баратынского, скорей. Это был последний нормальный – без обид – разговор. Спасибо Ивану Алексеевичу. Бунин – чудо. Во всем.*

Анна Ахматова

ТРЕТИЙ ЗАЧАТЬЕВСКИЙ

Переулочек, переул...
Горло петелькой затянул.

Тянет свежесть с Москва-реки,
В окнах теплятся огоньки.

Покосился гнилой фонарь –
С колокольни идет звонарь...

Как по левой руке – пустырь,
А по правой руке – монастырь,

А напротив – высокий клен
Красным заревом обагрен,

А напротив – высокий клен
Ночью слушает долгий стон.

Мне бы тот найти образок,
Оттого что мой близок срок,

Мне бы снова мой черный платок,
Мне бы невской воды глоток.

1922–1940

NB *Это уже из тех стихов, которые мучают всю жизнь: переулочек-переул... – загадкой, ужасом, вернее – грядущим ужасом, будущим страданием. Петелька. Горло. Срок. Воды глоток.*

***

И упало каменное слово
На мою еще живую грудь.
Ничего, ведь я была готова.
Справлюсь с этим как-нибудь.
У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.

А не то... Горючий шелест лета
Словно праздник за моим окном.
Я давно предчувствовала этот
Светлый день и опустелый дом.

1939

NB *Стихи про меня. Про пятьдесят шестой год моей жизни.*

***

Я не была здесь лет семьсот,
Но ничего не изменилось...
Все так же льется Божья милость
С непререкаемых высот,

Все те же хоры звезд и вод,
Все так же своды неба черны,
И так же ветер носит зерна,
И ту же песню мать поет.

Он прочен, мой азийский дом,
И беспокоиться не надо...
Еще приду. Цвети, ограда,
Будь полон, чистый водоем.

1942–1944

NB *Стихи как продолжение взгляда Леонардо да Винчи, который продолжил, удлинил взгляд Платона, который, в свою очередь... и т. д. И мой взгляд (один из его корней) – в татарве, в половцах, в хазарах. И взгляд Мандельштама – из эллинских небес. Взгляд поэзии. Взгляд культуры.*

Федор Тютчев

***

Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподымешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг...

Но есть сильней очарованья:
Глаза, потупленные ниц
В минуты страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огнь желанья.

1836

NB *Тютчева, как и Ахматову, и многих других (от Пушкина – Лермонтова и Державина – Жуковского до современников), я открывал для себя не единожды: мой Тютчев – любовь настолько глубокая, что острия ее уходят куда-то в бесконечность. Глупец скажет: ну да, метафизика. Соглашусь, уточнив – и жизнь, жизнь, жизнь. Сплошная физика.*

БЛИЗНЕЦЫ

Есть близнецы – для земнородных
Два божества, – то Смерть и Сон,
Как брат с сестрою дивно сходных –
Она угрюмей, кротче он...

Но есть других два близнеца –
И в мире нет четы прекрасней,
И обаянья нет ужасней
Ей предающего сердца...

Союз их кровный, не случайный,
И только в роковые дни
Своей неразрешимой тайной
Обворожают нас они.

И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений –
Самоубийство и Любовь!

1850–1851

NB *Чудесно-страшные стихи. Знаю всю жизнь. Дважды покушался. Ничего подлиннее и реальнее этого преддействия (если было бы действие – я бы не произносил эти слова) – нет.*

***

Увы, что нашего незнанья
И беспомóщней и грустней?
Кто смеет молвить *до свиданья* –
Чрез бездну двух или трех дней?

1854

NB *Таково человеческое время. Знаю эти стихи класса с 5–7-го. На учительницу-словесницу смотрел сквозь толстые очки Тютчева. (Я – не очкарик!) И она это чувствовала, за что и не любила, и боялась меня.*

***

Она сидела на полу
И груду писем разбирала,
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...

О, сколько жизни было тут,
Невозвратимо пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..

Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени, –
И страшно грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.

NB *Седьмая и восьмая строки мучили меня еще в школе. Повторял их в армии. В Индии. В больнице. В реанимации. Поэтому и выжил.*

А. А. Фету

Иным достался от природы
Инстинкт пророчески-слепой, –
Они им чуют, слышат воды
И в темной глубине земной...

Великой Матерью любимый,
Стократ завидный твой удел –
Не раз под оболочкой зримой
Ты самое ее узрел...

1862

NB *Знаю с детства. Из дедовой антологии. Это – о моей бабушке. Ведунье. Ясновидящей (ослепшей в старости) и сказительнице. Это – о поэте.*

НАКАНУНЕ ГОДОВЩИНЫ
4-го АВГУСТА 1864 ГОДА

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня,
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?

Все темней, темнее над землею –
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

1865

NB *Тютчев для меня – тотально жизненен. Все, что он услышал и передал мне, – все было со мною. Это не двойничество. Не дублетность. Это совпадение (и очень близкое) двух душевных дорог, полетов, путей, провалов, дыр, катастроф, – но движения, движения, движения. Скорость жизни совпала. Не повторилась, а – совпала. И Тютчев, и Мандельштам, и все-все-все – для меня живы. В прямом значении этой краткой формы прилагательного. Sic!*

***

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, –
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

1869

*Дед произносил: «**Но** нам сочувствие дается...» Так ему было легче: прятаться всю жизнь от власти (ясно какой), хранить в себе и в потомках иное, подлинное, понятие о чести, достоинстве и совести – это труд великий. И – благодарный. И – благодатный. Ведь все кончается Благодатью...*

Э. Ф. Тютчевой

Все отнял у меня казнящий Бог:
Здоровье, силу, волю, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил он,
Чтоб я ему еще молиться мог.

1873

NB *Тютчев – разный. Так и должно быть. Потому что он ни с кем и ни с чем не боролся: не боролся прежде всего с самим собой. Борьба борьбы с борьбой – это советская и постсоветская стихотворная сфера (от Д. Бедного и В. Маяковского до Е. Евтушенко и И. Бродского). Юрий Коваль дал точнейшую дефиницию амбициозности таланта: борьба борьбы с борьбой. Б. Б. Б.*

Осип Мандельштам

NB *Нужно бы переписать всего Мандельштама в эту часть антологии. Да нельзя. А жаль.*

***

Звук осторожный и глухой
Плода, сорвавшегося с древа,
Среди немолчного напева
Глубокой тишины лесной...

NB *Мандельштам – это подарок Майи Никулиной. Две любви: Майя и Осип. Две мои любви. 70-е. Кухня Майи. Ночи. Дни. Недели разговоров, чтения, споров и любви. Мандельштам – моя последняя любовь в поэзии. Первая – Лермонтов. Нет, есть, конечно, и рецидивы любви к Рильке, Донну, Данте, да Винчи, Гете, Анненскому, Бодлеру, Верлену, Рембо. Я любовник-рецидивист – в поэзии. Были и раз-любови. Имен не назову – может, еще полюбятся... Даже любовь к Целану и Данте (и – Рильке!) не перебили влечения к поэзии Мандельштама. Потому что – язык. Великий язык поэзии, эксплицированный по-русски.*

***

Сусальным золотом горят
В лесах рождественские елки,
В кустах игрушечные волки
Глазами страшными глядят.

О, вещая моя печаль,
О, тихая моя свобода
И неживого небосвода
Всегда смеющийся хрусталь!

1908

NB *Ранний Мандельштам. Блеск! Но Осип Эмильевич навсегда остался (для меня) ювенильным. Гений. Всегда юный гений. Как Лермонтов, моя первая любовь в поэзии. Круг замкнулся.*

***

На бледно-голубой эмали,
Какая мыслима в апреле,
Березы ветви поднимали
И незаметно вечерели.

Узор отточенный и мелкий,
Застыла тоненькая сетка,
Как на фарфоровой тарелке
Рисунок, вычерченный метко, –
Когда его художник милый
Выводит на стеклянной тверди,
В сознании минутной силы,
В забвении печальной смерти.

1909

NB *Стихи показал Игорь Сахновский (сидели с ним за одной партой в университете, на филфаке). Игорь много мне подарил: и Анненского, и Белого и др. Известный и маститый прозаик, пишет ли он сегодня стихи? Раньше, в молодости, писал – и отменные.*

***

Дано мне тело – что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?

За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?

Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.

На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.

Запечатлеется на нем узор,
Неузнаваемый с недавних пор.

Пускай мгновения стекает муть,
Узора милого не зачеркнуть.

1909

NB *Может быть, самое главное мое стихотворение. Знаю его около сорока лет. Слышал от мимолетного учителя в школе нашей – Феликса Салимова (ныне покойного; он сокурсник моих друзей Володи и Людмилы Бабенко; несколько лет назад привелось мне составлять его книгу стихов). Запомнил текст сразу. А имени даже как бы и не слышал. Жило во мне стихотворение как фольклорное, нет – как какое-то нутряное, кровное, корневое слово: легло – тепло.*

ИМПРЕССИОНИЗМ

Художник нам изобразил
Глубокий обморок сирени
И красок звучные ступени
На холст, как струпья, положил.

Он понял масла густоту –
Его запекшееся лето
Лиловым мозгом разогрето,
Расширенное в духоту.

А тень-то, тень все лиловей,
Свисток иль хлыст, как спичка, тухнет.
Ты скажешь: повара́ на кухне
Готовят жирных голубей.
Угадывается качель,

Недомалеваны вуали,
И в этом сумрачном развале
Уже хозяйничает шмель.

1932

NB *Эти стихи появились во мне, будучи прочитанными с папиросной бумаги в 1979 г. В этом же году я купил харджиевского Осипа (Манделя, как мы тогда говорили), изувеченного Дымшицем в «Библиотеке поэта». Эта книга объездила со мной полмира. Спасала меня от жары в Индии. От тоски – в Москве. От пьянства – в Свердловске. Плохая (по исполнению) великая книга.*

***

Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева,
И парус медленный, что облаком продолжен, –
Я с вами разлучен, вас оценив едва:
Длинней органных фуг – горька морей трава –
Ложноволосая – и пахнет долгой ложью,
Железной нежностью хмелеет голова,
И ржавчина чуть-чуть отлогий берег гложет...
Что ж мне под голову другой песок подложен?
Ты, горловой Урал, плечистое Поволжье
Иль этот ровный край – вот все мои права,
И полной грудью их вдыхать еще я должен.

1937

NB *Страшные стихи. Тоже в 79–80 гг. Поздний ювенильно-гениальный Эмильевич. Боже, как только я его не зову (в себе и для себя): такого поэта еще не было. Небывалый. Непонятый. Неосознанный. Непережитый. Неоцененный. Неприрученный. Мандельштам школой, антологией и хрестоматией – не приручается!*

***

Заблудился я в небе – что делать?
Тот, кому оно близко, – ответь!
Легче было вам, Дантовых девять
Атлетических дисков, звенеть.

Не разнять меня с жизнью: ей снится
Убивать и сейчас же ласкать,

Чтобы в уши, в глаза и в глазницы
Флорентийская била тоска.

Не кладите же мне, не кладите
Остроласковый лавр на виски,
Лучше сердце мое разорвите
Вы на синего звона куски...

И когда я усну, отслуживши,
Всех живущих прижизненный друг,
Он раздастся и глубже и выше –
Отклик неба – в остывшую грудь.

1937

NB *Мандельштам – это чудо всеприсутствия, всепричастности, всепонимания, всечувствования, всеощущения, всеведения и всезрения. Чудо естественности, смертности, боли и горького счастья, наличествующего во всем. Мандельштам – это просто чудо. Чудо как таковое.*

***

Нереиды мои, нереиды,
Вам рыданья – еда и питье,
Дочерям средиземной обиды
Состраданье обидно мое.

1937

NB *Средненебное и средненебесное порождение звука, сочувствующего всему средиземному. Так средисмертное потакает вечному и средижизненному. Потрясающе. Потрясение длиной в 35 лет!*

***

Я к губам подношу эту зелень –
Эту клейкую клятву листов,
Эту клятвопреступную землю:
Мать подснежников, кленов, дубков.

Погляди, как я крепну и слепну,
Подчиняясь смиренным корням,
И не слишком ли великолепно
От гремучего парка глазам?

А квакуши, как шарики ртути,
Голосами сцепляются в шар,
И становятся ветками прутья
И молочною выдумкой пар.

1937

NB *Стихотворение без конца. Без финала. Бесконечное. Вот и додумываю его, домучиваюсь. Дорастаю.*

***

О, как же я хочу,
Не чуемый никем,
Лететь вослед лучу,
Где нет меня совсем.

А ты в кругу лучись –
Другого счастья нет –
И у звезды учись
Тому, что значит свет.

Он только тем и луч,
Он только тем и свет,
Что шопотом могуч
И лепетом согрет.

И я тебе хочу
Сказать, что я шепчу,
Что шопотом лучу
Тебя, дитя, вручу...

1937

NB *Страшновато останавливаться. Не продолжать. Не мучиться. Не выбирать. Не уговаривать память: не ври! дай то, что истинно и непреложно! Но ведь это не полный список (от глаголов «писать», «записать», «списать», «переписать»: вспомнить – и «списать» с памяти, сверяя знаки препинания с оригиналами). Это лишь десятки того, что действительно дорого мне. Здесь, в поэзии. Поэзия – мое время и мое место. Нескромно? И черт с ним! Потому что это именно так: ей жил, живу и, даст Бог, еще поживу... Поэзия – вечна и повсеместна. И это – хорошо. И – справедливо. Да, именно так: справедливо и хорошо.*

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

18 лет прошло с того дня, когда я был поражен мыслью о том, какие стихи умирают с поэтом – стихи услышанные и подуманные, но еще не записанные. Время кончилось – не успеть. Эти стихи – «нерожденные» – однажды вернутся обратно, чтобы осенить и озарить другого поэта. Над первым томом («Последнее стихотворение») я работал 12 лет. 6 лет – над вторым («Первое стихотворение» и «Мое стихотворение»), приложением к первому тому. Печально. Печально и больно прощаться с этими книгами... Кому они нужны, кроме меня и моих друзей? Не знаю. Может быть, и никому. Но энергия открытий и заблуждений моих, надеюсь, осталась на этих страницах. Надеюсь. Первый том для меня – главный: в нем душа русской поэзии. Думаю (может быть, и ошибаюсь), в нем собраны лучшие русские стихи, созданные сотней поэтов за 300 с лишним лет.

«Первое стихотворение» (Приложение 1) можно назвать справочным: первое стихотворение, по определению, содержит в себе Промысел в чистом виде. Промысел, не искаженный замыслом.

«Мое стихотворение» (Приложение 2) – это наброски к этико-эстетическому автопортрету (предположим, что я – средний читатель стихов), который должен содержать в себе черты портретов иных поэтов и со-поэтов. Уверен, что в нем нет примет эксгибиционизма и иной фрейдистской чепухи. Однако пару недель назад мне вдруг захотелось показать свой не косвенный, не периферический, а прямой нравственно-эстетический портрет. Автопортрет. Что я, видимо, и сделаю, соорудив к Приложению 2 еще одно приложение, включающее в себе несколько моих стихотворений. Страшновато. Неэтично? Нет, не думаю так: пусть рядом с «Моими стихотворениями» будут и «Мои мои стихотворения». Да простят меня Бог и Читатель.

Поэзия в социальном отношении – дело частное, индивидуальное, персональное. Но в онтологическом смысле поэзия – это НЗ (неприкосновенный запас) Бога. А сегодня, когда деньги (их тотальное присутствие и их абсолютное отсутствие – вот парадокс) убивают культуру, вернее, память культуры – традицию, поэзия стала (да и была всегда) НЗ человечества. Расчеловечивающегося человечества.

Итак, я собрал все карточки, записки, планы и проч. – все, что касалось работы над вторым томом антологии, – и бросил в камин. Я чист. Я это сделал: написал свою книгу. Осталось приписать несколько своих стихотворений, или последнюю частицу антологии – «Мое мое стихотворение».

МОЕ МОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Приложение к Приложению 2

ИЗ «КАМЕНСКИХ ЭЛЕГИЙ»

***

Ворохнется в окне ветка.
Я бываю с тобой редко
на земле. Чаще в дереве, в небе
я брожу, позабыв о хлебе,
о себе, о погоде, или
пропадаю в речном иле,
сквозь высокую воду пройдя
без дождя.
Потеряю в паденье лицо, руки,
стану частью твоей округи,
на окне твоем отпечатки
пальцев выставлю в Рождество:
тополь в инее, как в перчатке,
если палкой не бить его...

***

Н.

В пепельнице окурок,
в небе кусок луны.
Тысячу слов придурок
вытянет из стены.

Спи, говорю, покуда
счастья на свете нет:
значит, иное чудо
мучает этот свет.

***

Л. К.

Отвернувшись к стене,
чтобы прямо сказать стране:
ненавижу тебя, но не
умирай, оставайся во мне,
словно небо, растущее вне
понимания неба; в вине
не тони, не куражься в огне
стужи, ужаса и к стене,
но с другой стороны – в окне, –
отвернувшись, прижмись ко мне.

***

В. Б.

Глазам хватает неба и земли:
посмотришь в даль – и плачешь там, в дали.
Прошли по берегу коровы,
оставив в пестрой наготе
себя гравюрой на воде:
вода из неба гнет подковы
для первых заморозков, где
опавших волн сухая лепка
уже идет секунды три,
и пахнет снег, как божья кепка,
наверно, пахнет изнутри.

***

Утки летят на восток,
изображая кусок
времени, наискосок
от бесконечного света,
озера, ока, поэта,
выстрелившего из лета
осени в правый висок.

Уток, наверно, с пяток,
а присмотреться – четыре
выгнулись, как локоток

музы, которая в срок
держит последний урок
на леденеющей лире...

***

Деревня дымом в смерть заехала,
где, снежный хлебушек кроша,
мерцает бездна словно зеркало,
когда в него глядит душа.

Где иней звезд ерошит брови,
в глазах закрытых карта крови
во тьме с небесной совпадет –
никто сегодня не умрет...

Никто сегодня не умрет.

***

О, Господи, не умирай
своих животных и растений
и не вперяй без потрясений
тяжелый, нежный ад осенний
в мерцающий и мертвый рай.

***

Чтобы вырезать дудку из ветки в лесу,
нужен мальчик-заика и ножик,
и река, и чтоб небо щипало в носу,
и пыхтел под рябинами ежик.

Скоро дождик равнине вернет высоту,
в одуванчике высохнет ватка.

После ивовой дудочки горько во рту,
после ивовой музыки сладко.

***

Уже зима вбивает в землю гвозди
и сердце из небесной полыньи

вздымает, как рябиновые грозди
над пустотой. О ягоды мои!..

Жемчужный лед растет с ветвей – без створок,
бесстыжий свой показывая стыд.
Мне снится море. И оно шумит
в моей земле, где ночь и минус сорок.

И Млечный Путь себя сгущает в твóрог,
или в творóг, как Иов говорит.

***

Сорока на столбе.
Ну что еще тебе
сказать, когда в окошко
смотрю: вот куст, вот кошка,
как время вдоль воды,
то пятится, то длится.
Вот человек, вот птица
и на воде следы.
И, как заведено,
скользит с небес пшено
по лунному осколку
из рук – из первых, но
невидимых, поскольку
кончается окно.

***

У куницы
короткие ресницы,
как у кошки,
а еще блошки,
чтобы почесать
укушенное место, а потом, мать
твою за лапку,
взяв себя в охапку –
спать
и в себе свои сны обнимать:
сломанную охотничью лыжу,
на реке ледяную грыжу –

прорубь, над рекою крышу
прозрачную – видно рыбку,
она держит себя, как скрипку,
упирается в глубину,
исполняя во сне улыбку
и крещенскую тишину.

***

Ты легко поднимешь руку
на прощанье, чтоб рассечь
мир на полную разлуку
и на внутреннюю речь.

Беспризорник бьет небольно
в створ небесного окна,
и звенит в мяче футбольном
ангельская тишина.

И опущенную руку
дождевая ищет нить,
чтобы музыку и муку
навсегда соединить.

***

Собака плавает в пруду.
Я что-то спички не найду.

Вот сигареты, пальцы, губы,
вот берег, лес, плотина, срубы,
вот неба с ласточкой торец,
и с черной удочкой отец

стоит над прудом и в пруду
не отражается, покуда
плывет собака ниоткуда.
А спички – вот, и это – чудо
в две тысячи восьмом году.

***

Режет глаза в окошке –
это распустится
то ли цветок картошки,
то ли капустница.

Бабочка оживает,
распространяясь в ряд,
мечется, пришивает
к воздуху влажный взгляд.

Все на живую нитку
сшито – не перешить...

Высмотреть эту пытку.
Выплакать эту нить.

***

1

Пахнут опята ядом,
заплесневелым хлебом.
Озеро долгим взглядом –
или точнее – небом
соединит до хруста
стороны все четыре
света, чтоб стало пусто
в этом осеннем мире.

2

С Тютчевым по-немецки
в кедре узнать сосну.
Слушай, купи мне нецке.
Маленькую. Одну.

С Тютчевым по-немецки
о темноте впотьмах.
Лучше купи мне нецке
«Странствующий Монах».

***

А смерть осиной
не отдает –
сугроб гусиный
сюда плывет.

С другого брега
по синеве,
хотя до снега
недели две.

Идет, гогочет
мужичья сыть –
о Риме хочет
поговорить.

Подашь ли голос
по-над водой –
летит как волос
совсем седой...

***

Полынь. Татарник. Мыслящий тростник.
Едва шумнет – не финский ли язык
растительный? не польский ли – родной –
шерстит ночную осень? Шебутной
бурьян да лебеда, чертополох.

Давно язык у дерева отсох,
и слышно, как вздыхают за спиной
леса пустые русской тишиной.
И первый иней копится во рвах –
во швах земли, пока на рукавах

приносят в дом седые старики
репейника сухие парики.

***

Все больше интонации, тумана,
все меньше слов, как осенью – вдвоем,
как этот подстаканник без стакана:
уже понятен времени объем.

Где виден лес, там в озере прореха –
вернее, в небе, в пазухе его,
где осень остывает словно эхо
грядущего молчанья твоего.

***

Шепотом дождь поет. Значит, вот-вот зурна
вступит и замолчит. Кукла больна. Она

смотрит не из себя, а из земли сквозь нас
в бездну, и вновь в себя – не закрывая глаз.

Пухом земля – земле. Снегом земля – душе.
Хлеб с золотой ноздрей весь отражен в ноже.

Осень сошла с ума. Осень сошла с ума.
Осень сошла с ума. Значит, уже зима.

***

Кто-то умер – ты чувствуешь это:
в темноте на дороге большой –
и незримо до первого света,
улыбаясь, стоит над душой.

Только словом несказанным, мощью
тишины обновляется суть.
И боишься не в зеркало ночью,
а в чужое окно заглянуть.

***

Ты знаешь изначально –
чем глубже, тем больней:
не истина печальна,
а приближенье к ней.

Не бабочек-снежинок
междоусобный дым,
а зренья поединок
с безумием твоим.

***

Ангелы легче снега,
это с утра бывает.
Валенок, павший с неба,
в воздухе застревает.
В воздухе над державой –
падает понемногу.
С левой, а может, с правой –
он на любую ногу.
Не на мою, на волчью.
Взвою – и снег раздую,
чтобы увидеть ночью
пяточку золотую.

***

Пуговицу смахнуло
время с моей рубахи:
что-то ее катнуло
с воротника. Как с плахи.

Помнишь ли, переспелая,
пальцы мои и тело
теплое. Помнишь, белая?
Белая – пожелтела...

Горлу теперь вольготней
воздуха ждать иного
там, где в слюне Господней
звук вызревает в слово.

***

Что наши мысли? – бред природы,
когда она людьми больна.
Взыскует разум мой свободы,
а мысль – ничтожна и темна.

И бездна ближе в непогоды,
и небо плачет без конца.
И по воде проходят воды,
как призрак призрака Творца.

***

Воробьи склевали пайку.
Слава богу, я никто.
Поменяю на фуфайку
и перчатки, и пальто.
На фуфайку-невидимку,
чтобы с воздухом в обнимку –
только воздух и никто.

Над обрывом у реки
без смычка услышу чайку.
Словно ангел сквозь фуфайку
веет снегом в позвонки.
У обрыва. У реки.

***

От неба и огня, и от воды глубокой
очей не отвести с присушенной слезой.
Болит лицо земли, поросшее осокой,
по циркулю с кержацкою косой.

Нет на воде лица. Волна. На ней лица нет:
так смотрит с высоты и давит, боже мой,
окрестный взгляд без глаз – и он не перестанет
быть светом или тьмой. Быть светом или тьмой.

Грядущее – с небес, забытое – из хлябей
вычитывать, читать. Из гоголевских стуж
и зноев расплетать огонь, как волос бабий,
до черного листа сгоревших «Мертвых душ».

Очнуться. Умереть. И долго ждать ответа:
кончается ли смерть? – Кончается. Она
не дума и не дым, а остановка света –
прозрачного до аспидного дна.

И, умерев, взойти в утраченное время,
земной короткий век перезабыть спеша,
и знать, что наяву не ястреб и не темя
упрется прямо в бездну – а душа.

Не пустотою стать, а новой частью взгляда
окружного, когда все видится, когда
не слезы принимают форму ада,
а время – форму пламени и льда.

***

Сколько времени там на весле,
капли две – это горькое чудо:
не успеешь привыкнуть к земле,
как пора закругляться. Отсюда
улетать, потому что зима,
убывать, зависая над телом,
в чем-то белом, наверное, белом
или черном, как вечность сама.
Или в чем-то прозрачном, в чем, ах,
нас выносит в небесную дырку.
И – соленые ленты в зубах,
чтобы не потерять бескозырку.

***

Пахнет ладонь сосной.
Кто-то умрет весной –
чуют иные глины
бездной без сердцевины.
В бездне полно тепла –
вот она подошла
к окнам твоим вплотную,
песню поет блатную,
что не умрет никто,
так что снимай пальто
и облачайся в ватник.
В небе уже стервятник
к небу стоит спиной –

думает, что сосной
пахнут пила и руки
у мужика, в разлуке
с городом и страной.

НИЖНЕИСЕТСКОЕ

Б. Р.

На кладбище беременная, вот
она, как дождь, сквозь заросли идет,
выходит на дорожку, где мальчишка
пинает что-то лопнувшее – шишка
сосновая, а рядом, дождевик
швырнув на пень, с лопатою мужик,
подвыпивший, советуется с глиной,
где начинать, и с трелью соловьиной
в носу – бродяга горсткою конфет
прохожих угощает, он поэт,
но мертв давно, и вот его волненье
передается воздуху в груди:
так он идет с собакой впереди –
отпущенный землею в увольненье.

***

Кто-то в печной трубе
делает на губе,
локоть вонзив в колено,
траурного Шопена.

Сажа не горяча,
не горячей плеча –
теплится еле-еле,
но поперек метели.

Музыка вверх пошла,
сажа ее бела,
и не болит колено
у печника Шопена.

***

Меж безднами двумя
то лодка, то ресница
качается, стоймя
стоит себе — и длится...

Утешь меня, утешь,
глагол, своим недугом —
своим зияньем меж
значением и звуком.

***

Хочешь свою страну
в губы поцеловать,
в серую седину,
в снежную благодать,
в белый, как полотно,
в долгих слезах простор, –
соединив в одно
губы, мороз, топор...

***

Запомнишь ли – не мысль, не звук,
не губ гончарную работу,
а исчезающую вдруг
земную ноту.

Чтоб там, где смерть и рождество
еще в одном – в одном сосуде,
собой расширить вещество,
мерцающее в каждом чуде.

И времени знакомый хруст
не помешает за плечами
услышать полное молчанье
из первых уст.

***

Кто-то спросил: – Ну, как? –
ночью в пустом дому.
Я говорю: – Никак, –
этому никому.

Поздно. Я спать пошел.
Просто оставлю свет.
И положу на стол
парочку сигарет.

***

Пойти проведать непогоду,
ворону, палую листву,
природы полную свободу
и сон деревьев наяву.
Увидеть, как дела у коршуна
и как лещи себя ведут,
и сколько прямо с неба скошено
сухой воды в осенний пруд.
Махнуть на все заморской удочкой,
порвать капроновую нить,
и за пчелой последней – дурочкой –
сквозь слезы горькие следить.

***

Плачет коза, поднимаясь в горку.
Кто-то затеял в лесу уборку.
Осень. В отхожее сыплют хлорку,
чтобы осело. Курю махорку.
Вот на окошке заело шторку.
Стало светлее. Пусть будет так.
Это, наверно, хороший знак:
коршун выписывает восьмерку...

***

Е.

Ходит музыка по коже.
Серебрится вдоль дорог
что-то медленное. Боже
мой, я тоже одинок.

Ничего. Я умираю.
И, с закушенной губой,
непогода пахнет с краю
азиатского – тобой.

Ты без музыки танцуешь,
смотришь небу прямо в рот.
Трижды воздух поцелуешь –
и собака подойдет.

***

Е.

О, вещий холодок, дыхание свободы,
когда, еще жива, ты плачешь надо мной.
Когда б ты знала, что конец одной природы
есть появленье, может быть, иной.

Ни страха, ни тоски и никакой погоды:
иное вещество, иные дух и твердь,
текущие всегда, как свет, песок и воды,
как то, что вы у вас легко зовете: смерть.

***

Antony Hegarty / Энтони Хегарти

Прости меня и отпусти,
как дым табачный на свободу –
в окно, которое в горсти
не унести, как свет и воду,
как зимний воздух с белым лбом,
когда морозная надсада
стирает в небе голубом
следы дождя и снегопада.

***

В окне – снегопад: прохудился карман,
наверное, главный – и ты засыпаешь.
Обратно в чернильницу первый роман
из полуистлевшей тетради ссыпаешь.
От уст эпилога вся жизнь потекла
из смерти в рожденье и дальше – к зачатью,
к тяжелому синему женскому платью,
свисающему, как Байкал, со стола.
К трельяжу, одетому в чье-то пальто,
к дверям, не умеющим настежь открыться,
покуда за ними никто и ничто:
не ангел, не ангел, а снег на реснице.
Не ангел, не ангел, а снежный покров
теснит потолок ослепительной тенью
и, распространяясь, подобно растенью,
мерцает изнанкой неведомых слов.

***

Е.

Эта собака не для езды.
Имя собаки – имя звезды.

Имя собаки – имя цветка
цвета любви и ее языка:

Словно от зноя зевнула земля.
Или собака. Собака моя.

Имя собаки – выдох и вдох.
Отчество – Бог.

***

Позолоченная стружка.
Ветром выструганный лес.
Заведет земная вьюшка
злую вытяжку небес.

Черный дрозд летит по краю
неба, белого вдали.

Отвыкаю, отвыкаю,
отвыкаю от земли.

***

Медленно, медленно ваза,
выпав из левого глаза,
бьется. На звук и на свет
вся распадается. Нет,
и на цветы, и на воду,
на пустоту и свободу
полного небытия...

Вечная ваза моя.

***

Е.

Что-то еще я хотел... Никак.
Впрочем, уже не важно.
Знаешь, душа возмужала так,
что умирать не страшно.

Стужа слепила пяток ресниц
в свет, в ледяную ржавость,
чтоб не забыть перезябших птиц,
чтобы слеза держалась.

***

М. Никулиной

Зима в деревне холоднее:
в сугробах бездна, леденея,
сухим огнем отражена.
Какая близкая она.
Живу в деревне – прямо в небе,
о Боге думаю, о хлебе.
И ангелы средь бела дня
с рябины смотрят на меня.

***

Погладил печь – спадает жар,
я глину мял и плакал ночью,
и на плечах всю ночь держал
округу волчью.

Распеленай меня. Темно
под коркой глины, льда и хлеба
тому, что делает окно
необходимой частью неба.

***

Убивал. Великолепил.
Забывал. Кричал во сне.
Твои губы сжаты в пепел –
в сердце, сжатое во мне.

Прозреваю. Вырываю
взгляд из глаза своего,
чтоб обуглилось по краю
нашей жизни вещество.

Чтобы жгло окно в конверте
белом, снежном, голубом.
Что мне делать после смерти,
к чьей руке прижаться лбом...

В недочитанном романе
два забытых мертвеца:
я и ты – в чужом тумане,
снящаяся без лица.

***

Ищу тебя. Иду по краю,
где льет луна, где льет левша.
Левее – к сердцу. Пропадаю.
Сначала тень. Потом душа.

Во мне зима. Она сквозная.
И я везде. К чему спешить.
Как будто умер я, не зная,
как эту вечность пережить.

***

Курю в больничном туалете,
тайком, почти на этом свете,
где лампочка из-за угла
беднее зимнего тепла,
где мертвые ладошки моли,
черпнувшие чрезмерной боли,
навстречу машут, дураку,
и сыплют пепел на башку...

***

Мышка больничная, жизнью шурша,
ищет пожрать. Зачесалась душа
у тишины, темноты, немоты,
шторок, прикрывших квадратные рты,
чтобы, беззвучно крича, не вспугнуть
смерти немного и хлеба чуть-чуть,
капельку света откуда-нибудь...

Ангелу ночью очей не сомкнуть.

***

Когда я умер, стало мне
понятно все: в каком огне,
во сне, в окне, в каком бреду
куда я, Господи, иду.

Когда я умер, ты прошла
тропою пекла и тепла
по мне, по мне, по мне, по мне,
по мне – во сне, в окне, в огне...

***

Небо опрокидывается – никак
не опрокидывается. Ни капли.
Левый в больнице сожму кулак –
это для капельницы, для цапли.

Небо опрокидывается – к нему
я запрокину лицо навстречу:
вижу взгляд, голубую тьму,
отболевшую сном и речью.

Все, что длится как выдох-вдох,
сверху не льется, но вверх струится, –
это Бог. Это просто Бог –
слева ангел, а справа птица.

***

В полуслезах, в полубреду
с подземной музыкой иду
к другой – неслыханной, небесной –
оборонять свою беду
и слушать ангелов во льду...

Мне хорошо в твоем аду
молчать над бездной.

Научное издание

Первое стихотворение
100 русских поэтов XVIII–XX вв.
Мое стихотворение

Приложение к антологии-монографии
«Последнее стихотворение»

Автор-составитель
Юрий Викторович Казарин

Выпускающий редактор М. В. Дудорова
Редактор и корректор Н. В. Чапаева
Компьютерная верстка Л. А. Хухаревой
Ответственный за выпуск И. С. Малечко

ISBN 978-5-7996-0643-5

Подписано в печать 20.10.11. Формат 60 × 84 1/16.
Гарнитура Times. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 27,0. Тираж 1000. Заказ

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press.info@usu.ru

9 785799 606435

ИЗДАТЕЛЬСТВО УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА